

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE

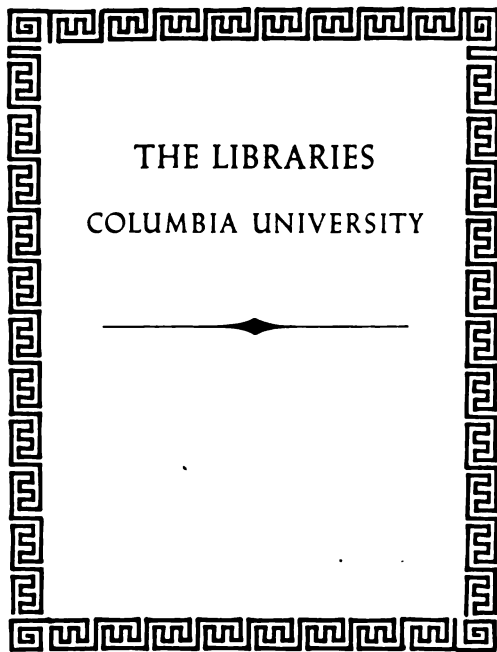

CU58826327

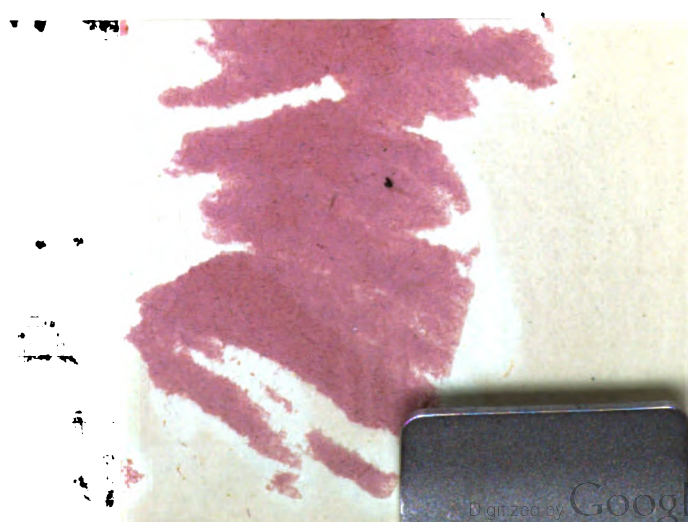
893.19 G75712

Istoria evreev ot p

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

ИСТОРИЯ 9 (= 92.4)
ЕВРЕЕВЪ

ОТЪ

ПРОЦВѢТАНІЯ

ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДО МАЙМОНИДА

Профессора Греца.

Переводъ съ нѣмецкаго.

т I

Изданіе М. Я. Хашкеца.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиссенеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, въ домѣ Каринской.

1880.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ.

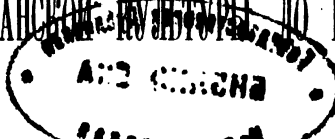
9(=92.4)

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ

ОТЪ

ПРОЦВѢТАНІЯ

ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАЙМОНИДА

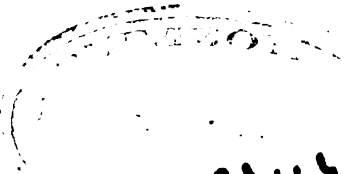
Профессора Грецца.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Издание М. Я. Хашкеца.

МОСКВА.

27167/8"

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Ромънъ, на Арбатѣ, въ домѣ Каринской.

1880.

893.19
G75712

08
103
2/69
AVZ

"8/50155

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Исторія евреевъ есть исторія непрерывныхъ страданій и мученій, и я, какъ членъ еврейскаго племени, естественнымъ образомъ пожелалъ ознакомить публику съ лѣтописями своего народа, въ жизни котораго, какъ и въ жизни всякой націи, представляется много поучительнаго. Къ сожалѣнію, мое желаніе не могло осуществиться такъ скоро, какъ я хотѣлъ того. Приступая къ изданію «Исторіи евреевъ» профессора Греца, въ русскомъ переводѣ, я по своей довѣрчивости сообщилъ о томъ нѣкоторымъ лицамъ, пользующимся въ средѣ евреевъ репутаціей развитыхъ людей, и просилъ у нихъ совѣта; но одни изъ нихъ, одобряя мое намѣреніе, предрекали неудачу по причинѣ скудныхъ матеріальныхъ средствъ, другіе же прямо заявили, что я *присвоилъ* эту ихъ *мысль*, и что поэтому они постараются уронить издаваемую мною книгу, если только суждено ей когда нибудь выйдти въ свѣтъ.

Благодаря Бога и матеріальной поддержкѣ, оказанной мнѣ моими единовѣрцами, имена которыхъ я не упоминаю, боясь оскорбить ихъ скромность, предпріятіе мое окончено послѣ многолѣтнихъ трудовъ, препятствій и лишеній. Знаю, что эта книга навлечетъ на меня много незаслуженныхъ нареканій и даже поношеній со стороны тѣхъ лицъ, у которыхъ я, по ихъ выраженію, *присвоилъ мысль*; но тѣмъ не менѣе увѣренъ, что публика почтитъ мой трудъ своимъ вниманіемъ.

Періодъ отъ паденія Іерусалима и разоренія храма до процвѣтанія испанско-еврейской культуры изготвленъ къ печати и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Затѣмъ предполагается издать слѣдующіе томы труда Греца, обнимающіе время отъ Маймонида до нашихъ дней.

Москва, 19 Іюня 1880 г.

Издатель.

ВВЕДЕНІЕ.

Хотя представляется страннымъ и хвастливымъ, но тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности оказывается истиннымъ, что исторія евреевъ въ средніе вѣка, въ эпоху рабства, имѣла періодъ блеска. Конечно, если подъ историческимъ блескомъ разумѣть тѣ лучи славы, которые окружаютъ снаружи, но иссушаютъ внутри; -или называть блескомъ ту сверкающую молнію съ оглушительнымъ громомъ и дикимъ трескомъ, которая по единоличной прихоти разрушаетъ съ безопаднымъ бѣшенствомъ созданія многихъ вѣковъ: то средневѣковая исторія евреевъ не имѣетъ никакого блеска. Но если подъ этимъ словомъ разумѣть тихо развивающіеся историческіе постѣвы, которые только свѣжѣютъ и пышно разцвѣтаютъ отъ увлажжающей ихъ росы и колеблющихъ вѣтровъ: то по всей справедливости слѣдуетъ назвать богатымъ, блестящимъ и классическимъ тотъ періодъ еврейской исторіи, который начинается эпохой раввина Самуила Нагида и оканчивается временами раввинскаго мудреца Моисея Маймонида.

Въ общинахъ Пиренейскаго полуострова и въ основанныхъ ими колоніяхъ тихо развивалось сѣмя научныхъ изслѣдованій, сѣмя теплой, истинной, богатой поэзіи, сѣмя высокихъ помысловъ. Евреи, пробужденные на Востокъ Гаономъ Хаздаи, а на Западѣ умнымъ государственнымъ мужемъ Ибнъ-Шапрутомъ, вышли изъ бесплодной сферы сабуреизма и достигли такой степени культуры, что могли преодолѣть ограниченность и односторонность міровоззрѣній, внести въ свою религію мысль и дать послѣдней художественную и прекрасную форму. Это развитіе занимаетъ почти двухвѣковую раввинскую эпоху до Маймонида. Если іудейское племя было до

того времени носителемъ непосредственной религіи и выработало двѣ религіозныя формы: то въ этотъ періодъ оно сдѣлалось также хранителемъ благотворнаго мышленія, приводящаго къ Богопознанію. Теперь уже не говорятъ съ презрѣніемъ о средневѣковой схоластикѣ, даже превозносятъ ее иногда, но во всякомъ случаѣ признають за ней услугу сохраненія умственной дѣятельности въ теченіе среднихъ вѣковъ. И что же! эта схоластика есть дочь юдаизма и воспитана еврейскими мыслителями, хотя впоследствии вступила на враждебный еврейству путь.

Когда христіанство впервые приступило съ робостью къ философіи, еврейская философія уже достигла до пышнаго развитія, и прежде чѣмъ романская и германская поэзія вышла изъ пеленокъ, ново-еврейская поэзія уже имѣла матерскія произведенія. Правда, въ древности греки, а итальянцы въ эпоху возрожденія создали великія произведенія наукъ и искусствъ, но эти сокровища ума были достояніемъ весьма ограниченнаго числа избранниковъ, вокругъ которыхъ царилъ невѣжество и безнравственность. Въ еврействѣ же, преимущественно испанскомъ, духъ изслѣдованія и любовь къ поэтическимъ созданіямъ были достояніемъ цѣлыхъ общинъ и оказывали на ихъ нравственность благотворное вліяніе. Въ этотъ періодъ юдаизма изслѣдованіе и духовныя стремленія, подобно религіи, принадлежали въ равной мѣрѣ всѣмъ евреямъ безъ различія званія, какъ священникамъ, такъ и мірянамъ. Еврейская наука и поэзія классическаго періода создали такое благородство мыслей и такую возвышенность духа и возрѣній, которыя уцѣлѣли, не смотря на преслѣдованія и гоненія. Въ этотъ періодъ выступило на сцену такъ много великихъ, даровитыхъ личностей, какъ нигдѣ, и этими-то личностями характеризуются отдѣльныя эпохи этого періода. Въ послѣднемъ не замѣчается рѣзко обозначенныхъ переходовъ.

Второй періодъ третьей эпохи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Паденіе гаоната и первый раввинскій вѣкъ, эпоха Ибнъ-Нагрелы и Ибнъ-Гебироля.

Гаонъ Р. Гай, его характеръ и образованіе. — Самуилъ бенъ Хофни. — Хиския, послѣдній гаонъ. — Африканская община, Р. Хананэль и Р. Ниссимъ, ихъ дѣятельность и произведенія. — Государственный мужъ, поэтъ и раввинъ Самуилъ Ибнъ-Нагрела. — Грамматикъ Иона Ибнъ-Ганахъ и его значеніе.

1027—1070.

Арабская культура на Пиринейскомъ полуостровѣ, перенесенная съ востока на крайній западъ, перешла уже за наивысшую свою точку. Вмѣстѣ съ паденіемъ омайядскаго халифата въ Кордовѣ и съ раздробленіемъ его на мелкія королевства (эмираты) она также стала клониться къ упадку. Напротивъ, еврейская культура, также перенесенная сюда съ востока, только въ этой странѣ начала свое движеніе изъ сумрака къ полному разсвѣту. Восходъ ея былъ свѣтелъ и лучезаренъ. Въ то время, какъ ученіе евреевъ-караимовъ достигло состоянія полнѣйшаго застоя, ученіе евреевъ-раввинистовъ, основанное на Талмудѣ, все болѣе и болѣе развивалось, всасывало въ себя новые соки и процвѣтало. Еврейская Андалузія въ которой сосредоточивались всѣ стороны религиозно-научной жизни сдѣлалась послѣ окончательнаго паденія гаоната единственнымъ центромъ юдаизма. Въ это пятидесятилѣтіе является цѣлый рядъ такихъ замѣчательныхъ людей, что имя каждаго изъ нихъ само по себѣ мо-

глобы служить названіемъ этой эпохи. Имена князей (нагидь) Самуила и Иосифа, поэта Ибнъ-Гебиры и глубокаго изслѣдователя Библіи Ибнъ-Ганаха пользуются громкою извѣстностью даже внѣ еврейскаго міра. Въ Вавилоніи хотя и явилось въ это время двое замѣчательныхъ людей: Р. Гай и Самуиль бенъ Хофни, но имъ удалось озарить только блескомъ заката уже погибающій гаонатъ. Не мало было также въ этотъ періодъ времени число людей, хотя и менѣе замѣчательныхъ, но дѣятельность которыхъ тѣмъ не менѣе имѣетъ большое значеніе. Первое раввинское поколѣніе, какъ названа эта эпоха, имѣетъ классическое значеніе: по своему всестороннему, творческому и самобытному вліянію оно превзошло всѣхъ своихъ предшественниковъ. Еврейская филологія доведена была до полнѣйшей зрѣлости, ново-еврейская поэзія достигла высшей степени совершенства, изученіе Талмуда получило строгій методъ, съ помощью котораго все разъединенное и несвязное было подведено подъ опредѣленные правила. Философія, находившаяся до сихъ поръ какъ у евреевъ, такъ и у арабовъ, на весьма низкой ступени, была доведена до той высоты мысли, при которой міръ является въ иномъ свѣтѣ. Въ это время еврей-раввинисты въ дѣлѣ образованія занимали первое мѣсто, а магометане второе, христіанское же народонаселеніе занимало лишь третье или, вѣрнѣе сказать, вовсе не имѣло его. Все возвышенное, благородное и свободолюбивое, присущее чело-вѣческому духу, было въ эту эпоху вызвано на свѣтъ Божій. Ясность мысли, какую проявляли учителя Талмуда въ вавилонскихъ школахъ, трудно было найти даже въ выдающихся ихъ современникахъ между христіанами и послѣдователями ислама.

Р. Гай (или Хая, р. 969, у. 1038), имѣя восемнадцать лѣтъ отъ роду, былъ пожалованъ высшимъ послѣ гаона званіемъ, а тридцати лѣтъ сдѣлался преемникомъ своего отца Шериры и былъ возведенъ въ санъ гаона Пумбадиты. Имя его, при вступленіи въ это званіе, возвѣщалось при публичномъ чтеніи изъ книгъ пророковъ, а самъ онъ сравнивался съ царемъ

Соломономъ (К. V. стр. 390). Гай вполне заслуживалъ того высокаго почета, какой воздавали ему какъ вавилонскія, такъ и чужеземныя и другія общины. Онъ обладалъ характеромъ благороднымъ и высоко-нравственнымъ, былъ глубокий мыслитель и хорошо былъ знакомъ со всѣми отраслями науки, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ въ то время преподавались. Кроме того, онъ очень много писалъ на родномъ языкѣ, да и вообще, какъ писатель, былъ чрезвычайно дѣятеленъ. Р. Гай напоминаетъ Саади, который былъ для него идеаломъ и котораго онъ защищалъ отъ нападковъ, не взирая на то, что самъ онъ былъ болѣе всего послѣдователемъ Талмуда, тогда какъ Саади въ дѣлѣ религіи былъ скорѣе философомъ. Р. Гай зналъ арабскій языкъ не хуже самого Саади, не разъ подавалъ онъ свое мнѣніе на этомъ языкѣ по поводу разныхъ юридическихъ вопросовъ и на этомъ же языкѣ писалъ о разныхъ научныхъ предметахъ. Его перечень еврейскихъ корней (Chawî, Meassef), написанный имъ по арабски, заслужилъ одобреніе извѣстнаго ученаго позднѣйшаго времени (Ибнъ-Эзра)¹⁾ Въ этомъ словарѣ онъ пояснилъ не одинъ неясный библейскій стихъ, хотя полнаго комментарія къ Библии онъ не составилъ. Гай подобно гаону фаюмскому былъ свободенъ отъ узкой исключительности и односторонности, которая силится усмотрѣть истину лишь въ собственной религіи, въ же ея видитъ одну только ложь. Онъ былъ друженъ съ главою восточныхъ христіанъ въ Багдадѣ и, затрудняясь въ чемъ-либо при своихъ экзегетическихъ работахъ, не стѣснялся обращаться за совѣтомъ къ тогдашнему католику (Маръ-Элія I), который охотно сообщалъ ему просимыя свѣдѣнія изъ своего сирійскаго перевода. Одинъ изъ слушателей Р. Гая, Мацліахъ-Ибнъ-Аль-Базакъ, приѣхавшій изъ Сициліи въ Пумбадиту съ цѣлью почерпнуть талмудской мудрости на самомъ мѣстѣ ея толкованія, не могъ надивиться дружбѣ, которая существовала между гаономъ и католикомъ, и авторитету, признаваемому первымъ

¹⁾ Ибнъ-Эзра: Введеніе къ Мошнаиму, смр. прим. 1.

за послѣднимъ. Р. Гай объяснилъ ему, что по ученію Талмуда онъ обязанъ выслушивать истину отъ каждаго, кто бы не говорилъ ее ¹⁾. Р. Гай не разъ обращался къ Корану и древнимъ преданіямъ магометанъ, чтобы уяснить себѣ значеніе нѣкоторыхъ устарѣлыхъ и непонятныхъ словъ въ Библии ²⁾. Вообще онъ былъ ученый, отличавшійся полнѣйшимъ отсутствіемъ всякихъ предразсудковъ и любившій свѣтъ, а не мракъ. Зачастую спорилъ онъ съ магометанскими богословами объ отношеніяхъ юдаизма къ исламу и своимъ краснорѣчіемъ почти всегда заставлялъ ихъ умолкать ³⁾. Онъ былъ глубокой знатокъ Талмуда и въ этомъ отношеніи не только подходилъ на отца своего Шериру, но даже превзошелъ его. Онъ составилъ краткое толкованіе словъ къ наиболѣе труднымъ мѣстамъ Мишны и Талмуда. Р. Гай систематически изложилъ талмудическое гражданское право ⁴⁾ о договорахъ, займахъ, опредѣленіяхъ границъ и о клятвахъ; въ этомъ дѣлѣ онъ и до сихъ поръ служитъ образцомъ и авторитетомъ для занимающихся этими вопросами. Исслѣдованіями по части метафизики онъ занимался неохотно. Впрочемъ онъ тоже писалъ объ единствѣ божества ⁵⁾. Хотя Р. Гай и не былъ философомъ, тѣмъ не менѣе составилъ себѣ весьма разумныя взгляды на мистическое лжеученіе, котораго туманная завѣса, украшенная ореоломъ религіи, слабоумному казалась солнцемъ, для него же была не болѣе какъ блуждающимъ огнемъ.

Вѣра въ чудеса, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена плѣняющая невѣжественную толпу всевозможныхъ вѣроисповѣданій, и съ этимъ вмѣстѣ лишающая ее разумнаго пониманія

¹⁾ Посланіе Мацліаха къ Самуну Нагиду, приведенное Моисеемъ Ибнъ-Эзрою въ его (рукописной) поэтикѣ и Иосифомъ Ибнъ-Акинномъ въ его толкованіи къ Пѣсни Пѣсней (также рукописи) и сообщенной въ Энциклопедіи Эрша и Грубера. Отд. II, ч. 31, стр. 56 пр. 86, см. журналъ Германско-Восточнаго общества, годъ 1858, стр. 373.

²⁾ Прим. 2.

³⁾ Прим. 2.

⁴⁾ Рапанортъ. Біографія Гал, гаона въ Биккуре ха-Иттимъ. Годъ X.

⁵⁾ Смр. Маймунскую замѣтку въ Munk guide des égarés I, p. 462.

порядка вещей и премудрости Бога, нашла себѣ, питаемая разнородными элементами, богатую почву какъ среди евреевъ, такъ и между христіанами и послѣдователями ислама. Въ особенности же сильное распространеніе получила она въ Палестинѣ и въ Италиі, хотя впрочемъ и въ другихъ странахъ приобрѣла себѣ немалое число прозелитовъ. Ослѣпленные безумною вѣрою въ чудеса полагали, что истинно вѣрующій и благочестивый человѣкъ можетъ, подобно древнимъ пророкамъ, творить великія и изумительныя чудеса и что для этого нужно лишь нѣкоторыя волшебныя формулы, а именно: перестановка буквъ священнаго имени. Полагали, что, написавъ имя Бога на извѣстныхъ листахъ или черепкахъ, можно получить возможность одолѣть разбойниковъ, сдѣлаться невидимымъ, пробѣжать въ мигъ громадное пространство, укротить разъяренное море, причинить человѣку мгновенную смерть, равно какъ творить и разныя иныя чудеса. Болѣе древнія мистическія сочиненія, изданныя въ свое время какъ обращикъ плодовъ разстроеннаго воображенія, получили въ это время значеніе непогрѣшимой мудрости, якобы научавшей средствамъ творить чудеса. Но Р. Гай, какъ человѣкъ истинно набожный, видѣлъ въ этомъ лишь поношеніе и оскверненіе религіи и неоднократно съ гнѣвомъ ратовалъ противъ такой безумной вѣры въ чудеса, не смотря на то, что отецъ его, который вообще былъ для него большимъ авторитетомъ, склоненъ былъ къ подобнаго рода заблужденіямъ. На вопросъ одного изъ учениковъ Іакова бенъ Ниссима изъ Кайруана о томъ, какого онъ мнѣнія о волшебной чудодѣйственной силѣ божескаго имени, которою многіе кичатся, Р. Гай отвѣтилъ коротко и ясно: все это лишь одно безуміе и сумасбродство. Но Кайруанцы тѣмъ менѣе удовлетворились этимъ отвѣтомъ, что слышали отъ палестинскихъ и римскихъ мудрецовъ, будто эти послѣдніе на самихъ себѣ испытали чудеса, совершенныя съ помощью таинственныхъ формулъ имени Бога. Поэтому они неоднократно просили Р. Гаю дать имъ основательный отвѣтъ какъ, на этотъ вопросъ, такъ и на нѣкоторые другіе, и подробно

объяснить имъ свои взгляды на значеніе сновъ и на колдовство. Разрѣшеніе ихъ сомнѣній тѣмъ болѣе было имъ желательно, что они даже въ самомъ Талмудѣ находили подтвержденіе чуднаго дѣйствія начертаннаго имени Божьяго.

На эти вопросы Р. Гай написалъ вѣскій, подробный и внушительный отвѣтъ, съ разумнымъ и трезвымъ содержаніемъ котораго познакомиться тѣмъ болѣе важно, что преемники Р. Гая провозгласили его сторонникомъ мистицизма. «Еслибы всякому — пишетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ — представлялась возможность посредствомъ формулъ (Nusschim) творить чудеса и этимъ нарушать законы природы, въ такомъ случаѣ пророки не имѣли бы никакихъ преимуществъ надъ обыкновенными смертными». Нѣкоторые же авторитеты утверждали, будто даже благочестивые люди, какъ напримѣръ талмудисты, и тѣ не имѣли силы творить чудеса. Однимъ лишь пророкамъ Богъ далъ силу производить временное нарушеніе въ законахъ природы, дабы они съ помощью чудесъ могли доказать, что они истинные посланники Божіи. Если же каждому благочестивому человѣку была бы дана такая возможность, то, въ случаѣ увеличенія числа благочестивыхъ людей, чудесное превратилось-бы въ совершенно обыкновенное явленіе, и движеніе солнца отъ запада къ востоку не произвело-бы бдльшаго впечатлѣнія, чѣмъ его обратное, т. е. нормальное движеніе; словомъ: чудо перестало бы быть чудомъ. «Даже грѣшно, — замѣчаетъ Р. Гай, — пользоваться именемъ Божіимъ для творенія чудесъ». Далѣе въ этомъ же своемъ посланіи онъ смѣется надъ мнимою возможностью стать невидимымъ посредствомъ имени Бога, и говорить, что все это настолько же нелѣпо, насколько оно смѣшно. Разказъ о томъ, будто бы гаонъ Р. Натронай однимъ прыжкомъ перенесся изъ Вавилоніи во Францію, на который ссылались предлагавшіе ему такого рода вопросы, онъ называетъ обманомъ и прибавляетъ, что въ его странѣ ничего объ этомъ не знаютъ. Разказываютъ, правда, будто гаонъ Р. Моисей занимался дѣланіемъ талисмановъ и заклинаніями, но многое изъ подобныхъ раз-

сказовъ онъ, Гай, считаетъ простымъ вымысломъ, а другое должно, по его мнѣнію, отнести къ тому обстоятельству, что этотъ Р. Моисей жилъ въ Сурѣ, гдѣ, по близости этой мѣстности къ древнему Вавилону, подобное суевѣріе путемъ преданія могло сохраниться отъ древнихъ временъ; въ Пумбадитѣ же, болѣе отдаленномъ отъ этого источника всякаго суевѣрія, такихъ грубыхъ заблужденій вовсе не встрѣчается. Наконецъ Р. Гай убѣждалъ Кайруанцевъ не предаваться подобному сумасбродству, говоря, что во всемъ этомъ много сомнительнаго и мало правды, и что «глупецъ тотъ, кто вѣритъ всему»¹⁾.

Въ такомъ же смыслѣ высказался онъ и о другомъ суевѣріи. Его спросили, почему избѣгаютъ пить воду въ началѣ астрономическихъ временъ года. Лица, обратившіяся къ нему съ этимъ вопросомъ, вѣроятно, ожидали услышать какое либо таинственное объясненіе, но Р. Гай отвѣтилъ имъ: «этотъ смѣшной обычай былъ установленъ съ тою должно быть цѣлью, чтобы начинать то или другое время года вкушеніемъ не воды, а чего либо болѣе вкуснаго. Я же скажу: отраденъ годъ трудящагося; много-ли, мало-ли, но онъ даетъ ему радости»²⁾.

На спорныя и темныя мѣста въ Талмудѣ Р. Гай указывалъ лишь съ тѣмъ, чтобы дать имъ соответствующій смыслъ. Однажды спросили его, какъ должно понимать талмудическое изреченіе, въ силу котораго всякому незнающему закона Талмуда (Am-ha-Agez) не дозволяется ѣсть мясо, имѣніе его считается никому не принадлежащимъ, а самъ онъ не можетъ пользоваться защитою закона. Многіе, пользуясь этимъ мѣстомъ Талмуда, не совѣстились несправедливо присвоивать себѣ имѣнія подобныхъ невѣждъ. Р. Гай отвѣтилъ на это весьма мѣтко и энергично, что лица, понимающія Талмудъ въ такомъ смыслѣ, сами заслуживали быть лишенными покровительства законовъ³⁾. При своемъ либеральномъ взглядѣ на

¹⁾ Прим. 2.

²⁾ Ibn-Esra Iggeret ha-Schabbat ed. Livorno, p. 61. b.

³⁾ Responsa Gaonim Schaare Teschubah № 23.

юдаизмъ онъ разрѣшилъ имѣть сношенія съ Карайимами¹⁾ и обрѣзаніе ихъ дѣтей по субботамъ.

Р. Гай занимался также и поэзіею, но дошедшія до насъ произведенія его музы свидѣтельствуютъ лишь о весьма незначительныхъ поэтическихъ дарованіяхъ. Онъ воспользовался у еврейско-испанскихъ поэтовъ размѣромъ стиха для литургическаго произведенія; но правильное стихосложеніе не въ состояніи было скрыть недостатки поэтическаго элемента. Но если форма поэтическихъ произведеній Р. Гая слаба, вато они богаты содержаніемъ. Его эпиграмма (*Mus-sar-haskel*), состоящая изъ ста восьмидесяти девяти стиховъ, полна блестящихъ нравоучительныхъ изреченій, почерпнутыхъ изъ Священнаго Писанія, Талмуда и изъ собственнаго сердца. Она напоминаетъ изреченія царя Соломона и фоклидскую дидактическую поэму (Кн. IV, стр. 107). Это стихотвореніе, благодаря своему высоко-нравственному содержанію, удостоилось быть переведеннымъ на латинскій языкъ²⁾.

Благодаря заслугамъ и стараніямъ Р. Гая, уровень преподаванія въ пумбадитской академіи нѣсколько повысился. Для иныхъ Р. Гай сталъ авторитетомъ. Великіе учителя Р. Ниссимъ и Р. Хананель изъ Байруана, Р. Авраамъ Кабази (изъ Кабеса въ сѣверной Африкѣ), община въ Фецѣ, визирь Р. Самуиль Нагидъ, Р. Гершонъ изъ Майнца и другіе авторитеты и общины трехъ частей свѣта обращались къ нему съ вопросами и благоговѣли передъ нимъ, какъ главнымъ представителемъ юдаизма. Его называли «отцомъ Израиля». Вслѣдствіе прекращенія со смертію внука Давида Сакая (V. 335) Экзилархата³⁾, Р. Гай сдѣлался главою!

¹⁾ *Maimuni responsum* въ собраніи писемъ ed. Amstel. p. 46 a, b. и *responsa* Давида Ибнъ-Аби-Симра II. № 796 p. 37 d.

²⁾ Стихотвореніе напечатано въ памятникахъ Дюке. Латинскій переводъ Жана Мерсиера: *santica eruditionis intellectus auctore percelebri R. Hai* (Парижъ 1561), впоследствии Каспара Зейдля *carmen morale строфоріэмовъ elegantissimum R. Chai*, въ его *matricula linguae sanctae* (Лейпцигъ 1638); см. Фюрста *Bibliotheca judaica* 1. 356. Это стихотвореніе известно также подъ арабскимъ названіемъ *Arguzah* (*argusa*) по размѣру стиха.

³⁾ Глава евреевъ, со времени прекращенія ихъ самостоятельнаго существованія, назывался «княземъ плѣненія» — Экзилархомъ.

евреевъ. Найти лучшаго было невозможно. Р. Гай не подходилъ ни на прежнихъ пумбадитскихъ гаоновъ, съ завистью смотрѣвшихъ на существованіе сосѣдней академіи, ни на отца своего, который съ какимъ-то злорадствомъ видѣлъ, что Сура оставалась безъ главы. Напротивъ, Р. Гай самъ, кажется, хлопоталъ о томъ, чтобы представителемъ въ ней былъ гаонъ. Въ это время въ Сурѣ во главѣ евреевъ стоялъ тесть Р. Гаа, Самуиль бенъ Хофни, равный ему какъ по познаніямъ, такъ и по добродѣтелямъ. Онъ написалъ нѣсколько служебниковъ въ систематическомъ порядкѣ, истолковалъ пятикнижіе и философствовалъ объ единствѣ Божества въ духѣ мутацилитовъ. Впрочемъ, его комментарий къ пятикнижію не особенно славился, такъ какъ былъ составленъ пространно, на подобіе караимскихъ объясненій, и содержалъ въ себѣ много изслѣдованій касательно совершенно постороннихъ предметовъ. Хотя его экзегетическія произведенія и не имѣли успѣха, но въ нихъ усматривается тотъ важный фактъ, которымъ свидѣтельствуется, что гаоны неотступно слѣдовали по пути, указанному имъ Саади: — старались облечь исторію юдаизма въ научную форму. Къ тому же Самуиль бенъ Хофни постоянно оставался вѣренъ разъ принятому имъ здравому направленію: — дать по возможности естественное объясненіе всему, что въ библейской исторіи кажется сверхъестественнымъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, если толкованія его должны были идти въ разрѣзъ съ талмудическимъ взглядомъ. Такъ, явленіе пророка Самуила, вызванное Аэндорской волшебницей, и рассказъ объ ослицѣ Валаама онъ призналъ за сновидѣнія¹⁾. Подобно Саади, бенъ Хофни нападалъ на Караимовъ; да и вообще въ послѣднее время существованія гаоната между раввинистами и караимами возникла ожесточенная полемика. Содержаніе этой полемики однако неизвѣстно. Одинъ изъ современниковъ Самуила, Караимъ Израиль Данииль Искандри (Даянъ), осыпалъ его эпиграммами на еврейскомъ языкѣ; но эпиграммы эти не отличались ни мѣт-

¹⁾ Смр. Рапапорта біографію Р. Гаа. Прим. 8.

костью, ни поэтической прелестью, и потому прошли безследно ¹⁾). О деятельности Самуила бенъ Хофни ничего болѣе неизвѣстно; умеръ онъ четырьмя годами ранѣе своего зятя Р. Гаю (1034) ²⁾ и былъ послѣднимъ гаономъ въ Сурѣ.

По смерти его академія была закрыта; никто повидимому и не пытался продолжить ея существованіе. Неблагоприятныя времена настали для гаоната, который при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могъ далѣе держаться. Со смертію же Р. Гаю, который умеръ (20 Ниссанъ—28 марта 1038 г.) ³⁾ оплакиваемый всѣми евреями и прославляемый въ стихахъ величайшимъ поэтомъ того времени Ибнъ-Гебиролою, а также и его африканскимъ почитателемъ Р. Хананелемъ ⁴⁾, для пумбадитской академіи въ свою очередь наступилъ послѣдній часъ существованія. Впрочемъ коллегія не медля избрала ему преемника, въ лицѣ котораго званіе гаона соединилось со званіемъ Экзиларха, какъ будто для того, чтобы легче въ одномъ лицѣ навѣки похоронить эти оба сана. Хискія ⁵⁾, правнукъ задорнаго Экзиларха Давида бенъ Саккая, былъ назначенъ начальникомъ академіи. Но, имѣя злыхъ враговъ, завидовавшихъ его повышенію, онъ не могъ выказать себя съ тѣмъ блескомъ, какого отъ него, быть можетъ, ожидали. Враги эти оклеветали его при дворѣ неизвѣстно на какомъ основаніи и по какому поводу. Представителемъ политической власти восточнаго халифата былъ въ то время Буидъ Гелаль Аддаулахъ, отнявшій у призрчнаго халифа титулъ «Царя царей» и доходы у христіанъ и евреевъ. Этотъ великій султанъ, изъ корыстолюбивыхъ цѣлей, вѣроятно, воспользовался обвиненіемъ, справедливо или ложно возведеннымъ на Хискію; послѣдняго гаона заключили въ темницу, пытали, дабы вывѣдать, на сколько простирались его богатства, лишили всего

¹⁾ Пинскера Ливуте. Прим. XI, стр. 174 и т. д.

²⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

³⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

⁴⁾ Двѣ элегіи къ Р. Гаю въ *Chemda Genusa* Эдельмана, р. XVI, и Рап-порта біографія Р. Хананеля въ Биккуре-ха-Иттимъ, годъ XI, стр. 37 f.

⁵⁾ См. Кн. V, стр. 374.

имущества и въ заключеніе казнили (1040)¹⁾. Гаонатъ палъ, уничтоженный безсильнымъ халифатомъ. Съ этимъ вмѣстѣ прекратилась въ исторіи евреевъ и роль Вавилоніи, которая на время утратила всякое значеніе. Двое сыновей Хискии, также преслѣдуемые, бѣжали и, послѣ долгихъ скитаній, поселились наконецъ въ Испаніи, гдѣ, въ качествѣ послѣднихъ отпрысковъ дома Давида, пользовались большимъ почетомъ и гдѣ, принявъ имя Ибнъ-Дауди, сдѣлались мирными поклонниками музъ²⁾.

Такъ и сѣверная Африка, блиставшая короткое время при Исаакѣ Израели, Тунашѣ бенѣ Тамимѣ и при пришельцѣ Р. Хушіелѣ, въ первой половинѣ одиннадцатаго вѣка имѣла своихъ послѣднихъ авторитетовъ, а затѣмъ была также предана забвенію. Эти два авторитета, какъ выше сказано, были: Р. Хананель бенѣ Хушіель и Р. Ниссимъ бенѣ Іаковъ Ибнъ-Шахинъ (процвѣтали 1015—1055)³⁾. Не смотря на то, что эти два раввина жили въ одномъ мѣстѣ и что имена ихъ, какъ двухъ неразлучныхъ близнецовъ, постоянно упоминаются вмѣстѣ, они, судя по всему, вовсе не были дружны между собою. Напротивъ, между ними, какъ кажется, существовала такая же глупая ревность, какъ и между Р. Ханохомъ и Ибнъ-Абитуромъ, — ревность, основанная лишь на томъ обстоятельстве, что Р. Ниссимъ былъ туземецъ, а Р. Хананель — сынъ пришельца. Положительно неизвѣстно также и то, который изъ нихъ былъ официальнымъ раввиномъ Кайруанскимъ; училищемъ же управляли оба. Р. Хананель велъ при этомъ большую торговлю, тогда какъ Р. Ниссимъ былъ... до того бѣденъ, что принужденъ былъ существовать вспомошествованіями тогдашняго еврейскаго министра въ Гранадѣ⁴⁾. Въ обоихъ, однако, проявляется до того поразительное сходство идей, что даже самый ходъ мыслей былъ у обоихъ одинаковъ, занятія одни и тѣже, сочиненія одинаковаго содер-

1) Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

2) Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

3) См. Прим. 3, 1.

4) Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

жанія и изложенія, съ тою только разницею, что Р. Хананель писалъ на еврейскомъ языкѣ, а Р. Ниссимъ—на арабскомъ. Оба внесли новый элементъ въ изученіе Талмуда и потому занимались имъ основательнѣе, чѣмъ это возможно было даже гаонамъ. Іерусалимскій Талмудъ, хотя и возникъ у самаго источника преданій и былъ старше Вавилонскаго, тѣмъ не менѣе пострадалъ отъ немилости судьбы, которой подвергаются какъ люди, такъ и книги. Въ то время, какъ Вавилонскій Талмудъ на востокѣ былъ распространенъ до Хоразана и Индіи, а на западѣ до предѣловъ стараго свѣта,—его близнецъ долго оставался неизвѣстнымъ внѣ предѣловъ мѣста своего рожденія. Въ то время, какъ первый имѣлъ громадное число толкователей и объяснителей, разбиравшихъ его до мельчайшихъ подробностей, въ качествѣ древняго комментатора Іерусалимскаго Талмуда упоминается лишь одно лице, имя котораго къ тому же не пользуется особенною извѣстностью¹⁾. Только вслѣдствіе завоеванія Палестины фатимитскими халифами сѣверная Африка вошла въ сношенія съ Обѣтованною Землею. Къ этой же эпохѣ относится первое появленіе палестинскихъ ученыхъ въ Кайруанѣ²⁾. Они же по всей вѣроятности принесли съ собою Іерусалимскій Талмудъ. Двое кайруанскихъ раввиновъ первые занялись имъ и включили его въ число предметовъ, относящихся къ изученію Талмуда³⁾. Р. Ниссимъ составилъ къ Талмуду ключъ (*Maftéach*)⁴⁾, въ которомъ, пользуясь отчасти Іерусалимскимъ Талмудомъ, отчасти параллельными

¹⁾ Соломонъ бенъ Іерухамъ въ своемъ арабскомъ комментарий къ Псалтыри ссылается на комментатора іерусалимскаго Талмуда, Іакова бенъ Ефраима. Сообщено Пинскеромъ Ликуте, стр. 14. Слѣдов. до 950 г.

²⁾ См. Р. Гал. *Responsum* въ *Taan Sekenim*, стр. 54.

³⁾ Рапапортъ указываетъ въ своей біографіи (Зам. 17) на то, что Р. Ниссимъ занимался іерусалимскимъ талмудомъ. Но и Р. Хананель дѣлалъ то-же. Смр. *Orient. Litbl.*, Jahrg. 1850, N. 16. Я основываю свое изложеніе на изслѣдованіяхъ Рапапорта объ Р. Хананелѣ и Ниссимѣ. Только два вывода его не подтвердились. *Sefer-Chefez* сочиненія не Р. Хананела, а Р. Хефеца (*Orient*, Jahrg. 1849 S. 110, 247) и *Maasziot* писалъ не Кайруанскій Р. Ниссимъ, а внукъ аскета Р. Амера бенъ Мешуллама изъ тринадцатаго вѣка *Reifmann Orient*, Jahrg. 1841. *Litbl.* S. 617.

⁴⁾ Частью изданный Голденталемъ. Вѣна, 1847.

мѣстами, онъ объяснилъ и дополнилъ краткія и непонятныя мѣста Вавилонскаго Талмуда. Согласно основамъ, изложеннымъ въ этомъ «ключѣ», онъ въ другомъ сочиненіи (*Megillat Setarim*) составилъ правила для служебника и гражданскаго права. Подобныя же сочиненія издалъ и Р. Хананель: истолкованіе словъ и фактовъ къ Талмуду (*Perusch*), принимая въ соображеніе Іерусалимскій Талмудъ и практическія рѣшенія дѣль (*Mikzoot* сост. 1038).

Оба составили комментарий къ Пятикнижію, а Р. Хананель сверхъ того и къ прочимъ книгамъ священнаго писанія. Оба они строго придерживались указаннаго Саади направленія разумнаго пониманія, въ силу котораго всѣмъ слишкомъ грубымъ чудесамъ и предосудительнымъ мѣстамъ или сомнительнымъ изреченіямъ было дано ими совсѣмъ иное толкованіе ¹⁾. Эти два авторитета находятся въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Вавилонією и съ Испанією, были какъ-бы посредниками между той и другой и свидѣтелями совершеннаго паденія гаоната и восходящаго блеска андалузскихъ общинъ. Р. Хананель умеръ, не имѣя мужскаго потомства, и все свое громадное состояніе оставилъ девяти дочерямъ. Р. Ниссимъ также не имѣлъ сына, который могъ бы сдѣлаться его преемникомъ по должности, но его окружало много учениковъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторые были даже изъ Испаніи ²⁾. По смерти этихъ двухъ африканскихъ авторитетовъ Кайруанская школа утратила всякое значеніе ³⁾. Одинъ изъ этихъ учениковъ, родомъ изъ вновь построеннаго панатскаго главнаго города Калахъ Ибнъ Хаммадъ ⁴⁾ сдѣлался въ послѣдствіи талмудическою знаменитостью, но былъ обязанъ своею славою единственно своему переселенію въ Испанію.

¹⁾ Къ доказательствамъ, приведеннымъ Рапапортомъ, слѣдуетъ присовокупить Р. Ниссима *Responsum* въ *Nité Naamanim* Гейльберга, стр. 15 f. Туманный конецъ, въ которомъ рассказывается объ Ибнъ-Эзрѣ и о кабалистахъ, вѣроятно только приписка.

²⁾ Р. Ниссима *Maftéach*, ed. Goldenthal, p. 4 a и 25 a.

³⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

⁴⁾ См. объ этомъ городѣ (основанномъ 107—8) de Slane Ibn-Khaldoun *histoire des Berbères* II, 43.

Такимъ образомъ наслѣдіе Іудей, Вавилоніи и сѣверной Африки цѣликомъ перешло къ еврейской Испаніи, которая всѣми силами старалась увеличить унаслѣдованное ею богатство для блага будущихъ поколѣній. Вѣжавшіе сыновья Іудейско-Хозарскаго князя и потомка послѣдняго Экзиларха искали убѣжища и покоя въ Андалузій, какъ будто она была еврейскимъ государствомъ (или стр. 12. и стр. 413). Во главѣ испанскихъ общинъ стояло лицо, вполнѣ заслуживавшее это преимущество своею мудростью, добродѣтелью и положеніемъ: то былъ Самуиль Ибнъ-Нагрела, первый въ ряду учителей, явившихся послѣ гаоновъ. Онъ придалъ идеальный блескъ раввинству, которое не могло имѣть болѣе достойнаго представителя. Самуиль Ибнъ-Нагрела въ себѣ одномъ соединялъ всѣ качества триумвирата, положившаго начало славы еврейской Испаніи. Подобно Хаздаю, онъ былъ великодушный и ревностный покровитель наукъ; такой же глубокой знатокъ Талмуда, какимъ былъ Моисей бенъ Ханохъ; поэтъ и грамматикъ, даровитый не менѣе Дунаша бенъ Лобратъ.

Жизнь Самуила (Измаила) Галеви-Ибнъ-Нагрела была необыкновенная. Родомъ изъ Кордовы (993)¹⁾, куда отецъ его Іосифъ переселился изъ Мериды, онъ въ школѣ Р. Ханоха познакомился съ богатымъ и труднымъ содержаніемъ Талмуда. Іегуда Хаіугъ, основатель еврейской филологіи, посвятилъ его во всѣ тонкости еврейскаго языка, а знакомствомъ съ прочими науками и въ особенности съ арабскимъ языкомъ, который онъ зналъ въ совершенствѣ, онъ былъ обязанъ главному городу Андалузій, стоявшему въ то время на высшей точкѣ культуры. Но ожесточенная междоусобная война принудила Самуила на двадцатилѣтнемъ возрастѣ бѣжать изъ Кордовы вмѣстѣ со многими другими. Начальникъ варварійскихъ войскъ Сулейманъ, побѣдивъ въ бою Арабовъ и тѣлохранителей халифовъ, съ африканскою яростью разорилъ великолѣпныя городскія зданія, опозорилъ женъ и до-

¹⁾ Главные источники о немъ слѣдующіе: Авраамъ Ибнъ-Даудъ; интересные замѣтки Мунка въ его: Notice sur Aboulvalid (р. 87), на которыя я и ссылаюсь. Доказательства прилагаю лишь къ новымъ фактамъ. См. объ этомъ № 3, I.

черей и пустилъ по міру богатѣйшія семейства (Апрѣль 1013). Знатныя еврейскія семейства удалились въ виду этихъ бѣдствій въ Гранаду, Толедо и даже въ отдаленную Сарагоссу. Самуиль Ибнъ-Нагрела поселился въ приморскомъ городѣ Малагѣ, но неизвѣстно — съ родителями-ли или безъ нихъ. Онъ жилъ мелочною торговлею, занимаясь въ то-же время изученіемъ Талмуда и языковъ. Кромѣ еврейскаго, арабскаго и халдейскаго языковъ, онъ зналъ еще четыре языка, въ томъ числѣ латинскій, кастильскій и варварійскій. Ибнъ-Нагрела, въ противоположность прочимъ евреямъ, писавшимъ по арабски большею частью еврейскими буквами, изучилъ арабское письмо въ совершенствѣ ¹⁾, чему арабы придавали въ то время большое значеніе. Благодаря превосходному знанію языковъ и умѣнію писать чрезвычайно красиво, онъ занялъ такое высокое положеніе, какое до сихъ поръ не занималъ ни одинъ еврей, начиная со временъ паденія Іудейскаго царства.

Междоусобныя войны и честолюбіе намѣстниковъ (эмировъ) раздробили на малыя области андалузско-магометанское государство, созданное омайядскими халифами. Послѣ паденія послѣднихъ омайядовъ Андалузія подобно Германіи и Италіи распалась на мелкія владѣнія; арабскіе историки и называютъ правителей того времени «царями раздробленія». Одно варварійское племя ²⁾, Синхагахъ, основало подъ предводительствомъ Максена, изъ рода Циридовъ, особое королевство на югѣ Испаніи (1020). Гранада, богато населенная евреями, стала главнымъ городомъ этого королевства, къ которому принадлежала также и Малага. Дворецъ визиря втораго гранадскаго короля Хабуса, Абулкасима Ибнъ-Аларифа, помѣщался въ Малагѣ рядомъ съ лавкою Самуила. Это сосѣдство принесло счастье молодому, съ трудомъ перебивавшемуся уче-

¹⁾ Іегуды Ибнъ-Тиббона письменныя напоминанія къ сыну (ed. Берлинъ). Стр. 4.

²⁾ Евреи и арабы называли варварійцевъ филистимлянами, полагая, что побѣжденные Давидомъ филистимляне ушли въ Африку. Смр. Авраама Ибнъ-Дауда и ибнъ-Алхавима въ de Slane histoire des Berbères appendice I, стр. 301.

ному: оно освободило его отъ стѣснительныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ и возвело его на ту высоту, на которой онъ былъ достоинъ стоять. Повѣренная невольница визиря, обязанная отдавать отчеты своему господину, постоянно поручала сосѣду, еврейскому торговцу, писать за нее письма. Въ письмахъ этихъ сказывалось столько знанія языка и были они написаны такимъ красивымъ почеркомъ, что визирь Ибнъ-Аларифъ пожелалъ узнать, кто ихъ пишетъ. Узнавъ его имя, онъ призвалъ Самуила къ себѣ и предложилъ ему поступить къ нему на службу въ качествѣ интимнаго секретаря (въ 1025). Вскорѣ визирь Хабуса замѣтилъ, что Ибнъ-Нагрела, кромѣ изящнаго арабскаго слога, обладаетъ также и глубокою проницательностью въ политикѣ, почему и началъ обращаться къ нему за совѣтомъ въ государственныхъ дѣлахъ. А такъ какъ совѣты Самуила, судя по счастливымъ результатамъ, оказались весьма дѣльными, то арабскій государственный человѣкъ скоро ничего не сталъ предпринимать безъ его согласія. Но Самуилу суждено было въ скоромъ времени занять и того болѣе высокой постъ.

Ибнъ-Аларифъ заболѣлъ, и король Хабусъ былъ въ отчаяніи, не зная, что долженъ безъ него предпринять въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ въ то время находился относительно сосѣднихъ государствъ. Тогда умирающій визирь указалъ королю на своего интимнаго секретаря еврея, признался, что своими удачными дѣйствіями обязанъ исключительно мудрымъ совѣтамъ еврея и настоятельно просилъ Хабуса назначить Самуила своимъ совѣтникомъ. Гранадскій король, который въ качествѣ варварійца, былъ менѣе предубѣжденъ противъ евреевъ, чѣмъ арабскіе мусульмане, не задумался возложить на Самуила Ибнъ-Нагрелу высшій санъ государственнаго министра (Катибъ)¹⁾ и поручилъ ему веденіе всѣхъ дипломатическихъ и воен-

¹⁾ Современникъ Самуила, Ибнъ Баянъ, замѣчаетъ, что Самуилъ имѣлъ титулъ Катибъ, см. Dozy: Histoire de l'Afrique et de l'Espagne intitulée al-Baja-no-l-Maghrib par Ibn Adhari I. Introduction p. 84, 96.

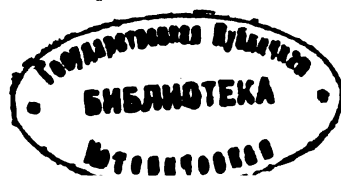
ныхъ дѣль (1027). Съ этихъ поръ малагскій лавочникъ жилъ въ царскомъ дворцѣ, и ученикъ талмудической школы Р. Ханоха имѣлъ вѣскій голосъ въ политикѣ Пиренейскаго полуострова, такъ какъ магометанскій государь, избравъ себѣ визиря, хотя и продолжалъ, конечно, властвовать и быть деспотомъ, но государствомъ не управлялъ. Заботы по управленію онъ предоставлялъ своему главному министру, который за свои распоряженія отвѣчалъ государю головою. Своимъ счастіемъ *Самуиль былъ обязанъ прежде всего своему перу, что и выразилъ въ эпиграммѣ.¹⁾ Хабусу не пришлось сожалѣть о сдѣланномъ имъ выборѣ: подъ управленіемъ мудраго и дѣятельнаго визиря-еврея государство его процвѣтало. Самуиль умѣлъ предупреждать желанія и прихоти своего государя варварійца и этимъ снискалъ его расположеніе. Онъ посвятилъ ему стихотвореніе, въ которомъ восхвалялъ его и которое издалъ на семи языкахъ²⁾, для магометанскаго же государя ничего не могло быть болѣе лестнымъ, какъ видѣть себя воспѣтымъ въ прекрасныхъ стихахъ. Магометанское народонаселеніе любило Самуила за его скромность и вѣжливую обходительность. Неприятности онъ переносилъ съ терпѣніемъ. Твердость характера соединялась въ немъ съ мягкими, привлекательными манерами и яснымъ пронизательнымъ умомъ. Постоянно владѣя собою, умный и ловкій, Ибнъ-Нагрела былъ всегда изысканно вѣжливъ, умѣлъ пользоваться обстоятельствами и обладалъ даромъ обезоруживать противника. Не смотря на живой характеръ, Самуиль вообще говорилъ мало, но зато думалъ много³⁾. Ибнъ-Нагрела мастерски начертилъ типъ достойнаго государя, который, повидимому, и служилъ ему руководящею звѣздою. «Только тотъ — говоритъ онъ — достоинъ быть владѣтелемъ, чей взглядъ на вещи ясенъ подобно солнечному свѣту, кто не запятнанъ грязными желаніями, чей глазъ не

1) Ибнъ-Тиббонъ, тамъ-же.

2) Саади Ибнъ Дананъ въ Chemda Genusa.

3) Такъ описываетъ Самуила его современникъ Ибнъ-Баянъ по Dozy, тамъ-же 97.

«ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ».

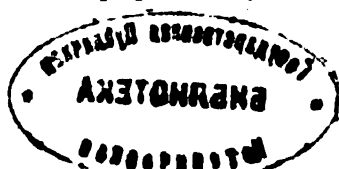

дремлетъ, чьи убѣжденія непоколебимы какъ твердыня, въ комъ достоинство свѣтится подобно блеску оружія, кто умѣетъ подчинить себѣ волю другихъ и далеку отъ всего, что можетъ принести позоръ»¹⁾. Необыкновенно свѣтлый умъ и глубокое благочестіе спасли его отъ высокомерія и заносчивости, столь свойственныхъ выскочкамъ и дѣлающихъ ихъ ненавистными. Вотъ почему Самуилу удалось удержаться около тридцати лѣтъ на высокомъ посту правителя гранадскаго королевства.

Слѣдующій анекдотъ рисуетъ кротость его нрава, съ помощью которой онъ такъ успѣшно обезоруживалъ своихъ противниковъ. По близости дворца Хабуса помѣщалась мелочная лавка одного мусульманина, который каждый разъ, какъ онъ видѣлъ министра еврея въ сопровожденіи государя, осыпалъ его ругательствами и проклятіями. Наконецъ Хабусъ, разгнѣванный такимъ наглýmъ поведеніемъ, велѣлъ Самуилу наказать докучливаго фанатика и приказалъ вырѣзать ему языкъ. Но визирь зналъ иное средство заставить замолчать проклинающаго. Онъ далъ ему денегъ — и проклятія замѣнились благословеніями. Когда же Хабусъ какъ-то опять встрѣтилъ торгоша, то былъ крайне изумленъ, замѣтивъ такую перемену, и потребовалъ отъ Самуила объясненія. Самуиль отвѣчалъ: «я у него вырѣзалъ злой языкъ, а взаменъ далъ ему хорошій»²⁾. Впрочемъ число враговъ Самуила не ограничивалось этимъ торгошемъ, ихъ было у него много и между ними были весьма опасные. Въ возведеніи «невѣрнаго» на столь высокій постъ, вслѣдствіе чего вся исполнительная власть находилась въ его рукахъ, нѣкоторые магометане фанатики видѣли поруганіе своей религіи. Они были недовольны тѣмъ, что многочисленное еврейское населеніе гранадскаго королевства перестало быть въ угнетеніи и считало себя равноправнымъ съ мусульманами.

¹⁾ Самуила бенъ Мишле въ Dukes Blumenlese, стр. 56.

²⁾ Рукописное собраніе анекдотовъ на еврейскомъ языкѣ, принадлежащее господину Кармоли, любезно разрѣшившему мнѣ заглянуть въ эту рукопись.

Два государственныхъ человѣка, Ибнъ-Аббасъ и Ибнъ-Аби-Муза, старались интригами низвергнуть его. Но планы ихъ не удались. Ибнъ-Аббасъ былъ казненъ ¹⁾.

Счастіе очевидно покровительствовало этому визирю-еврею, хотя и была минута, когда онъ едва было не лишился мѣста, а, быть можетъ, и жизни. Послѣ смерти Хабуса (1037) въ Гранадѣ образовались двѣ партіи, изъ которыхъ каждая имѣла во главѣ принца. Большинство варварійской знати и нѣкоторые вліятельные евреи, въ томъ числѣ Іосифъ-Ибнъ-Мигашъ, Исаакъ-бенъ-Леонъ и Негемія Ашкафа, были на сторонѣ младшаго сына Хабуса, Балкина (или Вологгина) ²⁾. Менѣе многочисленная же партія, къ которой принадлежалъ и Самуиль, желала, чтобы преемникомъ Хабуса былъ его старшій сынъ Бадисъ. Партія Балкина уже собралась было присягнуть Балкину въ вѣрности, какъ вдругъ онъ самъ отказался отъ престола въ пользу своего старшаго брата. Такимъ образомъ королемъ сдѣлался Бадисъ (октябрь 1037) и Самуиль не только удержался на прежней своей должности, но сдѣлался еще фактически королемъ Гранады, такъ какъ Бадисъ, всецѣло предавшись удовольствіямъ, очень мало заботился о государственныхъ дѣлахъ. Балкинъ впоследствии пожалѣлъ о своемъ великодушномъ отреченіи и всячески старался мѣшать брату въ дѣлахъ правленія. Вотъ почему Бадисъ намекнулъ лейбъ-медику Балкина, чтобы онъ, во время одной болѣзни Балкина, не давалъ своему пациенту лекарства, результатомъ чего была смерть брата. Послѣ этого царствованіе Бодиса и положеніе Самуила-Ибнъ-Нагрелы ничѣмъ не были тревожимы. Приверженцы Балкина, въ томъ числѣ и три названные выше еврея, принуждены были бѣжать изъ Гранады. Они удалились въ Севилью, гдѣ были

¹⁾ Поэтика Моисея Ибнъ-Эзры, сообщено Мункомъ въ его Notice sur Aboul-walid, p. 96.

²⁾ De Slane, Munk и Dozy произносятъ это имя Вологгинъ по Ибнъ-Кхалдуну. А Гайаносъ указываетъ въ своей: *History of the mahomedan dynasties, II*, что произношеніе это невѣрно. Авраамъ Ибнъ-Даудъ въ своей орографіи, стоитъ также за произношеніе Балкинъ.

дружески приняты тамошнимъ государемъ Абадидомъ Мохаммедомъ Алгаферомъ, противникомъ короля гранадскаго. Одинъ изъ этихъ эмигрантовъ, Иосифъ Ибнъ-Мигашъ I, возведенный севильскимъ государемъ на высокій постъ, сдѣлался предкомъ одного замѣчательнаго человѣка ¹⁾.

Любопытно извѣстіе одного историка, современника Самуила, о томъ, какъ этотъ министр-еврей писалъ свои указы къ магометанскому народонаселенію. Самуиль, или, какъ называли его арабы, Исмаиль Ибнъ-Нагрела, не стѣсняясь употреблялъ въ своихъ циркулярахъ формулы, обязательныя для мусульманскаго правителя. Онъ начиналъ указы словами: Chamdu-l-Ilahi (хвала Богу) и присовокуплялъ, если ему приходилось упоминать имя Магомета: «да сохранить и благословить его Богъ». Затѣмъ онъ увѣщевалъ тѣхъ, къ кому обращался циркуляръ, жить согласно предписаніямъ ислама; словомъ, онъ издавалъ свои указы въ строгомъ магометанскомъ стилѣ ²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ Хабусъ, такъ и Бадисъ предоставили визирю-еврею извѣстную власть и надъ еврейскими общинами въ гранадскомъ государствѣ, но въ тѣхъ же, вѣроятно, размѣрахъ, въ какихъ до него имѣли ее въ Кордовѣ (Хасдай и Ибнъ-Гау. Самуиль былъ главою и княземъ (Нагидъ) евреевъ; титулъ этотъ даютъ ему еврейскіе писатели. Государственный министръ, онъ былъ въ то же время и раввиномъ и стоялъ во главѣ школы, въ которой преподавалъ юношамъ Талмудъ ³⁾). Онъ подавалъ свой голосъ въ дѣлахъ религіи ⁴⁾, давалъ отвѣты на богословскіе вопросы, словомъ, въ точности исполнялъ всѣ обязанности, лежавшія на раввинѣ того времени. Тѣмъ же перомъ, которымъ онъ писалъ правительственные указы, онъ писалъ сужденія и ученые

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

²⁾ Ибнъ-Баянъ, тамъ-же, стр. 96.

³⁾ Что видно изъ описанія Авраама Ибнъ-Дауда (См. ha-Kabbalah, ed. Amsterdam, 73 до конца 74) и также изъ похвальнаго слова поэта Иосифа бенъ-Хасдая, у Дуке: Nachal Kedumim, p. 20.

⁴⁾ Въ собраніи рѣшеній Peer-ha-Dor № 185 и въ другихъ мѣстахъ.

трактаты о Талмудѣ. Нагидъ Самуиль составилъ методологію къ Талмуду (Mevo-ha-Talmud)¹⁾, въ которой ясно и понятно объяснилъ значеніе техническихъ выраженій. Какъ введеніе къ этому труду онъ предпослалъ, связавъ въ одно цѣлое, рядъ устныхъ преданій, и напечаталъ въ послѣдовательномъ порядкѣ имена вліятельныхъ передовыхъ людей юдаизма, начиная отъ мужей великаго собора, пересчиталъ танаитовъ, амореевъ, сабуреевъ и гаоновъ, и окончилъ своими учителями, Р. Моисеемъ и Р. Ханохомъ. Кромѣ того, онъ издалъ для справокъ по вопросамъ богословскимъ Комментарій къ Талмуду, который весьма цѣнился позднѣе и былъ признанъ образцомъ подобнаго рода сочиненій²⁾. (Hilcheta Gabriata).

Самуиль Ибнъ-Нагрела былъ также поэтомъ нововрейскимъ и вполне владелъ какъ римою, такъ и размѣромъ стиха. Онъ сочинилъ молитвы на подобіе псалмовъ, полныя истинной вѣры и горячаго чувства, и назвалъ это сочиненіе новою псалтирью (Ben Tehillim). Затѣмъ онъ написалъ еще книгу изреченій очень глубокомысленныхъ и притчи: и тѣ и другія являются плодомъ его сосредоточенныхъ наблюдений надъ людьми и жизнью; этой книгѣ онъ далъ названіе «Новое собраніе текстовъ» (Ben Mischlé). Наконецъ онъ написалъ философію жизни по образцу «Проповѣдника» (Ben Kohelet). А такъ какъ эту послѣднюю книгу онъ писалъ уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, то понятно, что она оказалась самымъ удачнымъ изъ его литературныхъ произведеній; книга эта чрезвычайно изящна и краснорѣчива³⁾. Онъ написалъ также эпиграммы и диэирамбы; но поэтическія произведенія его

¹⁾ Частію напечатано въ изданіяхъ Талмуда; историческимъ отдѣломъ воспользовались Авраамъ Ибнъ-Даудъ и другіе. Рукописные отрывки находятся въ рукахъ Кармоли.

²⁾ Meiri Betha-Bechira, ed. Stern. Einl. стр. II. См. Asuläi sub voce Samuel Nagid.

³⁾ Мунка Notice, тамъ-же р. 107 и Дукъ Nachal Kedumim, стр. 31. Изъ 432 изреченій Ben Mischelé сохранилось еще около 100, которыя напечатаны въ разныхъ мѣстахъ: Zion I. 131; — Orient. Litbl. Jahrg. 1840, col. 811; 1843, 357; 1845, 652, 697, 614; 1846, 797—807; 1851, 308, 327, см. Іегуда Ибнъ-Тиббона увѣщательное посланіе, содержащее въ себѣ много изреченій Самуила.

какъ свѣтскія, такъ и духовныя лишены вдохновенія; они тяжелы, непонятны и, при богатствѣ мысли, страдаютъ отсутствіемъ изящной формы. Еще въ старину сложилась поговорка: «холодный какъ снѣга Гермона, или какъ пѣсни левита Самуила»¹⁾.

Не мудрено, что человѣкъ съ такою благородною душою и съ такою глубокою преданностію къ наукѣ и религіи всюду вызывалъ благословенія. Онъ поддерживалъ науку и поэзію и съ царскою щедростію награждалъ представителей просвѣщенія. Самуиль находился въ дѣятельной перепискѣ со всѣми знаменитыми людьми той эпохи, жившими въ Иракѣ, Сиріи, Египтѣ и Африкѣ; велъ постоянную переписку съ послѣднимъ великимъ гаономъ Р. Гаемъ, и съ Р. Ниссимомъ, дѣлился съ ними своимъ богатствомъ; онъ заставлялъ переписывать книги и дарилъ ихъ бѣднымъ ученикамъ; побуждалъ и дремлющіе таланты и вообще былъ геніемъ хранителемъ своихъ единоплеменниковъ близкихъ и дальнихъ. Съ сердечною теплотою утѣшалъ онъ величайшаго поэта того времени, Ибнъ Гебиролу, когда этотъ предавался своей скорби и впадалъ въ уныніе. Писатель одного изъ послѣдующихъ поколѣній очень вѣрно рисуетъ его словами: «Во времена Самуила царство науки перестало пребывать въ пренебреженіи, и снова заблистали свѣтила знанія. Богъ одарилъ его высокимъ и свѣтлымъ умомъ, постигавшимъ и величіе Творца и величіе творенія. Богъ далъ ему такой умъ, дабы онъ любилъ науку и ея представителей и прославлялъ религію и ея почитателей»²⁾.

Положеніе евреевъ въ государствѣ, которымъ управлялъ ихъ единовѣрецъ, значительно улучшилось; имъ было предоставлено право занимать гражданскія должности и даже служить въ войскѣ³⁾. Ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ не пользовались они въ то время такою полною равноправ-

¹⁾ Дукэ: Nachal-Kedumim, стр. 5.

²⁾ Моисея Ибнъ-Эзра, Munk, Notice, p. 106.

³⁾ Что видно изъ замѣтокъ Мунка, стр. 98 и 104.

ностью, какою пользовались въ циридскомъ государствѣ Гранады. То былъ для нихъ свѣтлый солнечный лучъ, блеснувшій послѣ длиннаго ряда пасмурныхъ дней. Что же касается господствовавшаго въ то время племени варварійцевъ, то они евреевъ даже предпочитали туземному арабскому населенію, которое съ затаенною злобою переносило господство синхагитовъ и устремляло завистливые взгляды на соѣднее государство Севильи, которымъ управлялъ государь чисто арабской крови.

Министръ и равинъ Ибнъ-Нагрела дѣятельно занимался также филологическими изслѣдованіями по части еврейскаго языка, но труды его по этому предмету были вообще слабы. Онъ не пошелъ далѣе правилъ, установленныхъ Хаюгомъ. Къ тому же онъ такъ высоко ставилъ заслуги своего учителя, что совершенно утратилъ способность по достоинству оцѣнивать новыя сочиненія по этому предмету. Самуилъ издалъ двадцать два сочиненія о еврейской грамматикѣ, но только одно изъ нихъ, именно: «Книга богатства»¹⁾ (*Sefer ha-Oscher*) заслуживаетъ быть упомянутой. Остальныя же были не болѣе какъ полемическія статьи, направленныя противъ величайшаго еврейскаго филолога, Ибнъ-Ганаха, съ которымъ онъ жилъ не въ дружбѣ. Этотъ величайшій знатокъ древне-еврейскаго языка былъ не менѣе блестящимъ украшеніемъ испанскаго еврейства, чѣмъ какимъ былъ визирь Ибнъ-Нагрела, и вполне заслуживаетъ особую страницу въ еврейской исторіи, тѣмъ болѣе, что онъ долгое время оставался въ неизвѣстности и долго не былъ оцѣненъ по достоинству.

Иона Маринусъ (по арабски Абулвалидъ Мерванъ Ибнъ-Ганахъ, род. въ 995 г., ум. въ 1050 г.)²⁾ былъ тоже обязанъ

¹⁾ Арабское заглавіе этой книги *Kitab al Istaghnaa* (Munk, тамъ-же 107, Nota I, и Ersch und Gruber Encyclop. II, B. 31, S. 56, Nota 86, 87). Это грамматическое сочиненіе Самуилъ писалъ, будучи уже государственнымъ дѣятелемъ, потому что упоминаетъ въ немъ Р. Гая, какъ уже умершаго, слѣдовательно послѣ 1038 года.

²⁾ Біографическія и литературно-историческія свѣдѣнія о Ибнъ-Ганахѣ находятся у Мунка въ его классической *Notice sur Aboulwalid Ibn-Djanah*; въ введеніи Кирхейма въ S. Rikmah и въ Эвальда и Дукэ: *Beiträge I и II*. О времени его литературной дѣятельности см. прим. 3. II.

своимъ образованіемъ Кордовъ во времена послѣ Хасдая, когда сердца воспламенились энтузіазмомъ къ наукѣ и были полны мечтательной любви къ священному языку. Его учителемъ еврейской грамматики былъ Исаакъ Ибнъ-Гикатилла, а поэтику ему преподавалъ Исаакъ Ибнъ-Сагалъ (К. V, стр. 395). Медицинѣ онъ учился въ Кордовской академіи, которую основалъ халифъ Алгакемъ. Въ молодости Ибнъ-Ганахъ, какъ вообще вся образованная молодежь того времени, писалъ еврейскіе стихи, изъ которыхъ нѣкоторые казались ему недурными даже позднѣе, когда онъ уже приобрѣлъ вкусъ болѣе изящный и болѣе вѣрное сужденіе. Впрочемъ онъ скоро бросилъ стихотворство, чтобы всецѣло углубиться въ изученіе еврейскаго языка и постигнуть его до мельчайшихъ тонкостей. Филологическія занятія составляли, такъ сказать, его жизнь, и потому не удивительно, что онъ и до настоящаго времени не имѣетъ себѣ соперника въ нихъ. Ибнъ-Ганахъ многому научилъ потомство, но еще большому могутъ научиться у него еврейскіе филологи и библейскіе ученые. Подобно своему противнику Ибнъ-Нагрелѣ, онъ тоже былъ принужденъ покинуть Кордову, вслѣдствіе ея разоренія варварійцемъ Сулейманомъ (1013), и тогда поселился въ Сарагоссѣ. Здѣсь на сѣверѣ Испаніи, гдѣ воздухъ вѣялъ иной, просвѣщеніе находилось пока еще въ самомъ зачаточномъ состояніи. Сарагосскіе евреи или по крайней мѣрѣ бдльшая ихъ часть были еще одержимы тѣмъ предразсудкомъ, въ силу котораго полагали, что еврейству, раввинскому еврейству, всякія изслѣдованія вообще, а грамматическія въ особенности могутъ причинить большой вредъ. На сѣверѣ Испаніи, хотя и въ незначительномъ числѣ, было нѣсколько Караимскихъ общинъ. Этимъ объясняется, почему ознакомленіе съ еврейской грамматикой и болѣе строгое изслѣдованіе Библии считались въ раввинскомъ кружкѣ занятіями не безвредными и почему въ нихъ подозрѣвали даже путь къ расколу. Впрочемъ это заподозрѣваніе въ расколѣ нисколько не остановило Ибнъ-Ганаха въ его любимомъ занятіи, и онъ все глубже и глубже уходилъ въ изу-

ченіе еврейскаго языка и въ изслѣдованіе Библии. При этомъ онъ занимался также медициною практически и теоретически, и даже написалъ нѣсколько медицинскихъ сочиненій¹⁾; но главнымъ предметомъ, на который устремлены были всѣ его помыслы, былъ основательный комментарий къ Библии, и работы по грамматикѣ, не составляя для него главнаго предмета, служили ему единственно пособіемъ для толковаго пониманія священнаго писанія.

Путемъ основательныхъ и рационально веденныхъ изслѣдованій, Ибнъ-Ганахъ пришелъ къ совершенно новымъ результатамъ, до которыхъ не дошелъ Хаюгъ, почему и долженъ былъ сдѣлать нѣсколько измѣненій въ грамматической системѣ послѣдняго. Впрочемъ онъ сдѣлалъ это весьма скромно, отдавая при этомъ полную справедливость заслугамъ послѣдняго. Онъ замѣтилъ при этомъ, что не только самъ онъ, но и многіе другіе были вскормлены «молокомъ его мудрости»; но при всемъ этомъ онъ не можетъ не сказать, выражаясь словами Аристотеля: «любовь его къ истинѣ сильнѣе любви къ Платону»²⁾. Еще до своего переселенія изъ Кордовы въ Сарагоссу, слѣдовательно еще въ молодости, онъ въ небольшой статьѣ ратовалъ противъ взглядовъ Хаюга. Но это самостоятельное и нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ Хаюгу глубоко оскорбило приверженцовъ послѣдняго, въ числѣ которыхъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ былъ Самуиль Ибнъ-Нагрела. Вслѣдствіе этого между Ибнъ-Ганахомъ и учениками хаюгской школы возникла ожесточенная полемика, перешедшая даже въ оскорбительныя и непріязненныя личности, какъ то было со споромъ между школами Менагема и Дунаша.— Самуиль Ибнъ-Нагрела и Иона Ибнъ-Ганахъ осыпали другъ друга стрѣлами своего остроумія и ироніи. Съ той и другой стороны грамматическія возраженія писались одно за другимъ. Въ одной изъ своихъ статей Ибнъ-Ганахъ ясно между про-

¹⁾ См. Мунка, тамъ-же, стр. 81. Wüstenfeld, Geschichte der arabischen Aerzte № 150.

²⁾ Приведено Серахья Галеви въ предисловіи Маог.

чимъ намекаетъ, что Самуиль изъ зависти оклеветалъ его и что приведенное имъ примѣчаніе, которое онъ выдалъ за свое собственное, было украдено имъ у одного изъ древнихъ восточныхъ грамматиковъ¹⁾. Такимъ образомъ два главныхъ представителя еврейской культуры за этотъ періодъ времени, тонкій проницательный «князь» и геній еврейской филологіи были ярыми антагонистами и эти непріязненные отношенія продолжались, какъ кажется, до конца жизни. Личная антипатія и сплетни услужливыхъ друзей имѣли одинаковую долю участія въ этомъ раздорѣ.

Чувствуя приближеніе старости, которую Ибнъ-Ганахъ, говоря словами Платона, называетъ «матерью забвенія», онъ окончилъ работы по своему главному труду, въ который вложилъ плодъ своихъ долгихъ изслѣдованій и все богатство своей внутренней жизни. Въ этомъ сочиненіи онъ выработалъ правила еврейской грамматики, изъ которыхъ нѣкоторыя по своей глубинѣ и смѣлости остались непонятыми, а другія были отвергнуты. Ибнъ-Ганахъ не только создалъ еврейскій синтаксисъ, но даже довелъ его почти до полного совершенства. Но еще цѣннѣе его взглядовъ на грамматику оказываются его блестящія основныя экзегетическія правила, изложенныя имъ въ этомъ сочиненіи. Никто до него и очень немногіе послѣ него и до настоящаго времени умѣли такъ вѣрно понять и такъ превосходно освѣтить всѣ тонкости художественныхъ произведеній священной литературы, какъ то сдѣлалъ Ибнъ-Ганахъ. Съ той высоты, на которую Ибнъ-Ганахъ поставилъ экзегетику Библии, всѣ прежнія сочиненія этого рода, начиная съ сочиненій перваго Караимскаго изслѣдованія Библии и до Саади Менагема, Дунаша и Хаюга казались не болѣе какъ ученическими работами. Хотя Караимы на вѣсь золота цѣнили каждое слово священнаго писанія и старались, путемъ сравненій, понять его настоящее значеніе, да и вообще много хлопотали, чтобы добиться связнаго и осмысленнаго представленія, но, будучи противниками

¹⁾ Rikmah, ed. Kircheim, p. 185.

Талмуда, они лишь съ предвзятыми взглядами пользовались пособиемъ экзегетики, которая поэтому и не могла быть имъ полезною.

Саади тоже пользовался экзегетикою, но только для борьбы съ Караимами и чтобы придать библейскій колоритъ нѣкоторымъ философскимъ теоріямъ. Другіе же пользовались экзегетикою единственно, какъ образцомъ стиля для изящныхъ литературныхъ произведеній, какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ. Иона Ибнъ-Ганахъ поставилъ первый изслѣдованіе Библии на степень самостоятельной науки, имѣющей цѣль въ самой себѣ. Онъ старался самою Библіею объяснить божественное содержаніе священнаго писанія. Странному толкованію, будто Библия должна читаться дѣтскимъ, бессмысленнымъ языкомъ, онъ противопоставилъ простой, но чрезвычайно убѣдительный способъ толкованія, благодаря которому геніальность свыше-вдохновенныхъ писателей освѣщается и тѣмъ болѣе лучезарнымъ свѣтомъ. Ибнъ-Ганахъ началъ съ того, что обратилъ вниманіе на эллипсисъ и на перемѣщеніе словъ и стиховъ въ священныхъ книгахъ и былъ на столько смѣлъ, что очень многое непонятное, загадочное и повидимому нескладное объяснилъ просто перестановкою буквы или цѣлага слова. Такимъ образомъ онъ объяснилъ болѣе двухсотъ темныхъ мѣстъ совершенно просто и вполне осмыслилъ ихъ, принявъ предположеніе, что въ данномъ мѣстѣ писатели по ошибкѣ употребили не то слово или выраженіе ¹⁾. Приведеніемъ подходящаго слова Ибнъ-Ганахъ возстановилъ настоящій смыслъ во многихъ стихахъ, которые до него читались съ дѣтскою бессмысленностью. Онъ былъ первымъ разумнымъ библейскимъ критикомъ, всецѣло проникнутый сознаніемъ, что Библия — книга Богомъ вдохновенная; онъ однако не ставилъ, подобно другимъ, ея языкъ такъ высоко, чтобы допустить въ немъ очевидныя погрѣшности противъ здраваго смысла. Напротивъ, онъ былъ

¹⁾ Rikmah, с. 28. — См. Ибнъ-Эзра къ Даниилу 1, I и Zachot, ed. Lippmann, стр. 72 и примѣчаніе къ ней.

того мнѣнія, что священное писаніе, хотя и Богомъ вдохновенное, должно—разъ что оно написано для людей—подчиняться правиламъ человѣческаго языка. Но Ибнъ-Ганахъ не утверждалъ также и того, что переписчики и пунктаторы по недоразумѣнію измѣнили или исказили слова, а мѣстами и цѣлыя выраженія въ библейской литературѣ; онъ говорилъ только, что святые отцы были люди и, въ качествѣ таковыхъ, не могли не платить дани человѣчеству. Свой главный трудъ (написанный, какъ и пять другихъ сочиненій, на арабскомъ языкѣ) онъ основательно назвалъ «Критикою» (Al-Tanchik) и раздѣлилъ его на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ грамматику вмѣстѣ съ экзегетикою (Al-Lumá, Rikmah) вторая—словарь (Kiteb al Asswal) ¹⁾.

Этотъ громаднѣйшій трудъ, составляющій послѣ религіозно-философскаго сочиненія Саади замѣчательнѣйшее явленіе въ средневѣковой еврейской литературѣ до одиннадцатаго столѣтія, свидѣтельствуетъ не только о великомъ и свѣтломъ умѣ писателя, но и объ его нравственномъ и религіозномъ величіи. Ибнъ-Ганахъ замѣчаетъ въ своемъ научно-изложенномъ введеніи къ этой книгѣ, что онъ принялъ на себя этотъ трудъ не изъ тщеславія и не изъ желанія прославиться, а единственно изъ желанія дать болѣе широкое распространеніе вѣрному пониманію священнаго писанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и истинной набожности. Къ тому-же непреодолимая сила влекла его къ этой работѣ, въ которой онъ находилъ столько наслажденія, что не давалъ себѣ ни отдыха, ни покоя. Мысли же при такихъ усидчивыхъ занятіяхъ являлись какъ-бы по вдохновенію. Хотя у Ибнъ-Ганаха было много враговъ и такихъ, которые умаляли его заслуги, и такихъ, которые за его ученые изслѣдованія Библии называли его еретикомъ, но онъ въ своихъ сочиненіяхъ не выражается неприязненно ни о тѣхъ, ни о другихъ, даже не упоминаетъ ихъ, и еслибъ отъ

¹⁾ Арабскій оригиналь, исключая введенія, обнаруженнаго Мункомъ въ его *Notice* etc., находится въ рукописи въ Бодлеянѣ. Первая часть издана въ еврейскомъ переводѣ Іегуды Ибнъ Тиббона Кирхгеймомъ подъ заглавіемъ: Rikmah (Франкфуртъ-на-М. 1857).

одного его зависѣло, то потомство ничего не узнало-бы о его враждебныхъ столкновеніяхъ съ министромъ Ибнъ-Нагрелюю. Ибнъ-Ганахъ былъ также знакомъ съ философіею; о Платонѣ и Аристотелѣ онъ говоритъ съ видомъ знатока¹⁾. Онъ написалъ даже книгу о логикѣ въ духѣ Аристотеля. Къ метафизическимъ изслѣдованіямъ объ отношеніяхъ Бога къ міру и о началѣ всѣхъ началъ, которыми занимались его еврейскіе современники и его земляки и въ особенности Ибнъ-Гебирыла, онъ относился неблагосклонно и даже осуждалъ ихъ, говоря, что они не ведутъ къ познанію истины, а подрываютъ вѣру²⁾. Ибнъ-Ганахъ былъ мыслитель трезвый и врагъ всякаго мечтательнаго и эксцентричнаго направленія. Вотъ почему поэзія была ему чужда; онъ самъ сознается, что въ зрѣломъ возрастѣ при всемъ своемъ стараніи онъ не могъ написать ни одного удачнаго стиха³⁾. Въ этомъ отношеніи онъ былъ такъ сказать антиподомъ Ибнъ-Гебирылы — третьей знаменитости въ триумвиратѣ этой эпохи — съ которымъ, хотя оба жили въ одномъ и томъ же городѣ, онъ, повидимому, былъ не особенно друженъ⁴⁾.

¹⁾ Rikmah. Введеніе, стр. XI.

²⁾ Тамъ-же. Текстъ стр. 161.

³⁾ Тамъ-же стр. 185.

⁴⁾ Предположеніе Гейгера, будто стихотвореніе Ибнъ-Гебирылы № 12 въ собраніи Schire Schelomo Дуке № 22 относится къ Іонѣ Ибнъ-Ганаху, опровергается самымъ содержаніемъ этого стихотворенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эпоха Ибнъ-Нагрелы и Ибнъ-Гебиры.

Ибнъ-Гебирыла, его жизнь, характеръ, пѣсни и философія.—Государственный дѣятель Іехутиель Ибнъ-Гассанъ. — Бахья (Бехая) и его философія нравственности. — Виблейскій критикъ Ицхаки Ибнъ-Язусъ. — Поэтъ Іосифъ бенъ-Хасдай.—Смерть Самуила Ибнъ-Нагрелы.—Его сынъ Іосифъ, характеръ его и трагическій конецъ.—Еврейскій государственный дѣятель и поэтъ Абу-Фадль бенъ-Хасдай.—Смерть Ибнъ-Гебирылы.—Французскія и нѣмецкія общины; Іосифъ Тобъ Элемъ, братья Менагемъ бенъ-Хелбо и Симоуъ Кара. — Р. Моисей изъ Нарбонны. — Лотарингскіе ученые. — Вормская синагога. — Яковъ бенъ-Яваръ, Исаакъ Галеви и Исаакъ бенъ-Іегуда. — Книга Зоровавеля. — Евреи въ Богеміи и Польшѣ. — Караимы.

1027 — 1070.

Соломонъ бенъ-Іегуда Ибнъ-Гебирыла, или по арабски Абу-Аюбъ Сулейманъ Ибнъ-Іахья (р. 1021 ум. 1070) ¹⁾ былъ идеальнымъ явленіемъ, богато одаренною личностью, граціознымъ поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокимъ мыслителемъ. Все дышало въ немъ поэзіею и мыслью, и то, что не имѣло отношенія къ поэзіи или философіи, казалось ему мелкимъ и ничтожнымъ. Убѣгая всего земнаго, Ибнъ-Гебирыла всею душою — которой чужды были всякія грязныя и низкія желанія — отдался умственнымъ интересамъ. Будучи моложе своихъ ученыхъ современниковъ, онъ однако превзошелъ ихъ обаятельностью рѣчи ²⁾. Хотя порыванія къ небу его оригинальнаго генія и изліянія горячей души открыты передъ

¹⁾ Биографія. См. прим. 3. II. Схоластики христіане передѣляли его имя въ Авпцебратъ и Авпцебронъ.

²⁾ Моисей Ибнъ-Эзра у Мунка, въ *Melanges* стр. 263.

нами въ его сочиненіяхъ, тѣмъ не менѣ надъ самою жизнью его все еще царить глубокій мракъ, такъ что — чтобы описать личность, каждый шагъ которой полонъ интереса, приходится руководствоваться одними только предположеніями. Надо полагать, что отецъ его Іегуда, жившій въ Кордовѣ, во время военныхъ смуть переселился вмѣстѣ съ Ибнъ-Нагрелою въ Малагу. Въ этомъ-то городѣ родился и воспитался еврейскій Платонъ, геній поэзіи и философіи, согрѣвшій своими сочиненіями много душъ и просвѣтившій много умовъ.

Ибнъ-Гебиrolа рано, повидимому, лишился родителей, которые не оставили ему состоянія. У него не было даже брата, въ душу котораго онъ могъ-бы излить чувства, наполнявшія его нѣжное и любвеобильное сердце. Онъ оплакалъ свое круглое сиротство слѣдующими словами, пробуждающими въ читателѣ горячее сочувствіе:

«Согбенный горемъ, безъ отца и матери,
«Молодой и одинокій въ свѣтѣ я;
«Нѣтъ ни брата, нѣтъ ни друга у меня»¹⁾.

Нѣжный и поэтическій, съ душою склонной къ мечтательности, Ибнъ-Гебиrolа очень тяготился своимъ одиночествомъ, которое еще усилило въ немъ врожденную меланхолю. Мальчикомъ онъ не вѣдалъ радостей дѣтскаго возраста; никогда улыбка не озаряла лица юноши. Въ Ибнъ-Гебиrolѣ мы видимъ юношу, котораго преждевременно состарили мрачныя думы и грустныя наблюденія. Самъ онъ рисуетъ себя въ слѣдующихъ словахъ:

«Я дитя съ душою восьмидесятилѣтняго старца;
«Тѣло мое скитается на землѣ, а душа витаетъ за облаками»²⁾.

Чуждый внѣшнему міру, онъ углубился въ самого себя и весь ушелъ въ свое богатое внутреннее я, полное поэзіи

¹⁾ Schire Scheloma, собраніе свѣтскихъ пѣсенъ Ибнъ-Гебиrolы, изданныя Дуке (Ганноверъ, 1858) № 1.

²⁾ Тамъ-же, № 9, стр. 14.

и мысли. Поэзія и вѣра, освѣщенная философіей, были для него двумя ангелами-хранителями, которые оспѣнили его своими крыльями и спасли отъ отчаянія. Но онѣ не могли наполнить его сердце радостнымъ чувствомъ; настроеніе его всегда оставалось задумчивымъ и грустнымъ, чѣмъ и объясняется меланхолическій характеръ всѣхъ его пѣсень. Первыми поэтическими изліяніями его души были молитвы, совершенно оригинальныя, которыя отрываютъ душу отъ всего земнаго и переносятъ ее къ престолу Всевышняго, въ хоры славословящихъ ангеловъ. Еще юношею Ибнъ-Гебиrolа написалъ стихотвореніе о художественныхъ формахъ, которое какъ нельзя яснѣе свидѣтельствуетъ о врожденномъ талантѣ юнаго поэта. На шестнадцатомъ году отъ рожденія онъ написалъ стихотвореніе, полное тихой грусти, замѣчательное тѣмъ, что въ немъ молодой поэтъ совершенно зрѣло разсуждаетъ о себѣ и своей судьбѣ:

«Вижу-ль смѣхъ, сердце мое плачетъ,
 «Ибо жизнь моя полна печали,
 «О другъ! Ужель лишь горе вѣдать въ шестнадцать лѣтъ,
 «Когда молодость должна радоваться, какъ радуется лилія въ росѣ!
 «Сердце мое казнить меня съ дѣтства,
 «Вотъ почему душа моя скорбитъ —
 «Но нѣтъ вѣдь пользы въ этой грусти.
 «Замолкни, сердце, уповай; для всякой раны есть лекарство.
 «Къ чему-жъ вѣрунчиться о бѣдствіяхъ.
 «Что пользы въ вѣчномъ потокѣ слезъ!»¹⁾

Въ томъ возрастѣ, когда большая часть людей бываетъ еще ни то, ни сѣ, Ибнъ-Гебиrolа былъ уже хорошимъ поэтомъ и былъ признанъ знатокомъ своего дѣла, въ которомъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Его стихотворенія ясно свидѣтельствуютъ, что ему не приходилось искать ни словъ, ни риземъ, ни мыслей, ни картинъ — все это словно само собою возникало въ его головѣ. При этомъ въ немъ сильно было развито чувство мѣры; онъ былъ очень

¹⁾ Тамъ-же, № 3.

чутокъ и никогда не переходилъ за черту, отдѣляющую прекрасное отъ преувеличеннаго. Подъ вліяніемъ горячаго чувства этого поэта-ребенка древній еврейскій языкъ какъ бы помолодѣлъ и сдѣлался вѣрнымъ толмачамъ его мыслей и чувствъ. Конечно, онъ уже съ ранней молодости серьезно и усердно занимался изученіемъ священнаго языка и владѣлъ имъ, какъ языкомъ живымъ, всосаннымъ, такъ сказать, съ молокомъ матери. Ибнъ-Гебиrolа сдѣлалъ его гибкимъ, плавнымъ и изящнымъ, и языкъ подчинился ему, какъ своему любимцу. Этотъ молодой поэтъ значительно расширилъ еврейскій размѣръ стиха и довель его до звука, ласкающаго слухъ. Музу, которую никто не изображалъ картинно ни въ библейской, ни въ ново-еврейской поэзіи, онъ нѣжно и осмысленно, въ духѣ еврейскаго языка, олицетворилъ подъ видомъ голубя съ золотыми крыльями и сладкимъ голосомъ¹⁾. Современники справедливо назвали его царемъ поэзіи и обратили на него вниманіе²⁾.

Въ своемъ беспомощномъ состояніи и нуждѣ молодой поэтъ нашель себѣ утѣшителя и покровителя въ челоуѣкѣ, котораго прославила и увѣковѣчила поэзія Ибнъ-Гебиrolа и который безъ нея остался бы неизвѣстнымъ. Іекутіель Ибнъ-Гассанъ или Алгассанъ³⁾ занималъ въ Сарагоссѣ, подобно Самуилу Ибнъ-Нагрелѣ въ Гранадѣ, высокое положеніе при государѣ Іахъѣ Ибнъ-Мондагирѣ. Его называютъ княземъ надъ князьями, «къ слову котораго прислушиваются знатные». — «Правленіе царей покоилось на его плечахъ; по его рѣшенію управляли князья, и по его приказу собирались совѣтники». Іекутіель Ибнъ-Гассанъ восхваляется такъ же, какъ князь-благодѣтель, «онъ, какъ отецъ, заботился о

¹⁾ Тамъ-же прим. 14, 22, 34.

²⁾ Моисей Ибнъ-Эзра въ *Mélanges Munka* p. 263 f.

³⁾ Смр. о немъ *Frankel Monatschrift Jahrg. 1858, S. 454 ff.* и *Zeitschrift der deutsch. morgenländischen Gesellschaft, 1859. S. 515.* Іекутіела бенъ Гассана нельзя смѣшивать съ астрономомъ Гассаномъ бенъ Гассаномъ уже потому, что послѣдній былъ старцемъ въ 971 году, когда онъ выработалъ свое астрономическое произведеніе, и не могъ слѣдовательно быть убитымъ въ 1039 г. Кромѣ того Ибнъ-Гебиrolа не изображаетъ его старцемъ.

всѣхъ, языкъ его приносить каждому благо, сердце его полно щедрости и уста постоянно сохраняютъ вѣрность». — «Онъ своимъ сердцемъ властвовалъ надъ сердцами, просилъ бѣд-ныхъ принять отъ него даръ и принудилъ-бы ихъ къ тому, если бъ имъ вздумалось отказаться». Это высокопоставлен-ное лице Сарагоссы съ любовью приняло участіе въ поки-нутомъ поэтѣ Ибнъ-Гебиролѣ, помогало ему и успокоивало его раздраженную душу (въ 1038)¹⁾. Зато Ибнъ-Гебиrolа, хваля покровителя, далъ волю своему вдохновенію. Его фан-тазія заимствовала у природы ея прелести, а у библіи рос-кошь ея картинъ, чтобы ими прославить Іекутіела. Онъ повергъ всю вселенную къ его ногамъ. «Строгое слово Іеку-тіела уподобляется головнѣ, а ласковое — освѣжающей росѣ». — «Прикажи онъ вселенной поколебаться — и она непрекословно исполнитъ его приказаніе». — Кто рѣшится упрекнуть въ преувеличеніяхъ семнадцати-лѣтняго поэта съ пылкимъ воображеніемъ. Подъ охраною высокопоставлен-наго покровителя, взглядъ Ибнъ-Гебиrolы на жизнь про-свѣтлѣлъ. Въ Сарагоссѣ онъ могъ выйти нѣсколько изъ своего тѣснаго круга, выступить изъ своего замкнутаго міра мы-слей и найти удовлетвореніе въ окружающемъ его внѣшнемъ свѣтѣ. Его нѣжная, ласковая натура была создана для дружбы. и онъ пріобрѣлъ нѣсколько друзей, къ которымъ привязался со всѣмъ пыломъ мечтательной души, награждая ихъ за привязанность златомъ своей поэзіи. Его муза въ это время воспѣвала его покровителя и друзей, мудрость и природу. Его описанія природы живы, наглядны и пламенны.

Но судьба какъ будто позавидовала его спокойному на-строенію и отняла у него покровителя ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ привыкнуть къ своему пріятному существованію. Онъ и вмѣ-стѣ съ нимъ всѣ благородные лишились внезапно Іекутіела. Вѣроятно, онъ былъ увлеченъ въ паденіе сарагосскаго госу-даря, послѣдовавшее за возстаніемъ во дворцѣ. Абдаллахъ Ибнъ-Гакамъ, двоюродный братъ царя Іахья Ибнъ-Мондагира,

¹⁾ Смр. прим. 3. II.

возсталъ противъ своего царскаго родственника, внезапно напалъ на него во дворцѣ, отрубилъ ему голову и завладѣлъ его сокровищами (1039). Любимцы царя не были пощажены заговорщикомъ, и Іекутіела Ибнъ-Алгассана вѣроятно постигла въ то время печальная доля. Онъ былъ скованъ и затѣмъ казненъ злодѣями. Велика была на сѣверѣ Испаніи печаль о трагической кончинѣ прославленнаго Іекутіела. Поэты соперничали другъ передъ другомъ въ украшеніи его могилы цвѣтами поэзіи. Горе Ибнъ-Гебиरोлы было безгранично, и элегія на смерть покровителя была истинно-потрясающимъ образцомъ вдохновенной поэзіи. Это произведеніе, состоящее болѣе чѣмъ изъ двухсотъ прекрасныхъ стиховъ, служить памятникомъ какъ покойному, такъ и пѣвцу. Уже первый стихъ вполне выражаетъ великое достоинство Іекутіела, и поэту не было надобности прибавлять что либо къ хвалѣ его:

«Іекутіела жизнь истекла.
Такъ тлѣнны и небеса!»¹⁾

Горе Гебиरोлы о казненномъ покровителѣ было тѣмъ искреннѣе, что для него смерть эта имѣла совершенно особое значеніе. Молодой поэтъ лишился поддержки, которую оказывалъ ему Іекутіель въ его безпомощномъ состояніи; поэтому онъ взываетъ:

«Не мѣшайте плакать мнѣ, не глядите на меня,
Не вопрошайте, зачѣмъ дрожатъ мои уста,
Глава моя лишилась своей тѣни,
Іекутіела нѣтъ, не стало слабыхъ силъ»,

Послѣ этого трагическаго происшествія мрачное настроеніе вновь овладѣло душою Ибнъ-Гебиролы. Онъ всюду видѣлъ мракъ и жаловался на непониманіе его, на измѣну друзей, на преслѣдованія. Съ свойственною избраннымъ поэтамъ щекотливостью онъ самъ себя терзалъ, разрывалъ горемъ

¹⁾ Все здѣсь описанное находится въ Schire Schelomo. Но не всѣ элегіи на смерть Іекутіела писаны Ибнъ-Гебиролою.

собственную грудь; видѣлъ себя окруженнымъ врагами и умаленнымъ завистниками. Въ его поэтическихъ произведеніяхъ вновь сталъ проглядывать отпечатокъ горести. Но что окончательно убило бы другаго, то придало новую силу его вдохновенію, и теперь только онъ сталъ приближаться къ зениту своего поэтического и литературнаго величія. Писать стихи сдѣлалось для него столь легкимъ дѣломъ, что онъ на девятнадцатомъ году отъ рожденія (1040) написалъ цѣлую еврейскую грамматику, со всѣми ея сухими правилами, въ четырехстахъ стихахъ, акростихомъ и съ однозвучною римой, съ однимъ и тѣмъ же звукомъ, проходящимъ чрезъ весь рядъ каждаго изъ стиховъ (Апак). Во введеніи къ этому правоучительному стихотворенію Ибнъ-Гебиrolа восхваляетъ священный языкъ, какъ богоугодный, «которымъ хоры ангеловъ ежедневно восхваляютъ Создателя, на которомъ Богъ открываетъ синайскій законъ, пророки предсказываютъ и псалмѣвцы поютъ». Онъ хулилъ своихъ земляковъ, жителей Сарагоссы, «слѣпую общину», за ихъ равнодушіе къ правильному еврейскому языку: «Одна часть говоритъ по-идумейски (по-романски), а другая — языкомъ Кедара (по-арабски)». Его еврейская грамматика въ стихахъ ¹⁾ имѣла цѣлью возбудить любовь къ библейскому языку и дать руководство къ пониманію его правилъ.

Въ Сарагоссѣ Ибнъ-Гебиrolа написалъ морально-философское сочиненіе (1045), хотя не имѣющее значенія его послѣдующихъ философскихъ произведеній, однакожъ замѣчательное по выраженному въ немъ своеобразному взгляду столь молодаго автора и по его глубокому знанію древнихъ философовъ. Ибнъ-Гебиrolа соединилъ въ этой книгѣ нравственныя изреченія изъ священнаго писанія и Талмуда съ основными афоризмами «божественнаго Сократа», его ученика Платона, Аристотеля, арабскихъ философовъ и въ особенности одного еврейскаго философа-моралиста Алкути (можетъ

¹⁾ Часть этого грамматическаго стихотворенія напечатана въ Пархона Machberet и Духе Schire Schelomo № 55.

быть Хофець Алкути) ¹⁾. Это сочиненіе «для облагораживанія наклонностей души» ²⁾ представляетъ своеобразную систему человѣческихъ темпераментовъ и страстей, насчитываетъ двадцать склонностей и побужденій, согласно четыремъ темпераментамъ, помноженнымъ на пять чувствъ, и показываетъ, какимъ путемъ одностороннее стремленіе души можетъ быть приведено къ нравственному равновѣсію. Замѣчательно, что молодой авторъ обладалъ столь глубокимъ знаніемъ человѣческой души и жизненныхъ отношеній, какъ будто пріобрѣлъ его зрѣлымъ опытомъ бурной и дѣятельной жизни!

Морально-философское произведеніе Ибнъ-Гебиры содержитъ въ себѣ много злобичующихъ намековъ на лицъ сарагосской общины, которыхъ онъ преднамѣренно желалъ оскорбить, и которыя тѣмъ болѣе должны были чувствовать себя задѣтыми, что онъ прибавилъ: «Именъ не называю, они достаточно извѣстны». Онъ описываетъ гордецовъ, которые возвышаются надъ товарищами, поворачиваются къ нимъ спиной и свое мнѣніе считаютъ лучшимъ; изображаетъ также и ненавистниковъ, носящихъ любовь на устахъ. Во введеніи онъ высказываетъ увѣренность, что враги и завистники воспользуются его сочиненіемъ для преслѣдованія его, но онъ не намѣренъ этимъ стѣсняться и спокойно перенесетъ ихъ нападки. «Пусть они ненавидятъ меня за мое стремленіе къ добру». Ибнъ-Гебира считаетъ нужнымъ увѣрить, что изслѣдованія истекли изъ его собственной головы и что онъ не пользовался ни чьимъ трудомъ. Однимъ словомъ, сочиненіе это кажется вызовомъ нѣкоторымъ сарагосцамъ, его противникамъ. Опасенія Ибнъ-Гебиры оправдались: онъ былъ изгнанъ изъ Сарагоссы (послѣ 1045) ³⁾ вліятельными

¹⁾ Моисей Ибнъ-Эзра въ своей повѣсти называетъ этого Алкути авторомъ одной парафразы Псалтири въ стихахъ; смр. *Jewish Literature* p. 101.

²⁾ Арабское заглавіе: *Islach al-Achlak*, еврейское: *Tikkun Midot ha-Nefesch*; оригиналъ находится въ Бодлеявѣ; еврейскій переводъ былъ нѣсколько разъ печатанъ Іегудю Ибнъ-Тиббономъ. Обозначено въ рукописи 4805—1045.

³⁾ Соломонъ Бонфидъ, сообщено Эдельманомъ въ *Dibre Chefetz*, стр. 21 и другими. Смр. прим. Моисея Ибнъ-Эзры у Мунка, тамъ-же стр. 264.

лицами, ожесточившимися противъ него и бывшими вѣроятно важными членами общины. Зато онъ клеймилъ городъ, называя его второю Гоморрою въ своемъ прекрасно-риемованномъ, уныломъ, душу раздирающемъ плачѣ, похожемъ на отчаянный призывъ на помощь. Куда онъ переселился — неизвестно. Несчастный молодой поэтъ былъ до того безутѣшенъ что въ минуту отчаянія рѣшился совсѣмъ уйти изъ Испаніи и отправиться въ Египеть, Палестину и Вавилонію ¹⁾). Одно стихотвореніе онъ посвятилъ своей душѣ, убѣждая ее отрясти съ себя прахъ Испаніи. Притомъ онъ вспоминалъ примѣры патриарховъ и величайшихъ пророковъ, оставившихъ свое отечество и отправившихся странствовать. Къ Испаніи онъ обращается апострофически, словами:

«Горе тебѣ, страна моихъ враговъ;
Съ тобою не дѣлю я ничего,
Хоть радость иль печаль ты испытаешь ²⁾».

Но намѣренія своего онъ не исполнилъ, а странствовалъ по Испаніи, испытывая дѣйствительныя и воображаемыя несчастія, жаловался на непостоянство времени и своихъ друзей и выразилъ свое горе въ прекрасныхъ стихахъ:

«Не браните меня за обиліе слезъ,
Безъ нихъ мое сердце изсохло-бъ.
Странствованія мнѣ силу надломилъ,
Меня муха на крыльяхъ можетъ умчать ³⁾».

Ангель-хранитель испанскихъ евреевъ, Самуиль Ибнъ-Нагрела, принялъ въ немъ участіе и озаботился объ его покоѣ. Зато Ибнъ-Гебиrolа воспѣвалъ его въ громкихъ и звучныхъ стихахъ ⁴⁾). Подъ могущественнымъ покровительствомъ министра-еврея онъ занимался философскими изслѣдованіями на-

¹⁾ Schire Schelomo № 2. Стр. 6.

²⁾ Тамъ-же № 2.

³⁾ Тамъ-же № 29. Объ его странствіяхъ говоритъ стихотвореніе № 46; оно прекрасно на еврейскомъ языкѣ, а перевести его невозможно. Dr. M. Саксъ обратилъ вниманіе (religiöse Poesie der Juden in Spanien 213, 3), что выраженіе жалобы въ пѣсни покаянія (Keter Malchut) изображаетъ то-же.

⁴⁾ Смр. прим. 3. II.

равнѣ съ поэзію. Поэзія была его возлюбленною, а философія — его матерью. Онъ говоритъ:

«Какъ мудрость мнѣ повинуть,
 Когда въ союзъ я съ ней вступилъ!
 Она мнѣ мать, а-жъ баловень-ребенокъ ей,
 Она моя краса, она мнѣ ожерелье,
 Ужель сложить съ себя мнѣ свой нарядъ?
 Пока живу, мой духъ не перестанетъ
 Стремиться къ ея небесной высотѣ,
 И успокоюсь я, найдя ея бытію начало.»

Какъ, будучи еще полуробенкомъ, Ибнъ-Гебиrolа создалъ для еврейской поэзіи наитруднѣйшіе художественные образцы и обращался съ ними играючи, легко, такъ точно полуиношею онъ создалъ цѣлую философскую систему о высшихъ проблемахъ, занимающихъ человѣческой умъ. Въ чемъ состоитъ высшая цѣль человѣка? Что такое существо души, гдѣ ея начало и куда она уходитъ, оставя землю? Какъ понимать высшее существо, и какимъ образомъ оно, единое и совершенное, создало многократное, разъединенное и несовершенное, т. е. видимый міръ? На эти и на многіе другіе метафизическіе вопросы Ибнъ-Гебиrolа далъ отвѣты, предназначенные однакожь не для вѣрующей души, но для человѣческаго ума, и указывавшіе человѣку его мѣсто во вселенной, открывавшіе ему глаза для пониманія какъ невидимаго высшего міра духовъ, такъ и видимаго міра, дабы онъ могъ доискаться существующей между ними связи. Въ этой системѣ онъ выказалъ такое поражающее богатство идей и такую глубину мыслей, что читателю приходится прилагать всю силу ума для слѣдованія за нимъ. Онъ же такъ легко и понятно излагаетъ спутанныя идеи, обнимающія вселенную со всѣми послѣдовательными рядами существъ, начиная съ пер-

¹⁾ Тамъ-же № 7 въ концѣ. Уже въ стихотвореніи, писанномъ по изгнаніи изъ Сарагоссы, онъ выражаетъ намѣреніе предаться изученію метафизики и надѣется найти въ ней покой (№ 1 въ концѣ). Изъ этого слѣдуетъ, что онъ писалъ свою философскую систему послѣ 1045 года. Въ Keter Malchut онъ говоритъ, что уже прожилъ пол-жизни, т. е. 35 лѣтъ; слѣдовательно онъ писалъ это стихотвореніе въ 1055 году.

! вобытнаго существа и оканчивая мертвымъ камнемъ, что для всего находить подходящее опредѣленіе и соотвѣтствующій образъ. Часть этихъ мыслей онъ изложилъ въ формѣ стихотворенія — молитвы (Keter Malchut), которое по величію, вдохновенію и искренности не имѣетъ себѣ подобнаго. Правда, руководящія идеи системы Ибнъ-Гебиры были уже высказаны прежними мыслителями, и онъ заимствовалъ многое у / философской школы ново-платониковъ, составлявшихъ послѣднюю отрасль греческой философіи. Онъ потому избралъ эту школу, что его поэтической душѣ болѣе всего нравился / этотъ полупоэтический и полуразмышляющій взглядъ на міръ. Однакожъ метафизическая система Ибнъ-Гебиры можетъ быть названа его собственнымъ созданіемъ, потому что идеи ново-платонической школы онъ пріобрѣлъ не изъ прямого общенія съ нею — прошло уже пол-тысячелѣтія съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Юстиніанъ велѣлъ ее закрыть въ Аѳинахъ, — а дошли онѣ до него въ искаженномъ видѣ и въ дурныхъ переводахъ сирійскихъ и арабскихъ переводчиковъ, и кромѣ того ему пришлось соединить эти идеи съ понятіями евреевъ о Богѣ и мірозданіи. По крайней мѣрѣ онъ былъ самостоятельнѣе магометанскихъ философовъ Ал-фараби и Ибнъ-Сина (Авиценна), рабски подражавшихъ Аристотелю. Изъ ряда разрозненныхъ мыслей Ибнъ-Гебиры создалъ органическое цѣлое. Свою систему онъ изложилъ въ сочиненіи «источникъ жизни» (Mekor Chajim, fons vitae), или «о всеобщихъ основахъ міра» (de materia universali), на

¹⁾ Ново-платоническая, христіанская, мистическая философія Іоганна Скота Эригена около 850 г. имѣла мало вліянія и была въ Европѣ мало извѣстна. Арабско-испанскій философъ Ибнъ-Бага (Авенъ-Паце) писалъ лишь въ 1118 г.; первые достойные упоминовенія христіанскіе схоластики, Вильгельмъ фонъ-Шампо и Абелардъ, выступили въ тоже время. Слѣдовательно, Ибнъ-Гебира былъ первымъ средневѣковымъ философомъ въ Европѣ. До начала настоящаго столѣтія онъ былъ совершенно забытъ. Журденъ первый заговорилъ о немъ подъ именемъ Авидебрана, не зная ничего вѣрнаго ни о немъ, ни объ его системѣ. Мунко оказалъ неотъемлемую заслугу, отвѣдя Ибнъ-Гебиру мѣсто въ исторіи философіи. Онъ отыскалъ въ бібліотекѣ св. Виктора отрывки еврейскаго перевода Mekor Chajim и полный латинскій переводъ той-же книги подъ заглавіемъ fons vitae и сдѣлалъ ихъ общедоступными, переведа на французскій языкъ

арабскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ такъ-же хорошо, какъ еврейскимъ. Христіанскій государь упразднилъ храмъ философіи въ Афинахъ и сослалъ ея послѣднихъ жрецовъ. Съ того времени она была изгнана изъ Европы или, по крайней мѣрѣ, оставалась здѣсь чуждою и потому перенесла свое отечество въ Азію. Еврейскій мыслитель Ибнъ-Гебиrolа первый пересадилъ ее снова въ Европу и построилъ ей алтарь въ Испаніи, гдѣ она съ тѣхъ поръ основала себѣ постоянное мѣстопробываніе.

Поэтически-настроенный, подобно Платону, Ибнъ-Гебиrolа заимствовалъ у этого родственнаго ему по духу греческаго философа діалогическую форму изложенія. Онъ развиваетъ свою систему въ оживленномъ разговорѣ учителя съ ученикомъ. Такимъ образомъ ему удалось избѣгать сухости, свойственной вообще метафизическимъ изслѣдованіямъ и дѣлающей ихъ скучными. Въ дополненіе къ своему «источнику жизни» онъ написалъ другое философское сочиненіе о творческой волѣ Бога (*origo largitatis et causa essendi*)¹⁾, уже не существующее болѣе. Намъ нѣтъ надобности прслѣдить весь запутанный ходъ философіи Ибнъ-Гебиrolы, потому что она почти ничего не сдѣлала для истолкованія юдаизма и представленія его въ надлежащемъ свѣтѣ. Онъ такъ мало обращаетъ на это вниманія въ своей системѣ, что еслибъ не былъ извѣстенъ за вѣрнаго и своей религіи искренно преданнаго еврея, то на основаніи его сочиненій нельзя было бы причислить его къ этой націи. Для излагаемой нами еврейской исторіи достаточно будетъ краткаго обзора главныхъ идей этого сложнаго разъясненія. Ибнъ-

и объяснивъ въ своихъ *mélanges de Philosophie juive et arabe*. Парижъ 1857.—59. Въ то же время другой ученый, Dr. Зеферленъ, намѣлъ латинскій переводъ въ библіотекѣ Мазарини, заявилъ объ этомъ и представилъ подробное изложеніе этого труда въ *Theologische Jahrbücher*, Jahrg. 1856—57. Dr. Йозель доказалъ основательно, что система Ибнъ-Гебиrolы основана на ново-платоническихъ началахъ (*Frankel's Monatschrift*, Jahrg. 1857, 58, 59). Риттеръ включаетъ Ибнъ-Гебиrolу въ исторію философіи въ своей *Geschichte der christlichen Philosophie*, Göttingen 1858. Bd. I, S. 610 и слѣд.

¹⁾ У Мунка тамъ-же стр. 223 изъ латинскаго перевода.

Гебиrolа, стараясь сдѣлать понятнымъ порядокъ своихъ мыслей, начинаетъ изложеніе съ видимаго міра, дабы постепеннымъ переходомъ къ отвлеченному доказать, что и видимый міръ основанъ на духовномъ началѣ. Намъ же кажется болѣе соотвѣтственнымъ, для лучшаго пониманія его системы, начать съ верха, т. е. съ первобытнаго существа и постепенно спускаться въ низшія сферы.

Богъ, главнымъ образомъ, есть первобытное, въ самомъ себѣ единое существо, совершенно замкнутое, единство котораго ничѣмъ не можетъ быть увеличено и уменьшено, раздѣлено и измѣнено подобно численному единству; въ немъ нѣтъ различія существа отъ образа (субстанціи и акциденціи). Подробно доказывать это предложеніе Ибнъ-Гебиrolа считаетъ такъ-же излишнимъ, какъ и существованіе Бога. Къ чему еще приводить доказательства дѣйствительнаго существованія высшаго существа, когда все находящееся на лицо, духовное и земное, только въ Богѣ и отъ Бога! «Ты, о Боже, еси Всезидитель, создавшій всѣ существа и въ которомъ мы всѣ живемъ». Все, кромѣ Бога, есть только возможное, его-же существованіе есть единое необходимое ¹⁾. Кромѣ понятій объ единствѣ и нераздѣльности Бога (взятыхъ, какъ неоспоримыя предположенія, изъ еврейскаго понятія о Богѣ) иныхъ качествъ (атттрибутовъ) приписать ему нельзя ²⁾. Первобытное существо невѣдомо и непостижимо, потому что оно превышаетъ всѣхъ и бесконечно ³⁾. Человѣческій духъ не иначе можетъ постигнуть существо Бога, какъ познавая свои собственныя свойства и тщательно разсматривая міръ ⁴⁾. Этому лучезарному, нераздѣльному, бесконечному первобытному существу противопоставляется конечный міръ, какъ темная, разъединенная, беспомощная масса. Какъ относятся земныя, разрозненные, составныя, жалкія существа къ безусловному, перво-

¹⁾ Эта мысль, являющаяся въ *Mekor Chajim* только нарѣдка, изложена въ *Keter Malchut* на подобіе молитвы (въ введеніи), *Mekor Chajim* ed. Munk; С. III. S. 8; IV. 30; V. 31.

²⁾ *Keter Malchut*. Тамъ-же.

³⁾ *Mekor Chajim* I. 5; V. 55.

⁴⁾ Тамъ-же. II. 5.

бытному существу? Призваны-ли они имъ непосредственно къ бытію? Управляетъ-ли божія благодѣтельность этимъ бѣднымъ и ничтожнымъ міромъ? Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ заключается сущность философской системы Ибнъ-Гебиры. Онъ не можетъ удовлетвориться ни благовѣрнымъ предположеніемъ о непосредственномъ міросозданіи изъ ничего, ни аристотелевскою, т. е. вообще языческою гипотезою, что божество уже застало въ мірѣ стихію и лишь образовало и сформировало ее. Одному противится философское, другому религіозное сознаніе. Одно, повидимому, унижаетъ безконечное, превращая его въ конечное, другое ставитъ непреодолимую преграду между Богомъ и міромъ. Непосредственность міросозданія суживаетъ понятіе о Богѣ, приводя его въ непосредственную связь съ ничтожествомъ земнымъ; предположеніе о простомъ дарованіи формъ самостоятельно проявляющейся стихіи оскорбляетъ всемогущество Бога и лишаетъ міръ духа, разъединяя Бога и міръ, какъ разнородную дѣйствительность.

Ибнъ-Гебира своеобразно рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи Бога къ земному міру. Въ первобытномъ существѣ заключается дарующая, движущая, творящая сила, которая проявляется какъ воля или слово Божіе. Въ этой Божіей волѣ, однородной съ существомъ Божіимъ, кроется безконечное множество совершенныхъ существъ. Она подобна безконечному свѣту, способному освѣтить безконечное число міровъ. Изъ этого первобытнаго свѣта, воли Божіей, истекаютъ непосредственно, спокойно и вѣчно однородныя съ нею силы, простыя, безконечныя, духовныя творящія силы, которыя могутъ дѣйствовать далѣе такимъ же образомъ. Сперва исходятъ изъ нея двѣ силы, одна, могущая творить безконечное число существъ и давать имъ формы, и другая, долженствующая беречь и охранять ихъ; это основныя условія всего бытія, т. е. всеобщій образъ существа и всеобщая причина существа (*forma universalis et materia universalis*). Эти силы кажутся двойственными и разрозненными, но въ сущности онѣ соединены; воля Божія ихъ соединяетъ, такъ что образъ

существа ни на мгновение не можетъ быть безъ его причины, и, на оборотъ, причина не можетъ быть безъ образа. Они не составляютъ непосредственное, а лишь посредственное единство. Воля Божія составляетъ какъ бы духовное пространство, соединяющее и сохраняющее ихъ. Этимъ они отличаются отъ воли Божіей, хотя вмѣстѣ съ нею составляютъ нераздѣльное свойство Бога и находятся другъ къ другу въ отношеніи писца, письма и доски ¹⁾).

Всѣ существа, истекающія изъ воли Божіей, имѣютъ долю въ ея происхожденіи, связаны съ нею и между собою и состоятъ также изъ духовной причины и духовной формы. («Ты, о Боже, повелѣлъ художнику извлечь бытіе изъ ничего, подобно лучамъ, извлекаемымъ изъ источника свѣта. Онъ черпаетъ изъ родника свѣта безъ ведеръ и воспроизводитъ все безъ средствъ. — Сила простирается до крайняго рубежа ничтожнѣйшей твари» ²⁾). Но чѣмъ болѣе существа удаляются отъ своего первобытнаго источника, тѣмъ болѣе теряютъ они простоту, силу, свѣтъ и духовность своего происхожденія и становятся болѣе и болѣе сложными, дѣлимыми, слабыми, темными, плотными, тѣлесными и потому болѣе доступными чувствамъ. Истекшія изъ воли Божіей существа, изъ которыхъ высшія духовнѣе, совершеннѣе и сильнѣе ниже ихъ стоящихъ, составляютъ нисходящій рядъ. Всѣ безчисленныя существа заключаются во всеобъемлющей причинѣ существа, во всеобщемъ существѣ, составляютъ какъ бы его части. Последнюю степень составляютъ пространство и тѣлесность, получающія свою форму отъ соразмѣрности величинъ, отъ видовъ и красокъ. Эти ничтожнѣйшія существа, отдѣленные отъ начала, т. е. отъ воли Божіей, и первой безконечности существъ, омрачены, сплочены, сами по себѣ неподвижны и потому осуждены на страдательное бытіе. Они могутъ только слабо воспринимать нисходящій сверху свѣтъ, и потому вмѣсто

¹⁾ Тамъ-же. I, 2; III. 39, II. 20, 26; III. 10, 12, 39; V. 42, 60, 62.

²⁾ Keter Malchut.

существенныхъ образовъ въ состояніи испускать изъ себя лишь тѣни ¹⁾).

Между первобытнымъ существомъ и послѣднимъ рядомъ тѣлесныхъ существъ должны быть среднія степени, состоящія въ связи вверху съ волею Божіею, а внизу съ земнымъ міромъ. Безъ этого соединенія между высшимъ и низшимъ существовала бы не только бездонная пропасть, но и низшее ни минуты не могло бы существовать безъ творческаго вліянія свыше ²⁾. Такихъ среднихъ ступеней три: всеобщій или міровой разумъ (*intellectus universalis*), «высшая, десятая сфера, вылитая изъ серебра истины и изъ золота духа»; далѣе, всеобщая душа міра (*anima universalis*) и наконецъ всеобщая природа. Существуютъ три нисходящія степени духовнаго, изъ которыхъ каждая высшая объемлетъ, окружаетъ и пронизываетъ низшую. Духъ міра истекъ изъ воли Божіей посредствомъ двухъ первыхъ силъ и природа находится въ связи съ тѣлеснымъ міромъ, одушевляетъ и движетъ его. Средняя степень, душа міра, есть пространство для духовъ и сонма ангеловъ; девять одушевленныхъ звѣздныхъ круговъ принимаютъ въ ней участіе ³⁾. Такимъ образомъ весь рядъ существъ состоитъ въ непрерывной связи между собою; низшія степени воспринимаютъ отъ высшихъ, обращаются къ нимъ съ тоскою и любовью, охраняются и поддерживаются духовнымъ пространствомъ, волею Божіею. Весь міръ, духовный и тѣлесный, наполненъ, посредствомъ воли, божественнымъ первобытнымъ существомъ, и всякое существо исполнено имъ. Какъ бы различно ни было духовное отъ тѣлеснаго, но различіе это составляетъ не существенную разницу, а только разницу въ степени отношенія большаго или меньшаго, вышаго или низшаго. Они всѣ сродны и схожи между собою, покоятся всѣ на двухъ силахъ: причины и формы существа. Тѣлесный міръ также покоится на духовномъ основаніи и

¹⁾ Тамъ-же I. 3, II. 6, 10; III. 13, 32. IV. 29; V. 26. Также Keter Malchut.

²⁾ Тамъ-же III. 1—8. Смр. Keter Malchut № 23—24.

³⁾ Тамъ-же III. 24; IV. 19; V. 18.

составляетъ отраженіе духовнаго міра; низшій міръ содержитъ впечатлѣнія и слѣды высшаго міра ¹⁾).

Душа происходитъ отъ всеобщаго духа міра, причастна ему и подобна по существу, проста, духовна, безконечна и вѣчна. Она проникаетъ всѣ существа, носитъ ихъ въ себѣ въ духовномъ просвѣтленіи и охватываетъ ихъ съ быстротою ока. «Изъ пламени души создано тѣло и изъ него призвано къ бытію. Божество въ видѣ пламени вошло въ него». Соединившись съ тѣломъ и сдѣлавшись человѣкомъ, душа приходитъ въ тѣсную связь съ чувственнымъ міромъ и потому дѣлается чуждою своему высшему началу. Ея высшія силы, печать духовнаго міра, связуются, мракъ тѣлеснаго существа покрываетъ ее и омрачаетъ ея первоначальный блескъ; она, такъ сказать, дѣлается плотнѣе. Она находитъ тогда на свѣтлое зеркало, приставленное къ плотному и темному тѣлу. Но, чтобы она была въ состояніи подняться отъ мрака къ свѣту, творецъ даровалъ ей въ тѣлесномъ ея состояніи способность воспринимать впечатлѣнія чувствъ, дабы она посредствомъ познанія низшей сферы существъ могла доходить до высшаго міра. Если душа обращается къ своему началу, духу міра и, слѣдовательно, къ первобытному веществу, то можетъ выступить за предѣлы чувственной ограниченности. Если же она держится послѣдней, то теряетъ свое высшее бытіе и связь съ высшимъ міромъ ²⁾). Безсмертіе души настолько понятно изъ этого возрѣнія, что не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. — Человѣкъ, состоя изъ души и тѣла, образуетъ міръ въ маломъ (микрокосмъ) и относительно устройства и порядка есть вѣрное изображеніе высшаго міра. Существо духа міра, самое совершенное, простое и возвышенное въ постепенномъ ряду веществъ, объединяется съ нимъ посредствомъ души и дыханія жизни. Человѣкъ, одаренный душею, исходящею отъ духа, можетъ познать природу и строй высшаго міра и, хотя

¹⁾ Тамъ-же II. 1, 12, 23, 30; III. 1, 21, 27, 36; IV. 3—4, 24, V. 47—49.

²⁾ Тамъ-же I. 5; II. 5; III. 24; V. 65. Keter Malchut № 28—30.

не ясно, но всетаки понимать божество ¹⁾). Самая благородная часть человѣка есть его познавательная способность, посредствомъ которой онъ можетъ объять и проникнуть вселенную и такимъ путемъ достигнуть вѣчнаго блаженства. Для этого блаженства онъ и созданъ, это его высшее благо, его конечная цѣль. Поступки человѣка должны соответствовать его познаніямъ. Въ силу вѣрнаго познанія и соответственной дѣятельности человѣкъ можетъ сбросить съ себя стѣсняющія оковы природы, освободиться отъ присущаго ему, какъ тѣлесному существу, омраченія и темноты и вступить въ непосредственное общеніе съ высшимъ міромъ ²⁾).

На этой мысли пресѣкается система Ибнъ-Гиберолы; она едва намѣчаетъ переходъ отъ философскаго міровоззрѣнія къ религіозно-нравственной жизни (этика), не обозначая даже, какой родъ дѣятельности соответствуетъ познанію и имѣетъ освобождающее дѣйствіе. Ибнъ-Гиберола также мало разъясняетъ, какъ онъ примиряетъ свою систему съ юдаизмомъ, и находится ли съ нимъ въ соглашеніи или въ противорѣчій. Только изъ отдаленнаго свидѣтельства повидимому оказывается, что онъ, подобно Филону и Саадіи, аллегоризировалъ стихи изъ священнаго писанія ³⁾, чтобъ пріурочить ихъ къ идеямъ своей философіи. — Образъ мыслей Ибнъ-Гебиролы никоимъ образомъ не согласуется съ еврейскимъ ученіемъ. Сколько онъ ни старался дѣлать удареніе на словахъ о твореніи изъ ничего, однакожь, говоря строго, въ его системѣ не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ творествѣ въ буквальномъ смыслѣ. Вселенная, духовныя и тѣлесныя сферы истекаютъ изъ воли Божіей и образуютъ постепенныя нисходящія ряды: поэтому онѣ должны быть вѣчны подобно этой волѣ и первобытному существу. «Воля Божія дѣйствуетъ и творитъ вѣчно» ⁴⁾). На основанія этого воззрѣнія, міръ

¹⁾ Тамъ-же III. 6, 44.

²⁾ Тамъ-же I. 1—2.

³⁾ Смр. мѣсто изъ латинскаго перевода Mekor Chajim въ Мунка *Mélanges* p. 191. Зам. 1.

⁴⁾ Смр. Mekor Chajim III. 15; V. 34, 59, 63.

такъ-же вѣченъ, какъ и присущая Богу творческая сила. Система Ибнъ-Гебирола еще въ другомъ пунктѣ не согласуется съ ученіемъ еврейства. Евреи приписываютъ сотвореніе міра свободному дѣйствию воли Божіей; Богъ не былъ принужденъ къ тому, ни даже своимъ собственнымъ существомъ. Первобытное вещество и воля Божія, по мнѣнію Ибнъ-Гебирола, непременно должны творить, полнота истины должна истекать: отрѣшиться самой себѣ лежитъ въ основѣ божественной творческой силы¹⁾. Это воззрѣніе наконецъ какъ будто лишаетъ человѣка свободы воли, хотя и ставитъ его очень высоко въ міровомъ кругу. Душа, какъ она есть, происходитъ отъ высшихъ силъ и должна, нѣкоторымъ образомъ, слѣдовать стремленію своей природы²⁾.

Направленіе мыслей Ибнъ-Гебирола потому-то и встрѣтило въ еврейскихъ кружкахъ мало сочувствія и произвело едва замѣтное вліяніе. Еврейскіе мыслители нашли содержаніе чуждымъ и не могли привыкнутьъ къ нему, способъ же доказательства имъ казался слишкомъ запутаннымъ, неплавно изложеннымъ, мало послѣдовательнымъ и неудовлетворительнымъ. Тѣмъ большаго вниманія заслужила система Ибнъ-Гебирола у арабовъ и христіанскихъ схоластиковъ. Главное произведеніе его было переведено на латинскій языкъ по прошествіи столѣтія послѣ своего появленія. Одинъ христіанскій священникъ и одинъ крещеный еврей занялись его переводомъ. Нѣкоторые главные учителя христіанской схоластики усвоили воззрѣнія Ибнъ-Гебирола, другіе ратовали противъ нихъ, но тѣмъ не менѣе всѣ обратили на него вниманіе¹⁾.

¹⁾ Тамъ-же V. 68 и Dr. Joels Abhandlungen in Frankels Monatschrift Jahrg. 1859. S. 28 f.

¹⁾ Тамъ-же въ томъ-же изданіи. Jahrg. 1860. S. 36. Nota 1.

²⁾ Риттеръ утверждаетъ, что арабы воспользовались философіею Ибнъ-Гебирола, смр. Geschichte der christlichen Philosophie I. 611. На латинскій языкъ Mekor Chajim былъ переведенъ крещенымъ евреемъ Іоганомъ Авендратомъ и діакономъ Домингомъ (Доминикъ) Гунди Салви изъ Толедо (въ 1130—50), такимъ образомъ, что первый перевелъ сочиненіе на кастильскій, второй же на латинскій языкъ. Эпиграфъ къ переводу обозначенъ въ кодексе Bibliothèque Mazarine (сообщено Seyerlen theolog. Jahrbücher. Jahrg. 1856. S. 488). Слѣдующій finitus est tractatus quintus, qui est de materia universali et forma universali, et ex

Другой еврейскій философъ этого, богатаго великими людьми, времени шель по иному направленію, чѣмъ Ибнъ-Гебиrolа, но включилъ въ свою книгу также чуждые элементы, хотя и писалъ съ еврейской точки зрѣнія. Бахья (Бехая, Бахиель?) бенъ Іосифъ Ибнъ-Пакуда (Бакуда) представлялъ собою образецъ глубокой набожности и высокой нравственности и основалъ совершенно оригинальное нравственное богословіе еврейства. Бахья былъ одною изъ тѣхъ личностей, которыя своею душевною энергіею и глубоконравственною силою могутъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, произвести реформацію. О жизни этого еврейскаго моралиста ничего неизвѣстно, ни даже въ какой части Испаніи онъ жилъ; извѣстно только, что онъ былъ сподвижникомъ Іоны Ибнъ-Ганаха и Ибнъ-Гебиrolы (писалъ 1050—60), но на послѣд-няго не обращалъ вниманія. Бахья высказывается намъ весь, какъ онъ есть, въ своемъ сочиненіи «руководство къ внутреннимъ обязанностямъ», написанномъ имъ по арабски¹⁾. Сочиненіе это проникнуто глубокою, религіозно-нравственною строгостью, и въ немъ ничто не представляется важнѣе полной преданности внутреннему благочестію и Богомъ проникнутой святости жизни. Изслѣдованіе Библии, грамматика, поэзія, умозрительная философія, все, что въ тѣ времена столь сильно занимало умы, было по мнѣнію Бахьи предметами второстепенной важности, не стоящими труда серьезно

ejus consummatione consummatus est totus liber, cum auxilio die et ejus misericordia, Avencebrol. — Transtulit hispanis interpres linguæ Johannis tunc ex arabico non absque juvante Domingo. Объ этихъ двухъ переводчикахъ и ихъ времени смр. Jourdain, *Recherches critiques sur l'âge et l'origine des traductions latines I. III. § 8.* Воспользовались философскими сочиненіями Ибнъ-Гебиrolы: Вильгельмъ Овернскій, епископъ парижскій (у. 1248), Альбертъ Магнусъ, доминиканецъ, епископъ регенбургскій (писалъ 1250), Тома Аквинскій, также доминиканецъ (писалъ послѣ 1260) и Дунсъ Скотусъ (у. 1308). Смр. Munk тамъ-же с. 291. слѣд. — На еврейскій языкъ оно было переведено въ 1270 г. Шемомъ Тобомъ Фалаквера въ извлеченіи.

¹⁾ Арабское заглавіе *Kitab al-Hidajah ilâ Faraidh al-Kulub*; еврейское *Chobot ha-Lebabot*, имѣется въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Я указываю на изданіе Геллинека (Leipzig 1846) и въ особенности на введеніе издателя, въ которомъ литературно-историческое соединено съ библиографическимъ.

ими заниматься. Даже изученіе Талмуда не имѣеть въ его глазахъ большой цѣнности, если оно требуетъ только наружной набожности, исполненія предписаній и «обязанностей членовъ»¹⁾. Бахья Ибнъ-Пакуда стремился сдѣлать еврейство религіей внутренняго человѣка; онъ считалъ внутреннія обязанности, налагаемыя совѣстью, несравненно важнѣе предписаній религіознаго кодекса. Онъ, подобно христіанскимъ учителямъ язычниковъ, дѣлилъ еврейство на двѣ части: на чисто-религіозную, нравственно-законную, и на церемоніально-религіозную, и придавалъ первой гораздо больше важности, нежели второй.

Полнѣйшая преданность Богу и самоотверженная святость жизни, которыя Бахья ставитъ выше всего, были для него не простою теоріею, но напротивъ наполняли все его существо и доводили въ немъ добросовѣстность до мелочности. Въ своемъ произведеніи онъ, говоря о причинѣ, заставившей его написать это сочиненіе, даетъ намъ возможность заглянуть въ свое внутреннее состояніе. Онъ пишетъ, что въ современной ему еврейской литературѣ онъ безуспѣшно отыскивалъ себѣ путеvodителя для внутренне-религіозной жизни. А между тѣмъ ничего не можетъ быть важнѣе такового: разумъ, писанія и преданія, эти три основные источника истины, доказали, что безъ внутренняго пониманія религіозности, безъ «обязанностей сердца», какъ основной черты, религія нисходитъ на степень механическаго дѣйствія.

Потребность въ руководствѣ къ внутреннему благочестію и недостатокъ еврейскаго учебника нравственнаго богословія заставили Бахью выработать таковой сначала для себя. Для него было дѣломъ совѣсти уяснить себѣ, какъ онъ долженъ исполнять свою обязанность ежечасно и при каждомъ случаѣ, «дабы его мысли, чувства и дѣянія были угодны Богу». Выработавъ себѣ подобное руководство, Бахья счелъ своею обязанностью подѣлиться озарившимъ его свѣтомъ со своими единовѣрцами, «равнодушными къ исполненію религіозныхъ

¹⁾ Тамъ-же. Стр. 14, 19, 151.

постановленій, а тѣмъ болѣе обязанностей сердца». Онъ усумнился въ своей способности, считая свои силы недостаточными для обработки столь важнаго предмета и не владѣя вполне арабскимъ языкомъ; но, съ другой стороны, онъ долженъ былъ сознаться, что лѣньность представляетъ ему эту задачу труднѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. «Ибо душа склонна ко злу и, уставая дѣлать добро, ищетъ предлога предаваться покою. Каждый человѣкъ имѣетъ врага въ самомъ себѣ». Поэтому Бахья пересилилъ себя, чтобъ побѣдить возникшія въ немъ сомнѣнія, и этому обстоятельству еврейская литература обязана сочиненіемъ, которое пробудило тысячи къ истинной набожности и не имѣетъ себѣ подобнаго.

Хотя Бахья и ставилъ цѣлью всего человѣческаго стремленія чистоту души и помышленій, а знаніямъ придавалъ лишь второстепенную важность, однакожъ не могъ не заплатить дани современному направленію въ еврейскомъ кружкѣ, предавшемся философскимъ изслѣдованіямъ. И ему пришлось поставить во главѣ своей системы морали изслѣдованіе объ единствѣ божества и согласиться съ основою, что только возвышенное познаніе Бога можетъ опредѣлить ученіе объ обязанностяхъ. Въ первой главѣ его произведенія, «объ единствѣ Бога», нѣтъ ничего самобытнаго. Бахья слѣдуетъ въ ней еврейской схоластикѣ (мутацила), какъ она была выработана Саадіей и Давидомъ Алмокамнецомъ. Изъ величія Бога онъ выводитъ заключеніе о подчиненности человѣка, какъ существа ограниченаго, и говоритъ, что познаніе зависимости человѣка отъ Бога служитъ основаніемъ ученію объ обязанностяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ обязанъ служить Богу и исполнять Его святую волю. Эта воля Божія изъясняется въ письменномъ и устномъ ученіи еврейства. Второе послѣдствіе истиннаго Богопознанія составляютъ безусловная вѣра въ Него и равнодушіе къ житейскимъ потребностямъ. Этимъ достигается невозмутимое спокойствіе души. Богослуженіе лишь тогда имѣетъ значеніе, когда основывается на золотомъ двѣ чистыхъ помышленій.

Высшею человѣческою добродѣтелью онъ считаетъ смиреніе, а его побудительною причиною—любовь къ Богу.

Такое пониманіе религіи привело Бахью къ крайнему выводу, къ строгому аскетизму, казавшемуся ему высшею степенью житейской мудрости, которой человѣкъ въ состояніи достигнуть. По его мнѣнію, еврейство должно проповѣдывать умѣренность и воздержаніе. Патріархи отъ Еноха до Такова не имѣли законовъ, ограничивавшихъ наслажденія, да и не нуждались въ нихъ, потому что духъ ихъ постоянно былъ побѣдителемъ надъ плотью. Но ихъ потомковъ, евреевъ, пришлось принуждать къ воздержанію, потому что они развратились отъ сближенія съ египтянами и, нагрябъ добра при занятіи Ханаанской земли, предалися жаждѣ наслажденій. Поэтому законъ предложилъ назорейство. Чѣмъ болѣе развращался еврейскій народъ, тѣмъ болѣе отдѣльныя лица, въ особенности-же пророки, чувствовали склонность прекратить мірскія занятія и соприкосновеніе съ обществомъ, удалиться въ пустыни и вести созерцательную жизнь. Этому примѣру должно слѣдовать. Правда, невозможно всѣмъ отказаться отъ свѣта и его дѣятельности, такъ какъ это повело бы къ запустѣнію, чего Богъ не имѣлъ въ помысленіи; однакожь необходимо существованіе класса созерцателей, отказывающихся отъ свѣта (Peruschim), обязанныхъ служить для свѣтскихъ людей примѣромъ обуздыванія и укрощенія страстей. Бахья былъ близокъ къ прославленію монашества, къ которому въ средніе вѣка обнаруживало явную склонность какъ магометанское, такъ и христіанское населеніе. Не смотря на то, что онъ, какъ и его младшій современникъ, магометанскій философъ Алгацали, былъ хорошо знакомъ съ философіей, онъ посвятилъ бы однакожь, въ качествѣ еврейскаго суфи, свою жизнь монастырскому уединенію и созерцательному раздумью, если бы въ еврействѣ недоставало ему почвы для такой чрезмѣрной мечтательности. Потому-то нравственное богословіе Бахьи, какъ и философія Ибнъ-Гебиры, подкрашенная неоплатонизмомъ, не имѣло значительнаго вліянія.

Первый раввинскій вѣкъ такъ богатъ былъ самобытными умами, что создалъ личность, поставившую себѣ задачей поколебать твердую почву еврейства. Это былъ человекъ, котораго глубокія познанія въ философіи и врачебной наукѣ славилась также между арабами. Онъ назывался пространнымъ именемъ: Абу-Ибрагамъ Исаакъ Ибнъ-Кастаръ (или Сактаръ) бенъ Язусъ и къ тому же авторскимъ именемъ Ицхаки ¹⁾. Родомъ изъ Толедо (род. 982 у. 1057), онъ былъ лейбъ-медикомъ князей денійскихъ: Мугагида и сына его Али Икбаль-Аддаулы. Бенъ Язусъ сочинилъ еврейскую грамматику подъ заглавіемъ «составленія» и другое произведеніе подъ названіемъ Сеферъ Ицхаки ²⁾, въ которомъ проявилъ удивительную смѣлость во взглядахъ на Библию. Онъ утверждалъ, что часть пятикнижія (генезисъ), гласящая о царяхъ идумейскихъ, писана не Моисеемъ, а прибавлена спустя нѣсколько столѣтій,—критическое воззрѣніе, стоящее въ средніе вѣка совершенно особнякомъ, и лишь въ позднѣйшемъ времени получившее значеніе. Болѣе о бенъ Язусъ Ицхаки ничего неизвѣстно.

Не должно обойти молчаніемъ поэта, который въ полетѣ фантазіи, глубинѣ мыслей и изяществѣ формы имѣлъ себѣ равнаго лишь въ Соломонѣ Ибнъ-Гебиролѣ, но который, сколько извѣстно, оставилъ по себѣ только одно стихотвореніе, названное имъ «осиротѣлая пѣснь». Абу-Амръ Иосифъ бенъ Хасдай родился, вѣроятно, въ Кордовѣ. Двое его братьевъ, принужденныхъ во время военныхъ смуть бѣжать изъ Испаніи, находились подъ покровительствомъ государственнаго мужа Самуила Ибнъ-Нагрелы; одинъ изъ нихъ,

¹⁾ О биографіи бенъ Язуса см. Zeitschrift der deutsch-morgentl. Gesellschaft. Jahrg. 1854. S. 551 u. 1855. S. 838 изъ поэтики Моисея Ибнъ-Эзра. О тождественности бенъ Язуса и Ицхаки вѣрно заявляетъ бенъ Елизеръ Тобъ-Елемъ Сефарди въ zu Ibn-Esra (Handschr.), сообщенное въ Zion I. 46. Подъ именемъ Ицхаки понимать Исаака Израели, какъ это дѣлаетъ Иаковъ бенъ Реубенъ въ своей полемикѣ (рукопись), немисливо, потому что Исаакъ Израели ничего экзегетическаго не писалъ, исключая разсужденія о первой главѣ Генезиса. Кромѣ того Ибнъ-Эзра нигдѣ не называетъ его Ицхаки. О грамматикѣ бенъ Язуса см. Nota 1. II. и объ его библейской критикѣ см. Ibn-Esra zu Genesis 36, 32.

²⁾ Ибнъ-Эзра Sefer ha-Schem.

Абулвалидъ, былъ еврейскимъ грамматикомъ, удостоившимся похвалы отъ Ибнъ-Ганаха. Изъ уваженія и благодарности къ благородному покровителю Иосифъ бенъ Хасдай сочинилъ ту глубокомысленную, художественную, полную фантазій пѣснь, въ которой онъ восторженно прославляетъ Самуила и его молодаго сына Иосифа (около 1044—46)¹⁾. Самуиль, не принимавшій никакихъ подарковъ, ни даже дара хвалы, сочинилъ въ похвалу Иосифа бенъ Хасдая такую же пѣснь, съ такимъ же размѣромъ стиха, но едва-ли исполненную такой же поэтической прелести. Иосифъ бенъ Хасдай оставилъ по себѣ сына, занимавшаго потомъ въ Сарагоссѣ такое же положеніе, какъ Ибнъ-Нагрела въ Гранадѣ.

Самуиль, гордость испанскихъ евреевъ, носившій, по словамъ его біографа, четыре вѣнца: вѣнецъ мудрости, левитства, славы и надъ ними вѣнецъ великодушія²⁾, бывшій болѣе четверти вѣка душею еврейско-испанскихъ общинъ, умеръ искренно оплакиваемый своими современниками (1055). Они похоронили его передъ Эльвирскими воротами въ Гранадѣ, и сынъ воздвигнулъ ему роскошный памятникъ. Еще лучше увѣковѣчилъ его Соломонъ Ибнъ-Гебиrolа въ многихъ, но прекрасныхъ стихахъ:

Тебѣ приютъ открыло мое сердце,
И твой незыблемъ въ немъ покой.
Тебя ищу, тебя тамъ нахожу,
И, какъ душа моя, ты близокъ мнѣ³⁾.

Превосходный сынъ Самуила, Абу Хуссейнъ Иосифъ Ибнъ-Нагрела (р. 1031)⁴⁾, унаслѣдовалъ всѣ его должности. Царь Бадисъ благоволилъ къ нему такъ-же, какъ прежде къ его отцу, и назначилъ его визиремъ⁵⁾, а гранадская еврейская община выбрала его своимъ раввиномъ и вождемъ (Нагидъ),

¹⁾ См. Nota 3. II.

²⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

³⁾ Schire Schelomo № 28. — № 27 писанъ также на смерть Самуила, но невѣстна, Ибнъ-Гебиrolа ли авторъ его.

⁴⁾ См. подробности объ Иосифѣ въ Nota 3. I.

⁵⁾ Ибнъ-Хаянъ у Dozy, Einleitung zu Ibn-Adhari I. 97.

хотя ему было только двадцать лѣтъ отъ роду. Иосифъ получилъ царское образованіе. Отецъ выписалъ для него извѣстныхъ учителей изъ разныхъ странъ, и онъ уже въ молодости выказалъ полную зрѣлость ума. Иосифъ владѣлъ арабскимъ языкомъ такъ-же хорошо, какъ и отецъ его, и былъ, еще при жизни послѣдняго, секретаремъ наслѣднаго принца¹⁾. Отецъ женилъ его восемнадцати лѣтъ отъ роду не на богатой и знатной андалузкѣ, а на ученой и добродѣтельной дочери бѣднаго Р. Ниссима изъ Кайруана. Унаслѣдовавъ все величіе отца, Иосифъ, богатый, прекрасный собою, въ полной силѣ молодости, жилъ съ удивительною воздержанностью²⁾, составлявшею рѣзкій контрастъ съ расточительностью магометанской знати. Въ качествѣ министра Иосифъ заботился о благѣ государства, управляя имъ совершенно самостоятельно, подобно отцу своему, по примѣру котораго онъ также покровительствовалъ наукѣ и ея поборникамъ; и столь велика была его щедрость и столь поразительно благородство души, что даже арабскіе поэты воспѣвали его. «Поклонись его лику», сказалъ одинъ магометанинъ про него, «и ты найдешь счастье и надежду. Никогда еще другъ въ немъ не ошибался³⁾». Сыновей послѣдняго гаона изъ семейства изгнанниковъ, спасшихся бѣгствомъ въ Испанію, Иосифъ Ибнъ - Нагрела радушно принялъ и далъ имъ возможность найти въ Гранадѣ новую отчизну⁴⁾. Молодой еврейскій ви-зирь управлялъ, подобно отцу, училищемъ, преподавая въ немъ Талмудъ⁵⁾.

Только въ двухъ пунктахъ Иосифъ не походилъ на отца своего, а именно: онъ слишкомъ явно предоставлялъ своимъ единовѣрцамъ государственныя должности и былъ заносчивъ въ обращеніи съ подчиненными⁶⁾. Близкій его родственникъ

¹⁾ Тамъ-же S. 99.

²⁾ Тамъ-же S. 100.

³⁾ Алмаккари у Munk Notice sur Aboulvalid. S. 106.

⁴⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

⁵⁾ Тамъ-же. Сир. Zeitschrift Chaluz. Jahrg. II. S. 61.

⁶⁾ Тамъ-же у Munk. Тамъ-же S. 99, 104; у Dozy тамъ-же S. 100.

занималъ въ государствѣ первую послѣ него должность ¹⁾. Этимъ Іосифъ возбудилъ къ себѣ и къ евреямъ ненависть варварійцевъ, господствующаго въ Гранадѣ населенія. Нѣсколько случаевъ во время его управленія довели эту ненависть до ярости. Между наслѣднымъ принцемъ Балкиномъ и Іосифомъ, его бывшимъ секретаремъ, существовала обоюдная антипатія. Балкинъ внезапно умеръ, и явилось подозрѣніе, что онъ былъ отравленъ, вслѣдствіе чего царь Бадисъ приказалъ казнить нѣсколькихъ слугъ и женъ принца, какъ виновниковъ его смерти. Остальные скрылись, боясь подвергнуться тому же наказанію (1064). Народъ же предполагалъ, что принца отравилъ Іосифъ ²⁾. Другой случай, въ которомъ Іосифъ выказалъ себя сколько человѣкомъ, столько и политикомъ, преданнымъ своему государю, лишилъ его, повидимому, расположенія Бадиса. Между господствующими варварійцами въ Гранадѣ и другихъ мѣстахъ Испаніи и чистокровными арабами существовала такая племенная ненависть, что каждый городъ, имѣвшій смѣшанное населеніе, дѣлился почти на два лагеря. Царь Бадисъ, узнавъ однажды, что варварійскій властитель Ронды лишился жизни вслѣдствіе возбужденнаго севильскимъ царемъ возстанія, исполнился недовѣрія къ арабамъ своей столицы. Онъ ежеминутно боялся попасть въ западню и пастъ, подобно своему единоплеменнику, жертвою возстанія. Бадисъ составилъ дьявольскій планъ умертвить, при помощи своего войска, всѣхъ арабовъ столицы во время богослуженія въ пятницу. Онъ сообщилъ этотъ планъ своему еврейскому министру, безъ котораго ничего не предпринималъ, прибавивъ, что никакіе доводы не въ состояніи поколебать его рѣшенія и что онъ ожидаетъ отъ него строжайшаго молчанія. Но Іосифъ, считая планъ убійства величайшею политическою ошибкою, принялъ всѣ мѣры для внушенія жаждущему крови царю того же убѣжденія. Онъ растолковывалъ ему убѣдительно,

¹⁾ У Dozy. S. 90.

²⁾ Тамъ-же. Стр. 84, 98.

что планъ можетъ не удался и что арабы города и окрестностей могутъ для самосохраненія взяться за оружіе, и что даже въ случаѣ, если все арабское населеніе падеть безъ обороны, опасность не минуетъ, а возрастетъ еще, ибо это возбудитъ сосѣднія чисто-арабскія государства, какъ напримѣръ севильское, и принудитъ ихъ предпринять въ отмщеніе походъ противъ губителя ихъ единоплеменниковъ. «Я ихъ вижу», говорилъ съ увлеченіемъ Іосифъ, «вижу яростно стремящуюся толпу, вижу, какъ каждый изъ нихъ замахивается мечемъ надъ твоею главою, царь, и какъ враги, безчисленные подобно волнамъ морскимъ, бросаются на тебя, и ни ты, ни войска твои съ ними совладать не въ состояніи». Такъ говорилъ еврейскій государственный мужъ.

Но Бадисъ оставался при своемъ рѣшеніи и въ этомъ смыслѣ отдавалъ приказанія своимъ начальникамъ войска. Іосифъ-же считалъ своею обязанностью отвратить бѣду отъ арабскаго населенія и царя, вопреки волѣ послѣдняго, рискуя при этомъ собственною жизнью. Посредствомъ женщинъ, пользовавшихся его довѣріемъ, онъ тайно предупредилъ арабовъ столицы, чтобы они не являлись въ слѣдующую пятницу въ мечеть, но укрывались. Они поняли намекъ и послѣдовали ему. Въ пятницу войска были разставлены около дворца. Но шпионы Бадиса нашли въ мечети лишь варварійцевъ и незначительное число арабовъ изъ низшаго класса. Бадисъ долженъ былъ отказаться отъ своего плана, но гнѣвъ его обратился на министра, котораго онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ довѣренной ему тайнѣ, за что и дѣлалъ ему жестокіе упреки. Іосифъ не сознался въ томъ, что предупредилъ арабовъ, и утверждалъ, что царь таинственными военными распоряженіями самъ выдалъ свой планъ. Въ заключеніе онъ присовокупилъ, что царь долженъ благодарить Бога за свое спасеніе отъ неминуемой опасности. «Настанетъ время, когда ты согласишься съ моимъ взглядомъ на это дѣло и оцѣнишь данные мною тебѣ совѣты». И одинъ варварійскій шейхъ также подтвердилъ слова визиря, вслѣдствіе чего Бадисъ и успокоился. Но въ душѣ его осталась непріязнь къ его

еврейскому министру, и онъ былъ исполненъ недовѣрія къ нему. Иосифъ могъ держаться на своемъ мѣстѣ лишь посредствомъ шпіоновъ, передававшихъ ему каждое слово царя¹⁾. Варварійское-же населеніе, замѣтивъ, что еврейскій министръ не былъ въ полной милости у государя, рѣшилось на заговоръ противъ него, чтобы выместить на немъ ненависть свою къ нему и къ евреямъ. О немъ распускались все болѣе и болѣе невыгодные слухи. Враги его взяли верхъ. Магометанскій поэтъ-фанатикъ, Абу-Исхакъ аль-Элвири, однимъ жгучимъ стихотвореніемъ подстрекнулъ къ дѣйствию ненависть гранадскихъ мусульманъ къ евреямъ:

«Скажи Зингагитамъ, сильнымъ, сего времени и лъвамъ пустыни — господи́нь вашъ оскорбилъ законы, онъ воздалъ честь невѣрующимъ. Онъ сдѣлалъ министромъ (Катибъ) еврея, между тѣмъ какъ могъ найти таково́го между вѣрующими. Евреи предаются безумнымъ надеждамъ, возвышаются до господства и обращаются горделиво съ мусульманами²⁾».

Это возбуждающее стихотвореніе вскорѣ было въ устахъ всѣхъ магометанъ; оно было предвѣстникомъ смерти Иосифа.

Вскорѣ по одному случаю противники его въ своей ярости дошли до убійства. Войска сосѣдняго государя, Алмотасема Алмерійскаго, вторглись въ гранадскую область и при этомъ распространили слухъ, будто ихъ государь состоитъ въ тайномъ соглашеніи съ Иосифомъ, по зову котораго они и вступили на территорію гранадскаго государства, такъ какъ онъ замыслилъ предать страну Алмотасему. Насколько было правды въ этомъ слухѣ, остается неизвѣстнымъ. Быть можетъ самъ Алмотасемъ, желая содѣйствовать низверженію предусмотрительнаго еврейскаго министра, распустилъ противъ него эту сплетню. Какъ только распространились показанія алмерійскихъ солдатъ, сингагиты, въ сопровожденіи толпы черни, бросились въ тотъ же день, и именно въ субботу, ко дворцу Иосифа. Узнавъ о возмущеніи, Иосифъ спрятался въ сарай съ углемъ и тамъ, чтобы не быть узнан-

¹⁾ Въ Dozy и Nota 3, I.

²⁾ Almakkarî въ Munk тамъ-же, S. 102 и слѣд.

нымъ, вымазалъ себѣ лицо углемъ. Но разъяренные враги тѣмъ не менѣе узнали его, убили и распяли предъ гранадскими городскими воротами ¹⁾. Такимъ несчастнымъ образомъ покончилъ свою жизнь молодой министръ на тридцать пятомъ году отъ роду (9 Тебетъ = 30 Декабря 1066) ²⁾. Многіе гранадскіе евреи, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, также пали при этомъ жертвами ярости разъяренныхъ убійцъ. Слишкомъ 1500 еврейскихъ семействъ были въ этотъ день убиты, а дома ихъ разграблены ³⁾. Только весьма немногимъ удалось уйти отъ этой рѣзни, въ томъ числѣ женѣ Іосифа, которая, съ малолѣтнимъ сыномъ Азаріею, бѣжала въ Луцену. Но при этомъ изъ имущества ихъ уцѣлѣла до того незначительная доля, что и мать и сынъ принуждены были жить на счетъ луценской общины. Значительное собраніе книгъ Іосифа было частью продано, частью расхищено. Велика была печаль, возбужденная участію, постигшей еврейскихъ мучениковъ Гранады и въ томъ числѣ благороднаго еврейскаго князя. Одинъ арабскій поэтъ, воспѣвшій Іосифа еще при его жизни, даже посвятилъ ему элегію, въ которой встрѣчаются слѣдующія слова: «Для меня вѣрность составляетъ религію и она повелѣваетъ мнѣ пролить слезу скорби въ память этого еврея». Но за эту слезу старались очернить магометанскаго поэта при дворѣ короля алмерійскаго и всячески предостерегали этого послѣдняго не оказывать ему гостепріимства. Но на это государь возразилъ: «Въ поэтѣ этомъ, надо полагать, бьется сердце благородное и честное, если онъ не убоился оплакать печальную участь убитаго еврея; я же знаю такихъ мусульманъ, которые даже о живыхъ своихъ единовѣрцахъ мало заботятся» ⁴⁾.

Возстаніе въ Гранадѣ противъ Іосифа Ибнъ-Нагрелы было первымъ гоненіемъ противъ евреевъ на Пиренейскомъ полуостровѣ со времени владычества на немъ ислама. Гоненіе это,

¹⁾ У Dozy. Тамъ-же, стр. 101.

²⁾ См. Note 3. I.

³⁾ У Dozy тоже Авраамъ Ибнъ-Даудъ; Ибнъ-Берга Schebet Jehuda. № 5.

⁴⁾ Алмаккари у Munk, тамъ-же стр. 105 и слѣд.

какъ кажется, продолжалось еще нѣкоторое время, ибо евреи, жившіе въ гранадскомъ государствѣ, принуждены были эмигрировать и продать всѣ свои недвижимыя имущества¹⁾, хотя для еврейскихъ жителей въ другихъ частяхъ Испаніи гоненіе осталось безъ послѣдствій²⁾. Князья или короли отдѣльныхъ областей, которые послѣ паденія халифата въ Кордовѣ сдѣлались независимыми, до того ненавидѣли одинъ другаго и такъ сильно завидовали другъ другу, что лица, преслѣдуемыя однимъ изъ нихъ, непременно находили себѣ покровительство и защиту у его противниковъ. Такъ три знатные еврея, изгнанные изъ Гранады (стр. 19), были радушно приняты королемъ севильскимъ Аббадидомъ Алмутгадидомъ. По назначенію этого короля Іосифъ Ибнъ-Мигашъ I занялъ весьма почетную должность. У короля сарагосскаго Алмутгадира Биллага, ревностнаго покровителя наукъ и поэзіи, былъ визирь также изъ евреевъ, Абу-Фадгль, сынъ поэта Іосифа Ибнъ-Хасдая, состязавшагося съ Ибнъ-Гебиролою изъ-за пальмы первенства въ поэзіи (стр. 54). Этотъ Абу-Фадгль Хасдай (род. въ 1040 г.) былъ также поэтъ, но писалъ свои стихотворенія исключительно на арабскомъ языкѣ, хотя и зналъ по-еврейски. Одинъ арабскій знатокъ и судья беллетристическихъ произведеній, говоря о немъ, выразился слѣдующимъ образомъ: «Когда Абу-Фадгль слагалъ стихи, то казалось, будто присутствуешь при какомъ-то волшебствѣ; не стихи выходили изъ-подъ его пера, а чудеса³⁾». Абу-Фадгль былъ знакомъ и съ другими отраслями науки; онъ зналъ музыку теоретически и практически. Любимымъ же его занятіемъ была повидимому положительная философія. Блестящія свойства его ума обратили на него вниманіе властелина Сарагоссы, который и сдѣлалъ его своимъ визиремъ (1066). Позднѣйшіе арабскіе историки утверждаютъ, что Абу-Фадгль принялъ исламъ, такъ какъ иначе онъ не

1) Видно изъ Alfassi Responsa № 131.

2) Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

3) Ибнъ Хакаятъ, Мунка, Notice, S. 209; — тамъ-же собраны и всѣ другія извѣстія объ Абу-Фадглѣ.

могъ бы принять сана визиря; къ этому они прибавляютъ еще и то, что страстная любовь къ одной магометанской дѣвушкѣ заставила его отступиться отъ еврейства. Впрочемъ не должно придавать большой вѣры этому показанію, такъ какъ по еврейскимъ источникамъ онъ до конца оставался евреемъ¹⁾. Къ тому же извѣстно, что арабы, завидуя появленію какой либо замѣчательной личности въ рядахъ евреевъ, охотно клеймили ее позоромъ вѣроотступничества.

Смертью возвышеннаго поэта-философа, Соломона Ибнъ-Гебиры, замыкается первый раввинскій вѣкъ. Мрачное настроеніе этого поэта должно было еще болѣе омрачиться послѣ трагическихъ происшествій въ Гранадѣ, потому ли, что онъ самъ во время рѣзни находился въ этомъ городѣ, или потому, что издали глубоко и всею душою скорбѣлъ о печальной участи, постигшей Иосифа со многими его единовѣрцами. Онъ повидимому находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Иосифомъ Ибнъ-Нагрелю и пользовался его поддержкою. Послѣднія его стихотворенія полны скорби о жестокой судьбѣ, издавна преслѣдовавшей народъ израильскій. «Зачѣмъ надъ сынами царей владычествуетъ рабъ? Слишкомъ тысячу лѣтъ длится мое изгнаніе; я подобенъ птицѣ, жалобно стенающей въ пустынѣ. Куда дѣвался первосвященникъ, который испросилъ-бы, чтобы ниспосланъ былъ конецъ такому положенію» (1068)²⁾. Въ теченіе послѣдняго года своей жизни Соломонъ Ибнъ-Гебиры жалобно пѣлъ на ту же тѣму: «Годы наши проходятъ въ бѣдствіяхъ и нуждѣ; мы жаждемъ свѣта, а насъ настигаетъ мракъ и униженіе; рабы управляютъ нами. Вавилонъ господствовалъ надо мною до самаго своего паденія; послѣ него меня угнетали Римъ, Ява и Персія, и раскидали во всѣ концы вселенной; а вотъ уже четыреста шестьдесятъ одинъ годъ, какъ притѣсняетъ меня измаильтянинъ» (со времени геджиръ 1069)³⁾. То были поистинѣ лебединыя пѣсни

¹⁾ Саадія Ибнъ-Дананъ, въ Chemda Genusa, p. 16, a.

²⁾ и ³⁾ Литургически-поэтическія произведенія Ибнъ-Гебиры; первое начинается со словъ: «Schores bnoi Ischai»; второе со словъ: «Schnosenu sof bedalos».

поэта Ибнъ-Гебирылы. Послѣдніе годы своей жизни, послѣ долгихъ странствованій, онъ провелъ въ Валенціи, гдѣ и умеръ (1069 или 1070), едва достигнувъ пятидесяти лѣтъ. Существуетъ легенда, гласящая, будто одинъ арабскій поэтъ, изъ зависти къ высокому лирическому таланту Ибнъ-Гебирылы, убилъ его, а трупъ его зарылъ подъ фиговымъ деревомъ. Дерево это стало покрываться необычайно роскошнымъ цвѣтомъ, такъ что обращало на себя вниманіе всѣхъ прохожихъ, пока не было открыто наконецъ злодѣяніе, совершенное надъ благороднымъ поэтомъ. Израильскій народъ былъ тѣмъ фиговымъ деревомъ, которое Ибнъ-Гебирыла, напиталъ сокомъ своей поэзіи, и этимъ далъ ему возможность облечься въ роскошный нарядъ цвѣтовъ.

Въ то время, какъ въ Испаніи во множествѣ появлялись замѣчательныя личности, Франція и Германія напротивъ были бѣдны людьми съ творческими силами, и исторія евреевъ въ этихъ государствахъ въ данную эпоху носитъ на себѣ отпечатокъ давленія. Правда, существованіе ихъ ничѣмъ не стѣснялось: они по прежнему оставались землевладѣльцами. могли безъ стѣсненія заниматься воздѣлываніемъ своихъ виноградниковъ, а также ремеслами и торговлею, хотя были обязаны платить родъ еврейской дани властелину области, въ которой жили¹⁾. Время отъ времени возбуждались, конечно, гоненія на евреевъ, какъ то случилось напр. въ Лионѣ (1049), когда евреи были перебиты, а имущество ихъ перешло въ руки духовенства²⁾. Французскіе воины, отправлявшіеся въ Испанію съ цѣлью предпринять крестовый походъ противъ тамошнихъ магометанъ, тоже убивали на пути не малое количество евреевъ (1065); въ этихъ случаяхъ графъ Бернгаръ нарбоннскій усердно защищалъ евреевъ, жившихъ въ его городѣ³⁾. — Весьма поучительна перемена, происшедшая въ одиннадцатомъ вѣкѣ во взглядѣ на евреевъ.

¹⁾ Responsa des Meier von Rothenburg № 940 und 941; — Vaisette: histoire de Languedoc II, p. 260.

²⁾ Menestrier: Histoire civile de la ville de Lyon, p. 244.

³⁾ Histoire de Languedoc II, p. 214.

Въ прежнія времена духовенство имѣло обыкновеніе возбуждать чернь противъ сыновъ израильскихъ; такъ поступали и Авить Клермонскій, и Агобардъ и Амолъ изъ Ліона. Теперь духовенство, напротивъ, защищало евреевъ отъ неистовой ярости ослѣпленной толпы, за что получило похвальный отзывъ отъ папы Александра II, запретившаго всякое насиліе противъ евреевъ. Убивать сарациновъ есть обязанность христіанъ, такъ какъ и они съ своей стороны всячески преслѣдуютъ христіанъ, но евреевъ, живущихъ вообще мирно, слѣдуетъ щадить. — Такія временныя невзгоды, конечно, не были бы въ состояніи сокрушить духъ евреевъ, если бъ только онъ стоялъ на болѣе высокой точкѣ развитія. Но во французскихъ и нѣмецкихъ евреяхъ отсутствовали какъ смѣлое вдохновеніе, такъ и высокое умственное развитіе, и если въ этомъ отношеніи они не стояли ниже своихъ земляковъ христіанъ, то не стояли и выше ихъ. Главнымъ ихъ занятіемъ, какъ по сю сторону Рейна, такъ и по ту, было старательное изученіе Талмуда, къ которому пріохотилъ ихъ Р. Гершонъ. «Они лишаютъ себя сна, чтобы углубиться въ изученіе Талмуда».

Замѣчательнѣйшимъ изъ талмудическихъ авторитетовъ того времени былъ во Франціи Р. Юсифъ бенъ Самуиль Тобъ-Элемъ⁴⁾ (Bonfils), бывший раввиномъ общинъ, находившихся въ Лимузенѣ и Анжу, который не создалъ однако ничего самостоятельнаго, а занимался исключительно изданіемъ старыхъ сборниковъ; издалъ сборникъ распоряженій танаитовъ и амореевъ, рѣшеній гаона Іегуды и гаонскихъ сужденій и заботился о распространеніи этихъ сборниковъ. При этомъ Тобъ-Элемъ былъ также плодовитымъ литургическимъ поэтомъ, но стихи его лишены плавности и къ тому же не поэтичны: совершенно во вкусъ тогдашняго германско-французскаго риѣмотворства. Рядомъ съ нимъ упоминаются три брата (изъ Манса?): Илія старшій, Іекутіель и Исаакъ, сыновья Менагема; послѣдніе два были талмудическими авто-

⁴⁾ См. основательное изслѣдованіе профессора Луццато: *Betha-Ozas*, p. 48 и *Landeguta; Amudé Aboda*, 96, f.

ритетами въ Орлеанѣ. Первый, зять Р. Гая, былъ литургическій поэтъ; подобно многимъ своимъ предшественникамъ и по примѣру современника своего Соломона Ибнъ-Геби-ролы, онъ въ свою очередь изложилъ въ стихахъ 613 обязанностей іудейства (Asharot) ¹⁾. Но какая разница между испанскимъ и французскимъ евреемъ поэтомъ! У этихъ трехъ братьевъ была сестра, по имени Целлетъ, тоже обученная Талмуду ²⁾. Въ числѣ французско-еврейскихъ писателей того времени слѣдуетъ еще упомянуть двухъ братьевъ, которые оба занимались толкованіемъ священнаго писанія, хотя съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Оба жили въ Мансѣ. Одинъ изъ нихъ, Менагемъ бенъ Хелбо ³⁾, трудился исключительно надъ отыскиваніемъ простаго смысла словъ священнаго писанія. Впрочемъ объясненія Менагема не отличаются глубиною, что и понятно, такъ какъ еврейскіе ученые Франціи и Германіи имѣли лишь весьма поверхностное понятіе о грамматикѣ древне-еврейскаго языка; они были знакомы не болѣе, какъ съ пособіями для элементарнаго обученія Бенъ-Сарука и Дунаша. Со всѣмъ тѣмъ толкованія Менагема бенъ Хелбо представляютъ, какъ первая попытка разумнаго толкованія библии на французской почвѣ, явленіе не безынтересное. Менагемъ бенъ Хелбо составилъ къ библии полный комментарий, изъ котораго однако уцѣлѣли лишь небольшіе отрывки. — Братъ его Симеонъ бенъ Хелбо Кара ⁴⁾ (получившій свое имя отъ чтенія отрывковъ изъ священнаго писанія, читавшихся по субботамъ) не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о трезвомъ, основанномъ на разумѣ, толкованіи библии, но придерживался агадскаго изложенія въ томъ видѣ, въ какомъ оно въ то время было принято въ еврейскихъ кружкахъ Германіи и Франціи. Для этой цѣли Симеонъ Кара собралъ всѣ извѣстныя ему агадскія изреченія изъ сочиненій болѣе древнихъ временъ, переложилъ ихъ въ стихи и

¹⁾ См. источники у Ландсгута, тамъ-же, стр. 13. слѣд.

²⁾ Note 1, III.

³⁾ См. Geiger Parschandata, S. 17.

⁴⁾ См. дѣльно составленный обзоръ Рапапорта Kerem Chemed VII, стр. 4.

назвалъ этотъ сборникъ «Ялкутомъ». — Такимъ же собирателемъ агадскихъ изреченій былъ Р. Моисей изъ Нарбонны¹⁾, проповѣдникъ (Darschan) этой общины; сборникъ его извѣстенъ подъ заглавіемъ: «Берешитъ Рабба».

Въ Германіи классическою страною по части изученія Талмуда считалась въ ту эпоху Лотарингія, и «лотарингскіе мудрецы» (Chachme Lothar) имѣли вѣсь и значеніе руководящихъ авторитетовъ. Подъ этимъ названіемъ подразумѣвали представителей талмудическихъ школъ въ Майнцѣ и Вормсѣ. Въ Вормсѣ въ это время (1034) была только-что построена синагога, которая, выстроенная въ византійскомъ стилѣ съ колоннами и придѣлами, считалась въ свое время великолѣпнымъ произведеніемъ зодчества, храмомъ въ миниатюрѣ, и которую чудесныя сказанія окружили ореоломъ славы. Синагогу эту построили на свой счетъ бездѣтные супруги Іаковъ бенъ Давидъ и жена его Рахиль, за что благодарная община увѣковѣчила ихъ имена надписью и учрежденіемъ ежегоднаго праздника въ память ихъ²⁾. Въ это время лотарингскими авторитетами были Р. Исаакъ Галеві (Сеганъ Левіа) бенъ Элеазаръ въ Вормсѣ, отецъ трехъ ученыхъ сыновей; затѣмъ Р. Яковъ бенъ Якаръ въ Майнцѣ и Р. Исаакъ бенъ Іегуда, жившій сперва въ Вормсѣ, а потомъ бывшій раввиномъ въ Майнцѣ³⁾. Всѣ они въ качествѣ учениковъ Р. Гершома занимались какъ устнымъ, такъ и письменнымъ изложеніемъ Талмуда, давали отвѣты на юридическіе вопросы, а при случаѣ толковали и священное писаніе согласно агад-

¹⁾ См. Zunz Gottesdienstliche Vorträge, стр. 287 и слѣд.

²⁾ Надписи вѣриѣ всего переданы въ «Эпитафіяхъ Вормскаго кладбища» Л. Левисона, стр. 104. Годъ окончанія постройки синагоги ясно обозначенъ: *Ellul 794 der Weltaera* (1034). Другая дата выражена стихомъ, который изображаетъ число 946. Число это является загадкою, ибо имъ опровергается первое. Мнѣ оно кажется обозначеніемъ года, принимая за эру разрушеніе храма: $946 + 68 = 1014$ и обозначаетъ годъ, въ который было начато строеніе синагоги, длившееся стало быть отъ 1014 до 1034 года. Предположеніе Левисона, утверждающаго, будто синагога была только реставрирована въ упомянутое время, не согласуется съ надписью.

³⁾ См. Zunz въ его *Zeitschrift zu Raschi's Biographie und zur Geschichte* стр. 63; дополненіе къ этому Симеона Блоха, стр. 7, — Левисонъ, стр. 14 и 101.

скимъ воззрѣніямъ. Впрочемъ трудовъ особенно важныхъ и замѣчательныхъ они не оставили. Если мы въ заключеніе упомянемъ еще литургическаго поэта Веніамина бенъ Самуила¹⁾ изъ Констанца (?), — который написалъ много си-нагогальныхъ молитвъ и получилъ почетный титулъ «Поэтана», — то этимъ будетъ исчерпано все богатство по части знаменитостей еврейской Германіи того времени. Какое скудное число замѣчательныхъ людей въ сравненіи съ богатствомъ выдающихся личностей въ еврейской Испаніи! Благочестіе германскихъ евреевъ, и въ особенности ихъ вождей, отличалось мрачнымъ характеромъ съ сильнымъ оттѣнкомъ раскаянія. Имъ постоянно казалось, что въ религіозномъ отношеніи все что они дѣлаютъ — мало. Такъ, изъ чрезмѣрной религіозной совѣстливости они праздновали день покаянія²⁾ два дня, вмѣсто одного, и оба дня сряду безъ перерыва соблюдали наистрожайшій постъ.

Въ сердцахъ западно-европейскихъ евреевъ одинъ мистикъ, родомъ должно быть изъ Италіи, пробудилъ въ то время надежду на явленіе Мессіи. Онъ сочинилъ откровеніе Мессіи (апокалипсисъ) и издалъ его подъ заглавіемъ «Книга Зоровавеля»³⁾, въ которой предсказалъ, что между годами 1063

¹⁾ См. Ландсгута: Amude Aboda, стр. 53.

²⁾ Raschi Pardes, стр. 44, d. и P. Гай. Сообщено Каранномъ въ Pinsker Likuté, Noten, стр. 144. прим.

³⁾ Въ мистической книгѣ *Sefer Zerubabel* неоднократно повторяется: по истеченіи 990 л. со времени разрушенія храма, т. е. въ 1068 г. явится сынъ Давидовъ. За пять лѣтъ до этого придетъ Мессія изъ колѣна ефремова и будетъ убитъ. Это сочиненіе впервые напечатано въ Константинополѣ въ 1519 г. въ сборникѣ подъ заглавіемъ: Likutim Schonim. Въ новѣйшее время Еллинекъ издалъ его по двумъ рукописямъ (Bet-ha-Midrash II, 54—57). Оба изданія сильно искажены (виленскаго отъ 1819 г. я не знаю), но могутъ дополнять одно другое. Относительно Мессіи изъ колѣна ефремова въ изданіи Еллинека сказано: Moschiach ben Chefzi-bo iowoi Neu schonim *Achar* Iosif, что несправедливо; вѣрнѣе въ grincers Lifnei Chefzi-bo. Сочиненіе это мнѣ кажется составлено въ Италіи: заключаю это отчасти на основаніи того, что въ немъ ведется полемика противъ Рима съ папою во главѣ, а отчасти и изъ того, что авторъ очевидно очень коротко знакомъ съ римскою исторіею. Онъ пишетъ, напр.: 70 царей будутъ править Римомъ, десятый изъ нихъ разрушитъ храмъ (ed. J. p. 55). И въ самомъ дѣлѣ Титъ былъ десятымъ императоромъ: Октавій Августъ, Тиверій, Калигула, Клавдій, Неронъ, Гальба, Оттонъ, Вителлій, Веспасіанъ, Титъ. Знакомство съ тремя

и 1068 появятся чудесныя знаменія, имѣющія сопровождать время избавленія, которое наступитъ съ пришествіемъ Мессіи на землю. Но хотя пророчество его и не оправдалось, тѣмъ не менѣе его списаніе конца бѣдствій Израиля по своей формѣ, которая не лишена поэтическаго вдохновенія, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. — Царскій сынъ изъ дома Давида, Зоровавель, — въ лицѣ котораго совершился переходъ династіи Давида отъ царей къ князьямъ изгнанія, — увлекается желаніемъ проникнуть будущность народа израильскаго и узнать что либо о Мессіи Избавителѣ. Душа его изливается въ пламенной молитвѣ. Нѣкій духъ, летя съ нимъ между небомъ и землею, переноситъ его въ Римъ, «городъ крови». Здѣсь, по указанію свыше, онъ вступаетъ на рыночной площади въ позорный домъ, гдѣ видитъ безобразнаго и покрытаго ранами человѣка, который, въ отвѣтъ на его вопросъ, объясняетъ ему, что мѣсто это — великій Римъ. Человѣкъ съ отвратительною наружностью открываетъ Зоровавелю, что онъ Мессія, сынъ Давидовъ; когда же Зоровавель недовѣрчиво отворачивается отъ него, онъ внезапно превращается въ прекраснаго и сильнаго юношу, послѣ чего признается ему, что онъ долженъ оставаться прикованнымъ къ Риму до тѣхъ поръ, пока не наступитъ конецъ. И ангель Метаторонъ является Зоровавелю, подтверждаетъ слова Мессіи и объясняетъ, что этотъ послѣдній родился еще во времена Навуходоносора, духомъ былъ перенесенъ въ Римъ, гдѣ его скрываютъ, давъ ему совѣмъ иную наружность, говоритъ, будто Мессія носитъ названіе: Менагемъ бенъ Аміель (утѣшитель, сынъ народа Божьяго). Затѣмъ Ангель Метаторонъ открываетъ время, когда взойдетъ свѣтило Израиля и

эфемерными цезарями: Гальбою, Оттономъ и Вителліемъ, показываетъ такое знаніе римской исторіи, какимъ не могъ бы похвастаться даже извѣстный испанскій историкъ Авраамъ Ибнъ-Даудъ (въ *Sichron diwre Roimi*), а тѣмъ менѣе нѣмецкій или французскій еврей или даже восточный. Только италянцу могъ быть извѣстенъ этотъ эпизодъ римской исторіи. Сочиненіе это написано между 1050—1060 годами. Первую ссылку на него дѣлаетъ Ибнъ-Эзра въ 1150 г. и именно, какъ на апокрифическое прибавленіе къ Исходу 2. 22.

Мессія выступитъ открыто. Сперва явится предтеча Мессіи изъ колѣна Ефрема или Іосифа, именемъ Ноэмія бонъ Хушіель, который соберетъ сыновъ Израиля, отведетъ ихъ въ Іерусалимъ и тамъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ будетъ совершать жертвоприношенія ¹⁾. — Но Армилай, происшедшій отъ мраморной глыбы, имѣвшей образъ ²⁾ женщины, и отъ сатаны, отъявленный врагъ Мессіи (антимессія), рыжеволосый, съ длинными какъ у обезьянъ руками, роста исполинскаго, со впалыми глазами и головою о двухъ рогахъ, поведетъ противъ него войну, убьетъ, а народъ израильскій разсѣетъ по пустынь. Тогда Богъ вручитъ матери Менагема, по имени Хефци-Бахъ, чудный жезлъ, разсвѣтшій жезлъ Аарона, который хранился въ Тиберіи. Вооруженная этимъ чуднымъ жезломъ, мать Мессіи пойдетъ войною и, не смотря на свое безсиліе, побѣдитъ двухъ сильныхъ царей.

Затѣмъ, по истеченіи девятисотъ девяноста лѣтъ, считая отъ разрушенія втораго храма (1068), Хефци-Бахъ передастъ чудотворный жезлъ своему сыну, который послѣ этого внезапно явится въ долину Арбельской. Но мудрецы Израиля не увѣруютъ въ него, видя въ немъ наружность и видъ раба. Тогда онъ предстанетъ передъ ними во всемъ своемъ величій, войдетъ съ пророкомъ Іліею во врата Іерусалима и воскреситъ убитаго Ноэмію. Триумвиратъ Мессіи, Менагемъ и оба предтеча, поднимутъ изъ глубины океана всѣхъ тѣхъ, которые, будучи преслѣдуемы за вѣру, нашли себѣ смерть въ его волнахъ. Земля потрясется въ самыхъ основаніяхъ, горы распадутся, гора Елеонская треснетъ. Израильтяне, и близкіе и дальніе, соберутся со всѣхъ странъ, и Мессія приведетъ къ овдовѣвшей матери Сіона ея сыновъ. Дыханіемъ своимъ онъ убьетъ злодѣя Армилая. Храмъ востанетъ вновь во всемъ своемъ великолѣпій и будетъ построенъ на пяти холмахъ. — А между тѣмъ евреи, вмѣсто того чтобы собраться

¹⁾ Такъ въ ed. princers; — въ изданіи-же Еллинека искажено: вмѣсто 40 двѣй сказано 40 лѣтъ.

²⁾ См. объ этой легендѣ Исторію, кн. V, стр. 496.

во едино подъ знаменемъ Мессіи, все болѣе и болѣе разсѣивались и селились на каждомъ мало-мальски обработанномъ и имѣющемъ кое-какую культуру клочкѣ земли.

Мало по малу евреи и восточной Европы тоже выступаютъ изъ мрака неизвѣстности. За этотъ періодъ времени они успѣли поселиться въ Богеміи, Моравіи и Польшѣ. Пражская община считаетъ себя старѣйшею въ Европѣ и какъ на доказательство своей древности указываетъ на надгробный памятникъ, поставленный за сто лѣтъ до начала христіанства. Но слясь доказать слишкомъ много, они, собственно говоря, ничего не доказываютъ. Достоверно извѣстно только то, что въ десятомъ столѣтіи евреи дѣйствительно уже были въ Богеміи, гдѣ даже владѣли невольниками изъ христіанъ, и апостоль Пруссіи, бывший раньше архіепископомъ пражскимъ, Войтехъ Адальбертъ, видѣлъ тревожные сны, предвѣщавшіе ему, что вѣрующіе во Христа должны будутъ служить евреямъ (до 990 г.)¹⁾. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ евреи въ предмѣстьѣ Вышеградскомъ считались такими богачами, что одна моравская княгиня могла сказать своему корыстолюбивому зятю, королю богемскому, съ которымъ была во враждѣ: «Богатыхъ людей, которыхъ ты ищешь среди насъ, ты можешь найти въ своей собственной землѣ. Въ пражскомъ предмѣстьѣ и въ селѣ Вышеградъ есть евреи, которые тонуть въ золотѣ и серебрѣ; обратись къ нимъ²⁾». Всѣ же остальные рассказы о богемскихъ евреяхъ, — какъ напр. рассказъ о томъ, будто они христіанами были призваны на помощь противъ пражскихъ язычниковъ, а затѣмъ снова изгнаны и головы ихъ сочтены, при чемъ оказалось, что ихъ было 5200 человекъ, — есть не болѣе, какъ пустой

¹⁾ Vita Adalberti въ Canisius, Thesaurus monumentarum ecclesiasticorum sive lectiones antiquæ, Т. III, pars 1, p. 49, 60. Древніе надгробные памятники пражской общины были уничтожены во время гоненія 1389 г., а изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени самый древній относится къ 1439 г. — См. Rappaport's Einl. zu gal. ed. p. XXXVII.

²⁾ Cosmas von Prag: Chronicon Boemorum II. 45 bei Pertz monumenta Germaniæ. Т. IX, p. 98, до 1091 года.

вымыселъ позднѣйшихъ писателей ¹⁾). Въ Моравіи въ одиннадцатомъ столѣтіи евреи также жили. Одинъ изъ нихъ, по имени Подива, выстроилъ укрѣпленный замокъ, который назвалъ своимъ именемъ (недалеко отъ Лунденбурга на границахъ Моравіи и Австріи, до 1067 г.) ²⁾ Во вновь образовавшемся королевствѣ польскомъ и преимущественно въ тогдашнемъ главномъ его городѣ Гнѣзенѣ евреи въ одиннадцатомъ столѣтіи также владѣли христіанскими рабами, что не воспрещалось имъ, не смотря на то, что господами страны были христіане ³⁾.

Культура евреевъ, жившихъ на западѣ Европы, была дужда ихъ восточно-европейскимъ братьямъ по религіи. О Талмудѣ же послѣдніе также не имѣли понятія и только уже сто лѣтъ позднѣе упоминаются — и то въ весьма скудномъ числѣ — нѣкоторые знатоки Талмуда въ Богеміи, Польшѣ и Россіи. Даже трудно рѣшить съ достовѣрностью, откуда восточно-европейскіе евреи пришли первоначально: съ запада-ли, или изъ южной Россіи, и къ какой собственно сектѣ принадлежали, къ сектѣ-ли раввинистовъ или караймовъ. — Караймы за это время до того упали въ умственномъ отношеніи, что не могли указать ни одного замѣчательнаго человѣка изъ своей среды. Единственный караймскій писатель этого времени, Іаковъ бенъ Рубенъ, ⁴⁾ издатель комментарія къ Библии (*Sefer ha-Oscher*, около 1050 г.). жившій по всей вѣроятности въ Византійскомъ государствѣ, не обогатилъ науки ни одною самостоятельною мыслью, а только

¹⁾ См. относительно ложныхъ вымысловъ Гагека по поводу богемскихъ евреевъ до перваго Крестоваго похода Ерша и Грубера Энциклопедію. Sect. II, T. 27, p. 127, b. гдѣ они критически опровергнуты.

²⁾ *Cosmas bei Pertz. das. p. 80.*

³⁾ *Anonymus Chronica Polonorum* въ *Pertz. das. p. 445* есть до 1025 г. Предположеніе о болѣе раннемъ появленіи евреевъ въ Польшѣ не подтверждается ни однимъ достовѣрнымъ источникомъ. Еврейско-польскія же монеты, на которыя ссылаются какъ на доказательство, очевидная поддѣлка.

⁴⁾ Пинскеръ вполне удачно доказалъ, что Караймы этотъ писалъ не во время перваго Крестоваго похода, а между годами 1010 — годомъ Мессіи по указанію Іафета — и 1088 — годомъ, въ который Абулфарагъ-Іешуа составилъ свой Комментарій. См. *Likuté Kadmonijot*, въ прибавленіи № 8.

собирали и связали — и то бездарно — мнѣнія авторитетовъ болѣе ранней эпохи. — Даже любимый ихъ предметъ, грамматика древне-еврейскаго языка, надъ которымъ они трудились съ самаго начала своего появленія, былъ у нихъ такъ плохо разработанъ, что одинъ ученый того времени, составитель древне-еврейскаго лексикона (на арабскомъ языкѣ), Али-Ибнъ-Сулейманъ, принужденъ былъ принять за руководство правила и грамматическія примѣчанія, сдѣланныя Гаюгомъ ¹⁾. Раввинисты, хотя по многимъ предметамъ были учениками караимовъ, до того опередили въ теченіе одного столѣтія своихъ учителей на ихъ собственномъ поприщѣ, что послѣднимъ оказалось не подъ силу слѣдовать за ними. Наиболѣе же полного мастерства въ области науки достигли преимущественно испанскіе раввинисты.

¹⁾ Тамъ-же. Текстъ, стр. 195.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Второй раввинскій вѣкъ. Эпоха Исааковъ и эпоха Ицхаки.

Исаакъ Ибнъ-Албалия, его положеііе и дѣятельность. — Исаакъ Ибнъ-Гіатъ, Исаакъ Алфасси. — Раши, жизнь его, дѣятельность и школа. — Евреи въ Италіи; Р. Натанъ изъ Рима. — Евреи въ христіанской Испаніи. — Еврейскіе совѣтники, Исаакъ Ибнъ-Шалбибъ и Циделій. — Императоръ Генрихъ IV и папа Григорій VII въ отношеніи къ евреямъ. — Альфонсъ Кастильскій и его еврейскіе совѣтники. — Смерть Ибнъ-Шалбиба, Ибнъ-Гіата и Ибнъ-Албалии. — Алфасси въ Испаніи. — Караимы въ Испаніи. — Ибнъ-Алтарасъ; Іезуа Абу-Алфарагъ. — Преслѣдованіе Караимовъ Іосифомъ Алкабри. — Циделій въ немилости.

1070—1196.

Первое преслѣдованіе евреевъ на андалузской территоріи, воздвигнутое въ Гранадѣ магометанскими фанатиками, хотя и произвело въ первое мгновеніе временное потрясеніе во многихъ еврейскихъ общинахъ Испаніи, но все же было не въ состояніи ни привести ихъ въ уныніе на долгое время, ни произвести застоя въ ихъ возвышенныхъ стремленіяхъ. Наука и поэзія до того вошли въ природу южно-испанскихъ евреевъ, что развѣ только часто повторяющіеся удары судьбы смогли бы угасить въ нихъ любовь къ умственнымъ занятіямъ. Гранадское преслѣдованіе такъ и осталось единичнымъ явленіемъ и не имѣло подражанія. Хотя жители Гранады и убили министра, а съ нимъ и многихъ другихъ евреевъ, но это не помѣшало другимъ государямъ и эмирамъ приглашать къ своимъ дворамъ даровитыхъ евреевъ, назначать ихъ на важныя должности и этимъ вообще уровнять до извѣстной степени положеніе евреевъ съ положеніемъ, занимаемымъ гос-

подствующимъ въ государствѣ населеніемъ. Одинъ арабскій историкъ жаловался, что вожди правовѣрныхъ, предавшись наслажденіямъ, передавали свою власть въ руки евреевъ, назначая ихъ гагибами, визирями и интимными секретарями ¹⁾. Примѣръ магометанскихъ дворовъ остался не безъ вліянія даже на христіанскія государства, которыя въ свою очередь стали принимать на государственную службу талантливыхъ евреевъ, извлекая изъ ихъ ловкости, способностей и честности немалую пользу на пути къ увеличенію своего могущества. Вотъ почему ни успѣхи христіанскаго оружія, ни постепенное распаденіе магометанскихъ государствъ не имѣли вначалѣ ни малѣйшаго вліянія на положеніе евреевъ въ Испаніи. Подъ владычествомъ креста они жили въ Испаніи такъ-же спокойно, какъ жили подъ владычествомъ полумѣсяца, и могли безпрепятственно предаваться врожденной въ нихъ любви къ научнымъ изслѣдованіямъ. Соревнованіе на поприщѣ науки и поэзіи не только не охладѣвало, но по возможности еще усиливалось, и число евреевъ преданныхъ умственнымъ интересамъ росло годъ отъ году. Однако послѣ вѣка Ибнъ-Нагрелы и Ибнъ-Гебиры поэзія, филологія, изслѣдованіе священнаго писанія и философія, хотя и имѣли своихъ усердныхъ адептовъ, однако уступили первенствующее мѣсто изученію Талмуда, который изъ всѣхъ отраслей знанія изучался теперь съ наибольшимъ рвеніемъ и до нѣкоторой степени сдѣлался центромъ всего. Впрочемъ самыя изслѣдованія и толкованія Талмуда получили нѣсколько иной характеръ: они стали самостоятельны и были основаны на критикѣ. Какъ талмудисты, такъ и раввинисты стали отставать отъ традиціоннаго, гаонами введеннаго способа толкованія, и начали путемъ сравнительнаго метода и остроумныхъ догадокъ прокладывать себѣ совершенно самостоятельную дорогу. Талмудическая логика снова получила высокое значеніе и была введена одновременно въ Испаніи, Африкѣ и Франціи. Напротивъ, хорошихъ поэтическихъ произведеній въ этотъ періодъ появлялось

¹⁾ Анонимный авторъ въ «Dozy, Scriptorum Arabum». loci II, p. 16.

сравнительно мало. По части грамматическихъ и экзегетическихъ изслѣдованій, представителями которыхъ былъ Моисей Ибнъ-Гикатилла и Ибнъ-Баламъ, тоже прибавилось лишь очень немного къ добытымъ раньше результатамъ; въ области же философіи не было сдѣлано за это время ровно ничего. Но за то изученіе Талмуда, представители котораго были геніальные люди, получило широкое развитіе и стало на весьма высокую точку, вслѣдствіе чего труды ученыхъ эпохи гаоновъ мало по малу совершенно отходятъ на задній планъ. Эти лица, изъ которыхъ пятеро носили имя Исаака, а шестой назывался Ицхаки, должны быть признаны передовыми людьми втораго равинскаго вѣка. Исаакъ Ибнъ-Албалія, извѣстный также въ качествѣ общественнаго дѣятеля; Исаакъ Ибнъ-Гіатъ и Исаакъ бенъ-Реубенъ, оба талмудисты и кромѣ того литургическіе поэты; Исаакъ Ибнъ-Сакни, извѣстный менѣе двухъ вышеназванныхъ; Исаакъ Алфасси и Соломонъ Ицхаки, которые оба создали самостоятельную учебную систему, далеко превосходящую гаонскій методъ. Съ біографіею этихъ лицъ тѣсно связана исторія этой эпохи.

Исаакъ бенъ Барухъ Албалія возводилъ свое происхожденіе къ одному благородному іерусалимскому изгнаннику, по имени Барухъ, котораго Титъ якобы послалъ въ Мериду къ одному проконсулу, для введенія въ Испаніи шелководства, которыхъ издавна занимались въ его семьѣ (К. V). Впослѣдствіи родъ Албаліевъ переселился въ Кордову и принадлежалъ къ высшей знати андалузской столицы. Молодой Исаакъ (род. 1035, ум. 1094) съ раннихъ лѣтъ проявлялъ большія умственныя способности и пламенную любовь къ наукамъ. Астрономія, математика, философія и изученіе Талмуда въ равной мѣрѣ поглощали его вниманіе и время. Его преподавателемъ Талмуда былъ ученый французъ, по имени Поригоръ. Самуиль Ибнъ-Нагрела поощрялъ его въ ученіи подарками, а сынъ его Іосифъ своимъ богатствомъ обезпечилъ ему независимое положеніе. Исаакъ Ибнъ-Албалія жилъ попеременно то въ Кордовѣ, то въ Гранадѣ усвоего великодушнаго

покровителя ¹⁾. Хотя онъ также шутя занимался поэзією и одинъ эстетикъ (Харизи) назвалъ его стихи „проникающими въ сердце“ ²⁾, тѣмъ не менѣ умъ его былъ склоненъ преимущественно къ серіознымъ наукамъ.

Едва тридцати лѣтъ отъ роду Исаакъ Ибнъ-Албалія занялся составленіемъ комментарія, съ цѣлью выяснить наитруднѣйшія мѣста въ Талмудѣ; онъ озаглавилъ этотъ трудъ «пестрою всякой всячиною» ³⁾, но не довелъ его до конца по причинѣ значительнаго объема. Въ то же время онъ работалъ надъ астрономическимъ сочиненіемъ объ основахъ еврейскаго календаря; сочиненіе это извѣстно было подъ заглавіемъ «Иббуръ» и было посвящено имъ его покровителю Іосифу Ибнъ-Нагрелѣ (около 1065) ⁴⁾. Въ этомъ сочиненіи Исаакъ Албалія велъ полемику противъ своихъ предшественниковъ, подвизавшихся на томъ же поприщѣ, противъ Саадіи, о которомъ отзывается впрочемъ съ большимъ уваженіемъ, и противъ Гассана бенъ Маръ-Гассана, также писавшаго на эту тему ⁵⁾.

Находясь въ то время у своего друга Іосифа, Исаакъ Ибнъ-Албалія счастливо избѣжалъ смерти въ день кровавой рѣзни въ Гранадѣ. Послѣ этого онъ постоянно жилъ въ Кордовѣ. Здѣсь его узналъ и оцѣнилъ благородный и пылавшій любовью къ наукѣ и поэзіи аббадидскій принцъ Абул-кассимъ Могаммедъ. Войдя на севильскій престолъ подъ именемъ Ал-Мутамеда (май 1069), онъ пригласилъ его къ своему двору и сдѣлалъ своимъ астрологомъ, но не столько для вычисленія звѣздныхъ путей, сколько для предсказанія ему будущаго изъ положенія созвѣздій. Хотя царь Севильи отличался высокимъ образованіемъ и храбростью, однакожь былъ подверженъ астрологическому заблужденію своего вре-

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

²⁾ Tachkemoni Pforte 3.

³⁾ Kurat ha-Rochelim.

⁴⁾ Авраамъ Бенъ-Хія Sefer ha-Ibbur. ed. Filipowski, p. 55 и Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

⁵⁾ Тамъ-же. стр. 54, 55, 60, 94; — см. кн. V. стр. 396.

мени ¹⁾. Сверхъ того, онъ назначилъ Исаака Албалію княземъ всѣхъ общинъ своего государства, которое посредствомъ счастливыхъ завоеваній сдѣлалось самымъ могущественнымъ во всей магометанской Испаніи и простиралось на сѣверъ до Кордовы и на востокъ до Мурси. Слѣдовательно, Исаакъ имѣлъ, подобно Ибнъ-Хасдаю, Ибнъ-Гауфъ и Ибнъ-Нагрелъ, титулъ князя (Nassi) ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ раввиномъ общинъ севильскаго царства и признавался таковымъ же внѣ послѣдняго. Такъ какъ ал-Мутамедъ былъ очень щедръ къ своему астроному, то Исаакъ имѣлъ возможность обзавестись большимъ собраніемъ книгъ. Онъ купилъ большую часть разоренной бібліотеки своего несчастнаго покровителя, Іосифа Ибнъ-Нагрелы. Наравнѣ со своимъ государемъ, ал-Мутаметомъ, почетнѣйшимъ властелиномъ въ Испаніи, Исаакъ былъ самымъ почетнымъ и умнымъ мужемъ между испанскими евреями. Благодаря ему, прекрасная Севилья сдѣлалась центромъ еврейской Испаніи, какимъ были передъ тѣмъ Кордова и Гранада. Мутамедъ, послѣдній благородный государь изъ племени Арабовъ въ Испаніи, имѣлъ при своемъ дворѣ еще одного еврейскаго чиновника, Ибнъ-Мишала, исполнявшаго его дипломатическія порученія ³⁾.

О жизни его сподвижника, Исаака бенъ Іегуды, Ибнъ-Гіата, иначе бенъ Мошии (р. около 1030, у. 1089), мало извѣстно. Онъ происходилъ изъ знатнаго и богатаго семейства, жившаго въ Луценѣ (близъ Кордовы). Оба Ибнъ-Нагрелы являли ему въ молодости его много доказательствъ высокаго уваженія, и онъ былъ преданъ имъ всею душою. Послѣ трагической кончины Іосифа Ибнъ-Нагрелы, Ибнъ-Гіатъ много хлопоталъ о назначеніи его сына, Абунассара Азаріи, раввиномъ луценскимъ, но смерть похитила послѣдняго потомка благороднаго семейства. Вѣроятно, по ходатайству Ибнъ-

¹⁾ Conde, historia de la dominacion de los Arabes en Espanna II. 20.

²⁾ Такъ называетъ его Авраамъ Ибнъ-Даудъ въ Responsum въ Temim Deim № 224 и Серахья Галеви въ Maor къ Sabbat II.

³⁾ Gayangos history of the dynasties Appendice II, p. XXXII.

Гіата, жена Іосифа Ибнъ - Нагрелы, ученая дочь кайруанца Р. Ниссима, содержалась прилично до конца жизни луценскою общиною ¹⁾). Вслѣдствіе учености и добродѣтели Исаака Ибнъ-Гіата, луценская община избрала его своимъ духовнымъ главою. Литургическая поэзія, философія и Талмудъ были тремя предметами его занятій.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ Ибнъ-Гіата мало самобытнаго ²⁾). Мягкое теченіе рѣчи и риѣмы, прелесть и грація, увлекательная теплота чувствъ и красота картинъ, чистота и художественность отдѣлки частностей, поэтическая плавность и свѣжесть, присущія произведеніямъ Ибнъ-Гебирылы, совершенно чужды стихотвореніямъ Ибнъ-Гіата. Онъ бы могъ справедливо быть названъ калиромъ испанской школы за свои выраженія, часто темныя и неуклюжія, твердыя и грубыя, за свою загадочность объясненій и бѣдность словъ при обилии мыслей. Онъ часто переполнялъ свои гимны заимствованіями изъ естественной исторіи и философіи, что придавало имъ видъ учености. Привлекательны его пѣсни покаянія. При граціозной формѣ и чистотѣ рѣчи, при сжатой краткости, онѣ образуютъ какъ бы мѣста отдохновенія для созерцающей души. Это—молитвы о прощеніи грѣховъ, напоминанія искренняго раскаянія, возврата къ Богу и благочестивыя желанія о сохраненіи удрученнаго народа и его святости. Его многочисленныя литургическія стихотворенія вошли въ нѣкоторыхъ общинахъ въ составъ богослуженія, вытѣснивъ другіе, болѣе древніе, отдѣлы ³⁾).

Свои философскія познанія Исаакъ Ибнъ-Гіатъ употребилъ на толкованіе загадочной книги съ философскимъ направленіемъ, книги «Когелетъ». Трудъ этотъ удостоился похвалы отъ позднѣйшихъ ученыхъ, но не сохранился. Плодотворнѣе всего были его занятія въ области Талмуда. Для обрядовой практики онъ составилъ родъ компендіума о праздничныхъ

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

²⁾ Sachs, religiöse Poesie der Juden in Spanien, стр. 261.

³⁾ См. Landshut Amude Aboda I., стр. 111 и слѣд.

и постныхъ днѣхъ, который выясняетъ узаконенныя религіей опредѣленія Талмуда и гаонскихъ рѣшеній ¹⁾).

Исаакъ бенъ Реубенъ Албергелони (р. 1043) переселился въ молодости изъ Барселоны въ укрѣпленный приморскій городъ Деніа, значительная община котораго отличалась богатствомъ и благородствомъ. Одно уважаемое тамъ лицо, нѣкто Ибнъ-Альхатошъ, выдалъ за него свою дочь, послѣ чего избрали Исаака раввиномъ и сульею. Толкованіе Талмуда казалось и этому третьему Исааку достойною и важною задачею²⁾. Онъ обладалъ также способностью систематическаго изложенія. Тридцати пяти лѣтъ отъ роду, онъ перевелъ съ арабскаго на еврейскій языкъ сочиненіе Р. Гая о талмудическомъ торговомъ правѣ, и при этомъ скромно замѣтилъ, что въ могущихъ встрѣтиться ошибкахъ слѣдуетъ винить переводчика, а не автора (1078). Въ глубокой старости онъ написалъ самостоятельное систематическое сочиненіе о талмудическомъ гражданскомъ правѣ ³⁾. Его также вдохновляла серьезная муза. Онъ написалъ новые апараты сильнымъ, но неплавнымъ языкомъ, и украсилъ свои стихотворенія библейскими стихами, примѣняя ихъ съ удивительнымъ остроуміемъ. Исаакъ Албергелони первый изобрѣлъ еврейскій мозаическій слогъ, сплетая библейскіе стихи въ остроумно-замысловатомъ перетолкованіи ⁴⁾.— Когда онъ явился въ Деніа, то четвертый Исаакъ бенъ Моисей Ибнъ-Сакнай выселился оттуда, вѣроятно, вслѣдствіе нанесеннаго ему оскорбленія, и отправился на востокъ, гдѣ, въ Пумбадиттѣ, получилъ должность законоучителя и титулъ гаона. Такъ много измѣнились времена. Между тѣмъ какъ въ прежнее время западъ прислушивался къ словамъ восточныхъ гаоновъ, теперь, спустя только полвѣка по смерти гаона Гая, онъ въ состояніи былъ посылать учителей въ страну, гдѣ была колыбель Талмуда, и лицо, не-

¹⁾ Дербургъ въ Geiger's Zeitschrift V. стр. 396 и слѣд.

²⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

³⁾ Schaare Schebuot.

⁴⁾ Выдержки изъ его стихотвореній въ Geiger: jüdische Dichtungen der Spanischen Schule стр. 4 и Ozar Nechmad II., 188 и слѣд.

признанное въ Испаніи, служило все еще авторитетомъ для нѣкогда столь гордой Пумбадитты ¹⁾).

Всѣхъ четырехъ Исааковъ превзошелъ знаніемъ и глубокомысленнымъ пониманіемъ Талмуда пятый: Исаакъ бенъ Яковъ Алфасси или Алкалай. Родившись въ Кала-Ибнъ-Гаммадѣ, близъ Феца (1013), онъ слушалъ послѣднихъ африканскихъ авторитетовъ, Р. Ниссима и Хаванеля, и сдѣлался по смерти ихъ (около 1050) носителемъ Талмуда въ западной Африкѣ. Равнодушный къ научнымъ предметамъ, которыми занимались способные евреи Испаніи и Африки, повинувшись своему внутреннему побужденію и стремясь къ вѣшной выгодѣ, Алфасси обратилъ всю силу своего пронипательнаго ума на глубочайшее изслѣдованіе Талмуда. Алфасси обладалъ глубоко серьезною, самостоятельною натурою, которая не привыкла держаться проторенной колеи, а прокладывала себѣ новые пути. Такъ какъ въ Талмудѣ часто встрѣчаются по одному и тому же предмету противорѣчія опредѣленія, то на практикѣ вошло въ обычай руководиться гаонами и принимать за правило ихъ объясненія и рѣшенія. Алфасси же перешелъ отъ комментаріевъ къ тексту и съ свойственнымъ ему остроуміемъ старался отдѣлить въ Талмудѣ все вѣрное, непреложное и важное отъ сомнительнаго, поверхностно-изложеннаго и вспомогательнаго. Рѣшеній гаонскихъ авторитетовъ онъ не признавалъ правиломъ для себя. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ сочиненіе, которое въ свое время хотя и было оспариваемо, но потомъ сдѣлалось нормою для всего еврейства. Въ своихъ галахотахъ онъ выбралъ изъ Талмуда все то, что имѣетъ значеніе на практикѣ, очистилъ его отъ малѣйшаго сомнѣнія и точно опредѣлилъ его. Сочиненіе Алфасси заставило забыть всѣ прочія подобныя произведенія прежнихъ временъ, появившіяся въ продолженіи трехъ вѣковъ со времени гаона Йегуды. Алфасси своимъ сочиненіемъ ²⁾ прио-

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

²⁾ По всей вѣроятности Алфасси составилъ свои Halachot еще въ Африкѣ. Это явствуетъ изъ показаній Р. Серахьи, что при старости авторъ измѣнилъ

брѣлъ себѣ громкое имя и по ту сторону пролива, въ Испаніи, гдѣ имѣлъ еще больше почитателей, чѣмъ въ отчизнѣ.

Французъ Саломонъ Ицхаки былъ по своей проникательности и самостоятельности такою же блестящею звѣздою въ области Талмуда, какою былъ Алфасси, но отличался большею многосторонностью; не обладая равною смѣлостью, онъ обращалъ на все болѣе вниманія. Соломонъ Ицхаки, извѣстный подъ именемъ Раши, родился въ Труа (Шампань) въ тотъ самый годъ, въ который умеръ мученическою смертью послѣдній гаонъ; это обстоятельство какъ будто предвѣщало, что принятое Раши новое направленіе вполне замѣнитъ паденіе стараго порядка вещей. Мать его была сестрою Симона бенъ-Исаака (кн. V), высокоуважаемаго за услуги, оказанныя майнцкой общинѣ, и за литургическую поэзію; отецъ его также былъ талмудскимъ ученымъ. Итакъ, Раши былъ какъ будто вскормленъ грудью Талмуда, и, дѣйствительно, онъ только жилъ и дышалъ имъ. Его женили, вѣроятно, согласно предписанію Талмуда, на восемнадцатомъ году, прежде чѣмъ его умъ достигъ полной зрѣлости. Для усовершенствованія себя въ изученіи Талмуда онъ посѣщалъ основанную въ Майнцѣ Р. Гершомомъ талмудскую школу, находившуюся теперь подъ управленіемъ Іакова бенъ-Якара, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ также слушателемъ Исаака Галеви и Исаака бенъ-Іегуды въ Вормсѣ и Р. Эліакима въ Шпейерѣ¹⁾. Подобно Р. Акибѣ, онъ, ради ученія на чужбинѣ, бросилъ домъ и жену. Онъ самъ про себя рассказывалъ, при какихъ печальныхъ обстоятельствахъ продолжалъ свои ученныя занятія, «безъ хлѣба и одежды, неся иго супружества»²⁾. Время отъ времени, вѣро-

своему прежнему взгляду (Maor къ Pesachim II и Aboda Sara V), а также изъ того, что Исаакъ Албалія, немного лѣтъ спустя послѣ переселенія Алфасси, полемизировалъ противъ Halachot (Temim Deim, № 224).

1) См. объ этомъ Раши Pardes p. 49 a, b; 34 а вверху и Levysohn Epitaphium der Wormser Gemeinde, стр. 101. О Раши подробно Цунцъ въ своей Zeitschrift и въ «zur Geschichte und Literatur», далѣе Simson Bloch, Leben Raschi's. Но собственно біографическаго въ этихъ сочиненіяхъ мало. Я привожу поэтому лишь одни вновь отысканные факты, остальное находится въ названныхъ сочиненіяхъ.

2) Раши Responsa in Chofes Matmonim Гольдберга № 1. Стр. 2 вверху.

ятно по праздникамъ, навѣщалъ онъ жену свою, но постоянно возвращался въ нѣмецкія, или, какъ ихъ тогда называли, лотарингскія учебныя заведенія. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду (1064) онъ переселился на постоянное жительство въ Труа. При своей скромности онъ не подозрѣвалъ, что уже въ то время почитали его талмудскою ученостью¹⁾. Натанъ бенъ-Махиръ, изъ благороднаго семейства Махира, обратился къ нему съ вопросами по предметамъ, только вполонину входящимъ въ область Талмуда, и Раши искусно и глубокомысленно отвѣтилъ на нихъ съ трогательною скромностью, присущею только ему²⁾. Старому раввину, Р. Дорбалу, обратившемуся къ нему съ вопросомъ, касавшимся гражданскаго права, онъ отвѣтилъ: почему-же Дорбаль, старикъ, требуетъ свѣдѣній отъ него, юноши? вѣроятно, онъ изъ любви къ нему желаетъ его испытать, чтобы порадоваться отвѣту юноши³⁾. Въ первыхъ отвѣтахъ Раши, выражавшихъ его мнѣніе, уже сказался не новичекъ, идущій ощупью, а опытный, знающій свое дѣло ученый. Его учителя въ письмахъ своихъ отзывались о немъ также съ лестною похвалою. Исаакъ Галеви писалъ къ нему изъ Вормса: «Благодаря тебѣ, вѣкъ не осиротѣлъ, и желательно, чтобы между израильскимъ народомъ было много похожихъ на тебя». Онъ увѣрялъ его, что у cadaго путешественника справлялся о немъ и радовался его здравію⁴⁾. Исаакъ бенъ-Іегуда обращается къ Раши въ началѣ одного изъ своихъ писемъ съ слѣдующими словами: «На небесахъ любимому и на землѣ жалуемому, владѣющему сокровищами царей (Талмудомъ), съ пѣлію вникать въ самое сокровенное»⁵⁾.

По всей вѣроятности община въ Труа и окрестности выбрала его своимъ раввиномъ, хотя объ этомъ не имѣется по-

¹⁾ Тамъ-же, Pardes 34 а.

²⁾ Responsa, тамъ-же; содержится и въ Pardes 23 b.

³⁾ Тамъ-же № 12. Responsum встрѣчается и въ Pardes 23 и въ Mardochai къ Cholin VII. Издатель Раши Responsa могъ бы сравненіями исправить искаженный текстъ своего кодекса.

⁴⁾ Тамъ-же № 13.

⁵⁾ Тамъ-же № 14.

казаній. Но жалованья онъ по этой должности не получалъ. Въ то время, когда безпристрастный историкъ могъ писать о главахъ церкви временъ папы Гильдебрандта (Григорій VII): «Никто въ государствѣ не могъ получить должности епископа или аббата, если не имѣлъ много денегъ и не принималъ участія въ развратѣ; изъ священниковъ заслуживалъ похвалу тотъ, чья одежда была лучше, столъ роскошнѣе и наложницы прекраснѣе¹⁾»; въ это время и еще долго послѣ того въ еврейскихъ кружкахъ считалось позоромъ и грѣхомъ, если раввины брали деньги за исполненіе своихъ обязанностей. Раввинство было почетною должностію въ странахъ христіанства и ислама и поручалось достойнѣйшему, и раввинъ обязанъ былъ служить своей общинѣ примѣромъ не только въ познаніяхъ, но и добродѣтеляхъ. Трезвость, умѣренность и равнодушіе къ богатству были качествами, которыя сами собою подразумѣвались въ раввинѣ. Раши вполне соответствовалъ образцу раввина, и еврейское потомство видѣло въ немъ незапятнанный идеалъ. Современники также почитали его высшимъ авторитетомъ. Со всѣхъ концовъ Германіи и Франціи обращались къ нему за совѣтами, и въ отвѣтахъ его видны какъ глубокое знаніе дѣла, такъ и милая кротость характера.

По смерти лотарингскихъ преподавателей Талмуда (около 1070), ученики стекались со всѣхъ концовъ Германіи и Франціи въ училище Раши въ Труа; на Раши смотрѣли, какъ на достойнаго ихъ преемника. Онъ преподавалъ Библію и Талмудъ. Раши до того начитался Талмуда, что для него не было въ немъ ничего непонятнаго. Въ толкованіи Талмуда онъ превзошелъ всѣхъ предшественниковъ, такъ что о немъ справедливо говорили, что безъ него радѣли бы о вавилонскомъ Талмудѣ столь же мало, какъ и объ іерусалимскомъ²⁾. Его толкованія, написанныя имъ подъ заглавіемъ «Комментарій» (Konteros) на большую часть талмудскихъ трактатовъ,

¹⁾ Schlosser Weltgeschichte VI, 225.

²⁾ Menahem b. Zerach введене къ Zede ha-Derech.

служать хорошими образцами схолий: они просты, кратки, но вмѣстѣ съ тѣмъ понятны и ясны. Написавъ свое сочиненіе удобопонятнымъ талмудскимъ языкомъ, онъ не сказалъ ни одного лишняго слова и не опустилъ ни одного необходимаго. Объясненія какъ словъ, такъ и самого предмета, рассчитаны столько же для начинающаго, сколько и для глубоко-мыслящаго специалиста. Раши было извѣстно искусство дѣлать текстъ прозрачнымъ, войти въ душу читателя и ловкимъ выраженіемъ или оборотомъ слова предотвратить недоразумѣніе, встрѣтить возраженія, предупредить вопросы. Большею частью Раши повторяетъ объясненія своихъ предшественниковъ лишь въ болѣе понятной формѣ, и только тамъ, гдѣ они кажутся ему неподходящими или насилуютъ текстъ, онъ приводитъ свои собственныя соображенія, изложенныя съ полною проницательностію ума и, все-таки съ удивительною понятливостію. Раши, какъ комментаторъ, заслуживаетъ названія художника. Онъ вскорѣ вытѣснилъ комментаріи Р. Гершона и его учителей.

Раши составилъ также толкованія на большую часть книгъ священнаго писанія, въ чемъ выказалъ не менѣе самостоятельности. Его вѣрный тактъ и любовь къ истинѣ указали ему вѣрный смыслъ словъ и подходящую связь. Но часто онъ руководился агадскимъ способомъ толкованія, въ томъ убѣжденіи, что встрѣчающееся въ Талмудѣ и агадскихъ сочиненіяхъ объясненіе стиховъ серьезно. Однакожъ въ немъ жило хотя и не совсѣмъ ясное сознаніе, что простой смыслъ писанія (Peschat) противорѣчитъ агадскому способу толкованія (Derascha). Подъ старость это сознаніе сдѣлалось въ немъ яснѣе, и онъ высказалъ своему внуку и ученику, что передѣлаетъ свой комментарій къ Библии въ простое толкованіе священнаго писанія, сообразное смыслу словъ¹⁾. Раши стоялъ въ то время несравненно выше своихъ современныхъ христіанскихъ толкователей Библии, которые, всѣ безъ исключенія, серьезно предполагали, что

¹⁾ Самуилъ бенъ Менр (Raschbam) въ своемъ комментаріи къ Genesis, гл. 37.

священное писаніе имѣеть четверной смыслъ. Они символически понимали, что четверной образъ толкованія означаетъ «четыре ноги у стола Господня», или «четыре рѣки, истекающія изъ рая». Буква излагаетъ фактъ; аллегорія учитъ вѣрѣ (какъ все и каждое указываетъ на Иисуса, его страданія и церковь). Нравственный смыслъ писанія руководитъ дѣянiями и, наконецъ, мистика (Anagoge) указываетъ на порядокъ незримаго міра духовъ¹⁾. Раши, напротивъ того, еще не имѣеть понятія о мистическомъ образѣ изложенія, время отъ времени освобождается отъ агадскаго образа толкованія и въ большинствѣ случаевъ вѣрно понимаетъ. Его значеніе, какъ толкователя писанія, приобрѣло ему остроумное и почетное названіе «Паршандата»²⁾ (толкователь законовъ). Искусство Раши толковать тѣмъ поразительнѣе, что ему неизвѣстны были произведенія испанской школы. Онъ зналъ только начала еврейской грамматики Менагема бенъ-Сарука и Дунаша, которымъ довѣрился какъ руководителямъ, произведенія же Хаюга и Ибнъ-Ганаха остались ему чужды, такъ какъ были писаны на арабскомъ языкѣ. Потому-то его грамматическія объясненія неуклюжи и часто темны. Не смотря на то, ни одинъ комментарий къ святому писанію не достигъ такой популярности, какъ комментарий Раши, и было время, когда многіе сливали его съ текстомъ, какъ двухъ близнецовъ; каждое его слово толковалось и разъяснялось. — Такъ какъ въ то время существовало обыкновеніе писать еврейскіе стихи, то и Раши былъ литургическимъ поэтомъ. Но стихи его не имѣють поэтическаго значенія. Французско-германская школа отличалась развитіемъ мысли и отсутствіемъ эстетики.

Эта школа, основанная Р. Гершомомъ изъ Майнца, довела Раши высокое значеніе. Его духъ перешелъ на зять-

¹⁾ См. о состояніи христіанской экзегетики во времена Раши, Schröckh christliche Kirchengeschichte. Th. 24. стр. 324 и слѣд.

²⁾ Моисей Данонъ сообщаетъ о томъ остроумный стихъ, который въ русскомъ переводѣ теряетъ всю свою прелесть (bei Asulāi Schem ha-Gedolim ed. Ben Jacob I. 165. Ben-Porata упоминаетъ экзегета Р. Иосифа, внука Раши).

евъ и внуковъ, составлявшихъ отборный кругъ его учениковъ. Онъ не имѣлъ сыновей, а только трехъ дочерей, изъ которыхъ одна была такъ талмудически учена, что во время болѣзни отца читала ему получаемые талмудическіе запросы и излагала на бумагѣ продиктованные ей отвѣты¹⁾. Всѣ три дочери были выданы замужъ за ученыхъ мужей и произвели на свѣтъ ученыхъ сыновей. Одинъ зять Раши, Р. Меиръ изъ Рамарю (близъ Труа), былъ отцемъ трехъ превосходныхъ сыновей; втораго звали Р. Іегуда бенъ Натанъ, а имя третьяго неизвѣстно. Сѣверная Франція, Шампань, сдѣлалась черезъ Раши и его школу отчизною Талмуда, какъ прежде была ея Вавилонія. Она стала руководительницею всей Европы. Даже Испанія нуждалась во французскихъ толкованіяхъ Талмуда и щедро вознаграждала ихъ преподаваніемъ²⁾. Главенство, унаслѣдованное отъ Вавилоніи, еврейская Испанія должна была во времена Раши дѣлится съ Франціею. Будучи классическою землею для еврейской поэзіи, филологіи, экзегетики и философіи, Испанія должна была уступить Франціи первенство талмудической учености.

Двое: Моисей бенъ Самуиль Ибнъ-Гикатилла изъ Кордовы и Іегуда Ибнъ-Баламъ изъ Толедо (около 1070 по 1100)³⁾ въ Испаніи занимались въ это время исключительно изученіемъ грамматики и Библии, и хотя не сдѣлали ничего особеннаго по этимъ предметамъ, но по крайней мѣрѣ озаботились о продолженіи этихъ занятій. Первый, ученикъ Ибнъ-Ганаха, слѣдовалъ въ объясненіи священнаго писанія свободному направленію своего учителя. По его мнѣнію, нѣкоторые изъ псалмовъ были написаны въ позднѣйшее время⁴⁾, а не царемъ-псалмопѣвцемъ, который по мнѣнію евреевъ и христіанъ

¹⁾ Pardes p. 33. d.

²⁾ Алфасси Responsa № 223.

³⁾ Въкѣ этихъ двухъ экзегетовъ извѣстенъ вообще. Они были сподвижниками и писали другъ противъ друга полемики. Ибнъ-Баламъ самъ говоритъ, что онъ былъ сподвижникомъ Исаака Ибнъ-Гіата (Дерябургъ въ Geizer's Zeitschrift V. 408 Nota) и что видѣлся съ однимъ изъ учениковъ Іосифа Ибнъ-Нартели (Chaluz. II. 61).

⁴⁾ Ибнъ-Эара къ псалму 42.

того времени, написал всю псалтирь. Массоретскому раздѣленію стиховъ онъ, какъ и Саадіа, не придавалъ особеннаго значенія, соединяя конецъ стиха съ послѣдующимъ, вопреки массоретскому правилу ¹⁾. Отъ его экзегетическихъ трудовъ, довольно значительныхъ, сохранились лишь краткіе отрывки. Его грамматическое произведеніе объ употребленіи рода въ еврейскихъ именахъ существительныхъ ²⁾, также не сохранилось. Моисей Ибнъ-Гикатилла оставилъ Кордову и поселился въ Сарагоссѣ, гдѣ одинъ покровитель евреевъ, нѣкто Самуиль, воздавалъ ему большой почетъ. По желанію Самуилова сына Исаака, о которомъ Ибнъ-Гикатилла отзывался съ большою похвалою, онъ перевелъ грамматическое произведеніе Хаюга на еврейскій языкъ, такъ какъ евреи сѣверной Испаніи большею частью не знали арабскаго языка ³⁾.

Его сподвижникъ и литературный соперникъ, Іегуда Ибнъ-Баламъ, жившій въ Севильѣ, выказалъ менѣе ума и самостоятельности. Онъ стоялъ за авторитетъ массоры и написалъ два сочиненія о массоретскихъ правилахъ. Онъ оставилъ по себѣ грамматическія сочиненія и одинъ комментарий къ пятикнижію. Хотя Ибнъ-Баламъ и придерживался обычая, но не могъ совсѣмъ освободиться отъ вліянія андалузскаго направленія; вслѣдствіе этого онъ, какъ Ибнъ-Гикатилла, объяснялъ библейскія чудеса съ философской точки зрѣнія естественнымъ порядкомъ ⁴⁾. Оба писателя были также литур-

¹⁾ Тамъ-же Zachot ближе къ концу.

²⁾ Прим. 1, II.

³⁾ Обыкновенно предполагаютъ, что М. Ибнъ-Гикатилла переселился во Францію. Но этому противорѣчитъ то, что о немъ говоритъ Моисей Ибнъ-Эзра: онъ былъ родомъ изъ Кордовы и жилъ въ Сарагоссѣ. Въ введеніи къ произведеніямъ Хаюга онъ говоритъ, что большая часть *Anschei Zorfat* не знала арабскаго языка. Слѣдовательно, все-таки нѣкоторые знали этотъ языкъ. Можетъ ли это быть? Дози указалъ, что арабы называли Каталонію и сѣверную Испанію вообще *Al-Frang'* (Францію), потому что эта часть была прежде французскою провинціею. (*Recherches sur l'histoire et la literature de l'Espagne*). Въ этой-то испанской Франціи и жилъ Ибнъ-Гикатилла, и жителей ея онъ называетъ: *Anschoi Zorfat*. Объ его произведеніяхъ см. *Ewald und Dukes Beiträge* II, III.

⁴⁾ Маймуни *Tractatus de resurrectione* ed. Amst. 130 а вверху. О произведеніяхъ Ибнъ-Балама см. *Dukes II; Orient, Jahrg. 1846. Litbl. № 29. Chaluz II.*

гическими поэтами, но ихъ поэтическія произведенія неудачны.

Слѣдовательно, представители испанскихъ евреевъ отличались наукою и поэзіею, тогда какъ во Франціи изученіе Талмуда достигло высокой степени совершенства. Евреи же Итальянскаго полуострова, напротивъ, все еще стояли въ то время на весьма низкой степени просвѣщенія. Поэтическія произведенія, синагогальныя и несинагогальныя — Саббатая бенъ Моисея изъ Рима (около 1150), его сына Калонима и Р. Іехіеля изъ Рима, семейства Анава (dei Mansi) — отличались отсутствіемъ поэтической прелести и жесткою, грубою рѣчью. Свои талмудическія познанія они пріобрѣтали извнѣ. Нѣкто Р. Мацліагъ Ибнъ-ал-Базакъ ¹⁾, раввинъ въ Сициліи, былъ слушателемъ гаона Р. Гая въ Пумбадиттѣ и возвратился оттуда лишь по смерти его. Одинъ изъ его учениковъ, Натанъ, сынъ вышеупомянутаго Р. Іехіеля изъ Рима, также слушавшій Р. Моисея Даршана въ Нарбоннѣ (стр. 65) былъ единственнымъ итальянцемъ того времени, заслужившимъ себѣ имя въ еврейской литературѣ. Въ послѣднее время онъ составилъ талмудическій словарь подъ заглавіемъ «арухъ» (около 1001 — 2), который хотя и былъ полнѣе прежнихъ произведеній въ этомъ родѣ, но страдалъ недостаткомъ самостоятельности и представлялъ лишь компіляцію изъ старѣйшихъ сочиненій, въ особенности Р. Хананеля изъ Кайруана ²⁾. Этотъ словарь сдѣлался ключемъ къ Талмуду.

Р. Калонимъ изъ Рима также считается талмудическимъ авторитетомъ. Раши упоминаетъ о немъ съ большимъ уваженіемъ; вормская община выбрала его своимъ раввиномъ (послѣ 1096). Письменнаго онъ ничего не оставилъ и, повидимому, имѣлъ мало вліянія. Историки умалчиваютъ о политическомъ поло-

стр. 61 и слѣд. Небольшое сочиненіе его о знакахъ препинанія въ поэзій издано Мерсіеромъ и въ недавнее время Г. Поллакомъ въ Амстерд. 1859.

¹⁾ См. доказательства выше, стр. 4, прим. 1.

²⁾ Р. Тамъ S. ha-Jaschar № 225. О Натанѣ Роми см. біографію его въ Рапапорта Bikure ha-Ittim. Годъ XI. О произведеніяхъ отца его см. Geiger's Zeitschrift III.

женіи итальянскихъ евреевъ того времени, а это служить доказательствомъ того, что оно не было дурнымъ. Папы были въ то время такъ сильно заняты внѣшнею и внутреннею борьбою, что не могли обращать вниманія на евреевъ.

Важныя для всемірной исторіи событія въ западной Европѣ, обширныя завоеванія христіанъ въ магометанской Испаніи и первый крестовый походъ противъ магометанъ на востокѣ повели къ великимъ перемѣнамъ въ судьбѣ западно-европейскихъ евреевъ, перемѣнамъ, имѣвшимъ большею частію трагическій характеръ и прекратившимъ мирное занятіе науками. При событіяхъ въ Испаніи евреи играли не маловажную роль, хотя ихъ участіе въ этихъ дѣлахъ не выдвигалось на первый планъ. Они нѣкоторымъ образомъ способствовали проведенію мины, долженствовавшей взорвать ихъ правнуковъ. Первый сильный ударъ, раздробившій господство ислама на Пиренейскомъ полуостровѣ, былъ нанесенъ кастильскимъ королемъ Альфонсомъ VI, столь же искуснымъ въ политикѣ, сколько храбрымъ, и довѣрявшимъ болѣе клинку и дипломатическому искусству, чѣмъ кресту и молитвамъ. Своей цѣли, — завоевать магометанскія царства и княжества, — онъ могъ бы тогда только достигнуть, когда имѣлъ бы возможность поддерживать раздоры и распри между магометанскими государями, пользоваться одними противъ другихъ и ослаблять ихъ всѣхъ такимъ образомъ. Для достиженія этого онъ нуждался въ ловкихъ дипломатахъ, на что евреи были способнѣе его прочихъ подданныхъ. Рыцари его были слишкомъ неотесаны, а граждане слишкомъ неразвиты для исполненія порученій деликатнаго свойства. При магометанскихъ дворахъ въ Толедо, Севильѣ и Гранадѣ господствовалъ утонченный, изящный тонъ, напоминавшій блестящее время арабской исторіи и литературы. Если какому послу приходилось отстоять или узнать что нибудь при этихъ дворахъ, то ему необходимо было знать не только арабскій языкъ во всей его тонкости, но и ознакомиться съ придворнымъ тономъ и мѣстною литературою. На это въ особенности пригодны были евреи, такъ какъ испанскіе христіане не могли въ достаточной мѣрѣ

сродниться съ арабскимъ элементомъ. Потому Альфонсъ и пользовался евреями, какъ дипломатическими послами при дворахъ магометанскихъ князей. Такимъ еврейскимъ дипломатомъ при дворѣ короля Альфонса былъ его прежній лейбъ-медикъ Амракъ бенъ Исаакъ Ибнъ-Шалбибъ ¹⁾. Такъ какъ Ибнъ-Шалбибъ хорошо зналъ арабскій языкъ и имѣлъ понятіе о полѣтическихъ отношеніяхъ того времени, то кастильскій государь назначилъ его своимъ тайнымъ секретаремъ и довѣрилъ ему веденіе важныхъ дѣлъ. У Альфонса былъ еще другой еврейскій совѣтникъ, по имени Циделлій, съ которымъ онъ, при всей своей замкнутости и неприступности, былъ въ столь близкихъ отношеніяхъ, что Циделлій могъ говорить съ нимъ такъ откровенно, какъ никто изъ испанскихъ дворянъ и грандовъ государства ²⁾. Альфонсъ, не будучи ханжей и приобрѣтя посредствомъ сношеній съ магометанскими князьями свободный взглядъ, не только отличалъ евреевъ, но и предоставлялъ всѣмъ, жившимъ въ его государствѣ сынамъ Іакова, равноправность и почетныя должности ³⁾.

Правда, во многихъ частяхъ христіанской Испаніи существовала уже до Альфонса гражданская равноправность между евреями и христіанами, и хотя еще былъ въ силѣ старый западно-готскій кодексъ (*forum judicum*) съ его враждебными евреямъ правилами и параграфами (кн. V), однакожъ возникло право обычая, идущее съ нимъ въ разрѣзъ. По западно-готскому кодексу еврей едва могли быть терпимы въ

¹⁾ См. Nota 4.

²⁾ Родригъ толедскій *de rebus Hispaniæ* VI. 34: *Quendam Judæum Cidellum nomine acciverunt (magnates et comites) qui satis erat familiaris regi (Adefonso) propter industriam et scientiam medecinæ. При одномъ совѣтѣ, данномъ Циделліемъ королю, послѣдній горячо замѣтилъ: Non tibi imputo, quod hoc dicere praesumpsisti, sed mihi, cujus familiaritate in tantam audaciam prorupisti.*

³⁾ Въ разговорѣ между апостатомъ Петромъ Альфонсомъ и евреемъ Монсеємъ (около 1106) послѣдній говоритъ: *Vides autem, quia Deus nos (Judæos) et vivere permittit, et quotidie quantum amat, ostendit, cum nobis in conspectu inimicorum nostrorum gratiam præstat et opibus locupletat, et honoribus exultat. Dialogus II. in maxima bibliotheca patrum T. XXI p. 186 E.*

странѣ, съ ними слѣдовало обращаться какъ съ отверженными, они должны были подчиняться туземнымъ опредѣленіямъ и не могли быть допускаемы ни къ какому свидѣтельству. Но по праву обычая (*fueros*) христіане, евреи и магометане одного и того-же города и одной и той-же страны пользовались одними и тѣми-же правами. Евреи должны были присягать на Оурѣ противъ христіанина. Если евреи и христіане вели между собою процессъ, то они должны были избрать себѣ посредникомъ христіанскаго и еврейскаго судью (*Alkalde*). Если кто хотѣлъ продать домъ, то два христіанина и столько же евреевъ должны были оцѣнить его стоимость. По другому праву обычая (*fuero de Najera*) евреи считались не выше и не ниже дворянъ и духовенства; одна и та-же сумма полагалась цѣною крови за убійство, совершенное надъ евреемъ, дворяниномъ или бритымъ (гуменщикомъ)¹⁾. Такимъ образомъ былъ обойденъ законъ и признана равноправность евреевъ съ христіанами во всемъ, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ обыденной жизни. Такъ какъ Альфонсъ утвердилъ это городское право обычая, то гражданская равноправность евреевъ была признана законною и тѣмъ снятъ съ нихъ позоръ, которымъ ихъ заклеилъ западно-готскій кодексъ. Евреямъ предоставлялась даже честь выхода на поединокъ и службы въ войскѣ²⁾. Средніе вѣка стали какъ будто освѣщаться и исходящее отъ Θεодосія II римско-христіанское малодушіе — не давать евреямъ никакихъ правъ — стало какъ будто исчезать.

Однако церковь, основанная на религіозной нетерпимости, не могла одобрить почетнаго положенія евреевъ въ христіанской землѣ. Главный представитель церкви того времени, папа Гильдебрандтъ, приведшій, подъ именемъ Григорія VII, въ трепетъ и несогласіе всю Европу своими легатами и

¹⁾ См. Гельффериха, *Entstehung und Geschichte des Westgothen-Reiches* стр. 236, 339, 347; *Die Usatici von Barcelona vom Jahre 1068*. Тамъ-же стр. 432. № 11. стр. 456. № 129; *Mansi concilia XIX*. 340.

²⁾ *Carta Альфонса въ Florez Espana sagrada*. Т. 35 appendix.

церковными проклятіями, заявилъ протестъ. Онъ, могущественнѣйшій изъ могущественныхъ, передъ которымъ цари и народы падали ницъ, возмимѣлъ желаніе унижить безпомощныхъ евреевъ и лишить ихъ уваженія и почестей, прибрѣтенныхъ ими своими заслугами. Императоръ Генрихъ IV даровалъ евреямъ Вориса равныя права съ прочими жителями города. Когда князья и духовенство, города и села, забывъ свою присягу и подстрекаемые папою, измѣнили императору и обращались съ нимъ, какъ съ лишеннымъ покровительства законовъ, городъ Ворисъ остался ему вѣрнымъ. Евреи и христіане взяли за оружіе для защиты своего государя, который за это освободилъ ихъ отъ пошлинъ въ имперскихъ городахъ: Франкфуртъ н. М., Боппардъ, Гаммерштейнъ, Дортмундъ, Госларъ и Нюрнбергъ (18 янв. 1074)¹⁾. По этой причинѣ, вѣроятно, сложилась поговорка: «Ворискіе евреи — благочестивые евреи». Вообще этотъ слабый, но добрый, германски-добродушный государь былъ милостивъ къ евреямъ.

Спустя годъ послѣ того, какъ папа Григорій поступилъ съ императоромъ, какъ съ мальчишкою, надѣвъ на него рубаху грѣшника, онъ вздумалъ унижить евреевъ. На соборѣ въ Римѣ (1078) онъ, вторично произнесъ проклятiе врагамъ папства, издалъ каноническій законъ, воспрещавшій евреямъ занимать какую либо должность въ христіанской землѣ²⁾ и имѣть какое-либо преимущество надъ христіанами. Это каноническое рѣшеніе было прежде всего направлено противъ Испаніи, гдѣ, по причинѣ особеннаго положенія и при

1) *Cunctis regni principibus in nos, neglecta religione, sævientibus, hi soli — Wormatiensis civitatis habitatores — quasi in mortem ruentes, contra omnium voluntatem nobis adhæsere. — Sint ergo servitii remuneratione primi. — Thelonium — quod theutonica lingua interpretatum est Toll, quod in omnibus locis regię potestati adsignatur, videlicet Frankfurt etc. Judæi et ceteri Wormatienses solvere prætereuntes debiti erant, Wormatienses ne ulterius solvant Toll. y Ludewig reliquię Mss. diplomatum T. II. p. 176. diploma III. Böhmer regesta № 1859.*

2) *Mansi concilia XX. p. 508. De Judæis non præponendis Christianis.* Одно только заглавіе этого канона concilii Romani сохранилось.

постоянной борьбѣ съ арабами, сохранилась нѣкоторая независимость отъ римскаго престола. Какъ Григорій хотѣлъ навязать Альфонсу иностранныхъ епископовъ, послушныхъ орудій исполненія его воли, такъ точно онъ старался пресѣчь вліяніе евреевъ при христіанскомъ дворѣ Кастиліи. Поэтому онъ обратился къ Альфонсу съ грознымъ посланіемъ (около 1080), въ которомъ между прочимъ говорилъ: «На сколько мы ощущаемъ побужденіе поздравить тебя съ успѣхами твоей славы, на столько должны похулить твои несправедливыя поступки. Мы совѣтуемъ твоей милости не позволять болѣе евреямъ господствовать надъ христіанами и имѣть надъ ними власть. Ибо подчинять христіанъ евреямъ и подвергать первыхъ суду послѣднихъ, значить унижать церковь Божию и возвышать синагогу сатаны. Желать нравиться врагамъ Христа, значить презирать его Самого» ¹⁾. Болѣе доволенъ папа остался Вильгельмомъ Завоевателемъ, королемъ Англій и герцогомъ нормандскимъ, утвердившимъ рѣшеніе Руанскаго собора, въ силу котораго евреи не имѣли права держать не только христіанскихъ невольниковъ, но и христіанскихъ кормилицъ ²⁾.

Альфонсу приходилось слѣдить за другими интересами, а не поддерживать нетерпимость. Онъ мало обращалъ вниманія на рѣшеніе великаго Римскаго собора и на собственно-ручное посланіе папы, и оставилъ при себѣ своихъ еврейскихъ совѣтниковъ. Именно въ это время онъ занятъ былъ планомъ завоеванія государства толедскаго. Для приведенія его въ исполненіе онъ долженъ былъ отдѣлить государя Толедо отъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ сосѣднихъ князей и заручиться ихъ нейтралитетомъ или даже помощью при завоеваніи. Для этой цѣли онъ нуждался въ

¹⁾ *Dilectionem tuam monemus, ut in terra tua Judæos Christianis dominari vel supra eos potestatem exercere, ulterius nullatenus sinas. Quid enim est Judæis Christianos supponere ac hos illorum judicio subiacere, nisi ecclesiam Dei opprimere et Satanæ synagogam exaltare, et dum inimicis Christi velis placere, ipsum Christum contemnere, въ Mansi concilia XX. p. 341. Epistolæ Gregorii VII. I. IX. 2.*

²⁾ *Mansi, тамъ-же. XIV. 399.*

своихъ еврейскихъ дипломатахъ и не могъ думать объ удовлетвореніи папскихъ требованій. Заключивъ, вѣроятно при помощи еврейскихъ агентовъ, союзъ съ благороднымъ и храбрымъ царемъ севильскимъ, Алмутамедомъ Ибнъ-Аббадомъ, Альфонсъ завоевалъ древній, значительный городъ Толедо (1085), главный оплотъ испанскихъ магометанъ противъ возрастающей силы христіанъ. Побѣдитель Толедо предоставилъ евреямъ этого города и принадлежащей къ нему области всѣ права, которыми они пользовались при магометанскихъ правителяхъ. Послѣдній, несчастный магометанскій король толедскій, Іахья Алкадеръ, выселившійся въ Валенсію, имѣлъ, въ числѣ своихъ приближенныхъ, еврейскаго повѣреннаго, который остался ему вѣренъ по смерти ¹⁾, между тѣмъ какъ его единоплеменные друзья ему измѣнили.

Альфонсъ не довольствовался обладаніемъ Толедо, сдѣлавшимся опять столицею страны, и намѣревался воспользоваться несогласіемъ и завистью магометанскихъ властителей, чтобы продолжать свои завоеванія. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на владѣнія севильскаго короля, которому досталась и Кордова. Онъ вдругъ сбросилъ маску дружбы и обратился къ Алмутамеду съ требованіями, зная навѣрное, что этотъ благородный князь не могъ уже изъ-за одной чести на нихъ согласиться. Опасное порученіе, открыть глаза севильскому королю и предстать предъ нимъ съ твердымъ требованіемъ, Альфонсъ довѣрилъ своему государственному мужу, еврею Исааку Ибнъ-Шалбибу, поручивъ ему дѣйствовать безъ малѣйшей вѣжливости. Пятисотъ христіанскихъ рыцарей сопровождали еврейскаго посла Альфонса ко двору севильскому, для приданія большаго вѣса его словамъ. Это порученіе стоило Ибнъ-Шалбибу жизни. Онъ велъ такую твердую рѣчь въ духѣ своего государя и такъ непоколебимо стоялъ на заявленныхъ имъ требованіяхъ, что сильно разгнѣванный Алмутамедъ нарушилъ права посольства, велѣлъ

¹⁾ Источники въ Дози Recherches I. 516.

убить и пригвоздить къ висѣлицѣ Ибнъ-Шалбиба ¹⁾, а его провожатыхъ заключить въ темницу. Можетъ быть хитрый Альфонсъ и рассчитывалъ на подобный исходъ, чтобы имѣть поводъ привязаться къ Алмутамеду. О подробностяхъ посольства и о родѣ смерти Ибнъ-Шалбиба показанія арабскихъ источниковъ расходятся съ прочими; они стараются выставить его посольство во враждебномъ свѣтѣ, такъ какъ за нимъ непосредственно слѣдовалъ фактъ паденія свободы арабовъ въ андалузской Испаніи.

Возникшая вслѣдствіе этого непріязнь между Альфонсомъ и севильскимъ королемъ заставила послѣдняго принять совѣтъ прорихъ магометанскихъ властелиновъ, пригласить побѣдителя сѣверной Африки, моравитскаго (алморавитскаго) государя Гуссуфа Ибнъ-Тешуфина (Ташфина), на помощь противъ Альфонса. Алмутамедъ осуществилъ этотъ несчастный планъ; африканскій герой явился по приглашенію и принесъ съ собою рабство и паденіе андалузскихъ государей. Въ то время рѣшилась и судьба евреевъ въ магометанской Испаніи. Гуссуфъ Ибнъ-Тешуфинъ привелъ изъ Африки многочисленное войско, которое вмѣстѣ съ контингентомъ магометанско-испанскихъ войскъ дошло до изумительнаго числа. Альфонсъ собралъ также громадное войско, и въ обѣихъ арміяхъ находились евреи, число которыхъ въ то время простиралось будто бы до 40,000 человекъ, одинаково обмундированныхъ, въ желтыхъ и черныхъ чалмахъ ²⁾. Христіане и магометане, предводимые великими полководцами, готовились на испанской территоріи къ борьбѣ на жизнь и на смерть. Алмутамедъ съ неусыпнымъ рвеніемъ вооружался противъ своего невѣрнаго друга Альфонса, трудясь такимъ об-

¹⁾ См. прим. 4.

²⁾ Въ *Conde historia de la dominacion* II. С. 16, 17. Въ письмѣ Альфонса: *el sabbado de los judios y en ambas nuestras ejercitos hay muchos judios*. Romey *histoire d'Espagne* V. 477. Фамилія алморавитскаго завоевателя приносилась до сихъ поръ, согласно арабскому историку Іахъбъ, Ибнъ-Ташфинъ, Дози же указываетъ, во второмъ изданіи своихъ *recherches sur l'Espagne*, что вѣрнѣе приносить Ибнъ-Тешуфинъ.

разомъ надъ своею собственною погибелью. Въ то время, какъ оба отряда войскъ, жаждая боя, стояли другъ противъ друга, онъ чрезъ своихъ астрологовъ—въ томъ числѣ Исаака Ибнъ-Албалію—освѣдомлялся у звѣздъ объ исходѣ боя. Сначала знаменія были неблагопріятны для оружія магометанъ. Но Альфонсъ вдругъ переимѣнилъ день боя. Когда оба войска въ пятницу (23 октября 1086) были готовы къ битвѣ, Альфонсъ предложилъ непріятелю отложить сраженіе до понедѣльника, чтобы не драться ни въ пятницу, день отдохновенія мусульманъ, ни въ субботу, изъ-за еврейскихъ солдатъ въ обоихъ войскахъ, ни воскресенье. Гуссуфъ согласился на предложеніе, и Альфонсъ, рассчитывая на военную хитрость, думалъ напасть въ распахъ на магометанское войско въ пятницу, но нашель его готовымъ. Сраженіе при Цалакѣ началось и кончилось полнѣйшею побѣдою мусульманъ; Альфонсъ спасся только съ немногими рыцарями. Но побѣдою воспользовались одни африканскіе алморавиты. Туземные короли были покорены Гуссуфомъ. Южная Испанія сдѣлалась на долгое время театромъ кровопролитныхъ войнъ. Евреи много страдали отъ бѣдствій войны, которыми тревожили эту прекрасную страну алморавиты, Альфонсъ и прославленный въ романсахъ странный рыцарь Родриго Сидъ съ своею толпою христіанъ и магометанъ. Но какъ исповѣдники еврейства они страдали не болѣе прочихъ жителей. Алморавиты, не будучи фанатиками, преслѣдовали только политическія цѣли, хотя и дали войнѣ съ христіанами названіе священной. Даже преслѣдуемымъ Вадисомъ въ Гранадѣ евреямъ (см. стр. 60) завоеватели-африканцы возвратили ихъ владѣнія, которыхъ они были лишены въ теченіи двадцати лѣтъ ¹⁾.

Во время этихъ смуть Исаакъ Алфасси долженъ былъ покинуть свое мѣсто жительства, Каласъ Ибнъ-Гаммадъ, и бѣжать въ Испанію (1088). Тамъ, во владѣніи Гуссуфа, онъ двумя негодяями доносчиками былъ обвиненъ, вѣроятно, въ политическомъ преступленіи. Алфасси отправился въ Кор-

¹⁾ Видно изъ *responsum* Алфасси, № 131.

дову, въ область короля Алмутаеда, бывшаго въ то время въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Ибнъ-Тешуфиномъ. Одно знатное лицо въ Кордовѣ, Іосифъ Ибнъ-Шартамикашъ, радушно принялъ его подъ свое покровительство ¹⁾. Появленіе Алфасси на испанской землѣ возбудило всеобщее вниманіе; онъ былъ встрѣченъ какъ талмудическій авторитетъ, и со многихъ сторонъ посыпались къ нему запросы ²⁾. Предпочтеніе ли, отдаваемое этому чуждому, неофициальному раввину, оскорбило двѣ выдающіяся личности южной Испаніи, Исаака Албалію и Исаака Ибнъ-Гіата, такъ сильно, что они враждебно отнеслись къ нему? Или смѣлое воззрѣніе Алфасси на Талмудъ вооружило ихъ противъ него? Или сплетники старались возбуждать ихъ другъ противъ друга? Однимъ словомъ, они были открытыми противниками Алфасси и выражали свою вражду словесно и письменю. Алфасси отражалъ ихъ нападенія, и такимъ образомъ возгорѣлась ожесточенная чернильная война, длившаяся по смерть Ибнъ-Гіата и Ибнъ-Албаліи. Первый умеръ въ Кордовѣ (1089), куда слуги отвезли его для поправленія здоровья. Останки его были перевезены въ Луцену, гдѣ и были преданы землѣ ³⁾. Исаакъ Ибнъ-Гіатъ оставилъ по себѣ многочисленный кругъ учениковъ, между которыми находились извѣстные впоследствии: сынъ его Іегуда, Моисей Ибнъ-Эзра и Іосифъ Ибнъ-Сагаль.

По смерти Ибнъ-Гіата, Алфасси отправился изъ Гранады, куда онъ между тѣмъ переселился ⁴⁾, въ Луцену, гдѣ и былъ вѣроятно назначенъ раввиномъ общины на мѣсто своего противника. Здѣсь около него собрался многочисленный кругъ учениковъ, которымъ онъ объяснялъ только Талмудъ. Онъ не выказывалъ влеченія къ другимъ отраслямъ науки, даже къ

¹⁾ Аврамъ Ибнъ-Даудъ.

²⁾ Алфасси *геспонса*, числомъ 322 (печатаны сначала въ Ливорно въ 1781) кажется, очень сокращены. Они разбираютъ большею частью испанское положеніе дѣлъ.

³⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

⁴⁾ Саадія Ибнъ-Дананъ въ *Chemda Genusa* p. 30.

еврейской поэзіи, которую каждый лелѣялъ. Непріязненные отношенія между нимъ и Исаакомъ Албалією продолжались. Послѣдній утратилъ со смертію государя свое положеніе при севильскомъ дворѣ. Благородный, храбрый, поэтический Алмутамедъ былъ лишенъ Гуссуфомъ Ибнъ-Тешуфиномъ престола и свободы, столица его была завоевана, а самъ онъ уведенъ въ Африку и заключенъ въ темницу (1091). Поэзія во мракѣ тюрьмы была до конца жизни его утѣшеніемъ. Ибнъ-Албалія послѣ несчастія, постигшаго его покровителя, покинулъ Севилью и поселился, повидимому, въ Гранадѣ, гдѣ и окончилъ свою жизнь. На смертномъ одрѣ онъ обнаружилъ величіе души, присущее только истинно-нравственнымъ натурамъ. Его семнадцатилѣтній сынъ, Барухъ, горевалъ у постели больного объ одиночествѣ, на которое онъ будетъ осужденъ по смерти отца. Тогда умирающій Албалія далъ ему своеобразное порученіе отправиться къ его противнику Алфасси въ Луцену и сказать ему, что Албалія, отходя въ вѣчность, прощаетъ всѣ его словесныя и письменныя нападенія и питаетъ надежду получить также и отъ него прощеніе. Онъ надѣется, что Алфасси съ распростертыми объятіями приметъ сына своего противника. Исаакъ Албалія умеръ (1094). Сынъ его, Барухъ, исполнилъ приказаніе отца, и Исаакъ Алфасси со слезами заключилъ въ объятія сына своего противника, утѣшая его словами: «Съ этихъ поръ я буду тебѣ отцомъ»¹⁾, и сдержалъ слово. Трудно опредѣлить, чье величіе души болѣе достойно удивленія: того-ли, кто вѣровалъ въ великодушіе своего врага, или того, кто оправдалъ это довѣріе!

Еврейская Испанія, сосредоточившая въ себѣ всѣ направленія еврейства и возвысившая его на нѣсколько степеней, испытала также и караимское движеніе. Караимы давно уже проживали въ Испаніи, но были столь незначительны, что неизвѣстно, въ какихъ городахъ они составляли общины, кто были ихъ руководителями, и по какимъ законамъ они

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

жили. Лишь въ концѣ одиннадцатаго столѣтія одинъ мужъ далъ толчекъ этой лѣнливой массѣ. Это былъ Ибнъ-Алтарась, о которомъ извѣстно только то, что онъ былъ ученикомъ одного знаменитаго караимскаго учителя. По смерти караимскихъ авторитетовъ, Іосифа Албассира, Іафета бенъ Али и Абулсари Сагала, выдался изъ числа посредственностей одинъ значительный караимъ, по имени Іешуа бенъ Іегуда Абулфарагъ (по арабски Форканъ Ибнъ-Ассадъ)¹⁾. Такъ какъ караимы мало интересовались своею исторіею и передавали о своихъ авторитетахъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія, то и объ этомъ Абулфарагъ Іошуа они сообщили только то, что онъ былъ великимъ учителемъ и получилъ прозваніе «старый» (ha-Zaken, al-Schaich). О мѣстѣ его рожденія и о жизни ничего неизвѣстно, кромѣ того, что онъ пришелъ въ Іерусалимъ и считалъ счастіемъ для себя быть жителемъ святаго города. Здѣсь онъ занялся изслѣдованіемъ предметовъ, входившихъ въ составъ караимскаго богословія, какъ-то: толкованіемъ Библіи и еврейскою грамматикой, законовѣдніемъ, полемикой противъ раввинистовъ и религіозною философіей. Абулфарагъ обращалъ также вниманіе на Талмудъ, извлекая изъ него нѣкоторыя данныя для караимства. Примѣромъ себѣ онъ поставилъ Іосифа Албассира (Roeh. V, стр. 309), и на столько шелъ по его слѣдамъ, что нѣкоторые несвѣдущіе позднѣйшаго времени называли его ученикомъ Іосифа Албассира. По примѣру его Абулфарагъ Іешуа философски смотрѣлъ на еврейство, но со старинной точки зрѣнія мутацитльской схоластики; онъ также высказывался за ограниченіе запрещенныхъ степеней родства, расходясь лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ Албассиромъ. Въ этомъ смыслѣ Абулфарагъ былъ плодовитымъ писателемъ и оставилъ много сочиненій, изъ которыхъ самыя извѣстныя: объясненіе къ пятикнижію (составленное въ 1088) и сочиненіе о степеняхъ

¹⁾ См. о немъ Мунъа Notice sur Aboulwalid p. 4 слѣд. и Пишкера Likute Kadmonijot текстъ № 210 и прим. № X. Последній вѣрно обозначилъ его вѣкъ тѣмъ, что въ одномъ изъ его сочиненій значится: съ разрушенія храма прошло 1020 лѣтъ, а съ геджiry 480 лѣтъ, равно 1087—88.

родства. Хотя его экзегетическія произведенія не выдерживали ни малѣйшаго сравненія съ раввинскими, въ особенноти съ произведеніями Ибнъ-Ганаха и Моисея Ибнъ-Гикатиллы, однакожь онъ считался авторитетомъ не только у своихъ: единовѣрцевъ, но также у удрученныхъ самарянъ и восточныхъ христіанъ. Издалека стекались къ нему караимы слушать мудрость изъ его устъ, дѣлались его учениками и распространяли его ученіе. Четверо изъ нихъ прославились ¹⁾: Товіа изъ Константинополя, прозванный Га-Обедомъ, Га-Баки; далѣе, Іаковъ бенъ Симонъ, Моисей Когани и наконецъ Ибнъ-Алтарасъ изъ Кастиліи. Благодаря дѣятельности учениковъ школы Абулфарага, многочисленныя степени родства были сокращены въ караимскомъ кружкѣ и проведена реформа брачнаго закона.

Ибнъ-Алтарасъ перенесъ караимское ученіе съ философскимъ отѣнкомъ въ Кастилію, но не удовольствовался распространеніемъ его между караимами, а старался найти ему приверженцевъ и между раввинистами Испаніи (около 1090—95). По смерти Ибнъ-Алтараса, жена его, усвоившая себѣ ученость, продолжала его дѣятельность. Испанскіе караимы, не освободившіеся еще отъ невѣжества, считали изреченія караимки оракуломъ и при каждомъ сомнѣніи въ религіозныхъ дѣлахъ обращались за совѣтомъ къ ученой (al-Malimah). Раввинисты же были слишкомъ могущественны, чтобы допустить прозелитизмъ караимовъ. Одинъ изъ еврейскихъ любимцевъ Альфонса, Іосифъ Ибнъ-Алфаругъ Алкабри (изъ города Кабры ²⁾), выхлопоталъ себѣ у короля, благоволившаго къ евреямъ, полномочіе преслѣдовать въ его владѣніяхъ караимовъ, и изгналъ ихъ изъ большей части кастильскихъ городовъ, оставивъ имъ для жительства лишь одинъ городъ. Іосифъ Алкабри (можетъ-быть тождественъ съ Циделліемъ, повѣреннымъ Альфонса) преслѣдовалъ бы караимовъ даже

¹⁾ Цинскера тамъ-же текстъ, стр. 219 и прим. къ ней.

²⁾ См. о городѣ Кавча въ области Яенъ Casiri Bibliotheca arabicoispana II. p. 31. c. I. и въ Дози Recherches p. 20 ed. seconde

кровавымъ путемъ, если бы ему не помѣшало то обстоятельство, что послѣ разоренія храма запрещалось наказаніе смертью ¹⁾). Едва ли знатные испанскіе раввины были довольны такимъ строгимъ обращеніемъ.

Циделлій, еврейскій любимецъ Альфонса, въ послѣдній годъ царствованія этого короля впалъ въ немилость, потому что, склонившись на совѣты графовъ и грандовъ государства, рѣшился на смѣлый шагъ, приведшій короля въ негодованіе. У Альфонса, не смотря на шесть законныхъ и многихъ другихъ женъ, не было другаго наслѣдника мужескаго пола, кромѣ сына, убитаго въ сраженіи. Тогда кастильскіе вельможи рѣшили предложить королю выдать его дочь Урраку, долженствовавшую наслѣдовать корону, за одного изъ ихъ среды, но, не смѣя выразить этого желанія, они заставили еврейскаго любимца высказать его королю. Альфонсъ, преслѣдовавшій иной планъ, такъ разсердился на Циделлія, что изгналъ его отъ себя ²⁾).

¹⁾ По Аврааму Ибнъ-Дауду. Время Ибнъ-Алгараса и преслѣдованія караимовъ не можетъ быть сомнительно. Съ одной стороны, оно приходится послѣ составленія комментарій Абулфарага, значить, послѣ 1088. Съ другой стороны, значится у вышеназваннаго хронографа, что караимы оправились отъ этого преслѣдованія, пока не повторилось преслѣдованіе ихъ Іегудою Ибнъ-Эзрью въ 1148. Они оправились, значитъ, въ царствованіе королевы Урраки, и потомъ въ первый разъ были преслѣдуемы Іосифомъ Алкабри при Альфонсѣ VI, т. е. между 1088—1109.

²⁾ Родитъ толедскій *de rebus Hispaniæ* VI. с. 34.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первый крестовый походъ и его бѣдствія.

Положеніе евреевъ въ Германіи до крестоваго похода. — Община въ Шпейерѣ и Генрихъ IV. — Трирскіе и шпейерскіе мученики. — Эммехиртъ лейнингенскій и майнцскіе мученики. — Кровавое преслѣдованіе общины Кельна въ окрестностяхъ этого города. — Страданія богемскихъ евреевъ. — Жалкая смерть іерусалимскихъ евреевъ. — Справедливость императора Генриха въ отношеніи къ евреямъ. — Возвращеніе крещенныхъ насильно. — Упадокъ германскихъ евреевъ. — Смерть Альфасси и Раши.

1096—1105.

Въ концѣ одиннадцатаго столѣтія послѣдоваль между христианами и магометанами, между Европою и Азіею, на другомъ мѣстѣ дѣйствія, первый приступъ къ борьбѣ, которая привела всемірную исторію на новые пути и вписала кровавую страницу въ исторію евреевъ. Возбуждающіе вопли Петра аміенскаго объ обращеніи со странниками въ Іерусалимѣ, нашедшіе себѣ громкій отголосокъ на клермонскомъ соборѣ, подстрекнули благочестіе, романтическое рыцарство, честолюбіе, хищничество и массу другихъ благородныхъ и низкихъ страстей предпринять крестовый походъ. Политика овладѣла ими для достиженія своихъ мелочныхъ цѣлей съ узкимъ кругозоромъ. Возникло мученическое время, но самыя жестокія муки выпали на долю германскихъ евреевъ и дали имъ новый случай запечатлѣть кровью свое вѣроисповѣданіе. Поворотъ, произведенный крестовыми походами въ развитіи человечества вообще, косвеннымъ образомъ принесъ пользу и евреямъ, хотя въ началѣ имѣлъ на нихъ сокрушающее дѣйствіе.

Утверждать, что германскіе евреи были отчасти сами виноваты въ постигшихъ ихъ ужасахъ, что будто они мошенническою торговлею и лихоимствомъ возбудили противъ себя ненависть населенія, и присовокуплять еще — какъ-бы въ извиненіе ихъ — что они были принуждены къ тому лишеніемъ права собственности — значитъ исказить исторію. Германскіе евреи не жили до крестовыхъ походовъ въ состояніи угнетенія и презрѣнія и не были вовсе лишены права владѣть собственностью. Шпейерскій епископъ, Ридигеръ Гуоцманнъ, присоединивъ деревню Старо-Шпейеръ къ городу, не нашелъ лучшаго средства увеличить значеніе города, какъ предоставить евреямъ право жить въ немъ и пользоваться привилегіями. Помимо свободной торговли во всемъ городѣ до гавани включительно, они владѣли землею, зданіями, садами, виноградниками и пашнями ¹⁾. Епископъ Ридигеръ предоставилъ шпейерскимъ евреямъ право собственнаго суда, и представитель ихъ синагоги (*Archisynagogus*) имѣлъ такое-же право рѣшать тяжбы, какъ и бургомистръ. Они могли держать невольниковъ и нанимать христіанскихъ кормилицъ и слугъ, вопреки каноническому закону и волѣ папы Григорія VII. Они также имѣли право продавать христіанамъ битую скотину, употребленіе которой воспрещалось имъ еврейскимъ закономъ. Чтобы оградить ихъ отъ нападеній черни, Ридигеръ отвелъ для нихъ особый кварталъ, который они могли укрѣпить и въ немъ защищаться. Слѣдовательно, они имѣли право носить оружіе. Эти привилегіи, за которыя евреи платили въ годъ 3½ фунта золотомъ по шпейерскому вѣсу, предполагалось утвердить письменно за ними на вѣчныя времена (сентябрь 1084). Ридигеръ прибавилъ въ своей грамотѣ, что онъ предоставилъ евреямъ тѣ самыя выгоды, какими они пользуются во всякомъ германскомъ городѣ ²⁾. Императоръ

¹⁾ Вурдтвейнъ *nova subsidia diplom.* I. p. 127: *De rebus eorum quos jure hæreditario possident Judæi in areis, in casis, in ortis, in vineis, in agris.*

²⁾ Тамъ-же: *ad summam concessi illis (Judæis) legem, quamcunque meliorem habet populus Judæorum in qualibet urbe teutonici regni.*

Генрихъ IV утвердилъ всѣ эти привилегіи, прибавивъ еще новыя, болѣе выгодныя постановленія.

Вѣроятно, для общины было мало того покровительства, какое оказывалъ ей епископъ Ридигерь; представители ея, Иуда бенъ-Калонинъ (Калонимось), Давидъ бенъ-Мешулламъ и Моисей бенъ-Гутгиль (Гекутіель), обратились къ государю, прося его милостиваго вниманія къ ихъ привилегіямъ. Генрихъ, который при всемъ своемъ легкомыслии и непостоянствѣ никогда не былъ несправедливымъ, выдалъ имъ грамоту, во всѣхъ отношеніяхъ выгодную для евреевъ: Никому не дозволяется принуждать къ крещенію ни евреевъ, ни ихъ невольниковъ, подъ страхомъ уплатить въ государственную казну двѣнадцать фунтовъ золотомъ. Если кто по собственному побужденію пожелаетъ креститься, то дать ему три дня срока для обдумыванія, дабы онъ не поступилъ опрометчиво; крещеный еврей теряетъ право наследовать. Въ тяжбѣ евреевъ съ христіанами должно поступать и приводить къ присягѣ по еврейскому праву. Къ испытаніямъ огнемъ и водою они не должны быть принуждаемы. Этотъ документъ былъ выданъ Генрихомъ IV шпейерской общинѣ (19 февраля 1091)¹⁾. Шесть лѣтъ спустя, его осмѣяли шедшіе на святую войну борцы, такъ какъ не граждане и не рыцари питали непріязнь къ евреямъ, а разнузданная шайка. Германскіе и сѣверо-французскіе евреи въ это именно время были полны ожиданій Мессіи. Одинъ мистикъ вычислилъ, что сынъ Давидовъ явится²⁾ къ концу 256-го луннаго цикла, между годами 4856 и 64 (1096 — 1104) и поведетъ разсѣянныхъ сыновъ Иуды въ Землю Обѣтованную. Но, вмѣсто трубъ мессіанскаго избавленія, евреи слышали дикіе крики странствующей братіи: «Евреи распяли нашего Спасителя, они должны обратиться къ нему или умереть».

Первые отряды крестоносцевъ, одинъ подъ предводительствомъ восторженнаго, благочестиваго Петра амиенскаго и

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Elieser b. Nathan Kontras Страданія 1096. Введеніе и нѣсколько литургій.

его восьми рыцарей, другой подъ начальствомъ пресвитера Готшалька, не причинилъ евреямъ особеннаго вреда; они равнымъ образомъ грабили и евреевъ и христіанъ. Но слѣдующія толпы, состоявшія изъ подонковъ общества во Франціи, Англіи, Лотарингіи и Фландріи, начали святое дѣло, за неимѣніемъ магометанъ, убіеніемъ и ограбленіемъ евреевъ. Это былъ безстыдный сбродъ мужчинъ и женщинъ, предававшихся преступнѣйшему разврату ¹⁾. И эти-то порочные бродяги были священными борцами, которымъ отпускались все грѣхи, какъ прошлые, такъ и будущіе. Они считались неприкосновенными особами. Одинъ монахъ подаль этой шайкѣ безумную мысль обращать силою евреевъ въ христіанство; писаніе, будто-бы найденное на гробѣ Господнемъ, ставило это въ обязанность вѣрующимъ. Эта мысль показала неукротимымъ крестоносцамъ настолько же выгодною, насколько удобоисполнимою и угодною Богу. Вѣдь, евреи такіе же бусурмане, какъ и саррацины, тѣ и другіе непримиримые враги христіанства. Крестовый походъ можетъ тотчасъ же начаться съ евреевъ! Собравшіеся отряды во Франціи и Германіи нашили себѣ крестъ на одежду и обагрились кровью евреевъ. Во Франціи однако случаи такой рѣзни были рѣдки, такъ какъ вельможи и духовенство энергически защищали евреевъ. Только въ Руанѣ, принадлежавшемъ Англіи, крестоносцы вогнали евреевъ въ церковь и, приставивъ къ груди ихъ мечи, предоставили имъ выборъ между смертію и крещеніемъ. Въ своемъ походѣ съ запада на востокъ, къ Рейну, они и въ другихъ городахъ дѣйствовали такимъ-же образомъ. Хроника подробно говоритъ о такомъ событіи въ Метцѣ.

Особенно трагическій характеръ и ужасный исходъ имѣли эти преслѣдованія на германской почвѣ. Отрядъ, шедшій изъ Франціи и Фландріи въ германскіе округи, имѣлъ своимъ предводителемъ французскаго рыцаря, Вильгельма Циммермана, алчность котораго была до нѣкоторой степени изви-

1) Обо всемъ, касающемся перваго крестоваго похода, см. прим. 5.

нительна, такъ какъ онъ, при своей бѣдности, долженъ былъ грабить крестьянъ для снаряженія своего отряда. Остальные рыцари въ отрядѣ Вильгельма, графъ Германъ, Тома де-Феріа, Кларенбальдъ де-Вандейль, или не имѣли власти надъ жаждавшимъ крови и дурно управляемымъ сбродомъ, или сами были не лучше его. Духъ, воодушевлявшій бродягъ Вильгельма, характеризуется одною чертою. Отрядъ этотъ шелъ за гусемъ и нѣсколькими козами въ полномъ убѣжденіи, что тѣ исполнены божественнаго духа и укажутъ имъ дорогу въ Іерусалимъ. И такимъ-то врагамъ были беззащитно преданы еврейскія общины Мозеля и Рейна. Императоръ Генрихъ былъ занятъ въ Италіи спорными дѣлами, и потому въ Германіи царило полнѣйшее безначаліе. Когда евреи рейнской области услышали о приближеніи этой шайки, то обратились съ молитвою къ Богу отцевъ своихъ.

Трирская же община при одномъ уже извѣстии о приближеніи кровожадной массы исполнилась такого ужаса, что нѣкоторые евреи закалывали себя и дѣтей. Жены и дѣвушки навязывали себѣ камни на шею и бросались въ рѣку Мозель, чтобъ не быть опозоренными и насильно крещеными. Имя одной изъ этихъ мученицъ сохранилось въ памяти: это была Эсвиръ, дочь Хискіа, начальника синагоги. Остальные члены общины обратились къ епископу Егильберту съ мольбою о защитѣ. Но этотъ жестокой князь церкви, желавшій вѣроятно посредствомъ рвенія къ обращенію смыть съ себя подозрѣніе въ еретичествѣ, отвѣтилъ имъ: «Теперь грѣхи ваши возстали противъ васъ, презрѣнныхъ, за то, что вы не признаете Сына Божія и поносите Матерь Его. Обратитесь, и я вамъ дарую миръ и спокойное пользованіе вашими имуществами. Если же вы будете упорствовать, то съ тѣломъ вашимъ погибнетъ и душа».

Тогда евреи собрали совѣтъ и рѣшили, по предложенію одного изъ своихъ ученыхъ членовъ, Миха (Михеосъ), притворно принять христіанство. Миха обратился затѣмъ къ епископу: «Ты правъ: намъ лучше принять христіанскую вѣру, нежели изо дня въ день подвергаться страху лишиться жизни

и имущества. Скажи же намъ скорѣе, во что намъ вѣровать, и освободи насъ отъ грозящихъ намъ удушеніемъ». Затѣмъ священникъ, проговоривъ католическій символъ вѣры, предпринялъ крещеніе испуганныхъ евреевъ. Михѣ дано было имя епископа. Это была постыдная побѣда христіанъ надъ трирскою общиною, длившаяся однако не долго.

Потомъ отрядъ двинулся на Шпейеръ, община котораго только-что получила отъ епископа и императора письменное утвержденіе неприкосновенности и свободы. Крестonosцы прибыли въ субботу и на первыхъ порахъ потащили десять евреевъ въ церковь, чтобы окрестить ихъ подъ угрозою смерти. Евреи воспротивились принять крещеніе и были заколоты. Одна благочестивая женщина, не надѣявшаяся на свою твердость въ рукахъ убійць, сама лишила себя жизни (8 Января—3 Мая 1096). Остальные евреи спрятались частью во дворцѣ епископа Иогансена, частью въ замкѣ императора. Епископъ, человѣколюбивѣе и благочестивѣе Егильберта, ненавидѣвшій обращеніе силою, принялъ мѣры противъ разъяренной толпы; евреи сами также твердо защищали свою жизнь, и такимъ образомъ не пало ни одной жертвы съ ихъ стороны. Иогансенъ приказалъ даже схватить нѣсколькихъ бродягъ и казнить ихъ, за что его сильно осуждали лѣтописцы-монахи. Они разгласили, что онъ былъ подкупленъ евреями. Не удивительно, что евреи ужасались христіанства и не только противились крещенію, но и считали себя запятанными, если ихъ, въ состояніи безсознательности и безчувствія, окропляли купельною водою. Они видѣли въ христіанствѣ, какъ оно было обставлено въ одиннадцатомъ столѣтіи, только ярое язычество. Почитаніе мощей и образовъ, пустое и бездушное церковное богослуженіе, поступки главы церкви, который, освобождая народы отъ священныхъ клятвъ, вызывалъ ихъ на цареубійство, распутная и безнравственная жизнь духовенства, глупый, исполненный невѣжества взглядъ толпы, животныя поступки крестonosцевъ, все это напоминало имъ скорѣе идолопоклонниковъ, столь презираемыхъ въ священномъ писаніи, нежели исповѣдниковъ Бога. Какъ

предки ихъ, во времена Маккавеевъ, прогивились насильственному служенію Зевсу и считали для себя позорнымъ участіе въ языческихъ обрядахъ, такъ точно германскіе евреи относились къ современному имъ христіанству.

Толпа, предпринявшая нападеніе на трирскую общину, была вѣроятно не сильна и потому могла быть отбита. Для продолженія же своего кроваваго дѣла, она ожидала только подкрѣпленія. Спустя двѣ недѣли большое число бродягъ. «волковъ пустыни», какъ ихъ назвалъ современный еврейскій лѣтописецъ, увеличиваясь все болѣе и болѣе, прибыло въ Вормсъ. Епископъ Аллебрандъ не могъ или не хотѣлъ оказать полной защиты. Повидимому, онъ не одобрялъ избіенія евреевъ, такъ какъ укрылъ въ своемъ дворцѣ часть членовъ общины, вѣроятно самыхъ знатныхъ и богатыхъ. Прочіе же, предоставленные самимъ себѣ, вначалѣ защищались, но, уступая превосходной силѣ многочисленной шайки, падали подъ ударами убійцъ, исповѣдуя свою религію: «Единъ Господь Богъ нашъ». Лишь очень немногіе были насильственно окрещены, другіе избѣгали крещенія самоубійствомъ. Женщины убивали своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Странствующая братія разоряла дома евреевъ, грабила ихъ имущества и дала волю слѣпой ярости даже надъ священнымъ писаніемъ, найденнымъ ею въ синагогахъ и жилищахъ (Воскресенье, 23 Іяра = 28 Мая). Недѣлю спустя, дошла очередь и до евреевъ, нашедшихъ пріютъ въ епископскомъ дворцѣ, потому ли, что бродяги сдѣлали на него приступъ съ буйнымъ требованіемъ выдать имъ жертвы, или потому, что Аллебрандъ далъ евреямъ убѣжище съ единственною цѣлію убѣдить ихъ кротостью къ обращенію. Какъ бы то ни было, но епископъ внезапно объявилъ евреямъ, что онъ не въ состояніи болѣе оказывать имъ покровительство, если они не изъявятъ согласія креститься. Знатнѣйшіе изъ нихъ выпросили себѣ короткій срокъ для совѣщанія. Передъ дворцомъ стояла странствующая братія, чтобъ вести евреевъ или въ церковь или на смерть. Когда же, по прошествіи даннаго срока, епископъ отворилъ дверь, то нашелъ евреевъ плавающими въ крови.

Они предпочли смерть отъ руки своего собрата. При этомъ извѣстїи разъяренная толпа бросилась на остальныхъ, убивая оставшихся еще въ живыхъ, и поволокла ихъ трупы по улицамъ. Только немногіе спаслись мнимымъ принятїемъ христіанства (Воскресенье, 1 Сивана—25 Мая). Юноша, Симха Когенъ, у котораго бродяги убили отца, Маръ-Исаака, и семерыхъ братьевъ, не хотѣлъ разстаться съ жизнью, не отомстивъ. Онъ позволилъ отвести себя въ церковь и въ тотъ моментъ, когда хотѣли совершить надъ нимъ таинство, онъ выхватилъ спрятанный ножъ и закололъ имъ епископскаго племянника. Онъ, какъ и ждалъ того, былъ въ церкви же растерзанъ. Лишь по оставленїи крестоносцами города, еврейскіе мученики были своими единовѣрцами преданы землѣ, и хоронившіе насчитали болѣе восьми сотъ труповъ, около ста сорока семействъ, между которыми находились сыновья и ученики Исаака Галеви, лотарингскаго авторитета. Память о мученикахъ или святыхъ (Kedoschim) служила образовавшейся впоследствии общинѣ предметомъ почитанія и примѣромъ непоколебимости въ вѣрѣ ¹⁾.

Спустя день по избїенїи остальныхъ евреевъ въ Вормсѣ, отрядъ крестоносцевъ прибылъ въ Майнцъ, гдѣ ихъ предводителемъ былъ безсовѣстный и кровожадный графъ Эммерихъ или Эмихо лейнингенскій, близкій родственникъ архіепископа Рутгарда. Онъ столько же жаждалъ богатствъ майнцскихъ евреевъ, сколько ихъ крови, и повидимому съ этою цѣлью составилъ дьявольскій планъ вмѣстѣ съ архіепископомъ, однимъ изъ главныхъ противниковъ Генриха IV. Архіепископъ предложилъ всѣмъ евреямъ укрыться въ его дворцѣ, пока не минуетъ опасность. Передавъ всѣ свои сокровища Рутгарду, болѣе 1300 евреевъ расположились, съ сердечнымъ трепетомъ и горячею молитвою, на дворѣ и балконѣ

¹⁾ Книга мемуаровъ вормской общины. Изъ погибшихъ ученыхъ значатся: Р. Исаакъ бенъ Еліакимъ, убитый за чтенїемъ Талмуда; Іаковъ, Самуилъ, Ашеръ, вѣроятно сыновья Исаака Галеви; Исаакъ бенъ Меиръ Schollach Zibur и Іаковъ бенъ Симсонъ; см. А. Адлеръ въ Jost's Annal. 1839. стр. 92.

его обширнаго зданія. До разсвѣта еще (вторникъ, 3 Сивана = 27 Мая) Эммерихъ лейнингенскій привелъ крестоносцевъ къ резиденціи архіепископа, требуя яростными криками выдать евреевъ. Хотя архіепископъ и выставилъ, для защиты ихъ, прикрытіе, но послѣднее отказалось взяться за оружіе противъ христіанъ и странствующей братіи. Крестоносцы безъ труда выломали двери дворца и вторгнулись въ него, отыскивая евреевъ. Здѣсь повторилось ужасное зрѣлище Вормса. Исповѣдуя единство Божіе, падали мужья, жены, дѣти и старцы подъ мечами своихъ братій или враговъ. Тысяча триста мученическихъ труповъ были потомъ вывезены на телѣгахъ изъ дворца въ городъ. Представители талмудической учености изъ школы Р. Гершона были тогда казнены; имена ихъ сохранились, вмѣстѣ съ именами другихъ мучениковъ, въ памятной книгѣ Майнцской общины (книга мемуаровъ). Сокровищами евреевъ воспользовался архіепископъ, подѣляя ими съ Эммерихомъ. Рутгардъ спряталъ въ соборѣ шестьдесятъ евреевъ и отправилъ ихъ потомъ въ еврейскій округъ, лежавшій поодаль отъ дороги. Но и они были схвачены и убиты. Очень немногіе изъ нихъ приняли крещеніе. Двухъ мужей и двухъ дѣвушекъ, Урію и Исаака съ дочерьми, крещенныхъ въ забытіи и по слабости, раскаяніе довело до ужасающаго, героическаго поступка. Исаакъ, два дня спустя, наканунѣ Пятидесятницы, зарѣзалъ дома своихъ дочерей и зажегъ свое жилище. Затѣмъ отправился, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Урію, въ синагогу и также зажегъ ее, причемъ оба они погибли въ огнѣ. Этотъ пожаръ истребилъ большую часть Майнца.

Между тѣмъ толпа развращенныхъ крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Германа Циммерманна, собралась у Кельна, наканунѣ еженедѣльнаго праздника. Старѣйшая германская община приготовилась къ ужасамъ, моля гражданъ и епископа о защитѣ. Исполненные жалости къ своимъ еврейскимъ согражданамъ, челоуѣколюбивые жители Кельна укрыли ихъ въ своихъ домахъ. Когда безумный сбродъ на другой день, въ еврейскій еженедѣльный праздникъ (пятница, 30

Мая), рано утромъ вторгнулся въ жилища евреевъ, то нашель ихъ пустыми и могъ выместить свой гнѣвъ лишь на домахъ, разрушилъ имущества и въ день Законодательства растопталъ найденные имъ свертки законовъ. Землетрясеніе въ этотъ день не только не испугало безумной и кровожадной массы, но подстрекнуло ее къ новому неистовству, какъ какъ она видѣла въ землетрясеніи знаменіе небеснаго одобреніи. Только одинъ мужъ и одна жена пали въ этотъ день жертвами. Благочестивый мужъ, Маръ-Исаакъ, добровольно пошелъ на мученическую смерть: онъ не желалъ спастись и, углубясь въ молитву, остался дома, дозволилъ шайкѣ тащить себя въ церковь, плюнулъ на поднесенное распятіе и тотчасъ же былъ убитъ. Остальные кельнскіе евреи, скрывавшіеся въ домахъ гражданъ и во дворцѣ епископа, были пощажены. Благородный епископъ Германъ III, имя котораго заслуживаетъ почитанія потомства, тайно удалилъ евреевъ изъ Кельна и помѣстилъ ихъ, ради безопасности, въ принадлежащихъ ему семи городахъ и деревняхъ. Въ Нейсѣ, Вевлинггофенѣ, городѣ и деревнѣ Алденарѣ, Мёрсѣ и Керпенѣ они прожили три недѣли (съ 3—4 Іюня) въ мучительномъ ожиданіи. Они много молились, постясь ежедневно, а въ послѣдніе дни услыхавъ, что странствующая братія придетъ въ Нейсѣ къ празднику Св. Іоанна (1 Тамуза = 24 Іюня), они постились два дня сряду. Но небо не услышало ихъ горячей молитвы. Крестоносцы въ день Св. Іоанна, подкрѣпивъ себя на новыя убійства, зарѣзали въ этотъ день всѣхъ евреевъ, нашедшихъ убѣжище въ Нейсѣ (по несовсѣмъ достовѣрнымъ источникамъ, числомъ двѣсти). Самуила бенъ Ашера, уговорившаго вѣроятно остальныхъ быть непоколебимыми, они не только убили, но и надругались, по смерти, надъ нимъ и его двумя сыновьями, повѣсивъ ихъ трупы передъ дверью жилища.

Наконецъ бродяги, напавъ на слѣдъ кельнскихъ евреевъ, отыскали послѣднихъ въ ихъ убѣжищахъ. Одинъ отрядъ ворвался на слѣдующій день въ Вевлинггофенъ (при рѣкѣ Ерфтѣ, южнѣе Кельна) и убилъ евреевъ, бѣжавшихъ изъ

Кельна. Между ними значатся: Леви бенъ Самуиль, со всѣмъ семействомъ, и старица Рахиль, показывавшая другимъ примѣръ мужества жертвовать собою. Многіе покончили свою жизнь въ озерахъ и болотахъ. Ученый старецъ Самуиль бенъ Техіель подаль тому примѣръ. Своего прекраснаго сильнаго сына онъ закололъ въ водѣ, произнося благословеніе, на которое жертва отвѣтила «аминь», между тѣмъ какъ окружающіе запѣли «вонми, Израиль» и бросились въ воду. Послѣ этого отчаяннаго поступка старецъ передалъ свой ножъ другому юношѣ, Менагему (служителю синагоги), и велѣлъ ему заколотъ его. — На другой день настала очередь бѣглецовъ въ Алденарѣ (при Арѣ, близъ Бонна), которые погибли такимъ-же образомъ. Ученый мужъ, Исаакъ Галеви, котораго бродяги пытали и окрестили въ безпамятствѣ, отправился, по излеченіи ранъ, въ Кельнъ и, устроивъ свои домашнія дѣла, бросился въ Рейнъ. Бродяги вмѣнили себѣ въ обязанность отыскивать евреевъ. Они отправились (пятница, 4 Тамуза=27 Іюня) въ деревню Алденаръ, чтобы поступить съ тамошними бѣглецами, какъ и съ прочими. Евреи же почуяли это и поклялись другъ другу скорѣе умереть отъ собственной руки. Пятерымъ храбрымъ мужамъ было поручено лишить жизни остальныхъ, а потомъ и другъ друга. Они исполнили это при замкнутыхъ дверяхъ, и послѣдній, по имени Петръ бенъ Іоець, поднялся на башню и бросился оттуда. Только двое юношей и двое дѣтей, которымъ ножъ недостаточно глубоко вонзился въ горло, оправались отъ ранъ и остались въ живыхъ. Странствующей братіи некого было убивать здѣсь, и они отправились въ другое мѣсто (Цонтенъ?), куда прибыли такъ поздно, что евреи уже праздновали свою субботу. Но ночь не помѣшала имъ исполнить кровавое дѣло: евреи этого мѣстечка испустили духъ съ субботнимъ благословленіемъ (Kidusch) на устахъ. Одинъ французъ съ ужасающимъ равнодушіемъ показалъ имъ способъ лишить себя жизни, устроивая себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и могилу. Онъ выкопалъ яму, спустился въ нее и убилъ себя; другіе послѣдовали его примѣру.

Евреи, бѣжавшіе изъ Кёльна въ Мёрсъ, уже считали себя въ безопасности, ибо городъ былъ укрѣпленъ, а комендантъ обѣщаль ихъ защищать, хотя бы съ опасностью для собственной своей жизни. Но вдругъ явилось предъ Мёрсомъ многочисленная шайка бродягъ и настойчиво потребовала выдать ей евреевъ (понедѣльникъ, 7 Тамуза = 30 Іюня). Начальникъ города сомнѣвался въ успѣхѣ сопротивленія и старался, съ одной стороны, упросить бродягъ отказаться отъ своего предпріятія, съ другой-же стороны, побудить евреевъ къ принятію христіанства. Онъ говорилъ евреямъ, что не въ состояніи защищать городъ. Тѣ отвѣчали ему, что всё они готовы умереть за свою вѣру. Угроза, къ которой онъ прибѣгнулъ, чтобы принудить евреевъ къ уступчивости, не произвела на нихъ никакого впечатлѣнія. Тогда начальникъ города приказалъ отвести ихъ по-одиночкѣ въ безопасное мѣсто, чтобы потомъ выдать живыми бродягамъ; ибо уже не было тайною, что евреи скорѣе предпочитаютъ умертвить другъ друга, чѣмъ согласиться принять крещеніе. Въ самомъ Мёрсѣ двѣ женщины, — хвора́я и роженица, — умертвили прелестную новорожденную дѣвочку, выбросивъ ее вмѣстѣ съ колыбелью изъ башни, и потомъ убили самихъ себя. Прочіе евреи въ Мёрсѣ были закованы въ цѣпи и вытащены за городъ бродягами, которые однихъ убили, а другихъ насильно окрестили. — Спустя день (1 Іюля), пострадали евреи въ Керпенѣ. Вообще въ рейнскихъ городахъ убито въ теченіи двухъ мѣсяцевъ (съ Мая по Іюль) двѣнадцать тысячъ евреевъ. Прочіе приняли притворно христіанство, въ полномъ упованіи, что правосудный императоръ, возвратясь изъ Італіи, выслушаетъ ихъ жалобы.

Трагическія сцены повторялись вездѣ, гдѣ проходившіе необузданные бродяги находили евреевъ. Своимъ страданіемъ прославилась еще большая община въ Регенсбургѣ. Богемскіе евреи упоминаются въ исторіи по поводу событій крестоваго похода. Они дотолѣ не ощущали ярма угнетенія, потому что христіанство въ славянскихъ земляхъ еще не пустило глубокихъ корней. Многіе изъ богемскихъ евреевъ были за-

житочны и служили посредниками въ торговлѣ рабами, которые большею частью получались отъ славянъ и перепродавались евреями въ Западную Европу и въ Испанію. Но вслѣдствіе этого евреи пришли въ столкновеніе съ духовенствомъ, и пражскій епископъ Адальбертъ ревностно возсталъ противъ нихъ и не щадилъ ни трудовъ, ни денегъ, для выкупа невольниковъ у евреевъ. Онъ не могъ дѣйствовать силой, потому что духовенство имѣло тогда въ Богеміи мало значенія. Наступилъ крестовый походъ и принесъ съ собою фанатизмъ. Во время прохожденія бродягъ чрезъ Богемію, могущественный герцогъ Вратиславъ II велъ войну, такъ что въ Богеміи не было никого, кто могъ бы обуздать неистовыхъ бродягъ. Послѣдніе имѣли полную свободу удовлетворить свой фанатизмъ; они крестили насильно пражскихъ евреевъ и умерщвляли сопротивлявшихся. Тщетно возставалъ епископъ Косма противъ этого насилія¹⁾. Бродяги иначе поминали христіанство, чѣмъ князь церкви.

Къ счастью для западно-европейскихъ евреевъ, именно, для германскихъ, и къ чести челоѳчества, кровожадный фанатизмъ обуревалъ только подонки общества; князья и горожане, напротивъ, ужасались злодѣяній, и само высшее духовенство, за исключеніемъ майнцаго архіепископа Рутгарда и трирскаго Егильберта, защищало евреевъ. Не настало еще время, когда три силы, — князья, народы и духовенство, — соединились въ общей ненависти къ евреямъ и въ ихъ преслѣдованіи. Вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе о позорной смерти 200,000 бродягъ, которыми предводительствовали Эммерихъ и Германъ; большинство ихъ было убито венграми, и предводители, покрытые позоромъ, возвратились въ Германію съ небольшимъ остаткомъ бродягъ; христіане и евреи одинаково считали это справедливымъ наказаніемъ Божіимъ. Между тѣмъ возвратился изъ Италіи императоръ Генрихъ и, узнавъ о злодѣяніяхъ, совершенныхъ бродягами надъ евреями, выразилъ свое негодованіе и позволилъ

¹⁾ Cosmas Pragensis Chronicon Boemorum, стр. 125.

насиленно крещенымъ вернуться къ іудейству. Послѣдніе не замедлили воспользоваться этимъ дозволеніемъ и отречься отъ христіанства (1097). Только Миха трирскій, подавшій своей общинѣ примѣръ отпаденія, остался вѣренъ христіанству¹⁾. Духовенство осталось этимъ недовольно. Даже поддерживаемый императоромъ папа Климентъ III порицалъ человѣколюбіе Генриха IV, поступавшаго вопреки ученію церкви. «Мы слышали», писалъ онъ императору, «что окрещеннымъ евреямъ дозволено отпасть отъ церкви. Это неслыхано и грѣшно, и мы увѣщаемъ тебя и всѣхъ нашихъ братій позаботиться о томъ, чтобы церковное таинство не было поругано евреями»²⁾. Но императоръ не обратилъ вниманія на эти слова. Онъ не только не запрещалъ евреямъ возвращаться къ ихъ религіи, но и подвергнулъ преслѣдованію родственниковъ майнцаго архіепископа Рутгарда за ограбленіе ими еврейскихъ общинъ. Майнцскіе евреи жаловались императору на то, что Эммерихъ лейнингенскій и его родственники, уговорившись съ архіепископомъ, присвоили сокровища, спрятанныя евреями въ архіепископскомъ дворцѣ. Никто изъ обвиняемыхъ не явился по вызову для своей защиты. Совѣсть Рутгарда была нечиста, и онъ, опасаясь обличенія въ позорныхъ дѣяніяхъ и находясь, кромѣ того, въ немилости у императора, бѣжалъ въ Эрфуртъ. Императоръ отнялъ у него доходы отъ его архіепископства (1098)³⁾. Рутгардъ мстилъ ему тѣмъ, что вмѣстѣ съ его врагами поклялся его унизить.

Этотъ годъ былъ очень несчастливъ для богемскихъ евреевъ. Свѣдавъ о дозволеніи императора возвращаться къ іудейству, они тотчасъ отреклись отъ христіанства, но боялись оставаться въ странѣ, гдѣ не находили для себя правосудія.

1) Gesta Trevirorum въ Histoire de Lorraine I, preuves, стр. 40. Объ отпаденіи отъ христіанства крещеныхъ евреевъ говорятъ почти всѣ хроники перваго крестоваго похода.

2) Udalricus Babenbergensis codex epistolarum № 170.

3) Chronicon Uspergense и ненапечатанная хроника у Шааба: Die Juden von Mainz, стр. 12 и слѣд.

Поэтому они собрали все свое имущество и пожитки, чтобы отправить все это въ безопасное мѣсто и затѣмъ переселиться отчасти въ Паннонію (Австрію и Венгрію), отчасти въ Польшу. Возвратившійся изъ похода, богемскій герцогъ Вратиславъ, узнавши о намѣреніи евреевъ переправить за границу все свое имущество, тотчасъ приказалъ войскамъ занять еврейскіе дома. Герцогскій камерарій созвалъ еврейскихъ старшинъ и объявилъ имъ отъ имени Вратислава, что все ихъ имѣніе принадлежитъ государю и что ихъ поступокъ есть расхищеніе государева имущества. «Вы не принесли въ Богемію никакихъ іерусалимскихъ сокровищъ. Будучи побѣждены Веспасіаномъ и проданы за безцѣнокъ, вы разсѣялись по всей землѣ. Нагими вы пришли въ страну, нагими же уходите изъ нея. Пусть епископъ Косма считается съ вами за отпаденіе отъ церкви». Нельзя было ничего возражать противъ такой логики; это была логика грубаго права¹⁾. И такимъ образомъ ограбили богемскихъ евреевъ съ головы до ногъ, оставя имъ лишь столько, сколько было необходимо въ ту минуту для утоленія голода. Современный лѣтописецъ-епископъ рассказываетъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ, что тогда отняли у евреевъ гораздо больше денегъ, чѣмъ взяли греки у побѣжденныхъ троянцевъ. Кажется, евреи, лишившись имущества, отказались отъ переселенія. Ибо современный историкъ рассказываетъ еще мно-

¹⁾ Cosmas Pragensis у Пертца monumenta XI, стр. 103. Рѣчь камерарія изложена въ стихахъ, которые мы приводимъ здѣсь по причинѣ ихъ замѣчательнаго содержанія.

O gens progenita manzeribus Ismahelita!
 Ut sibi dicatis, dux mandat, cur fugiatis,
 Et partis gratis cur gazas attenuatis?
 Interea quaecumque mea sunt, sunt mea cuncta.
 Nullas de Solimis res diviciasve tulistis.
 Uno pro nummo ter deni Vespasiano
 Caesare praescripti, sparsi sic estis in orbe.
 Macri venistis, macri quo vultis eatis.
 Quod baptizati sitis, Deus est mihi testis,
 Non me, sed Domino sunt ista jubente patrata.
 Quod autem iterum relapsi estis in Judaismum,
 Cosmas episcopus videat, quid inde agere debeat.

гое о богемскихъ еврейхъ, и говорить, что одинъ изъ нихъ, по имени Іаковъ, занималъ высокій постъ, въ качествѣ представителя герцога ¹⁾).

Еще хуже было положеніе іерусалимскихъ евреевъ. Крестовосцы, преодолевъ многія трудности и взявши приступомъ святыи градъ, вырѣзали магометанъ, а евреевъ, какъ раввинистовъ, такъ и караимовъ, загнали въ синагогу и зажгли послѣднюю (15 Іюля 1099) ²⁾. Одиннадцатое столѣтіе окончилось для сыновъ Израиля такимъ же кровавымъ образомъ, каковымъ и началось. Однакожъ императоръ Генрихъ ревностно занялся охраненіемъ евреевъ въ имперіи. Находясь въ Майнцѣ и осматривъ мѣсто, на которомъ совершились ужасающія злодѣянія, онъ взялъ съ князей и гражданъ клятву въ томъ, что они дадутъ миръ еврейамъ и не будутъ обращаться съ ними жестоко (1103) ³⁾. Императорская защита принесла еврейамъ лишь временное облегченіе и повела затѣмъ ко вреду. Евреи были поставлены почти въ такую же зависимость отъ землевладѣльцевъ, въ какой находились рабы.

Но это обстоятельство было для нѣмецкихъ евреевъ не единственнымъ дурнымъ послѣдствіемъ перваго крестоваго похода. Съ одной стороны, папа Климентъ III требовалъ возвращенія насильно окрещенныхъ евреевъ въ лоно церкви, не разсуждая о томъ, что противъ этого возставало все ихъ существо, и что они могли питать только презрѣніе и ненависть къ насильно навязанной имъ религіи. Съ другой стороны, благочестивые, вѣрные закону евреи отталкивали ихъ, не признавали братіями, не вступали съ ними въ брачныя союзы, не дѣлили пищи и питья, хотя насильно окрещенные, отрекшись немедленно отъ христіанства, доказали тѣмъ свою привязанность къ еврейской религіи. Такимъ образомъ эти несчастные отвергались обѣими сторонами,

¹⁾ Тамъ-же, стр. 112, 125, 18—29, подъ годами 1107, 1122, 1124.

²⁾ Элмадинъ въ *Geschichte der Kreuzzüge von Wilken*, I, стр. 296; Ренауъ въ *Michaud bibliothèque des croisades*, IV, 92 объ Ибнъ-Гуци.

³⁾ *Curia Moguntiae* у Пертца, тамъ-же, IV, 60.

какъ отщепенцы и какъ презрѣнные. Раши, услышавъ объ этомъ жестокосердомъ понятіи, возсталъ противъ него: «Да будемъ далеки отъ того, чтобы отрекаться и стыдиться вернувшихся къ іудейству! Они дѣйствовали такъ изъ страха смерти и поспѣшили потомъ вернуться къ еврейству»¹⁾. Еще хуже были послѣдствія перваго крестоваго похода. Духъ нѣмецкихъ евреевъ, склонный и безъ того къ чрезмѣрному, аскетическому благочестію, сдѣлался еще мрачнѣе вслѣдствіе неслыханныхъ страданій. Всякое веселіе стало имъ чуждо, и они съ этого времени постоянно ходили въ рубищѣ, посыпавъ главы пепломъ. Ими овладѣла удрученность духа, отъ которой они долго не могли избавиться. Тѣмъ не менѣе они заимствовали у ненавистой римско-католической церкви обычай посѣщать гробы своихъ мучениковъ, которыхъ также называли святыми (Kedoschim), молиться и просить у нихъ небснаго заступничества. Съ этаго времени еврейство въ Германіи становилось все мрачнѣй и мрачнѣй. Правда, бывали примѣры необыкновенной нравственной строгости, но эта нравственность не отличалась высокимъ полетомъ; точно также и поэзія осталась чужда нѣмецкимъ евреямъ. Ихъ поэты, если только можно назвать ихъ этимъ именемъ, варьировали въ своихъ покаянныхъ молитвахъ и печальныхъ пѣсняхъ однѣ только жалобы на жестокія страданія и безпомощность Израиля. Изъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, описавшихъ бѣдствія перваго крестоваго похода въ хватающихъ за сердце, но не постическихъ стихахъ, извѣстны: Веніаминъ бенъ Хія, Давидъ бенъ Мешулламъ, Давидъ бенъ Самуиль Галеви, Іаковъ бенъ Исаакъ Галеви, Калонимось бенъ Іегуда изъ Шпейера и Самуиль бенъ Іегуда изъ Майнца²⁾.

Талмудъ служилъ противовѣсомъ для преобладающаго скорбнаго направленія нѣмецкаго еврейства. Изученіе Талмуда, какъ его понималъ Раши, спасало отъ отупѣнія, безсодержательнаго мышленія и аскетизма. Кто не желалъ заблуд-

¹⁾ Raschi Pardes, стр. 23 d.

²⁾ Сравни примѣч. 5.

даться въ перепутанныхъ тропинкахъ Талмуда, тотъ постоянно долженъ былъ обращать вниманіе на міръ фактовъ и не позволять своей мысли погружаться въ непробудный сонъ. Глубокое изученіе Талмуда служило бальзамомъ для ранъ, нанесенныхъ крестовыми бродягами общинамъ рейнской области. Въ школѣ царствовала радость плодотворнаго мышленія и не было мѣста заботамъ и смущенію духа. Такимъ образомъ школа сдѣлалась міромъ для несчастныхъ. Оба мужа, поставившіе изученіе Талмуда на высокую степень совершенства, умерли въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія: Исаакъ Алфасси 1103 (10 Сивана = 19 Мая)¹⁾, а Раши двумя годами позже 1105 (29 Тамуза = 13 Іюля)²⁾ среди занятій своимъ комментариемъ къ Талмуду³⁾. Послѣ обоихъ остались многочисленные ученики, которые расширили предѣлы изученія Талмуда. Обоихъ высоко чтити, какъ современники, такъ и потомки. Удивленіе испанцевъ къ Алфасси высказалось соотвѣтственно ихъ высокой степени образованія, въ звучныхъ стихахъ, удивленіе-же къ Раши нѣмецкихъ и сѣверо-французскихъ евреевъ, стоявшихъ на низшей степени культуры, выразилось въ фантастическихъ сагахъ. Два молодыхъ поэта, Моисей Ибнъ-Эзра и Іегуда Галеви, воздвигли Алфасси прекрасный памятникъ въ трогательныхъ элегіяхъ на его смерть. Іегуда Галеви, которому едва исполнилось двадцать лѣтъ, пѣлъ:

«Для тебя содрогалась гора въ день Синайскаго законодательства,
Сонмы ангеловъ встрѣтили тебя на твоемъ пути
И написали законъ на скрижаляхъ твоего сердца,
Возложили вѣнецъ на твою главу»⁴⁾.

¹⁾ Проф. Луццата вѣрно опредѣлилъ день смерти Алфасси, *Keret Chemed V*, 93, и *Abne Sikkaron*, стр. 72 ѓ. Подтверженіемъ этому служить и то, что, по словамъ Авраама Ибнъ-Дауда, ученикъ Алфасси былъ назначенъ, въ мѣсяцѣ Сиванѣ, его преемникомъ въ луценской общинѣ.

²⁾ По парискому кодексу Раши у С. Влоха: *Leben Raschi's*, стр. 18, примѣч. 1 и въ друг. мѣстахъ.

³⁾ Сравни. *Makkot* 19 b.

⁴⁾ Элегія на смерть Алфасси напечатана въ нѣкоторыхъ изданіяхъ его *Nalashot* и перепечатана въ другихъ сочиненіяхъ. Сравни. *Orient* 1841 г., *Litbl. col.* 772 и слѣд. Большое стихотвореніе принадлежитъ Моисею Ибнъ-Эзрѣ, меньшее написано Іегудою Галеви.

Сага слѣдующими чертами увѣковѣчиваетъ Раши. Его отецъ Исаакъ обладалъ рѣдкимъ драгоцѣннымъ камнемъ, который христіане желали бы приобрести и вставить вмѣсто глаза въ образъ Богоматери; Исаакъ же не соглашался уступить его за какую бы то ни было цѣну, потому что для его благочестія было возмутительно отдать камень для подобной цѣли. Христіане заманили его хитростью на корабль и хотѣли угрозами смерти принудить его отдать имъ камень. Но благочестивый отецъ Раши быстро кинулъ камень въ море. Въ то же время послышался въ школѣ въ Труа чудесный голосъ: «Тебѣ, Исаакъ, родится сынъ, который будетъ блестѣть подобно свѣтлому драгоцѣнному камню». Въ томъ же году родился Раши. На тридцать третьемъ году отъ роду онъ началъ скитальческую жизнь, отчасти для искупленія грѣховнаго сожалѣнія своего отца объ утратѣ драгоцѣннаго камня, отчасти для того, чтобы узнать, не существуетъ ли гдѣ либо комментаріевъ къ Талмуду, которые были бы лучше его объясненій; онъ прошелъ Италію, Грецію, Палестину, Египетъ и Персію. — Другая сага связываетъ Раши съ Готтфридомъ Бульонскимъ, набожнымъ героемъ перваго крестоваго похода. Фландрскій рыцарь призвалъ Раши, чтобы разспросить его объ исходѣ предпринятаго завоеванія Іерусалима, но такъ какъ Раши не могъ придти, то Готтфридъ отправился къ нему въ домъ, отворилъ дверь, нашелъ раскрытыя книги и даже услышалъ позади себя голосъ Раши, но самого его не видѣлъ. Наконецъ явился труасскій раввинъ и на вопросъ Готтфрида объ исходѣ крестоваго похода отвѣчалъ: «Ты возьмешь Іерусалимъ, будешь царствовать въ немъ три дня, на четвертый же изгонять тебя Измаильтяне, и ты возвратишься сюда бѣглецомъ съ тремя конями». Готтфридъ погрозилъ, сказавши, что если вернется хотя съ однимъ конемъ болѣе, то обезглавитъ Раши и велитъ умертвить евреевъ во Франціи. Послѣ четырехлѣтней войны Готтфридъ Бульонскій возвратился бѣглецомъ съ тремя рыцарями и хотѣлъ исполнить свое обѣщаніе. Между тѣмъ, при въѣздѣ въ ворота какого-то города, камень убилъ одного

рыцаря и его лошадь. Тогда Готтфридъ рѣшилъ отправиться въ Труа и засвидѣтельствовать Раши свое глубочайшее удивленіе къ его прозорливости, но къ сожалѣнію узналъ, что великій труасскій раввинъ уже скончался¹⁾. Сага, очевидно, имѣла въ виду олицетворить печальный конецъ многихъ крестоносцевъ и наказать безупречнаго героя перваго крестоваго похода, идеальнаго благочестиваго и нравственнаго рыцаря, за всѣ злодѣянія, совершенныя крестовыми бродягами надъ евреями. Сага не заботится о томъ, что Готтфридъ Бульонскій умеръ въ Іерусалимѣ пятью годами раньше Раши.

¹⁾ Гедалья Ибнъ-Іахья въ Schalschelet ha-Kabbalah.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Третій раввинскій вѣкъ. Эпоха Іосифа Ибнъ-Мигаша и Іегуды Галеви, Ибнъ-Эзры и Р. Тамса. Наивысшій пунктъ еврейско-испанской культуры.

Положеніе евреевъ въ правленіе Алморавидовъ. — Еврейскіе визири, Ибнъ-Алмуаллемъ, Ибнъ-Камвиаль, Ибнъ-Могагаръ. — Полицеймейстеръ и астрономъ Авраамъ бенъ Хія. — Раввины Іосифъ Ибнъ-Сагалъ, Барухъ Ибнъ-Албалія, Іосифъ Ибнъ-Цадикъ, Іосифъ Ибнъ-Мигашъ. — Поэты Ибнъ-Тоббенъ, Ибнъ-Цаклебъ и Ибнъ-Эзра.

1105 — 1140.

Въ южной Испаніи, гдѣ водворилась культура, царствовали въ первой половинѣ двѣнадцатаго вѣка Алморавиды (Морабиты). Въ ихъ правленіе евреи пользовались совершеннѣйшею безопасностью, ибо Алморавиды не были фанатиками. Только одинъ разъ пришло въ голову алморавидскому князю, правовѣрному Іуссуфу Ибнъ-Тешуфину, принудить евреевъ своего государства принять исламъ. Проѣзжая черезъ Луцену и видя населенныя еврейскія общины, которыя, благодаря Алфасси, сдѣлались первенствующими въ Испаніи, Іуссуфъ Ибнъ-Тешуфинъ созвалъ старшинъ и объявилъ имъ слѣдующее: Въ одной книгѣ магометанскаго теолога онъ прочиталъ, что Магометъ даровалъ евреямъ религиозную свободу, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы ожидаемый ими Мессія былъ найденъ въ теченіе полутысячелѣтія. Если же онъ не обрящется до 500 года геджиры, то евреи должны безъ всякихъ возраженій признать Магомета послѣднимъ пророкомъ и принять исламъ. Евреи согласились въ то время на это условіе. Такъ какъ нынѣ окончился сказанный срокъ,

то онъ, князь правовѣрныхъ, требуетъ, чтобы евреи исполнили упомянутое условіе, иначе они лишатся оказываемой имъ доселѣ защиты и будутъ объявлены внѣ закона (1105). Однакожъ поднесенныя ему луценскими евреями денежныя суммы и совѣтъ мудраго визиря, Абдаллы Ибнъ-Али, побудили его отказаться отъ своего намѣренія ¹⁾.

Въ правленіе втораго алморавидскаго государя Али (1106—1143), евреи жили въ полной безопасности, и нѣкоторые изъ нихъ даже собирали подати съ своихъ единовѣрцевъ и съ христіанъ ²⁾, другіе же, превосходные люди, занимали почетное мѣсто при дворѣ. Наука и поэзія служили въ царствованіе этого государя средствами достигнуть высшихъ должностей. Одинъ еврейскій врачъ и поэтъ, Абу-Аюбъ Соломонъ Ибнъ-Алмуаллемъ изъ Севильи, былъ лейбъ-медикомъ калифа Али и пользовался титуломъ князя и визиря ³⁾. Одинъ эстетикъ говоритъ, что его стихотворенія дѣлали нѣмыхъ красногубыми и слѣпыхъ зрячими ⁴⁾. Высокое положеніе при дворѣ занялъ также врачъ Абулгассанъ Авраамъ бенъ Меиръ Ибнъ-Камніаль изъ Сарагоссы ⁵⁾, имѣвшій равнымъ образомъ титулъ визиря. Величайшіе поэты того времени превозносятъ его въ чудесныхъ стихахъ за благородный образъ мыслей, щедрость и участіе къ судьбѣ его единовѣрцевъ. «Князь, хотя живущій на землѣ, но стремящійся къ небесамъ. Онъ, подобно молніи, спѣшитъ дѣлать добро, между тѣмъ какъ другіе тащатся лѣнливо. Двери его милостыни открыты для туземцевъ и иностранцевъ. Своимъ богатствомъ онъ спасалъ осужденныхъ на смерть и давалъ жизнь погибающимъ».

¹⁾ Conde la domination, etc., II, с. 23, стр. 408.

²⁾ Тамъ-же, с. 25, стр. 414.

³⁾ Диванъ Іегуды Галеви у Гейгера, стр. 120; Афоризмы Маймуни у Мунка въ archives israélites, 1851, стр. 326, примѣч. Стихотвореніе (Ginse Oxford, стр. 18), судя по надписи, принадлежитъ Ибнъ-Алмуаллему.

⁴⁾ Алхаризи Tachkemoni, Pforte III.

⁵⁾ Эдельманъ правильно разсудилъ, что Авраамъ бенъ-Меиръ, которому Моисей Ибнъ-Эзра посвятилъ свой Targisch, тождественъ съ Абулгассаномъ Ибнъ-Камніалемъ, Ginse Oxford XIV, 1. Ему же посвятилъ Іегуда Галеви семь стихотвореній, Luzzato Betulat bat-Jehuda, стр. 19. О немъ, какъ о врачѣ, сравн. Мунка, тамъ же, изъ афоризмовъ Маймуни.

«Князь (Ибнъ-Камніаль) служить своему народу защитой и оплотомъ; онъ пребываетъ въ Испаніи, но его любовь простирается до Вавилона и Египта» ¹⁾). Титулъ визиря имѣлъ также Абу-Исхакъ Ибнъ-Могагаръ ²⁾, котораго увѣковѣчили тѣ же поэты въ своихъ стихотвореніяхъ. Прославлялся современниками князь Соломонъ Ибнъ-Фаруссаль. Вѣроятно, онъ находился на службѣ у магометанскаго князя и былъ отправленъ съ письмомъ къ одному изъ христіанскихъ дворовъ. Ибнъ-Фаруссаль былъ убитъ (1108, 20 Іяра — 2 Мая) ³⁾ незадолго до битвы при Уклесѣ, въ которой магометанское оружіе вторично побѣдило христіанъ. Молодой поэтъ Іегуда Галеви сочинялъ восторженный панегирикъ ко дню возвращенія Ибнъ-Фаруссала изъ его далекаго путешествія, когда пришла вѣсть объ умерщвленіи героя, — и торжественная пѣснь поэта превратилась въ художественную элегію.

Астрономъ-писатель Авраамъ бенъ Хія Албаргелони (род. 1065, ум. 1136) занималъ высокій постъ при другомъ магометанскомъ государѣ; онъ былъ въ родѣ полицеймейстера (Zachib as-Schorta, Савасорда) и также имѣлъ титулъ «князя». Онъ долго жилъ въ Соріи (въ Старой Кастиліи), а въ старости переселился въ каталонскую столицу Барселону ⁴⁾. Благодаря своимъ астрономическимъ познаніямъ, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ государей ⁵⁾, спорилъ съ ученымъ духовенствомъ, доказалъ ему истинность еврейской религіи и неосновательность обвиненія, будто евреи въ девятнадцатилѣтній циклъ два раза праздновали Пасху мѣсяцемъ

¹⁾ Мансей Ибнъ-Эзра Tarschisch у Луццато Керем Chemed IV, стр. 69, 70.

²⁾ Его же Диванъ, тамъ-же, стр. 92, и Betulat, стр. 20.

³⁾ Стихотвореніе Іегуды Галеви сообщено вполнѣ Шпорромъ въ Chaluz I, 151, въ отрывкахъ въ Orient 1860, Litbl. 461 и слѣд. Въмѣсто 1106 года Дукесъ правильно приводитъ 1108, тамъ-же, 647. Битва при Уклесѣ произошла 29 Мая 1108 г.

⁴⁾ Sefer ha-Ibbur, изд. Филиповскаго (Лондонъ 1851) стр. 4. Таблицы тамъ-же, стр. 119. Erez Zorfat означаетъ и здѣсь Каталонію; срав. примѣч. 3 на стр. 86; сравн. Керем Chemed VII, 77 и слѣд., откуда ясно видѣнъ годъ смерти; также Рапатортъ во введен. къ Hegion ha-Nephesch.

⁵⁾ Письма къ Іегудѣ Албаргелони въ Керем Chemed VIII, стр. 59.

раньше ¹⁾. Авраамъ бенъ Хія написалъ четыре сочиненія объ астрономіи и о теоретическомъ и практическомъ календарномъ вычисленіи, причемъ обратилъ вниманіе на лѣтосчисленіе христіанъ, магометанъ, сирійцевъ, персовъ и египтянъ. Онъ также написалъ небольшое сочиненіе о нравственной теологіи, но это сочиненіе не имѣетъ особенной важности ²⁾. Служилъ онъ также и астрологіи и составилъ гороскопъ счастливыхъ и несчастныхъ часовъ дня. Однажды онъ хотѣлъ воспрепятствовать жениху ѣхать на обрученіе, потому что назначенный для того часъ находился подъ вліяніемъ планеты Марса, приносящей несчастіе ³⁾; благочестивые евреи порицали его за это, ибо Талмудъ воспрещаетъ составленіе гороскоповъ. Однакожъ это не воспрепятствовало ему вычислить астрологическимъ способомъ, что Мессія явится въ 5118 году отъ сотворенія міра (1358) ⁴⁾.

Хотя такимъ образомъ въ этотъ періодъ не было на Пиренейскомъ полуостровѣ недостатка во вліятельныхъ, содѣйствовавшихъ наукѣ, щедрыхъ мужахъ, однакожъ никто изъ нихъ не былъ, подобно Хасдаю Ибнъ-Шапругу и Самуилу Ибнъ-Нагрелъ, такою могучею личностью, которая побудила бы къ развитію дремлющія силы, или указала бы направленіе литературной дѣятельности. Не было прочнаго центра, къ которому могли-бы обращаться умы, какъ къ животворному солнцу; да и самое время не требовало такого центра. Ревность ко всемъ отраслямъ богопознанія и наукъ была такъ велика, что не настояло надобности въ ея возбужденіи высокою личностью. Первая половина двѣнадцатаго вѣка славится гениальными мужаами еврейскаго кружка, поэтами, философами и талмудистами, и почти всѣ ихъ произведенія носятъ на себѣ печать совершенства. Еврейская культурная жизнь въ это время уподоблялась превосходному саду со множе-

¹⁾ Sefer ha-Ibbur, стр. 45.

²⁾ Region ha-Nephesch, изд. Фреймана (Лейпцигъ, 1860).

³⁾ Письма къ Іегудѣ Албаргелони, тамъ-же.

⁴⁾ Megillat ha-Megalleh у Филпповскаго, тамъ-же.

ствомъ душистыхъ цвѣтовъ и сочныхъ плодовъ, которые, будучи различны по цвѣту и вкусу, одинаковы по великолѣпію и достоинству, растутъ на одной и той-же почвѣ. Презрѣнная зависть, на которую жаловались Менагемъ бенъ Сарукъ и Ибнъ-Гебирила, враждебность, царствовавшая между Ибнъ-Ганахомъ и Самуиломъ Ибнъ-Нагрелою, между Алфасси и Ибнъ-Албаліей, были изгнаны изъ кружка представителей культуры того времени. Поэты воспѣвали другъ друга и отъ всей души славили мужей, посвятившихъ себя другимъ отраслямъ знанія. Они принимали живѣйшее участіе въ событіяхъ, счастливыхъ для кого-либо изъ нихъ, утѣшали другъ друга и считали себя по истинѣ членами одного и того же семейства. Единодушіе, царствовавшее между представителями еврейской науки и поэзіи того времени, вполне свидѣтельствуешь объ ихъ благородствѣ и даровитости.

Исторія затрудняется перечислить и достойно оцѣнить множество геніальныхъ личностей, которыя жили въ то время въ Испаніи. Этотъ періодъ далъ семерыхъ отличнѣйшихъ раввиновъ, большею частью изъ учениковъ Алфасси, которые, предаваясь изученію Талмуда, питали глубокое чувство къ поэзіи и наукѣ или сами занимались ими. Братъ выше-названнаго визиря Абу-Исхака Ибнъ-Могагара былъ раввиномъ (Dajan) въ Гранадѣ и назывался Абу-Сулейманъ Давидъ Ибнъ-Могагаръ¹⁾. Какъ ученикъ Алфасси, Давидъ написалъ систематическое сочиненіе объ опредѣленіяхъ Талмуда относительно брачныхъ разводовъ; какъ сынъ испанской культуры, онъ занимался еврейскою грамматикой, написалъ о ней сочиненіе (Sefer ha-Melachim) и заплатилъ дань современному духу поэзіи.

Другой ученикъ Алфасси, Абулфатахъ Элеазаръ бенъ Нахманъ Ибнъ-Асгаръ²⁾, былъ раввиномъ въ Севильѣ. О немъ

¹⁾ Сравн. о немъ примѣч. 6.

²⁾ Диванъ Моисея Ибнъ-Эзры № 192. Kerem Chemed IV, 93, и Дукесъ Моисей Ибнъ-Эзра, стр. 103, 19. О мѣстѣ его пребыванія сравн. примѣчаніе 1, I. Встрѣчающійся въ Диванѣ Іегуды Галеви, Нахманъ Ибнъ Асгаръ (Betulat 20) есть или этотъ самый, или его отецъ.

ничего неизвѣстно, кромѣ того, что воспѣто Музой. Ибнъ-Асгаръ былъ богатъ, почтенъ, обладалъ даромъ поэзіи и находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ обоими современными великими поэтами, съ Моисеемъ Ибнъ-Эзрой и съ Іегудой Галеви. Первый поетъ о немъ, очевидно, преувеличивая.

«Если правосудіе обнажить смертныхъ, то ты, князь, одѣнешь ихъ покровомъ твоей добродѣтели. Если они запятнаютъ себя животною северною, то ты снова освятишь ихъ чистотою своего сердца. Въ твоей лѣвой рукѣ богатство, десницею же ты оплодотворяешь пустыню. Богъ даровалъ тебѣ преимущество надъ смертными, какъ мужу надъ женой. Поешь-ли ты пѣснь, — поэты смолкаютъ; отверзаешь-ли уста, — слушатели скромно нѣмотствуютъ».

На смерть его тотъ-же поэтъ написалъ элегію, которая начинается такъ:

«Солнце закатилось, пошло во прахъ, отъ того-то померкло небо и поблѣднѣли звѣзды»¹⁾.

Абу-Амръ Іосифъ бенъ Іаковъ Ибнъ-Сагалъ (род. около 1070, дѣйствовалъ 1103, ум. 1124)²⁾, ученикъ Ибнъ-Гіата, прославившійся какъ мудрецъ и поэтъ, исполнялъ обязанности раввина въ Кордовѣ. Кажется, въ началѣ зрѣлаго возраста онъ терпѣлъ неудачу и жалуется въ стихахъ на свою неизвѣстность и презрѣніе къ поэзіи. Къ своему сердечному другу, Моисею Ибнъ-Эзрѣ, онъ написалъ письмо въ стихахъ³⁾, въ которомъ встрѣчается слѣдующая жалоба:

«Мнѣ суждено жить среди животныхъ, среди стада овецъ! Обращусь-ли на право. — никто меня не знаетъ; повернусь-ли на лѣво, — никто не обращаетъ на меня вниманія. Моимъ жалобамъ на несправедливость никто не внемлетъ; я не знаю покоя, колеблюсь, какъ тростникъ»⁴⁾.

Другъ, самъ нуждавшійся въ утѣшеніи, отвѣтилъ ему

1) Моисей Ибнъ-Эзра, Диванъ № 10. Kerem Chemed, тамъ-же, 85. Въмѣсто Ben Sguro слѣдуетъ читать Ben Ashar.

2) Поэтика; сравн. примѣч. 1, I, и Авраама Ибнъ-Дауда.

3) Диванъ у Duker Mose Ibn-Ezra, стр. 101, № 11.

4) Тамъ-же, 103, Kerem Chemed, тамъ-же, стр. 89.

угѣшительнымъ письмомъ, написаннымъ тѣмъ-же размѣромъ и съ тою же риемой: ¹⁾

«Чѣмъ могу я отблагодарить владыку науки за то отличіе, которымъ онъ меня почтилъ? Время тѣнно, какъ брѣніе, любовь-же вѣчна».

Стихи Иосифа Ибнъ-Сагала легки, плавны, гладки, но не отличаются ни роскошью, ни богатствомъ. Свое глубокое религиозное чувство онъ выразилъ въ томъ же стихотвореніи къ другу: ²⁾.

«Если мучаетъ тебя тѣнность, то побори ее сильною душой. Если морскія волны громоздятся надъ твоею главою, то противопоставь имъ оплотомъ сильное сердце. Уповай на Бога, милосердіе котораго безконечно, какъ звѣздный міръ. Время не можетъ ничего дать тебѣ и ничего отнять у тебя. Уповай на Него одного, когда преслѣдуетъ тебя врагъ и вокругъ тебя летаютъ стрѣлы».

Важнымъ талмудическимъ авторитетомъ своего времени считался Варухъ бенъ Исаакъ Ибнъ-Албалія изъ Кордовы (род. 1177, ум. 1225) ³⁾. На семнадцатомъ году отъ рожденія онъ сдѣлался ученикомъ и пріемнымъ сыномъ Альфасси, бывшаго нѣкогда противникомъ его отца (стр. 97), и заимствовалъ отъ него основательную обработку Талмуда. Обладая философскимъ образованіемъ, будучи богатъ и отличаясь древнею родовитостью, Варухъ Албалія былъ предметомъ пѣснопѣній современныхъ ему поэтовъ:

«Онъ источникъ для жаждущихъ, свѣтъ для бредущихъ ощупью во мракѣ. Онъ есть благословеніе, какъ гласитъ и самое его имя» (Варухъ).

такъ воспѣваетъ его царь современныхъ ему поэтовъ ⁴⁾. Онъ воспиталъ цѣлый кружокъ учениковъ, въ числѣ которыхъ находился Авраамъ Ибнъ-Даудъ, прославившійся потомъ, какъ бытописатель.

¹⁾ Тамъ-же, Дукесъ, стр. 101, № 11.

²⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

³⁾ У Луццато *Betulat*, стр. 25, сравн. *Ginse Oxford XIII*.

⁴⁾ *Kerem Chemed VIII*, 58.

Въ сѣверной Испаніи талмудическимъ авторитетомъ того времени былъ Іегуда бенъ Барсилаи изъ Барселоны, ученикъ Исаака бенъ Реубена. О жизни его извѣстно только то, что онъ былъ друженъ съ астрономомъ Авраамомъ бенъ Хія (стр. 123) ¹⁾. Іегуда Албаргелони написалъ нѣсколько талмудическихъ сочиненій о брачныхъ законахъ и о праздникахъ (*Sefer ha-Ittim*), которыя высоко цѣнились ²⁾. Хотя этотъ барселонскій раввинъ, получилъ философское образованіе и написалъ комментарий къ «Книгѣ Бытія», однакожь питалъ недовѣріе къ свободному философскому изслѣдованію. По его мнѣнію, не слѣдуетъ принимать философскія положенія, высказанныя первымъ встрѣчнымъ, но надобно полагаться только на выводы мыслителей, которые признаны за благочестивыхъ раввинистовъ, какъ напр., Саадія Самуиль бенъ Хофни и преимущественно Давидъ Алмокамецъ; иначе подвергашься опасности впасть въ невѣріе ³⁾.

Славнѣе ихъ былъ Кордовскій раввинъ, Абу-Амръ Іосифъ бенъ Цадикъ Ибнъ-Цадикъ (род. около 1180, ум. 1248—49) ⁴⁾, преемникъ Іосифа Ибнъ-Сагала, какъ раввина. Хотя Ибнъ-Цадикъ славился, какъ глубокой знатокъ Талмуда, однакожь не написалъ ни одного талмудическаго сочиненія, а лишь нѣсколько философскихъ: логику и религіозно-философское сочиненіе (*Olam Katon* ⁵⁾ *Mikrokosmos*) на арабскомъ языкѣ, и хотя считался примѣрно благочестивымъ раввиномъ, однако не только былъ знакомъ съ Платономъ и Аристотелемъ, но и пользовался сочиненіями караима Іосифа Албассира ⁶⁾, — безъ сомнѣнія, первый изъ раввинистовъ, оказавшій караимству подобную, хотя и незначительную честь. Религіозно-философское сочиненіе написалъ Ибнъ-Цадикъ для своихъ со-

¹⁾ Сравни. *Asulai Schem ha Gedolim*, ed. Ben-Jacob, стр. 64, № 22.

²⁾ Луццато въ *Halichot Kedem* 60 и 72. *Orient*, Litbl. 1847, 217 и слѣд.

³⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ и Моисей Ибнъ-Эзра, примѣч. 1, 1.

⁴⁾ Издано Еллинекомъ 1854, съ литературно-историческимъ введеніемъ.

⁵⁾ Цитуемая имъ книга Мансури Абу-Якуба (стр. 43, 46, 70) принадлежитъ Іосифу Роегъ; сравни. объ этомъ Пинскера *Likute* приложения и примѣчанія стр. 196.

⁶⁾ *Olam Katon*, введеніе стр. 1 и 74.

временниковъ, которыхъ изображаетъ самымъ низкимъ изъ предшествовавшихъ поколѣній, жаднымъ, невѣжественнымъ и слѣпымъ¹⁾; цѣль этого сочиненія — поднять современниковъ, посредствомъ легкаго метода, до познанія высочайшихъ истинъ. Ибнъ-Цадикъ посвятилъ это сочиненіе своему ученику, который спрашивалъ его о природѣ высочайшаго блага, достиженіе котораго есть цѣль человѣка²⁾. Методъ его состоитъ въ слѣдующемъ: между тѣмъ какъ философы религіи ведутъ къ высочайшему знанію долгимъ путемъ математики, музыки, астрономіи и діалектики, его методъ обязывается доказать, что одаренный разумомъ человѣкъ можетъ почерпнуть это знаніе изъ самого себя, безъ предварительной трудной подготовки. Человѣкъ есть малый міра; въ немъ отражаются два міра: конечный и безконечный. Посредствомъ самопознанія человѣкъ можетъ достигнуть истины, безъ которой жизнь не имѣетъ значенія.

Высказанныя Ибнъ-Цадиномъ мысли нисколько не новы; это скорѣе ходячія истины современной ему арабской философіи, и Ибнъ-Цадикъ только примѣняетъ ихъ къ еврейству. Самопознаніе ведетъ къ Богопознанію, къ ясному понятію о Богѣ и къ допущенію міросозданія изъ ничего единою волею Божіею. Высочайшее благо есть именно это Богопознаніе и исполненіе святой воли Божіей. Воля эта выражена въ откровеніи еоры. Свою волю Богъ открылъ не ради самого себя, — ибо онъ богатъ, не требуетъ ничего и всеволенъ, — но для того, чтобъ споспѣшествовать блаженству человѣка въ загробной жизни. Первая обязанность человѣка, еврея, слуги Божія, состоитъ въ томъ, чтобы пещись о своемъ духѣ, усваивать мудрость и знаніе, ибо такимъ только образомъ человѣкъ можетъ достойно и духовно чтить Бога и достигнуть радостей загробнаго блаженства. При этомъ Ибнъ-Цадикъ замѣчаетъ, что и обрядовыя обязанности

¹⁾ Тамъ-же, введеніе.

²⁾ Важные для пониманія еврейства пункты изложены въ четвертомъ отдѣлѣ, начиная съ 57 стр.

еврейства, какъ напр., суббота, разумны и доказываютъ премудрость Божию¹⁾. Такъ какъ человѣку дана свободная воля, то будетъ въ порядкѣ вещей, чтобы Богъ награждалъ и наказывалъ человѣка за его дѣянія. Однакожъ эту награду и наказаніе не слѣдуетъ понимать въ тѣлесномъ смыслѣ. Какъ награда душѣ состоитъ лишь въ ея сляніи съ вѣчнымъ источникомъ, вездѣсущимъ Духомъ, такъ точно и наказаніе должно состоять въ томъ, что душа, оскверненная преступленіемъ и грѣхами, не можетъ достигнуть своей цѣли. Всякое существо стремится къ своему началу, чтобы соединиться съ нимъ. Поднятый надъ землею камень снова падаетъ на землю, если можетъ свободно двигаться; отдѣленная отъ общей атмосферы воздушныя частицы спѣшатъ соединиться опять съ своимъ началомъ. Такъ точно духъ человѣческой, освободившись отъ тѣлесныхъ оковъ, стремится къ слянію съ своимъ первоначальнымъ источникомъ. Напротивъ, душа грѣшника, обремененная и запятнанная земною скверною, не можетъ воспарить къ небу, а носится безпокойно по вселенной, и въ этомъ-то состоитъ ея наказаніе. Допуская непреложное наступленіе царства Мессіи и воскресенія мертвыхъ, Ибнъ-Цадикъ не могъ доказать этого философскимъ путемъ. Не будучи глубокимъ мыслителемъ, онъ не былъ въ состояніи преодолѣть противорѣчія между допущеніемъ вѣчнаго блаженства души, освободившейся отъ тѣлесныхъ оковъ и соединившейся съ Богомъ, и между вѣрою въ возвращеніе души въ ея тѣлесную оболочку; онъ пропускаетъ этотъ пунктъ. Современники и потомство мало цѣнили философское сочиненіе Ибнъ-Цадика, по причинѣ его посредственности. Слава его, какъ поэта, также невелика, хотя его литургическія и свѣтскія стихотворенія легки и пріятны; они были не плодомъ избыточествующаго поэтическаго вдохновенія, а скорѣе данью модѣ.

Іосифъ бенъ Меиръ Ибнъ-Мигашъ Галеви (род. въ мѣсяцѣ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 61. Въ 17 строкѣ замѣчается пробѣлъ.

Адаръ 1077, ум. въ мѣсяцѣ Іяръ 1141)¹⁾ превзошелъ глубокимъ знаніемъ Талмуда всѣхъ современниковъ испанской школы. Онъ былъ внукъ человѣка, пользовавшагося уваженіемъ при дворѣ севильскихъ Аббадидовъ, и сынъ ученаго и всѣми уважаемаго отца, который находился въ дружбѣ съ Исаакомъ Ибнъ-Албаліей. Первоначальное обученіе онъ получилъ отъ своего отца, а на двѣнадцатомъ году поступилъ въ школу Алфасси и посѣщалъ ее непрерывно четырнадцать лѣтъ. Его учитель гордился имъ, а современники считали его естественнымъ преемникомъ Алфасси. Ибнъ-Мигашъ женился въ то время, когда еще посѣщалъ школу (около 1100), и молодой Іегуда Галеви написалъ по этому поводу пылкую эпиграму, въ которой напыщенно выразился:

«Левитство чрезъ него возвышается надъ племенемъ Аарона и говорить: я глава, Іосифъ-же вѣнецъ на моей главѣ»²⁾.

Самъ Алфасси, обучавшій его, сказалъ о немъ: въ эпоху Моисея не было ему равнаго³⁾. Еще предъ своею смертію онъ назначилъ Ибнъ-Мигаша своимъ преемникомъ въ должности раввина главной луценской общины, и въ этомъ опять сказанъ благородный характеръ Алфасси. Хотя онъ имѣлъ ученаго сына, однакожь предпочелъ ему даровитаго ученика и рекомендовалъ послѣдняго на должность раввина⁴⁾. Кажется, нѣкоторые члены общины оспаривали назначеніе двадцатипестилѣтняго Ибнъ-Мигаша на столь важный постъ, и утвержденіе его въ этой должности (Сиванъ = Май 1103) воспыло тѣмъ же поэтомъ, какъ одержанная надъ противниками побѣда:

«Нынѣ побѣдила истина, справедливость вступила въ свои права, ученіе почтено,—твои враги покрыты стыдомъ»⁵⁾.

Своимъ умомъ и высокимъ образомъ мыслей Іосифъ Ибнъ-Мигашъ вполне заслуживалъ расточаемыя ему поэтомъ по-

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

²⁾ Луццато Betulat, стр. 37 и слѣд.

³⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

⁴⁾ Саадіа Ибнъ-Дананъ въ Chemda Genusa, стр. 30 а; Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

⁵⁾ Диванъ Іегуды Галеви въ Ginse Oxford XIII и слѣд.

хвалы. Несмотря на происхождение отъ благороднаго, древняго рода и на высокое положеніе, какъ главы важнѣйшей общины, онъ остался скромнымъ; несмотря на тяжкія обязанности своей важной должности, онъ не утратилъ кротости. Въ преподаваніи своимъ многочисленнымъ ученикамъ онъ держался способа Алфасси, глубокаго, остроумнаго, критическаго, и въ такомъ же смыслѣ обработалъ подъ названіемъ «Тайнственный Свитокъ»¹⁾ свои комментаріи ко многимъ талмудическимъ трактатамъ. Еще при жизни Ибнъ-Мигашъ пользовался громкою славой, какъ талмудическій авторитетъ и какъ благородно-мыслящій человѣкъ. Изъ далекихъ и близкихъ странъ сыпались къ нему вопросы, и онъ рѣшалъ ихъ съ удивительною ясностью и такою же основательностью. Съ рѣдкою въ ученомъ человѣкѣ правдивостью, онъ сознавался въ ошибкахъ и отказывался отъ ошибочныхъ воззрѣній²⁾. Но какъ ни былъ кротокъ его характеръ, однако Ибнъ-Мигашъ являлъ крайнюю строгость, когда дѣло шло о благосостояніи еврейства.

Именно въ то время Испанія была въ высшей степени возбуждена и дѣлилась на партіи. Въ Андалузій національные арабы противодѣйствовали побѣдоноснымъ алморавидскимъ варваріямъ и вели съ нимъ то явную, то тайную войну. Поселившіеся въ Гранадской области христіане (Мопароби) составили заговоръ противъ своихъ магометанскихъ властителей, призвали завоевателя Сарагоссы, Альфонса Арагонскаго, и обѣщали предать ему Гранаду. Партія не менѣе сильно раздирали и христіанскую Испанію. Хотя Кастилія и Арагонія съ прилежащими къ нимъ землями соединились въ одно государство, вслѣдствіе брака Альфонса Арагонскаго съ кастильскою королевою Урракой, дочерью Альфонса VI, однакожь этотъ несчастный бракъ былъ причиною еще большаго разъединенія странъ. Одна партія дер-

¹⁾ Серахъ Галеви къ *Baba Mezia I.* Начало и въ другихъ мѣстахъ; срав. *Asulaï sub voce.*

²⁾ *Schita Mekubézet* къ *Baba Mezia ed. Amst.* стр. 203 а внизу.

жала сторону короля, другая сторону королевы, а третья молодаго инфанта Альфонса VII, котораго воспитатель возстановлялъ одновременно противъ матери и отчима. Нерѣдко христіане и магометане сражались подъ однимъ знаменемъ, то противъ христіанскаго государя, то противъ магометанскаго эмира. Союзы и нарушенія трактатовъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Ежедневно встрѣчались лживость и измѣна, и даже высокопоставленныя духовныя лица мѣняли партіи, боролись съ своими прежними союзниками и помогали прежнимъ врагамъ. Конечно, евреи не оставались безучастными зрителями такого движенія, и добровольно или насильно поддерживали, одни одну партію, другіе другую, смотря по требованіямъ интереса или политическихъ мнѣній. Одинъ изъ друзей поэта Іегуды Галеви (Давидъ Нарбони) держалъ сторону Алморавидовъ, и потому жизнь его была въ опасности въ христіанской странѣ ¹⁾. Но если христіане или магометане затѣвали заговоръ, то могли, въ случаѣ измѣны, найти себѣ защиту у своихъ могущественныхъ единовѣрцевъ. Евреи же были лишены этой защиты и могли найти ее только въ собственной средѣ, въ крѣпкомъ союзѣ между собою. Измѣна этому союзу была тѣмъ гибельнѣе для евреевъ, что гнѣвъ раздраженнаго государя падалъ не только на заговорщиковъ или на общину, но на всѣхъ евреевъ въ странѣ. Поэтому, когда одинъ измѣнникъ въ Луценской общинѣ задумалъ предать своихъ единовѣрцевъ, тогда раввинъ и судья Іосифъ Ибнъ-Мигашъ наказалъ его примѣрно: велѣлъ побить камнями ²⁾ въ вечеръ дня отпущенія грѣховъ, который въ тотъ годъ приходился въ субботу. Безъ сомнѣнія, благоденствіе всей общины находилось тогда въ величайшей опасности, иначе кроткій раввинъ не присудилъ-бы измѣнника къ такому строгому наказанію.

¹⁾ Диванъ Іегуды Галеви III, 8; вкратцѣ упомянуто у Гейгера *Divan des Castiliens*, стр. 128, примѣч. 1.

²⁾ *Responsa Jehuda Ascheri*, стр. 55 b.

На смерть (въ концѣ Іяра = Мая 1141) этого высокоуважаемаго луценскаго раввина, поэтъ Маръ-Іекутіель написалъ трогательную элегію:

Жалобные вопли доносятся до Вавилона, египтяне горько плачутъ, ибо услышали, что школа осиротѣла. Со скорбію спрашиваютъ они другъ друга: гдѣ кивотъ завѣта? Скрижали закона вторично разбиты. Тора лишена своего украшенія въ день смерти гаона. Небожители позавидовали смертнымъ и переселили этотъ свѣточъ съ земли на небо. Душа его вознеслась къ Богу, и сонмы ангеловъ встрѣтили ее съ ликованьемъ¹⁾.

Іосифъ Ибнъ-Мигашъ оставилъ ученаго сына Меира и многочисленный кружокъ учениковъ, между которыми былъ также Маймунъ изъ Кордовы, сыну коего суждено было открыть новую эпоху въ исторіи еврейства.

По мѣрѣ того, какъ изученіе Талмуда въ Испаніи принимало обширные размѣры, въ экзегетикѣ и въ изученіи еврейской грамматики наступилъ въ ту эпоху застой. Эти науки не развивались болѣе. Упоминается только два еврейскихъ грамматика того времени: Абулфимъ Леви бенъ Іосифъ Ибнъ-Таббенъ (или Алтаббенъ)²⁾ изъ Сарагоссы и Іаковъ бенъ Элеазаръ изъ Толедо. Первый, другъ поэта Іегуды Галеви, написалъ на арабскомъ языкѣ еврейскую грамматику подъ названіемъ «Ключъ» (Mafteach), о достоинствѣ которой ничего неизвѣстно; судя по его стихамъ, онъ не былъ знатокомъ въ грамматикѣ. Стихотворенія его не отличаются звучностью, и одинъ безпристрастный критикъ выразился объ его произведеніяхъ и о произведеніяхъ его брата слѣдующимъ образомъ: «Леви и Іаковъ, сыновья Таббена, молотятъ стихи, точно солону»³⁾. Хотя другъ и вос-

¹⁾ Объ этой элегіи сравн. Франкеля *Monatsschrift* 18:8, стр. 487 и 466.

²⁾ Сравн. примѣч. 1, II. Харизи предлагаетъ болѣе правильный выговоръ имени Таббенъ, которое рѣмуетъ съ Матбенъ; Гейгеръ и другіе неправильно выговариваютъ его Таббанъ; еще безмысленнѣе отождествлять это имя съ Тиббономъ. Харизи говоритъ, что отца звали Іосифомъ. Остается вопросъ, тождественъ-ли этотъ Леви бенъ Іосифъ съ тѣмъ Леви бенъ Іаковомъ, котораго литургическія произведенія встрѣчаются въ цнлѣ триполійскомъ и авиньонскомъ (*Sachs, religiöse Poesie*, стр. 290). Имя Абулфимъ встрѣчается во введеніи къ Дивану Іегуды Галеви (у Гейгера Диванъ, стр. 169).

³⁾ Харизи *Tachkemoni*, Pforte III.

хвалялъ чрезмѣрно музу Ибнъ-Таббена, говоря. «Какъ пѣнопѣнію не быть твоимъ удѣломъ, когда ты царь пѣсни!»¹⁾ однакожь надобно приписать эти похвалы одной лишь дружбѣ, отъ избытка которой глаголятъ уста. Впрочемъ извѣстны только литургическія произведенія Ибнъ-аль-Таббена, изъ которыхъ одно выражаетъ стремленіе души къ ея небесному отечеству.

Въ одномъ изъ своихъ произведеній Ибнъ-аль-Таббень изображаетъ бѣдствія общины, которымъ послѣдняя подвергалась, вѣроятно, въ время войны Альфонса Арагонскаго съ Сарагоссою до взятія этого города (1118): «Они преданы въ руки властителей, которые жалятъ какъ змѣи и, по своему произволу, убиваютъ мужчинъ и похищаютъ женщинъ. Сильные уводятся беззащитно и, подобно бѣглецамъ, скитаются, не зная покоя»²⁾.

Абулгассанъ Эзра (?) Іаковъ бенъ Элеазаръ написалъ грамматическое сочиненіе подъ названіемъ «Совершенство» (ha Schalem); судя по нѣкоторымъ отрывкамъ, этотъ трудъ содержалъ хорошія синтаксическія замѣчанія. Чтобы установить способъ чтенія библейскаго чтенія, онъ пользовался гилльскимъ библейскимъ кодексомъ (Sefer Hillali), считая его самымъ древнимъ и самымъ правильнымъ. Бенъ Элеазаръ хотѣлъ также выступить въ качествѣ поборника еврейскаго языка, который, по его словамъ, презирается арабами и подражающими арабамъ евреями и по причинѣ бѣдности и негибкости ставится ими ниже арабскаго языка. Поэтому онъ хотѣлъ доказать, что еврейскій языкъ можетъ соперничать съ арабскимъ и съ этою цѣлью сочинилъ (1133) поговорки и эпиграммы. Но стихи его не могутъ принести честь еврейской музѣ: они слабы и лишены всякой прелести. Поэтъ Моисей Ибнъ-Эзра, которому авторъ прислалъ свои стихи, осмѣялъ ихъ въ стихотвореніи, написанномъ какъ-бы въ похвалу имъ³⁾.

¹⁾ Ozar Neschmad, редакція Блуменфельда, II, стр. 81 — 83.

²⁾ Саксъ, тамъ-же.

³⁾ Ozar Neschmad, II, стр. 159 и слѣд. Въ стихотвореніяхъ Ибнъ-Эзры упо-

Если эта эпоха бѣдна экзегетами и филологами, то богата поэтами. Въ теченіи двухъ столѣтій, со времени бенъ Лабрата, еврейскій языкъ сдѣлался столь гибкимъ и плавнымъ, что требовалось небольшое искусство для того, чтобы слагать стихи и владѣть рѣмой и размѣромъ. Художественныя формы, созданныя Соломономъ Ибнъ-Гебиролю, нашли себѣ болѣе или менѣе удачное подражаніе. Арабская мода писать стихами письмо къ пріятелю, которой слѣдовали испанскіе еврей, превратила стихотворное искусство въ потребность; кто не желалъ казаться необразованнымъ, тотъ долженъ былъ научиться писать стихи. Въ эту эпоху написано безчисленное множество стихотвореній, но лишь немногія изъ нихъ дышатъ истинною поэзіей. Къ достойнымъ упоминанія поэтамъ, кромѣ вышеназванныхъ, занимавшихся также другими отраслями знанія, относятся еще Іуда Ибнъ-Гіатъ, Іуда Ибнъ-Аббасъ, Соломонъ Ибнъ-Сакбель и братья Ибнъ-Эзра. Выше всѣхъ ихъ стоитъ царь поэзіи Іегуда Галеви, котораго уже современники признавали и чтили, какъ великаго пѣвца.

Абу Захарія Іуда Ибнъ-Гіатъ наслѣдовалъ отъ своего отца, раввина и литургическаго стихотворца Исаака Ибнъ-Гіата, даръ поэзіи; современники и болѣе строгое потомство высоко цѣнили его поэтическія произведенія свѣтскаго и религіознаго характера. О немъ сказалъ Іуда Галеви:

«Пѣсни Іуды гордо и смѣло возносятся и на крыльяхъ херувима несутся къ небу. Одни, какъ сладкія капли бальзама, утоляютъ скорбь; другія, какъ огненные искры, воспаменяютъ сердце. О, еслибъ я имѣлъ орлиныя крылья, то полетѣлъ бы къ тебѣ, въ незримую даль, къ тебѣ, который вѣчно живетъ въ моемъ сердцѣ, окруженный любовью»¹⁾.

Абуль Бака Іегуда (Іахья) бенъ Аббунъ Ибнъ-Аббасъ, феџанскій раввинъ (род. около 1080, ум. 1163), слагалъ боль-

минается Абулгассанъ Эзра бенъ Элеазаръ, вѣроятно, одно и то-же лице съ грамматикомъ.

¹⁾ Диванъ Гейгера, стр. 39, оригиналъ въ Orient Litbl. 1850, col. 640. Савсъ, тамъ-же, стр. 257.

шею частью литургическіе гимны, которые однакожь заслужили умѣренную похвалу. Онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ кастильскимъ царемъ поэзіи и чрезмѣрно превозносилъ его талантъ.

Между тѣмъ какъ муза обоихъ вышеназванныхъ поэтовъ слагала лишь серьезныя стихотворенія, Соломонъ бенъ Сакбель ¹⁾, родственникъ кордовскаго раввина Иосифа Ибнъ-Сагала, писалъ на еврейскомъ языкѣ эротическія бездѣлицы. Новая стихотворная форма, созданная арабскимъ макамическимъ поэтомъ Гарири изъ Басры, слава коего проникла и въ Испанію, подстрекнула Ибнъ-Сакбеля написать нѣчто подобное на еврейскомъ языкѣ. Онъ сочинилъ родъ сатирическаго романа подъ названіемъ Тахкемони. Герой этого романа, Ашеръ бенъ Іегуда, подвергается различнаго рода обманамъ и самъ рассказываетъ свои приключенія риемованною прозой, прерываемою стихами. Сперва герой въ теченіе долгаго времени живетъ съ своею возлюбленною въ уединеніи лѣсовъ; потомъ, соскучась этою однообразною жизнью, жаждетъ общества и пирушекъ съ друзьями. Незнакомая, прелестная красotka пишетъ ему загадочное письмо; онъ, страдая отъ любви, долго отыскиваетъ ее и наконецъ попадаетъ въ гаремъ, господинъ котораго съ варварскою миной грозитъ ему смертью. Но эта варварская мина была ничто иное, какъ маска, надѣтая красоткою, съ цѣлю напугать его; красotka, бывшая не царицею его сердца, но лишь ея служанкой, обѣщаетъ ему исполненіе его желаній. Наконецъ, онъ, повидимому, достигаетъ своей цѣли, добивается свиданія съ возлюбленною, но все это оказывается маскарадомъ, устроеннымъ его пріятелемъ; такимъ образомъ Ашеръ бенъ Іегуда попадаетъ изъ одного обмана въ другой. — Форма произведенія не имѣетъ никакого поэтическаго значенія и есть лишь подражаніе арабскому образцу. Нельзя не удивляться той легкости, съ какою Ибнъ-Сакбель владѣетъ еврей-

¹⁾ Макамы этого поэта, цитуемые Харизи и взятые послѣднимъ за образецъ для своихъ, напечатаны Шпоромъ въ Chaluz III, стр. 154 и слѣд.

скимъ языкомъ и примѣняетъ глубоко серьезное къ легкой шуткѣ.

Щедро одаренными личностями были четыре брата Ибнъ-Эзра изъ Гранады, богатые, благородные, ученые и искусные: Абу Ибрагимъ Исаакъ самый старшій ¹⁾, Абу Гарунъ Моисей, Абулгассанъ Иегуда и Абугагагъ Иосифъ, самый младшій. Ихъ отецъ Иаковъ получилъ должность въ царствованіе короля Габуса или, лучше сказать, въ правленіе Ибнъ-Нагрелы. Одинъ изъ современныхъ имъ историковъ выразился о нихъ такимъ образомъ: «По благородству этихъ четырехъ княжескихъ сыновей Ибнъ-Эзры видно, что они происходятъ отъ крови Давида и отъ древняго рода» ²⁾. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ Абу Гарунъ Моисей (род. около 1070, ум. около 1139), который хвалился тѣмъ, что обучался у своего старшаго брата. Онъ также слушалъ лекціи Исаака Ибнъ-Гіата Луденскаго ³⁾. Это былъ самый плодовитый поэтъ того времени. Неудача, кажется, пробудила его музу. Именно, онъ влюбился въ свою племянницу, вѣроятно, дочь Исаака, и добился взаимности. Однакожь братъ отказалъ ему въ рукѣ своей дочери, а младшіе братья, повидимому, одобрили это рѣшеніе; поэтому Абу Гарунъ Моисей разошелся со всѣми тремя братьями ⁴⁾. Затѣмъ Моисей бѣжалъ изъ отеческаго дома и отъ своихъ братьевъ и переселился въ Португалію и Кастилію (около 1100). Его снѣдала любовь, и даже всемогущее время не могло исцѣлить его раны. Въ теченіе нѣкотораго времени послѣ самоизгнанія, онъ питалъ надежду осуществить свои желанія. Въ этомъ настроеніи онъ написалъ восторженные

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ и Эдельманнъ во введеніи къ *Ginse Oxford*. Первый положительно говоритъ, что Исаакъ былъ старше всѣхъ. Слѣдовательно, Гейгеръ (Диванъ, стр. 38) ошибочно говоритъ, что самымъ старшимъ былъ Иуда. См. также Луццато *Betulat*, стр. 18.

²⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

³⁾ Элегія М. бенъ Эзры на смерть его брата въ *Dibre Chachamim*, стр. 82 и слѣд., и Саадія Ибнъ-Дананъ въ *Chemda Genusa*, стр. 30. Такъ какъ Исаакъ Ибнъ-Гіатъ умеръ въ 1089, то по этому можно приблизительно опредѣлить годъ рожденія ученика.

⁴⁾ *Kerem Chemed*, IV, стр. 83. *Ginse Oxford*, стр. 19. Диванъ, 58.

стихи къ другу на родинѣ и въ нихъ шепнулъ племянницѣ слово любви ¹⁾). Однакожъ ложные друзья, кажется, постарались усилить неудовольствіе между братьями ²⁾). Его возлюбленная выдана была за младшаго дядю и переѣхала въ Кордову, но не забыла, какъ и Моисей, своей первой любви ³⁾). Онъ же, кажется, остался холостымъ и провелъ жизнь на чужбинѣ.

Скорбь любви онъ изливалъ въ стихахъ, и муза была его утѣшительницею. Онъ старался заглушить серьезнымъ ученіемъ свои страданія; наука должна была замѣнить ему возлюбленную и братьевъ ⁴⁾). У него были друзья и почитатели, оставшіеся ему вѣрными до самой смерти. Высокопоставленный мужъ, по имени Соломонъ (быть-можетъ Соломонъ бенъ Криспинъ), въ христіанской Испаніи, бывшій великодушнымъ благодѣтелемъ и доброжелателемъ своихъ единовѣрцевъ, принялъ участіе въ несчастномъ Моисей и питалъ къ нему вѣрную дружбу, хотя завистники старались поссорить ихъ. Моисей Ибнъ-Эзра прославилъ своего благодѣтеля въ прекрасномъ тридцати-строчномъ стихотвореніи ⁵⁾).

Моисей Ибнъ-Эзра во многомъ сходенъ съ Соломономъ Ибнъ-Гебиролю. Онъ также жалуется на измѣну и зависть, на времена жестокосердія и вѣроломства. Въ его стихотвореніяхъ, какъ и въ произведеніяхъ малагскаго поэта, отражается личное я; его поэтическое вдохновеніе также не имѣло большей цѣли. Но Моисей Ибнъ-Эзра не былъ столь нѣжнымъ, мягкимъ и впечатлительнымъ, какъ Ибнъ-Гебиrola; у него была болѣе жесткая натура и, такъ сказать, меньшая поэтическая расплывчатость. Поэтому онъ не былъ такъ угрюмъ и печаленъ, какъ Ибнъ-Гебиrola, но по временамъ слагалъ веселыя пѣсни и могъ шутить съ музой. Какъ поэтъ,

¹⁾ Диванъ 131.

²⁾ Kerem Chemed, тамъ-же, стр. 98, Dukes Ehrensäulen M. b. Esra 105.

³⁾ Тамъ-же 92. Гейгеръ, Еврейскія стихотворенія испан. и итал. школы, текстъ, стр. 5.

⁴⁾ Ginse Oxford, стр. 19.

⁵⁾ У Дукесъ, тамъ-же, стр. 65; о Соломонѣ бенъ Криспинѣ Ginse Oxford 13.

онъ стоитъ гораздо ниже Ибнъ-Гебиры. На его поэзіи лежитъ печать искусственности и натянутости; его картины преувеличены, стихи часто жестки и надуты, лишены звучности и равномерности, прелести и свѣжести. Въ его стихахъ слишкомъ много изысканности и рассчитанности. Моисей Ибнъ-Эзра особенно любилъ употреблять созвучныя слова съ различнымъ, часто противоположнымъ значеніемъ, — манера, заимствованная имъ у арабскихъ поэтовъ (Teg'nis). Въ немъ можно удивляться только умѣнью владѣть еврейскимъ языкомъ, многочисленнымъ произведеніямъ и разнообразію размѣра, которымъ онъ обогатилъ еврейскую поэзію. Онъ сочинилъ циклъ пѣсней въ 1210 стиховъ, въ десяти отдѣлахъ, и, назвавши его «жемчужнымъ ожерельемъ» (Anak, Tarschisch), посвятилъ своему благодѣтелю Ибнъ-Камніалу (см. стр. 122). Эти стихотворенія различны сколько по размѣру, столько по содержанію. Поэтъ воспѣваетъ своего благодѣтеля, вино, любовь и радость, восхваляетъ беззаботную жизнь подъ тѣнью древесныхъ листьевъ и среди пѣнія птицъ, потомъ опять жалуется на разлуку съ друзьями и вѣроломство, скорбитъ о приближеніи старости, увѣщаваетъ по этому случаю уповать на Бога и наконецъ воспѣваетъ стихотворное искусство ¹⁾. Кромѣ этого «Ожерелья», Моисей Ибнъ-Эзра сочинилъ триста стихотвореній на разные случаи, содержащихъ болѣе 10,000 стиховъ (собр. въ Диванѣ), и наконецъ около двухсотъ религіозныхъ гимновъ на новый годъ и день отпущенія грѣховъ; эти гимны вошли въ составъ культа во многихъ общинахъ (испанскихъ, Монпелье, Авиньонѣ и Романьолѣ ²⁾). За свою плодовитость, какъ поэтъ гимновъ, онъ получилъ прозваніе *Салахъ*. Но лишь немногія изъ его религіозныхъ стихотвореній отличаются истинною поэзіей, доводящею душу до восторга или хватающею за сердце ³⁾. Они представляютъ скорѣе наборъ словъ, чѣмъ истин-

¹⁾ Kerem Chemed, тамъ-же, 66 — 74.

²⁾ Duker, тамъ-же, стр. 8 — 11, примѣч..

³⁾ Къ лучшимъ принадлежатъ напечатанныя у Дукеса, тамъ-же, стр. 62, № 3; 79 № 15; 86 № 23.

ное вдохновеніе ¹⁾), построены всѣ по правиламъ искусства, но лишены жизни. Никто лучше Моисея Ибнъ-Эзры не понималъ правилъ искусства. Онъ написалъ трактатъ о рѣчи и стихотворномъ искусствѣ, подъ названіемъ «Бесѣда и воспоминаніе» ²⁾); это сочиненіе составляетъ въ то-же время родъ литературной исторіи поэтическихъ испанско-еврейскихъ произведеній съ самаго перваго ихъ начала ³⁾. Оно предназначено для ученика, который предложилъ автору вопросъ о поэзіи и поэтахъ, и авторъ отвѣчалъ самымъ основательнымъ образомъ. Моисей Ибнъ-Эзра говоритъ также объ арабской и кастильской поэзіи и тѣмъ самымъ открываетъ сокровищницу для исторіи испанской литературы. Слабѣйшимъ произведеніемъ Моисея Ибнъ-Эзры было его якобы философское сочиненіе (*Arugat ha-Bôssem*) на еврейскомъ языкѣ, излагающее сухую современную философію по арабскимъ образцамъ. Сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ, авторъ неповиненъ ни въ одной самостоятельной мысли и только излагаетъ идеи греческихъ и арабскихъ мыслителей; изъ еврейскихъ онъ приводитъ лишь Саадію и Ибнъ-Гебиролу ⁴⁾.

Не смотря на свою незначительность, какъ философа, и на свою посредственность, какъ поэта, Моисей Ибнъ-Эзра пользовался высокимъ уваженіемъ современниковъ, за легкость, съ какою онъ писалъ стихи. Со всѣми замѣчательными людьми своего времени онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ, и они восхваляли его въ прозѣ и стихахъ, точно такъ же, какъ онъ, съ своей стороны, воспѣвалъ ихъ. Съ своими братьями онъ, кажется, не имѣлъ никакихъ сношеній въ теченіе долгаго времени. Однажды онъ посѣтилъ

¹⁾ Его искусственная манера особенно хорошо видна въ стихотвореніи, помѣщенномъ въ *Orient Litbl.* 1847, col. 403.

²⁾ *Kilab al-Macha'dera w'al-Madsakara*; сравн. примѣч. 1, I.

³⁾ Рукописная въ Бодлеянѣ *codex* Huntington № 599; сравн. Вольфа *Bibliotheca Hebraea* III, стр. 3 и слѣд.

⁴⁾ Извлеченіе изъ этого сочиненія въ *Zion* II, 117 и слѣд.

могилы своихъ родителей, и скорбь его излилась въ слѣдующемъ стихотвореніи:

«Меня влечетъ отыскать могилы моихъ родителей, моихъ друзей. Я привѣтствую ихъ, но мое привѣтствіе остается безъ отвѣта. Какъ, и родители нарушили вѣрность ко мнѣ? Тогда я услышалъ безмолвный привѣтъ; они указывали мнѣ мѣсто рядомъ съ собою»¹⁾.

Онъ тогда только примирился съ братьями, когда предать его юношеской любви умеръ, родивши мальчика (1114). На смертномъ одрѣ она съ любовью вспомнила о немъ, и Моисей Ибнъ-Эзра изложилъ ея слова, священныя для него, въ элегическомъ стихотвореніи, которое, будучи прочувствовано, несравненно поэтичнѣ прочихъ:

«Нашиши также моему дядѣ, который страдалъ изъ-за меня, будучи сѣдаемъ горячимъ пламенемъ любви. Онъ чужестранцемъ бродитъ по свѣту, глубокія раны его точатъ кровь, онъ ищетъ чаши утѣшенія и находитъ только переполненный кубокъ страданій»²⁾.

Эту элегію Моисей Ибнъ-Эзра послалъ къ старшему брату, и это было первымъ шагомъ къ ихъ примиренію. Когда же его братья умерли одинъ за другимъ, сперва Абулгассанъ Іегуда, потомъ самый старшій, Исаакъ, и наконецъ самый младшій, Абулгасагъ (послѣ 1120), онъ не могъ побѣдить своей скорби и посвятилъ ихъ памяти глубоко прочувствованное стихотвореніе³⁾. Моисей Ибнъ-Эзра сохранилъ до глубокой старости поэтическое дарованіе и незадолго до своей смерти (1138) написалъ утѣшительное стихотвореніе къ своимъ друзьямъ Абу-Амру и Абу-Ибрагиму Ибнъ-Машкагану, у которыхъ смерть похитила матерей⁴⁾. Іегуда Галеви посвятилъ его памяти прелестное стихотвореніе⁵⁾.

1) Его Диванъ № 118 въ Kerem Chemed, тамъ-же, стр. 89.

2) Тамъ-же № 117. Гейгера jüdische Dichtungen, текстъ, стр. 5, переводъ стр. 13.

3) Ginse Oxford, стр. VII. Примѣч. 7, Dibre Chachamim, стр. 32 и слѣд.

4) Тамъ-же, стр. 46. Kerem Chemed, 89, 92.

5) Ginse, стр. XI.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Абулгассанъ Іегуда Галеви.

Его біографія, юношескія произведенія и общественное положеніе. — Его значеніе, какъ поэта, его Сіониды. — Его философская система въ книгѣ Хоцари. — Его стремленіе къ святой землѣ. — Его путешествіе. — Его пребываніе въ Египтѣ. — Князь Самуиль Алмансуръ. — Пребываніе Іегуды въ Іерусалимѣ. — Его жалобы на тѣнность и его послѣдніе Сіониды. — Его смерть и сага о ней.

1105—1045.

Свѣтлымъ моментомъ этого времени и первою звѣздою той эпохи былъ Абулгассанъ Іегуда бенъ Самуиль Галеви (Ибнъ-Аллеви) изъ Старой Кастиліи (род. около 1086)¹⁾. Въ лѣтописяхъ человѣчества онъ заслуживаетъ особой страницы съ золотою каймой. Чтобы достойно изобразить его, исторія должна бы заимствовать у поэзіи самыя блестящія краски и самыя нѣжные тоны. Іегуда Галеви былъ избранникомъ, на которомъ вполнѣ оправдывалось выраженіе: образъ и подобіе Божіе. Небо окружило его блескомъ, и онъ въ теченіе своей земной жизни остался незапятнаннымъ землею скверною. Онъ былъ законченною личностью, совер-

¹⁾ Рапапортъ, Луццато (Kerem Chemed, VII, 267), Эдельманнъ (Ginse Oxford VIII, и слѣд.), Гейгеръ, (Диванъ 116 и слѣд.) и Д. Кассель (Cusari, стр. 5, примѣч. 6) старались опредѣлить годъ его рожденія. Правильнѣе всѣхъ предполагаетъ Рапапортъ, говоря, что Галеви родился 1085—86, потому что свое путешествіе въ Палестину онъ предпринялъ не раньше 1141, и въ одномъ стихотвореніи, долженствовавшемъ ободрять его къ этому путешествію, онъ самъ о себѣ говоритъ, что ему „шестой десятокъ“. Предположимъ, что ему было 55,—старше онъ не могъ быть, — слѣдовательно, онъ родился въ 1086.

шеннымъ поэтомъ, достойнымъ сыномъ еврейства, которое онъ объяснилъ и идеализировалъ поэтическими произведеніями и мышленіемъ.

Когда Испанія побѣдитъ свои предрасудки и станетъ измѣрять историческія личности свѣтскимъ масштабомъ, тогда она отведетъ Іегудѣ Галеви почетное мѣсто въ своемъ Пантеонѣ. Еврейская нація уже давно присудила ему лавровый вѣнокъ поэзіи и награду за истинное благочестіе и безупречную нравственность.

«Пѣснь его въ сердца людей
Заронялася глубоко
И была она прекрасна,
Безъ пятна и безъ порока,

«Какъ душа его прекрасна!
Сотворивъ ее — невольно
Самъ Господь обლობызалъ
Душу ту самодовольно.

«Душу онъ обლობызалъ,
И отзвукъ его лобзаній
Ясно слышенъ въ каждой пѣснѣ... »¹⁾.

Глубоко нравственное достоинство было въ немъ слито съ ясностью духа. Доставшееся ему въ удѣлъ удивленіе современниковъ не лишило его скромности, и Іегуда Галеви, при всей преданности друзьямъ, сохранилъ самостоятельность мнѣній. Его обширнѣйшія познанія группировались около одного центра, и хотя онъ былъ поэтомъ въ прекраснѣйшемъ смыслѣ этого слова, однакожъ ясно сознавалъ свои чувства, мысли и поступки. Онъ самъ себѣ предписалъ правила и остался имъ вѣренъ. При всѣхъ глубокихъ ощущеніяхъ онъ былъ далекъ отъ мечтательности.

Внѣшняя жизнь Іегуды Галеви не представляетъ ничего необыкновеннаго. Онъ родился въ христіанской Испаніи²⁾

¹⁾ Гейне Romancero: „Jehuda b. Halevy“. Рус. переводъ изъ С.-Петербург. изд. Э. Метцига, 1864 г.

²⁾ Толедо, вѣроятно, не было его родиною, потому что этотъ городъ взятъ Альфонсомъ VI только въ 1086; еврейскіе писатели все еще называли эту про-

и посѣщаль школу Алфасси въ Луценѣ, потому что Кастилія и вообще сѣверная Испанія были тогда еще бѣдны талмудическими авторитетами. При началѣ юношескаго возраста муза, пробудила его, какъ Ибнъ-Гебиролу, но не грустными аккордами, какъ послѣдняго, а веселыми, ликующими звуками. Онъ воспѣваль счастливыя событія въ жизни своихъ друзей и сверстниковъ, свадьбу Ибнъ-Мигаша, рожденіе первенца въ домѣ Баруха Ибнъ-Албаліи (около 1100). Счастіе улыбалось этому любимцу музы съ самой его юности, и ни одинъ печальный тонъ не вырвался изъ груди пѣвца. Въ южной Испаніи онъ былъ знакомъ съ благороднымъ и преданнымъ искусству семействомъ Ибнъ-Езры въ Гранадѣ. Узнавши о несчастной любви и самоизгнаніи Моисея Абу-Гаруна, молодой поэтъ старался утѣшить старшаго сотоварища по искусству и обратился къ нему съ нѣжною рѣчью. Послѣдній, невольно покоряясь вліянію звучныхъ стиховъ и глубокаго содержанія, отвѣчалъ:

«Твое письмо, другъ, даетъ мнѣ силы и мужество и въ то же время радуешь. Письмо подобно утреннему блеску, пѣсни — цвѣтущему вѣнку; такъ сильны звуки, такъ они мягки и нѣжны, такъ полны благородства и въ то же время такъ глубоки. Ты еще мальчижъ, ты еще въ нѣжномъ возрастѣ, какимъ-же образомъ ты превосходишь въ знаніи мудреца и достигаешь такой высоты?»¹⁾

Іегуда Галеви, кажется, еще былъ въ Луценѣ, когда умеръ Алфасси, и преемникомъ ему въ должности раввина былъ избранъ Іосифъ Ибнъ-Мигашъ (1103). На смерть перваго онъ написалъ чудесную элегію, а на вступленіе втораго въ должность сочинилъ торжественную пѣснь, полную уваженія. Юноша также позналъ радости и горе любви; онъ воспѣваль глаза своей возлюбленной, ея розовыя уста, ея черныя какъ смоль волосы. Онъ вздыхалъ о разлукѣ съ нею, объ ея невѣрности и о нанесенныхъ ею ранахъ его сердцу. Его

внучію Сефарадъ и отличали отъ Кастиліи и Леона. Толедо *никогда* не причислялся къ странѣ „Эдомъ“, къ христіанской Испаніи.

¹⁾ Dukes, тамъ-же, стр. 99. Диванъ кастильца Абулгассана, стр. 15.

любвныя пѣсни полны юношескаго пыла и восторженности. Въ его пѣсняхъ отражается южное небо, а также зеленыя поля и голубыя рѣки. Его юношеская поэзія уже носить печать художественной законченности, богатой фантазіи, пылкости и прелести. Это не наборъ словъ, не безсодержательныя стихи; все полно мѣры и увѣренности ¹⁾. Йегуда Галеви, кажется, совсѣмъ побѣдилъ любовный пылъ; по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшихъ его годахъ и стихотвореніяхъ нѣтъ и слѣда любви.

Йегуда Галеви не только усвоилъ еврейскій языкъ и художественную форму новоеврейской поэзіи, которыми владѣлъ мастерски, но занимался также уразумѣніемъ Талмуда, предавался естествознанію, погружался въ метафизическія глубины и обладалъ хорошими свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ знанія. По арабски онъ писалъ изящно; новая кастильская поэзія была ему доступна ²⁾. Пропитаніе себѣ онъ снискивалъ врачевнымъ искусствомъ, которымъ занимался по возвращеніи на родину. Какъ врачъ, онъ, повидимому, пользовался большимъ довѣріемъ, ибо однажды писалъ къ своему другу, что, живя въ большомъ городѣ, имѣетъ много занятій. Но, занимаясь тѣломъ хворыхъ и умирающихъ, онъ не утратилъ душевной теплоты и спасъ свое идеальное воззрѣніе на жизнь. Интересно письмо, которое онъ написалъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ (около 1130) къ одному другу. «Даже въ тѣ часы, которые нельзя причислить ни ко дню, ни къ ночи, я занимаюсь врачевнымъ искусствомъ, хотя не могу врачевать. Городъ, въ которомъ я живу, великъ, жители — великаны, но жестокосерды. Чѣмъ могъ-бы я доставить имъ облегченіе, хотя и провожу цѣлый день во врачеваніи ихъ болѣзней! Я врачую Вавилонъ, но онъ остается по-прежнему хворымъ. Молю Бога даровать мнѣ избавленіе и свободу наслаждаться спокойствіемъ, дабы я могъ обратиться къ мѣсту живаго знанія, къ источнику мудрости» ³⁾. Городъ, о кото-

¹⁾ Ginse Oxford 23. Диванъ 123.

²⁾ Сравн. Диванъ 28 и 127.

³⁾ Тамъ-же, 129.

ромъ говоритъ здѣсь Іегуда, есть Толедо, гдѣ онъ жилъ въ зрѣлыя лѣта ¹⁾). Онъ жаждалъ уйти изъ Толедо, потому что послѣдній еще не былъ тогда центромъ еврейской науки ²⁾).

Всю силу своего творческаго духа онъ посвятилъ поэзіи и философскому изслѣдованію еврейства. О поэзіи, которая была для него чѣмъ-то священнымъ и божественнымъ, онъ имѣлъ болѣе правильныя понятія, чѣмъ его арабскіе и еврейскіе современники. Онъ ясно выразилъ, что поэзія должна быть природнымъ даромъ, а не искусствомъ, которое можно изучить. Онъ смѣется надъ тѣми, которые предлагаютъ правила о римахъ и стопахъ и считаютъ эти правила чѣмъ-то великимъ. Истинный поэтъ, поэтъ по призванію, въ себѣ самомъ носитъ правила и, не ошибаясь, всегда находитъ истинное ³⁾). Въ теченіи юношескихъ лѣтъ, онъ расточалъ золото своей богатой поэзіи на легкія блестящія и, подобно всѣмъ, слагалъ стихи для услажденія своихъ многочисленныхъ друзей. Онъ воспѣвалъ вино и радость и писалъ загадки. На порицанія своихъ друзей (около 1110) онъ отвѣчалъ съ юношескою заносчивостью:

«Мнѣ еще нѣтъ и двадцати четырехъ лѣтъ, и неужели я долженъ уже печально избѣгать кубка съ виномъ?» ⁴⁾).

Въ этихъ легкихъ стихотвореніяхъ онъ любилъ преодолевать трудности искусственнаго размѣра. Часто онъ заканчивалъ стихотвореніе арабскимъ или кастильскимъ стихомъ ⁵⁾). По слову и по рѣчи видѣнъ уже великій художникъ, который умѣетъ въ нѣсколькихъ смѣлыхъ чертахъ представить законченную картину. Его описанія природы могутъ занять мѣсто на ряду съ лучшими произведеніями этого рода, написанными на какомъ бы то ни было языкѣ. Видишь распускающіеся и блещущіе цвѣтки, впиваешь полною грудью

¹⁾ Сравни. Landshut Amude Aboda, I, стр. 77.

²⁾ Responsum Іосифа Ибнъ-Мигаша въ Peer ha-Dor, № 211, 214.

³⁾ Chozari V, № 16.

⁴⁾ Orient Litbl. 1850, col. 398.

⁵⁾ Диванъ, 135, 137, 138, 141.

бальзамъ, которымъ пропитаны его стихи. Вѣтви ломаются отъ тяжести золотыхъ плодовъ, слышатся пѣсни воздушныхъ пѣвцовъ, видятся мастерски нарисованныя картины. Описывая море во время грозы, онъ сообщаетъ читателю весь свой восторгъ и всю свою тревогу ¹⁾. Но все это не отражаетъ вполне его великой души; это было, такъ сказать, данью, которую онъ платилъ тѣлесной сторонѣ и модѣ. Даже нерелигіозныя стихотворенія, въ которыхъ онъ по плодовитости не упускаетъ своему старшему товарищу Моисею Ибнъ-Езрѣ, — онъ написалъ ихъ триста, — и въ которыхъ по глубинѣ, задушевности и отдѣлкѣ далеко превосходить всѣхъ своихъ предшественниковъ, открываютъ истинную великость его, какъ поэта, заключается въ его національно-религіозныхъ произведеніяхъ. Тамъ, гдѣ онъ черпаетъ изъ глубины своей творческой груди, гдѣ всецѣло предается вдохновенію, гдѣ воспѣваетъ Сіонъ и его прежнюю и будущую славу, гдѣ поникаетъ главою отъ скорби объ его настоящемъ упадкѣ, тамъ его стихотворенія становятся истинною, тамъ нѣтъ ничего искусственнаго, поддѣльнаго, тамъ все глубоко прочувствовано. Сіониды (пѣснопѣнія о Сіонѣ) Іегуды Галеви болѣе, чѣмъ всякое новоеврейское стихотвореніе, напоминаютъ псалмы. Когда онъ изливаетъ свою скорбь о вдовствѣ Сіона, или мечтаетъ о будущемъ его блескѣ и соединеніи съ Богомъ и своими дѣтьми, тогда кажется, будто слышишь корахида. Созрѣвшая муза Іегуды Галеви имѣла великую цѣль: воспѣть Израиля, его Бога и Святыню, прошедшее и будущее, славу и упадокъ. Онъ былъ національнымъ поэтомъ, и потому-то его пѣсни производятъ на читателя глубокое впечатлѣніе. Жалобы Ибнъ-Гебиры на его личное несчастіе могутъ возбудить только слабый интересъ; скорбь Ибнъ-Езры о несчастной его любви и объ ея послѣдствіяхъ не трогаетъ читателя; напротивъ, печаль Іегуды Галеви о возлюбленномъ Сіонѣ волнуетъ каждое сердце, неутратившее способности чувствовать.

1) Ginse Oxford 41. Описанія моря въ Betulat 86 и Orient 1851, 462.

Национальная поэзія Іегуды Галеви пріобрѣтаетъ тѣмъ большую цѣну, что источникомъ ея была не стихотворная прихоть, но глубокое и серьезное убѣжденіе. Іегуда Галеви былъ не только истиннымъ поэтомъ, но и даровитымъ мыслителемъ, причемъ однакожь ощущенія и мысли сливались въ его душѣ въ одно цѣлое. Поэзія и философія тѣсно соединялись въ его груди, но обѣ онѣ представляли не нѣчто чуждое, заимствованное, искусственно соединенное, а нѣчто самобытное, цѣлое. Какъ въ своихъ Сіонидахъ онъ выразилъ національныя чувства Израиля, такъ точно онъ изложилъ національныя мысли еврейства. Поэзія и философія служили ему для того только, чтобы объяснить и одухотворить наслѣдіе Израиля. Онъ изложилъ собственныя свои мысли объ отношеніи Бога ко вселенной, человѣка къ своему Творцу, о важности метафизическаго умозрѣнія, объ его отношеніи къ еврейству и о значеніи послѣдняго въ отношеніи христіанства и магометанства. Всѣ эти глубоко захватывающіе вопросы онъ рѣшалъ не сухо, не схоластически, но живо, тепло, убѣдительно. Если въ своихъ пѣснопѣніяхъ онъ подобенъ корахиду, то въ развитіи мыслей уподобляется автору книги Іова, но превосходитъ его богатствомъ, глубиною и обширностью содержанія. У этого автора или у поэтическаго философа Платона заимствовалъ Іегуда Галеви форму для религіозно-философской системы: онъ не только излагалъ мысли въ видѣ діалога, но и связывалъ ихъ съ историческими фактами, вслѣдствіе чего не только возрасталъ интересъ къ предмету, но и впечатлѣніе было продолжительнѣе. Когда нѣкоторые изъ его учениковъ предложили ему вопросъ о томъ, какъ онъ оправдываетъ раввинское еврейство и опровергаетъ возраженія, дѣлаемыя философіей, христіанствомъ, исламомъ и караимствомъ,—Іегуда Галеви отвѣчалъ обширнымъ, глубокомысленнымъ сочиненіемъ въ діалогической формѣ, которое было написано изящнымъ арабскимъ языкомъ. Судя по заглавію (*Kitab af-Chug'g'ah w'Addalil fi Nusrah Din addsalil*), это сочиненіе имѣло цѣлю доказать истинность юдаизма и оправдать презираемую религію.

Язычникъ, еще невкусившій школьной премудрости и ничего еще невѣдающій о существующихъ трехъ религіяхъ, но чувствующій потребность вступить въ тѣсный союзъ со своимъ Творцомъ, убѣждается въ истинности юдаизма. Этотъ язычникъ есть хазарскій царь Буланъ, который принялъ израильскую религію (кн. V). Его принялъ кастильскій философъ за историческій исходный пунктъ, и потому сочиненіе названо Хоцари (неправильно Кузари). Художественное введеніе заинтересовываетъ читателей фактической стороною.

Хазарскому царю, ревностному приверженцу своего языческаго культа и притомъ благочестивому, являлся нѣсколько разъ ангелъ во снѣ и говорилъ: «Твое благочестіе похвально, но культъ никуда негоденъ». Чтобы узнать, какимъ образомъ слѣдуетъ достойно чтить божество, онъ обратился къ философамъ. Мудрецъ, слѣдовавшій на половину аристотелевской, на половину неоплатонической системѣ, изложилъ царю скорѣе невѣріе, чѣмъ вѣру. Онъ говорилъ, что божество такъ высоко стоитъ, что не можетъ вступить съ человѣкомъ въ какой-бы то ни было союзъ или требовать отъ него поклоненія. Міръ и человѣческій родъ такъ же предвѣчны, какъ и божество. Нѣтъ надобности въ личномъ божествѣ, такъ какъ послѣднее уже въ силу своей неизмѣнности не можетъ дѣйствовать на низшій міръ. Человѣкъ, обладающій физическими и духовными качествами, можетъ и безъ религіи, посредствомъ философской теоріи и нравственной жизни, достигнуть наивысшей степени совершенства; тогда онъ имѣетъ долю въ общемъ міровомъ духѣ (интеллектуальный міръ, разумъ), приобрѣтаетъ ангельскую натуру и причисляется къ сонму мыслителей, Гермесу, Асклепідоту, Сократу, Платону и Аристотелю. Религія, основанная на вѣрѣ и состоящая въ религіозныхъ обрядахъ, не имѣетъ ровно никакого значенія для этой высокой степени совершенства, и даже такой совершенный человѣкъ можетъ самъ придумать религію, проповѣдывать ее и распространять. Возможно также, что этотъ человѣкъ, обладая частью

міроваго духа, можетъ по тому самому прозрѣвать будущее въ сновидѣніяхъ и въ видѣніяхъ.

Но хазарскій царь не удовлетворился этимъ изложеніемъ. Онъ самъ сознавалъ, да и ангель открылъ ему въ сновидѣніи, что есть безусловно важные обряды культа, безъ которыхъ нравственность и благочестіе не имѣютъ никакого значенія. Если-бъ культъ былъ лишенъ всякаго значенія, то было-бъ непонятно, какимъ образомъ могутъ бороться между собою христіанство и исламъ. Эти обѣ религіи ссылаются, кромѣ того, на божественное откровеніе, указываютъ на пророковъ, чрезъ которыхъ Богъ совершалъ чудеса; слѣдовательно, Богъ долженъ состоять въ извѣстномъ отношеніи къ людямъ; слѣдовательно, должно существовать нѣчто таинственное, чего и не предчувствуетъ философія. Затѣмъ царь рѣшилъ призвать христіанина и магометанина, чтобы отъ нихъ научиться истинной религіи. Евреевъ онъ сперва не призывалъ на совѣтъ, такъ какъ, судя по ихъ униженному положенію и по общему къ нимъ презрѣнію, заключалъ о томъ, что и религія ихъ достойна сожалѣнія.

Христіанскій священникъ возвѣстилъ хазарскому царю догматы своей религіи. Христіанство признаетъ предвѣчность Бога и созданіе міра; она также учитъ, что всѣ люди происходятъ отъ Адама, вѣритъ всему изложенному въ *Торъ* и Священномъ Писаніи ветхаго завѣта, но признаетъ своимъ главнымъ догматомъ воплощеніе сына Божія отъ Дѣвы изъ еврейскаго царскаго рода. Христіанство учитъ, что эта Дѣва родила Богочеловѣка. Сынъ Божій одного естества съ Богомъ Отцомъ и Святымъ Духомъ. Этотъ тріипостасный Богъ признается единымъ, хотя христіане и употребляютъ выраженіе: Троиченъ въ лицахъ. Многіе евреи увѣровали въ этого Сына Божія, но большая часть отвергла его, почему и Богъ отвергнулся ихъ; слѣдовательно, надобно считать христіанъ истиннымъ Израилемъ; двѣнадцать апостоловъ заступили мѣсто двѣнадцати колѣнъ.

Хазарскій царь не удовлетворился этимъ изложеніемъ и продолжалъ искать истинной религіи.

Затѣмъ онъ просилъ мусульманскаго богослова объяснить ему сущность ислама. Послѣдній, признавая единство и вѣчность Бога и сотвореніе міра изъ ничего, отвергаетъ уподобленіе Бога человѣку. Исламъ учитъ, что Магометъ выше всѣхъ пророковъ, призываетъ всѣ народы къ вѣрѣ, общаетъ вѣрующимъ рай, полный блаженства, яствъ, питія и любовныхъ наслажденій, а невѣрующимъ угрожаетъ огнемъ осужденія. Истинность ислама основывается на томъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ сочинить такую превосходную книгу, какъ коранъ, или написать даже одну изъ его суръ.— И ему хазарскій государь отвѣтилъ, что завѣтъ Бога съ человѣкомъ долженъ основываться на неопровержимыхъ доказательствахъ, между тѣмъ какъ коранъ не убѣждаетъ его въ своей божественности. Ибо если его стиль въ состояніи убѣдить араба, то для него, какъ незнакомаго съ арабскимъ языкомъ, не имѣетъ убѣдительной силы.

Такъ какъ христіане и мусульмане называютъ еврейство истиннымъ предшественникомъ ихъ обѣихъ религій, то искавшій истины хазарскій государь долженъ былъ рѣшиться побѣдить свое предубѣжденіе противъ еврейства и распросить еврейскаго мудреца. Такой мудрецъ, на вопросъ объ юдаизмѣ, объяснилъ эту религію слѣдующимъ образомъ: Евреи вѣруютъ въ Бога своихъ предковъ, освободившаго Израильтянъ изъ Египта, творившаго для нихъ чудеса, введшаго ихъ въ Обѣтованную Землю, посылавшаго къ нимъ пророковъ, однимъ словомъ, вѣруютъ въ то, чему учитъ Священное Писаніе ихъ завѣта. На что хазарскій государь сказалъ: «Я былъ правъ, не желая спрашивать евреевъ, такъ какъ ничтожество ихъ положенія лишило ихъ способности имѣть здравое мнѣніе. Ты, еврей, долженъ бы упомянуть сперва, что вы вѣруете въ Творца и Зиждителя міра, а не излагать такъ сухо и скучно исповѣданіе, имѣющее значеніе лишь для васъ». Еврейскій мудрецъ возразилъ: «Но именно то предположеніе, что Богъ есть Творецъ и Вседержитель, нуждается еще въ подробномъ доказательствѣ, и философы еще имѣютъ о томъ различное мнѣніе, между

тѣмъ какъ вѣра въ то, что Богъ творилъ чудеса для насъ, Израильтянъ, не нуждается ни въ какомъ доказательствѣ и основана на неопровержимомъ свидѣтельствѣ очевидцевъ»¹⁾. Религіозный философъ Іегуда Галеви, дойдя до этого пункта, легко могъ развитъ доказательсва истины и божественности еврейства. Философія не признаетъ существованія Бога и религіи, не зная, что дѣлать съ ними. Христіанство и исламъ отворачиваются отъ здраваго разсудка, находя, что онъ противорѣчитъ ихъ главнымъ догматамъ, по крайней мѣрѣ, они не могутъ привести ничего убѣдительнаго въ основаніе своего вѣроисповѣданія. Еврейство-же имѣетъ своею исходною точкою осязательный фактъ, котораго никакой разсудокъ не можетъ ложно истолковать, потому еврейство и согласуется съ разумомъ, удерживая его однакожь въ извѣстныхъ границахъ, и тамъ, гдѣ можно достигнуть истины другимъ путемъ, не допускаетъ умозаключеній, легко переходящихъ въ софизмы.

Своимъ вѣрнымъ мнѣніемъ о важности спекулятивнаго мышленія догматической метафизики Іегуда Галеви не только выдѣляется въ свое время, но и опережаетъ даже нѣсколько столѣтій. Между тѣмъ какъ современные ему мыслители, Евреи, Магометане и Христіане, раввины, улемы и учителя церкви преклоняли колѣни передъ Аристотелемъ, ставили философскія изреченія о Богѣ и его отношеніяхъ къ міру едва-ли не выше Священнаго Писанія, по крайней мѣрѣ разбирали и толковали еврейскіе стихи такимъ образомъ, что они выражали философское предположеніе, — значить, были одновременно вѣрующими и невѣрующими, — Іегуда Галеви имѣлъ мужество указать человѣческому мышленію его природную границу и сказать: Ни шагу далѣе! философія не имѣетъ права опровергать общеизвѣстные факты, а должна считать ихъ неопровержимою истиною; отсюда только начинается ея дѣятельность, состоящая въ группированіи фактовъ и освѣщеніи ихъ мыслию. Какъ мышленіе не имѣетъ

¹⁾ Chozari I, 1--13.

права отрицать въ царствѣ природы дѣйствительныя явленія, какъ бы они ни были странны и противорѣчащи разуму, но должно стараться ихъ понять, такъ точно оно должно поступать въ области богопознанія ¹⁾. Иегуда Галеви первый провелъ эту прекрасную и непоколебимую мысль, которая принята лишь въ новѣйшее время, послѣ многихъ заблужденій философіи. О результатахъ греческаго духа, который жадно впивали прилежные ученики философіи, онъ высказываетъ свое сужденіе сколько въ прекрасномъ, столько и вѣрномъ стихотвореніи:

«Пусть мудрость греческая тебя не прельщаетъ:
 Полна цвѣтовъ, она бѣдна плодами.
 А содержаніе ея? Вселенная не создана Богомъ,
 Ея начало сокрыто мѣрами.
 Хотя ты жадно прислушиваешься къ ея словамъ, но уѣдешь
 Съ пустыми рѣчами и съ недовольнымъ сердцемъ» ²⁾.

Философіи, по мнѣнію Иегуды Галеви, уже потому не должно давать рѣшающаго права въ религіозныхъ дѣлахъ, что въ ней часто замѣчаются уклоненія и ученики ея нерѣдко проводятъ противоположныя идеи. Если она стремится къ познанію Бога, то имѣетъ въ виду лишь теоретическую цѣль: удовлетворить стремленіе къ знаніямъ, а не достигнуть высшей цѣли.

Слѣдовательно, по этой системѣ юдаизмъ не можетъ быть оспариваемъ философіей, потому что основанъ на твердой почвѣ, которую мыслитель обязанъ чтить, именно, на почвѣ фактовъ. Еврейская религія не образовывалась мало-по-малу постепеннымъ развитіемъ, не придумана мудрымъ мужемъ, не признавалась и распространялась стекающимися приверженцами. Скорѣе она явилась на свѣтъ, какъ нѣчто созданное вдругъ. Она открыта великой массѣ народа, милліонамъ людей, которые, конечно, не преминули испытать и изслѣдовать, не введены ли они въ заблужденіе призракомъ. И

¹⁾ Тамъ-же, 1, 5.

²⁾ Betulat, 56, конецъ, Гейгера Диванъ 86.

всѣ чудеса, предшествовавшія синайскому откровенію и продолжавшіяся во время странствованія по пустынь, были видимы многими, приче́мъ былъ невысказанъ какой-либо обманъ. Но видимое божественное дѣйствіе проявилось не одинъ только разъ, въ моментъ рожденія израильской народности, но повторялось часто и проявлялось въ теченіе полутысячелѣтія, подъ видомъ изліянія пророческаго духа на отдѣльныя лица и на цѣлыя общества. Въ силу этого характера очевидной дѣйствительности, еврейству присуща большая достовѣрность, нежели та, какую можетъ дать мірская мудрость. Существованіе Бога сильнѣе доказывается синайскимъ откровеніемъ, нежели выводами разума. И потому, если еврейство учитъ о сотвореніи вселенной изъ ничего, объ единствѣ Бога, о его промыслѣ и отеческомъ управленіи родомъ человѣческимъ, то разбиваетъ этимъ въ прахъ предположенія философіи, утверждающія совершенно противоположное. Иегуда Галеви думалъ, что отнимаетъ такимъ образомъ почву не только у философскаго міровоззрѣнія своего времени, но также у христіанства и ислама. и указываетъ критеріумъ, посредствомъ котораго можно отличить истинную религію отъ ложной¹⁾. Еврейство не утѣшаетъ своихъ исповѣдниковъ загробнымъ блаженствомъ, но ужъ на землѣ даетъ имъ возможность заглянуть въ царствіе Божіе, и неопровержимыми фактами доводитъ до увѣренности надежду на безсмертіе души²⁾.

Однако этимъ онъ далъ философское основаніе только еврейству вообще, но не богатому его содержанію. Чтобы оправдать послѣднее, Иегуда Галеви изложилъ мнѣніе, которое во всякомъ случаѣ оригинально и остроумно. Предполагая истину сотворенія міра, какъ о томъ повѣствуетъ еора, онъ исходитъ изъ того положенія, что Адамъ, вышедшій непосредственно изъ рукъ Творца, былъ физическимъ и духовнымъ совершенствомъ и представлялъ идеаль, какого только

¹⁾ Chozari I, 27—91.

²⁾ Тамъ-же, 104—109.

могутъ когда-либо достигнуть люди. Всѣ истины, доступныя человѣческому уму, были извѣстны Адаму посредствомъ внутренняго воззрѣнія, безъ труднаго изученія; онъ, такъ сказать, обладалъ пророческою натурою, почему и зовется сыномъ Божиимъ. Это совершенство, духовно-нравственное благо, онъ оставилъ въ наслѣдіе тѣмъ изъ своихъ потомковъ, которые по своей душевной организаціи могли его воспринять. Переходя отъ одного поколѣнія къ другому и нерѣдко прерываясь, эта прирожденная добродѣтель дошла до праотца Израильтянь, Авраама, и отъ него къ предкамъ двѣнадцати колѣнь. Потому народъ израильскій составлялъ центръ и сущность человѣчества, исключительно способные къ божественной благодати, въ особенности къ пророческому дару ¹⁾. Эта идеальная природа возводитъ обладателей на высшую степень, составляетъ нѣкоторымъ образомъ посредствующую ступень между обыкновенными людьми и ангелами. Для сохраненія и проявленія этого божественнаго свойства, требовалось мѣсто, которое по своимъ климатическимъ условіямъ могло содѣйствовать развитію высшей духовной жизни. Для того-то Богъ и избралъ Ханаанскую землю. Обѣтованная Земля, какъ и народъ Израильскій, выбрана потому, что находится въ центрѣ земли. Тамъ воля Божія выразилась призваніемъ пророковъ и независимымъ отъ природы чрезвычайнымъ благословеніемъ или проклятіемъ ²⁾. Заповѣди и запрещенія, предписываемыя еврействомъ, также составляютъ средство сохранять и охранять божественно-пророческую натуру въ израильскомъ народѣ. Для того были назначены священники изъ дома Ааронова, воздвигнуть храмъ, предписаны законы о жертвоприношеніяхъ и установленъ весь культъ. Одно только Божество, предписавшее всѣ эти законы, знаетъ, насколько они соотвѣтствуютъ главной цѣли. Человѣческое мудрствованіе не должно порицать и измѣнять ихъ, ибо всякое измѣненіе, какъ-бы

¹⁾ Тамъ-же 47, 95, 103, IV. 15.

²⁾ Тамъ-же 109, II. 10—14, 22 V. 22.

маловажно оно ни было, легко может вести къ уклоненію отъ цѣли, подобно тому, какъ природа вслѣдствіе малѣйшаго измѣненія почвы и климата производитъ другіе продукты ¹⁾. Особенность еврейства (какъ предполагають нѣкоторые) не состоитъ въ обязанностяхъ нравственности и въ законахъ разума, на которые скорѣе слѣдуетъ смотрѣть, какъ на основныя условія для установленія и для связи общаго единства, подобно тому, какъ шайка разбойниковъ не можетъ отказаться отъ права и справедливости, если не хочетъ разойтись. Сущность еврейства составляютъ религіозныя обязанности, предназначенныя сохранить божественный свѣтъ, божественную благодать и продолжительное пророческое возбужденіе въ народѣ израильскомъ ²⁾.

Хотя отъ человѣческаго разума сокрыто или должно быть сокрыто истинное значеніе религіозныхъ законовъ, однакожь въ нихъ отражается мудрость ихъ виновника. Еврейство не предписываетъ ни отшельнической жизни, ни аскетическаго бичеванія; оно вообще враждебно относится къ мрачной задумчивости и требуетъ отъ своихъ исповѣдниковъ скорѣе радостнаго настроенія духа. Оно указываетъ каждой душевной дѣятельности и сердечному порыву мѣру и границу, и тѣмъ удерживаетъ въ гармоническомъ равновѣсіи какъ жизнь отдѣльнаго лица, такъ и жизнь всей націи въ совокупности. Благочестивый человѣкъ въ смыслѣ еврейства не избѣгаетъ свѣта, не презираетъ жизни и не желаетъ себѣ смерти, чтобы скорѣе достигнуть вѣчной жизни; онъ не отказываетъ себѣ въ житейскихъ удовольствіяхъ, но господствуетъ какъ законный властитель надъ своимъ владѣніемъ, надъ тѣлеснымъ и душевнымъ организмомъ. Каждой тѣлесной и душевной силѣ онъ платитъ должную дань, оберегаетъ ихъ отъ лишеній и отъ излишества, дѣлая ихъ тѣмъ самымъ подвластными себѣ и употребляя ихъ, какъ послушное орудіе, для достиженія высшей степени жизни въ Богѣ. ³⁾

¹⁾ Тамъ-же 99, II. 50.

²⁾ Тамъ-же II. 48.

³⁾ Тамъ-же III. 1—5.

Иегуда Галеви, указавъ высокое значеніе религіознаго культа, не затруднялся уже оправдать талмудическое еврейство передъ караимствомъ. Если религіозные законы и обрядовая часть еврейства служатъ средствами для поддержанія божественной благодати и пророческой природы народа израильскаго въ постоянной и живой дѣятельности: то нельзя своевольно излагать эти законы и обряды и исполнять ихъ по своему произволу; необходимо напередъ установить ихъ въ стройномъ и непоколебимомъ порядкѣ. Такой порядокъ предлагается талмудическимъ преданіемъ, которое проводитъ тонкую черту между дозволенными и недозволенными дѣянiями. Караимство само принуждено признать традицію, но оно непослѣдовательно, отбрасываетъ одно и признаетъ другое безъ всякой причины и руководящаго принципа. Потому-то караимскіе авторитеты имѣютъ различное мнѣніе о нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ еврейства ¹⁾. Раввинское еврейство, напротивъ, успокоиваетъ религіозную совѣсть, не допуская колебаній и разъ навсегда обозначивъ, что дозволено и что воспрещено, тогда какъ караимство находится въ зависимости отъ толкованія Писанія и должно ежеминутно ожидать различнаго пониманія законовъ религіи ²⁾.

Предположеніе, что еврейство составляетъ учрежденіе для сохраненія и споспѣшествованія божественно-пророческой природы въ замкнутомъ кружкѣ, въ одномъ племени, унаслѣдовавшемъ это внутреннее качество отъ Адама посредствомъ патріарховъ и Авраама, должно было привести кастильскаго философа къ тому выводу, что, какъ-бы ни были искренно-религіозны новообращенные, присоединившіеся къ еврейству, они не могутъ однакожь сдѣлаться причастными этого высшаго свойства. Еврейство призвало къ своему служенію только потомковъ Израиля; другіе же народы не обязаны къ тому. Если они перейдутъ въ еврейство, то дѣлаются причастными на-

¹⁾ Тамъ-же 23—38.

²⁾ Тамъ-же 50.

ружнаго благословенія, обѣщаннаго Богомъ Израильтянамъ за исполненіе законовъ, но никогда не могутъ достигнуть высокой пророческой степени ¹⁾. Хотя вѣроисповѣданія христіанское и магометанское основаны на еврействѣ и хотя исповѣдники этихъ религій чтутъ Святую Землю и ходятъ въ нее на поклоненіе, однакожь Іегуда Галеви смотрѣлъ на христіанъ и магометанъ, какъ на язычниковъ, измѣнившихъ только предметъ поклоненія. Онъ утверждалъ, что современные ему христіане поклонялись деревянному кресту, а магометане черному камню Каабы, и потому въ полномъ библейскомъ смыслѣ были поклонниками дерева и камня ²⁾. Но Іегуда Галеви отдавалъ справедливость христіанству и исламу въ ихъ первоначальномъ видѣ: они, по его мнѣнію, были учрежденіями для очищенія и облагораживанія чело-вѣчества. Образъ рабства, принятый Израилемъ въ изгнаніи среди народовъ на землѣ, не служитъ, по мнѣнію философа, доказательствомъ упадка и безнадежности. Вѣдь и могущество, которымъ въ равной мѣрѣ хвалятся христіанство и исламъ, не служитъ доказательствомъ божественности ихъ ученія. Ибо только та или другая изъ нихъ можетъ быть истинною религіею, если по наружному положенію судить о внутреннемъ достоинствѣ. Бѣдность и бѣдствія, презираемая людьми, стоятъ во мнѣніи Бога выше напыщеннаго величія и гордости. Вѣдь и христіане гордятся не своими могучими властелинами, а мучениками, самимъ Іисусомъ, повелѣвшимъ тому, кого ударятъ по правой щекѣ, подставить и лѣвую, и апостолами, претерпѣвшими мученія въ уничиженіи и презрѣніи. Точно также и магометане хвалятся помощниками пророка, пострадавшими много ради него ³⁾. Величайшій же мученикъ есть Израиль, ибо онъ въ родѣ чело-вѣческомъ имѣетъ такое значеніе, какое имѣетъ сердце въ чело-вѣческомъ организмѣ. Какъ сердце прини-

¹⁾ Тамъ-же I 27, 101.

²⁾ Тамъ-же IV. 11.

³⁾ Тамъ-же I. 113, IV. 22

маеть живѣйшее участіе во всѣхъ страданіяхъ тѣла, такъ точно еврейская нація особенно сильно страдаетъ отъ каждаго бѣдствія, умысленно или невольно наносимаго ей народами. Къ Израилю относится слово, влагаемое величайшимъ пророкомъ въ уста народовъ земли: «Онъ носить нашу болѣзнь и обремененъ нашими страданіями». Не смотря на свое безграничное горе, еврейскій народъ не вымеръ; онъ скорѣе похожъ на больнаго, которому искусство врачей, правда, помогло, но который ожидаетъ своего спасенія отъ чуда. Къ Израилю можно примѣнить картину разбросанныхъ мертвыхъ костей, которыя по слову пророка соединились, одѣлись плотью и кожей и, одушевленные дыханіемъ, вновь возстали; такъ и Израиль въ своемъ жалкомъ состояніи ¹⁾. Разсѣяніе Израиля по лицу земли есть премудро-божественное устроеніе, дабы народы земли проникнулись дарованнымъ Израилю духомъ. Израильское племя уподобляется сѣмени, которое, будучи зарыто въ землю и сокрыто на извѣстное время отъ глазъ, какъ-бы превращается въ окружающія его стихіи и не сохраняетъ ни малѣйшаго слѣда своего прежняго бытія; потомъ-же, когда сѣмя прозябнетъ и дастъ ростъ, оно снова принимаетъ свою первоначальную натуру, сбрасываетъ обезображивающія его оболочки, очищаетъ стихіи и превращаетъ ихъ въ подобное себѣ существо, пока не доведетъ ихъ постепенно до высшаго развитія. Когда человѣческій родъ, подготовленный христіанствомъ и исламомъ, познаетъ истинное значеніе еврейской націи, какъ хранительницы божественнаго свѣта, тогда онъ оцѣнитъ корень, на который прежде смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Онъ тѣсно соединится съ Израилемъ, содѣлается чистымъ плодомъ и увидетъ въ царствіе Мессіи, которое и есть плодъ древа ²⁾.

Едва ли когда либо высокое значеніе юдаизма и исповѣдывающаго его народа было краснорѣчивѣе истолковано. Въ этой оригинальной системѣ Іегуды, кастильца, слились мысли и

¹⁾ Тамъ-же II. 34—42.

²⁾ Тамъ-же IV. 23.

чувства, поэзія и философія для достиженія високаго идеала, долженствующаго быть соединительнымъ пунктомъ между землею и небомъ. Уловки, къ которымъ прибѣгали прежніе еврейскіе религіозные философы, съ цѣлю представить еврейство божественнымъ и оправдать его передъ судилищемъ разума — что основныя истины юдаизма не противорѣчатъ философіи и что оно основано на чистой нравственности — эти уловки Иегуда Галеви отбросилъ, ибо они какъ-бы скрываютъ сущность еврейства или только поверхностно касаются его. Кастильскій религіозный философъ пренебрегалъ всякимъ внѣшнимъ мѣриломъ, считая его недостаточнымъ для исполинскаго величія еврейства. Онъ презиралъ зданіе, построенное изъ нагроможденныхъ одно на другое умозаключеній, потому что послѣднія, не смотря на свою видимую неопровержимость, не даютъ успокоительной увѣренности душѣ, которая жаждетъ религіи. Онъ же, напротивъ, беретъ исходнымъ пунктомъ положительныя факты, которымъ настолько присуща убѣдительность, что даже наиупрямѣйшій изъ невѣрующихъ не въ состояніи ихъ оспаривать, и на этомъ фундаментѣ Иегуда Галеви воздвигаетъ храмъ еврейства, и даже раввинско-талмудическаго еврейства, въ которомъ ничто не кажется ему маловажнымъ и несущественнымъ. Система его, какія-бы слабыя стороны она не представляла для глубокаго взгляда, содержитъ однакожь много истиннаго; прежде всего она національна, и путь, избранный имъ, есть единственный, ведущій къ вѣрному пониманію еврейства. Странно, что религіозно-философская система Хозари, хотя и была переведена на еврейскій языкъ, спустя лишь тридцать лѣтъ по своемъ появленіи, не произвела глубокаго впечатлѣнія на современныхъ мыслителей и весьма мало повліяла на развитіе еврейства въ средніе вѣка. Высоко чтили автора, примѣняли къ нему стихъ: «Берегись покинуть левита», заимствовали многое изъ его системы, но не приносили никакого плода. Время не умѣло еще вполне оцѣнить совершенное твореніе, созданное еврейско-испанскою культурой. Какъ великіе труды Ибнъ-

Ганаха въ области библейскаго изслѣдованія, такъ точно идеи Іегуды Галеви объ еврействѣ остались незамѣченными, и только въ настоящее время тѣ и другія достойно оцѣнены.

Абул-Гассанъ Іегуда не принадлежитъ къ числу тѣхъ личностей, которые возвышенно думаютъ и низко поступаютъ; мысль и дѣло сливались у него въ одно. Какъ только онъ пришелъ къ убѣжденію, что еврейскому языку и Ханаанской землѣ присуща особенная божественность, что они суть священные сосуды для святаго содержимаго,— это убѣжденіе овладѣло образомъ его дѣйствій. Долгое время онъ не пользовался сокровищами своего поэтическаго духа, считая оскверненіемъ писать на священномъ языкѣ подраженія арабскимъ стихотвореніямъ. Онъ думалъ, что будь риема и размѣръ стиха существенными поэтическими красотами, то пророки и псалмопѣвцы пользовались-бы ими, а не оставили-бы безъ вниманія, такъ какъ эта художественная форма только обезображиваетъ выразительный еврейскій слогъ ¹⁾. Его отвращенію къ новоеврейской поэзіи много содѣйствовали плохія произведенія стихоплетовъ, перенявшихъ у великихъ поэтовъ сноровку и выдававшихъ свое скандованное римо-творство за перлы поэзіи. Поклонники Іегуды Галеви не могли однакожь понять его отвращенія къ поэтическому творчеству и порицали его за безмолвіе. Одинъ изъ нихъ, раввинъ Іехиель, потребовалъ у него однажды въ томъ отчетъ въ слѣдующемъ двустишіи:

«Зачѣмъ Іуда не поетъ намъ пѣсни?
Или забылъ ужъ онъ любовь своей юности?».

На что поэтъ отвѣчаетъ ему съ неудовольствіемъ:

«Источникъ пѣсни превратился въ иль и тину,
Въ немъ для души моей уже нѣтъ подкрѣпленья.
И какъ-же льву ходить путями тѣми,
Гдѣ уже бродитъ стадо визкой твари!» ²⁾.

¹⁾ Chozari II, 66. Parchon Aruch, введеніе, стр. 56.

²⁾ Диванъ 55, 113.

Но какъ ни серьезно было обѣщаніе не писать болѣе еврейскихъ стиховъ, однакожь художникъ не могъ долгое время оставаться ему вѣрнымъ. Ему была нужна поэзія для воплощенія идеаловъ его внутренняго міра; для него было безусловною потребностью воодушевлять себя и другихъ волшебнымъ словомъ пѣсни. Поэтому онъ вскорѣ забылъ свое обѣщаніе и вновь сталъ писать стихи. Но онъ исполнилъ другое, принятое имъ въ глубинѣ души, рѣшеніе, хотя это стоило ему великихъ жертвъ. Поэтъ - философъ былъ убѣжденъ, что Святая Земля хранитъ слѣды божественной благодати. Его поэтическая душа была исполнена духовнаго величія Палестины. По его мнѣнію, померкшій блескъ жалкаго положенія Обѣтованной Земли еще могъ служить источникомъ высшаго свѣта. Болѣзненная отрада судорожно сжимала его сердце при мысли о священныхъ развалинахъ. Для него іерусалимскія врата все еще составляли входъ въ небеса; тамъ изливалась еще божья благодать и давала восприимчивой душѣ блаженство и высшій міръ. Туда онъ хотѣлъ направить свои стопы, тамъ хотѣлъ жить своею внутреннею жизнью и напитаться божественнымъ духомъ. Начавъ свое религіозно-философское сочиненіе, онъ со скорбью говорилъ, что, подобно другимъ, безчувственно относится къ Святой Землѣ, выражая устами стремленіе къ ней и не стараясь его удовлетворить ¹⁾. Чѣмъ болѣе онъ вдумывался въ важность Святой Земли относительно восприниманія божественныхъ даровъ благодати, тѣмъ болѣе въ немъ созрѣвало намѣреніе идти туда на поклоненіе и окончить тамъ свою жизнь ²⁾.

Іегуда не скрылъ отъ себя трудностей и опасностей, которыя ему предстояло перенести, а все-таки ошибался въ одномъ. Такъ какъ Святая Земля была отнята у кичливыхъ мусульманъ и находилась подъ владычествомъ христіанъ, то онъ, повидимому, предполагалъ, что получить дозволеніе

¹⁾ Chozari II, 24—25.

²⁾ Тамъ-же V. Конецъ.

жить въ скромномъ уголкѣ, проводя время въ благочестивыхъ размышленіяхъ, или что даже близко время избавленія Мессіей. Болѣе всего ненавистно было ему, родившемуся въ христіанской Испаніи, господство ислама «сына рабыни Агари». Къ нему Іегуда Галеви, какъ и большая часть евреевъ Андалузіи, относилъ картину Давида о четвертомъ царствѣ, состоявшемъ изъ мѣди и глины, съ глиняными ногами, которое будетъ разбито рукою Божіею. Тогда господство перейдетъ къ сыну человѣческому, Израилю. Внутренніе раздоры магометанъ въ Испаніи и частыя побѣды надъ ними христіанскихъ князей заставляли Іегуду предполагать, что время это уже близко. Душа его такъ сильно была взволнована мыслью о святомъ мѣстѣ, что послѣднее являлось ему въ сновидѣніяхъ. Такъ, однажды онъ видѣлъ сонъ, показавшій ему паденіе ислама и произведшій на него потрясающее впечатлѣніе. Сонъ этотъ и соединенную съ нимъ надежду онъ олицетворилъ въ мастерскомъ стихотвореніи:

«Отдери свою гордую десницу, сынъ Агари,
Грозящій насмѣшкой сыну твоей госпожи!
Во снѣ мнѣ видѣлось твое паденіе
И на яву ужъ можетъ-быть погибъ ты.
Когда пастанетъ восемьсотъ девяностый годъ — (1130)
Надломится тогда твоя гордыня»¹⁾.

Это-то и былъ обманъ, которому поддалась исполненная вѣры душа Іегуды. Народная идея и стремленіе къ Сіону, совершенно имъ овладѣвшія, вознесли его надъ грустною дѣйствительностью. Въ другой разъ онъ видѣлъ во снѣ, что храмъ вновь воздвигнутъ, а жрецы заняты священнодѣйствіями, и слышалъ звуки хора левитовъ.

Благодаря этому непобѣдимому влеченію къ Сіону, городу благодати, явилось цѣлое собраніе чудесныхъ пѣсенъ, замѣчательныхъ сколько по чувству, столько и по прекрасному изложенію. Пѣснопѣніе о Сіонѣ, созданное Іегудой Галеви,

¹⁾ Orient 1850, 399 и слѣд. Диванъ 81, 159.

составляетъ наилучшій цвѣтъ новоеврейской поэіи и можетъ состязаться съ псалмами.

„О, городъ міра, облитый чудеснымъ сіяніемъ, ты видишь мою по тебѣ тоску на далекомъ западѣ! Если-бъ у меня были орлиныя крылья, я полетѣлъ бы къ тебѣ и привнесъ къ твоему праху орошенными слезою щеками. Мое сердце живетъ на Востокѣ, самъ же я на крайнемъ Западѣ. Могу ли утѣшаться тѣмъ, что прежде было моимъ счастіемъ? Какъ исполнить мнѣ своей обѣтъ, Сіонъ, когда я въ плѣну Эдома, подъ аравійскимъ игомъ? Какъ мнѣ цѣнить добро Испаніи, какъ мнѣ увидѣть твой прахъ и мѣсто, гдѣ некогда стоялъ храмъ?“ 1).

Это основной тонъ всѣхъ пѣсней о Сіонѣ. Но какъ разнообразно онъ умѣетъ излагать тему! Какое богатство чувствъ, картинъ и оборотовъ, онъ развиваетъ при этомъ. Израильская древность возстаетъ въ его стихахъ въ преображенномъ видѣ, современный народъ является то въ терновомъ вѣнцѣ бѣдствій, то въ лучезарномъ вѣнцѣ славной будущности. Содержаніе его лирическихъ стихотвореній невольно проникаетъ въ душу читателя, волнуя ее скорбью и тоской, надеждой и ликованіемъ, и на долго оставляетъ глубокое впечатлѣніе, полное мечтательности и увѣренности.

Национально-восторженный поэтъ старался привить своимъ единовѣрцамъ стремленіе къ Іерусалиму и пробудить въ нихъ родъ тоски по родинѣ. Одна высокая и прелестная пѣснь призывала народъ «далекій голубокъ» покинуть страны Эдома и Араба (христіанства и ислама) и отыскать свое родное гнѣздо въ Сіонѣ 2). Она осталась безъ отклика. Нужно было обладать такимъ высоко-идеальнымъ понятіемъ, какимъ былъ проникнутъ благочестивый поэтъ-философъ, чтобы имѣть хотя помыслы о такомъ смѣломъ полетѣ. Одинъ изъ друзей Галеви даже пробовалъ въ серьезно-насмѣшливомъ письмѣ поколебать его намѣреніе. Іегуда Галеви не преминулъ ему отвѣтить, горячо оправдывая свое рѣшеніе. «Имѣемъ ли мы на западѣ или востокѣ какое либо мѣсто, въ которомъ бы могли жить спокойно?» приводитъ онъ между другими до-

1) Betulat 53, Сакса религіозная поэзія 292 и слѣд.

2) Диванъ 158.

водами ¹⁾). Его душа была связана съ первоначальной родиною какими-то невидимыми узами, отъ которыхъ онъ никакъ не могъ освободиться. Окончивъ свое безсмертное произведеніе, діалогъ Хозари (около 1141); онъ началъ серьезно думать о паломничествѣ. Переменная въ его жизненной обстановкѣ, упоминаемая имъ лишь вскользь, устранила всякое раздумье, и онъ приготовился къ путешествію. Не малая жертва онъ принесъ этому достойному удивленія, хотя и странному рѣшенію. Спокойную, уютную жизнь онъ промѣнялъ на безпокойство и неизвѣстность и покинулъ свою единственную дочь и внука Іегуду, которыхъ хранилъ какъ зеницу ока. Онъ покинулъ основанное имъ въ Толедо училище и кругъ учениковъ, любимыхъ имъ какъ сыновей и почитавшихъ его какъ отца ²⁾). Онъ простился со своими многочисленными друзьями, которые безъ зависти поклонялись его признанному величію, и изъ которыхъ одинъ сказалъ: «всѣ потомки Іакова признаютъ Іегуду» ³⁾). Но все это казалось ему маловажнымъ въ сравненіи съ любовью къ Богу и Святой Землѣ. Онъ хотѣлъ принести въ жертву свое сердце на священномъ мѣстѣ и найти могилу въ Святой Землѣ ⁴⁾).

Когда онъ, обладая богатыми средствами, предпринялъ паломничество, тогда его путь по Испаніи былъ триумфомъ. Многочисленные его поклонники въ городахъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, обнаруживали все свое вниманіе къ нему. Старый, философски-образованный поэтъ - раввинъ, Іосифъ бенъ Цадикъ, передалъ ему отъ имени друзей подарокъ, сопровождаемый хвалебнымъ стихотвореніемъ, полнымъ сердечной теплоты и задушевнаго чувства. Называя его отцемъ пѣсни, онъ говоритъ, что стихотворица Дебора была его кормилицею, а Агарь его воспитательницею.

«Кто въ состояніи достигнуть твоего величія?»

Іегуда деликатно отказался отъ подарка и скромно откло-

¹⁾ Betulat стр. 54, № 4.

²⁾ Betulat 62 и Луццато прим. Ginse 45 и Orient 1850, 474, Диванъ 73.

³⁾ Mitjahadim. Диванъ 143.

⁴⁾ Собраніе его пѣсенъ, 1, 36.

нилъ прославленіе ¹⁾. Въ Гранадѣ друзья также приготовили ему лестную встрѣчу, и раввинъ Давидъ Ибнъ-Могагаръ передалъ ему на память богато разукрашенное молитвенное покрывало (таллисъ), которое онъ принялъ, и въ стихахъ высказалъ свою благодарность. Поэту Іегудѣ Ибнъ-Гіату, съ которымъ ему не пришлось говорить, онъ оставилъ прекрасное стихотвореніе, въ которомъ также благодарилъ и жителей Гранады за ихъ вниманіе ²⁾. Съ нѣкоторыми вѣрными спутниками онъ сѣлъ на корабль, отправлявшійся въ Египеть (около 1141). Замкнутый въ этотъ узкій деревянный міръ, гдѣ ему негдѣ было ни сидѣть, ни лежать, подвергаясь плоскимъ шуткамъ грубыхъ моряковъ, страдая морскою болѣзнію, онъ сохранилъ всю силу души, стремившейся къ свѣту. Его идеалы были вѣрными его спутниками. Бури, перебрасывавшія судно по волнамъ какъ мячъ, доводившія его на волосъ отъ смерти, извлекали изъ груди его морскія пѣсни, имѣющія мало подобныхъ себѣ по истинѣ описанія и глубинѣ чувства ³⁾.

«Море бушуетъ, душа моя ликуеть,
Влизаясь ко храму своего Создателя!».

Противные вѣтры заставили корабль войти, около праздника кущей (сентябрь), въ Александрійскую гавань, и Іегуда отправился къ своимъ единовѣрцамъ съ твердою рѣшимостію остаться съ ними лишь на короткое время и не упускать изъ виду цѣли своего путешествія. Но едва было услышано его имя, какъ всѣ сердца обратились къ нему. Самый почтенный мужъ александрійской общины, врачъ и раввинъ, Ааронъ бенъ-Ціонъ Ибнъ-Аламани, одаренный земными благами и сыновьями и самъ бывшій литургическимъ поэтомъ, поспѣшилъ принять его, какъ высокаго гостя, въ свой домъ, воздавая ему величайшія почести и предоставляя свое го-

¹⁾ Betulat 587.

²⁾ Тамъ-же 19.

³⁾ Слѣдуетъ изъ письма къ Самуилу Абу-Манссору тамъ-же 111.

⁴⁾ Тамъ-же 62—67.

степриимное жилище въ распоряженіе его и его спутниковъ. При заботливомъ уходѣ искреннихъ друзей онъ оправился отъ морскаго путешествія и выразилъ свою благодарность въ изящныхъ еврейскихъ стихахъ. Домъ Ибнъ-Аламани такъ старался его привлечь, что онъ, не смотря на тоску, провелъ въ Александріи, вмѣсто нѣсколькихъ дней, почти три мѣсяца, вплоть до праздника ханука ¹⁾). Онъ насильно оторвался отъ столь дорогихъ друзей и поѣхалъ въ портовой городъ Даміетту, гдѣ жилъ его другъ Абу-Саидъ бенъ Халфонъ Галеви, съ которымъ онъ познакомился еще въ Испаніи ²⁾). Но ему пришлось измѣнить свой путь, такъ какъ еврейскій князь Абу-Манссуръ Самуиль бенъ Хананья, занимавшій высокое положеніе при дворѣ египетскаго халифа, прислалъ ему убѣдительное приглашеніе воспользоваться его гостеприимствомъ.

Абу-Манссуръ Самуиль былъ, кажется, лейбъ-медикомъ фатимидскаго египетскаго халифа, Ал-Гафида Леддинъ-Аллаха, высоко цѣнившаго его за доказанную честность. Халифъ имѣлъ безпутнаго сына Гассана, который, въ качествѣ визиря, былъ бичемъ страны. Отецъ, желая избавиться отъ него, потребовалъ отъ своихъ врачей, еврейскаго и магометанскаго, дать сыну ядъ. Еврей настойчиво отказался, отвѣтивъ: «Я имѣю познанія лишь въ рвотныхъ средствахъ, водкѣ, и т. п.» Магометанскій же врачъ согласился на это и отравилъ Гассана. По свершеніи этого злодѣянія, халифомъ, кажется, овладѣло раскаяніе; онъ изгналъ отравителя, а еврейскаго врача поставилъ такъ высоко, что тотъ долженъ былъ жить въ его дворцѣ (около 1134—1135) ³⁾). Вслѣдствіе этого, вѣроятно, Самуиль Абу-Манссуръ получилъ вмѣстѣ съ титуломъ князя (Nagid) высшее начальство надъ еврейско-египетскими общинами. Отъ этого-то мужа странствующій поэтъ и получилъ приглашеніе. Іегуда Галеви тѣмъ менѣе могъ отказаться отъ этого лестнаго приглашенія, что

¹⁾ Betulat 77 и слѣд. 83, 111.

²⁾ Тамъ-же 89. Примѣчаніе Луццато.

³⁾ Ибнъ-Алафиръ, шведскій переводъ, I, стр. 25.

для него было очень важно получить отъ славившагося далеко вокругъ князя рекомендательныя письма въ Палестину. Но предложеніе Абу-Мансура снабдить его богатыми средствами онъ деликатно отклонилъ письмомъ, такъ какъ «Богъ столь щедро наградилъ его благами, что хотя онъ взялъ много съ собою, однако оставилъ дома еще достаточно добра»¹⁾). Вслѣдъ за письмомъ онъ самъ поѣхалъ на нильской лодкѣ. Чудесная рѣка пробудила въ немъ воспоминанія объ израильской древности и напомнила ему объ его обѣтѣ. Это воспоминаніе онъ увѣковѣчилъ въ двухъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ²⁾). Радужно принятый княземъ Абу-Мансуромъ въ Каирѣ, онъ, упиваясь его блескомъ, воспѣвалъ его щедрость, славу и трехъ благородныхъ сыновей³⁾). Странникъ нашелъ преданнаго друга еще въ смотрителѣ училища, Натанѣ бенѣ Самуилѣ, которому онъ воздавалъ великую хвалу⁴⁾). Въ Каирѣ у него явилась охота заняться сочиненіемъ любовныхъ пѣсенъ, что и удалось ему отлично, не смотря на шестидесятилѣтній возрастъ. Въ одномъ стихотвореніи Аарону Аламани онъ соединилъ веселье любовныхъ пѣсенъ съ восхваленіемъ друга и съ своею тоскою по святымъ мѣстамъ⁵⁾). Но въ Каирѣ онъ не находилъ покоя и поспѣшилъ въ портовый городъ Даміетту, куда прибылъ около поста Тебета (декабрь⁶⁾), около 1141—42). Въ этомъ городѣ онъ былъ встрѣченъ многими друзьями, между прочимъ Абу-Сайдомъ Халфономъ Галеви, весьма заслуженнымъ мужемъ. Іегуда посвятилъ ему и другимъ друзьямъ прекрасныя стихи. Друзья и здѣсь старались поколебать его рѣшеніе ѣхать въ Палестину; они описали ему опасности, кото-

¹⁾ Первое письмо Betulat, 110 и слѣд. Странно предполагать о человѣкѣ, котораго тоска по Сіону оторвала отъ родины и отъ близкихъ его сердцу, что онъ занимался въ Египтѣ торговыми дѣлами. Мѣсто въ письмѣ (Betulat, стр. 112), изъ котораго выводить этотъ фактъ, по всей вѣроятности, искажено, такъ какъ и приема не подходитъ.

²⁾ Betulat 91.

³⁾ Тамъ-же 92, 98.

⁴⁾ Тамъ-же 86, 113 и слѣд.

⁵⁾ Тамъ-же 100.

⁶⁾ Тамъ-же 89, № 27.

рымъ онъ подвергнется, и обратили его вниманіе на то, что и съ Египтомъ связаны воспоминанія о божіемъ благоволеніи въ первыя времена израильской исторіи ¹⁾). Онъ-же возразилъ: «Въ Египтѣ провидѣніе выразилось какъ-бы мимолетнымъ образомъ, полную-же силу свою проявило лишь въ Святой Землѣ» ²⁾). Наконецъ онъ оторвался отъ новыхъ египетскихъ друзей и поклонниковъ и направился къ цѣли своего путешествія. Куда онъ сначала поѣхалъ, это осталось неизвѣстнымъ.

Въ Палестинѣ владычествовали въ то время христіанскіе цари и князья, дальніе родственники героя Готфрида Бульонскаго, дозволившіе евреямъ вновь жить въ Святой Землѣ и даже въ столицѣ, сдѣлавшейся христіанскою. Спокойствіе страны во время путешествія Іегуды не было нарушаемо крестовыми походами, такъ какъ все поколѣніе поселившихся въ Палестинѣ христіанъ, изнѣженныхъ сибаритовъ, любило покой, который оберегало всѣми силами отъ враждебныхъ мусульманскихъ эмировъ. Евреи также имѣли значеніе при небольшихъ христіанскихъ дворахъ палестинскихъ князей, и одинъ христіанскій епископъ жаловался на то, что послѣдніе подъ вліяніемъ своихъ женъ охотнѣе ввѣрялись еврейскимъ, самаритскимъ и сарацинскимъ врачамъ, нежели латинскимъ (христіанскимъ) ³⁾, вѣроятно потому, что послѣдніе были шарлатанами.

Іегуда Галеви, по видимому, достигъ цѣли своихъ стремленій и побывалъ, хотя и на короткое время, въ Іерусалимѣ. Христіанскіе жители святаго города, кажется, много досаждали ему, сдѣлавъ его пребываніе здѣсь невыносимымъ. Къ этому, вѣроятно, относится одно изъ его истинно-религіозныхъ стихотвореній, въ срединѣ котораго онъ жалуется:

„Мой взоръ стремился увидѣть твой блескъ, но я какъ-будто былъ недостойнъ того и переступилъ лишь чрезъ порогъ твоего храма. Я долженъ былъ испытать страданья моего народа и потому странствую безъ цѣли, служить же другимъ не хочу» ³⁾.“

¹⁾ Тамъ-же 109, № 43.

²⁾ Тамъ-же 106 f.

³⁾ Вильгельма Тируса *historia*, кн. XVII, с. 3. годъ 1161 г.

Послѣднія событія его жизни неизвѣстны; мы знаемъ только то, что онъ былъ въ Тирѣ и Дамаскѣ. Еврейская община въ Тирѣ приняла его съ почестями, и онъ запечатлѣлъ воспоминаніе о ней въ своемъ любящемъ сердцѣ. Въ стихотвореніи тирскому другу онъ жаловался на обманутую надежду, на протекшую юность, на свою испорченность; нельзя читать стихи эти безъ сожалѣнія объ упадкѣ мужества въ такомъ геройскомъ борцѣ¹⁾. Въ Дамаскѣ онъ сложилъ свою лебединую пѣснь²⁾, превосходную пѣснь о Сіонѣ, которая подобно псалмамъ Ассафа пробуждаетъ тоску по Іерусалиму. День его смерти и мѣсто погребенія также неизвѣстны. Преданіе гласитъ, что будто бы его переѣхалъ магометанскій рыцарь въ то время, какъ онъ пѣлъ свою заунывную пѣснь Сіону³⁾, и что могила его находится въ Кехаръ-Кабулѣ⁴⁾. Краткая эпитафія, посвященная ему неизвѣстнымъ поклонникомъ, гласитъ:

„Благочестіе, кротость, благородство
Говорать: съ Іегудой не стало и насъ“⁵⁾.

Но она нисколько не выражаетъ значенія этой ээирной, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердой личности. Іегуда Галеви былъ просвѣтленнымъ образомъ сознавашаго самого себя израильскаго народа, который старается представить мысленно и художественно свое прошлое и будущее.

¹⁾ Ginse Oxford, стр. 196.

²⁾ Тамъ-же предисловіе, стр. IX, прим. 1.

³⁾ Іахія въ Schalschelet ha-Kabbala.

⁴⁾ Zacuto Jochasin.

⁵⁾ Ginse Oxford, стр. 27.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Третій раввинскій вѣкъ.

(Продолженіе.)

Преслѣдованія втораго крестовскаго похода и Алмогадовъ.

Состояніе сѣверо-французскихъ общинъ. — Еврейскіе прево. — Натанъ Офиціаль и диспуты его съ прелатами. — Школа тоссафистовъ. — Иосифъ Кара. — Мартирологій Елизара бень Натана. — Второй крестовый походъ. — Петръ Венерабилисъ и монахъ Рудольфъ. — Беригардъ де-Кзерво и императоръ Конрадъ, покровитель евреевъ. — Воздѣйствіе преслѣдованія на духъ германскихъ евреевъ. — Преслѣдованіе Алмогадовъ. — Абдулмумень и его эдиктъ. — Князь Іегуда Ибнъ-Езра. — Караймы въ Испаніи. — Іегуда Галасси. — Историкъ Авраамъ Ибнъ-Даудъ и его религіозная философія. — Авраамъ Ибнъ-Езра и его произведенія. — Р. Тамъ и синодально-раввинскія предписанія.

1145—1171.

Въ Испаніи еврейская культура достигла своей высшей точки, и наилучшимъ ея цвѣтомъ былъ величайшій ново-еврейскій поэтъ; къ тому же клонилось въ это время настроеніе и во Франціи. Время царствованія двухъ капетингскихъ королей, Людовика VI и VII (1108—1180) было для евреевъ этой страны столь же благоприятнымъ, какъ и время Людовика Благочестиваго. Сѣверо-французскія общины жили въ довольствѣ, которое могло возбуждать зависть. Амбары ихъ были наполнены хлѣбомъ, погреба виномъ, магазины товарами, а сундуки золотомъ и серебромъ. Они владѣли не только домами, но и полями и виноградниками, которые воздѣлывали они сами или при помощи христіанскихъ слугъ. Половина незначительнаго въ то время еще города Парижа принадлежала, говорятъ, еврейскимъ владѣльцамъ¹⁾. Еврей-

¹⁾ Смр. примѣч. 7.

скія общины были признаны самостоятельными корпораціями и имѣли во главѣ своего бургомистра, который носилъ титулъ прево (praepositus), и которому было предоставлено право охранять интересы членовъ общины отъ христіанскаго населенія и побуждать къ уплатѣ еврейскимъ кредиторамъ христіанскихъ должниковъ, даже арестовывать ихъ. Еврейскій прево избирался общиною и утверждался королежъ или барономъ, которому принадлежалъ городъ¹⁾). Евреи бывали при дворѣ и занимали должности. Р. Іаковъ Тамъ, величайшій раввинскій авторитетъ того времени, пользовался высокимъ почетомъ отъ короля. Другой талмудическій ученый, Натанъ Оффиціаль, былъ, какъ это видно изъ его титула, областнымъ начальникомъ, вѣроятно, у архіепископа Санскаго²⁾). Еврейскіе ученые вели свободныя пренія съ духовными лицами о религіозныхъ предметахъ и смѣли высказывать свое мнѣніе о Троицѣ, о Маріи и почитаніи святыхъ, объ исповѣди и чудесномъ дѣйствіи мошей.

Натанъ Оффиціаль былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и остроумнѣйшихъ диспутаторовъ того времени. Когда ему однажды архіепископъ санскій привелъ повторяемое тысячу разъ доказательство Троицы изъ стиха: «мы создадимъ чело-вѣка», Натанъ отвѣтилъ притчею: «Я ссудилъ одного изъ твоихъ христіанскихъ подданныхъ деньгами для покупки товаровъ съ тѣмъ, чтобъ онъ свезъ ихъ въ Парижъ на рынокъ и раздѣлил со мною барыши. Но такъ какъ товары упали въ цѣнѣ, то онъ, не спросивъ моего совѣта, въ негодованіи истребилъ ихъ. Такъ какъ тебѣ извѣстно, что я не даю денегъ подъ залогъ, то прошу правосудія для чело-вѣка, растратившаго мое достояніе». Когда же велѣдъ затѣмъ архіепископъ поклялся, что христіанинъ долженъ ему возвратить капиталъ и часть барышей, тогда Натанъ возразилъ: «И ты думаешь, что Богъ менѣе справедливъ»? Еслибъ онъ при

1) Видно изъ посланія Людовика VII городу Этампъ; Bouquet recueil XI стр. 314, и Responsum Меира изъ Ротенбурга, стр. 112 d.

2) Ср. о томъ примѣч. 7.

сотвореніи человѣка посовѣтовался съ двумя другими лицами, Сыномъ и Святымъ Духомъ, то не долженъ ли онъ былъ тѣмъ болѣе посовѣтоваться съ ними при погибели рода человѣческаго? А между тѣмъ въ писаніи сказано въ единственномъ числѣ. «Я истреблю народы земные». Однажды при дворѣ того же архіепископа, въ присутствіи многихъ представителей церкви, былъ предложенъ вопросъ: зачѣмъ евреи осудили Иисуса на смерть? На это Натанъ далъ отвѣтъ, свидѣтельствующій объ его умѣ и прямотѣ. Столь же откровенно онъ, въ присутствіи архіепископа и другихъ прелатовъ, отвѣтилъ епископу Авиньонскому на вопросъ: зачѣмъ онъ не вѣруетъ въ Марію? И съ папою Александромъ III, который во время своего изгнанія, споря со своимъ противникомъ папою Викторомъ IV, жилъ нѣкоторое время въ Сансѣ, Натанъ Оффиціальъ велъ религиозные разговоры, причемъ выраженія его были рѣзки и неуважительны. Король спросилъ его однажды, кто его жена, и когда онъ отвѣтилъ, что женою его была свояченица, одинъ монахъ замѣтилъ: «эти люди женятся въ близкомъ родствѣ, какъ звѣри». Натанъ сослался на библію, въ которой встрѣчаются примѣры брака между дѣтьми братьевъ и сестеръ, и замѣтилъ, что поэтому католическій законъ о бракѣ, предоставляющій только одному папѣ разрѣшеніе подобнаго союза, противенъ библіи. Сыновья его, Иосифъ и Ашеръ, и дядя Иосифъ изъ Шартра, также безбоязненно препирались съ духовными лицами о фактахъ христіанства.

Въ этомъ благопріятномъ состояніи безграничной терпимости еврейскіе мыслители сѣверной Франціи могли, отдаваясь своему влеченію, идти по указанному Раши направленію. Понимать и толковать Талмудъ во всемъ его объемѣ превратилось у французскихъ евреевъ въ страсть. Смерть похитила труасскаго комментатора Талмуда, не давъ ему окончить работы; ученики его старались пополнить оставленные имъ пробѣлы. Онъ оставилъ въ наслѣдіе своей школѣ духъ глубокаго изслѣдованія и мышленія, духъ острой діалектики и тонкаго разбора, и школа взлелѣяла это наслѣдство. Вѣр-

ное и сообразное съ дѣломъ пониманіе Талмуда было для учениковъ Раши столь святымъ дѣломъ совѣсти, что они не стѣснялись подвергать строгой критикѣ объясненія своего учителя. Но уваженіе ихъ къ нему было опять таки столь велико, что они не желали выставять свои собственныя мнѣнія самостоятельными и присовокупляли таковыя только какъ приложенія (Tossafot) къ комментаріямъ Раши. Это обстоятельство и дало школѣ названіе тоссафистической. Она отчасти выполнила оставшіеся послѣ Раши пробѣлы, отчасти исправила и распространила данныя имъ объясненія. Главная черта тоссафистическаго направленія состоитъ въ томъ, что оно, ставя ни во что авторитеты, стремилось собственными глазами видѣть и собственнымъ умомъ понимать находящееся предъ нимъ. Благодаря начитанности и глубокому знакомству съ предметомъ, представители этой школы видѣли цѣльную, ясно очерченную картину въ объемистомъ Талмудѣ съ его побочною литературою, съ пестрою массою ученыхъ предметовъ и опровергающихъ другъ друга изреченій, фразъ и мнѣній. Благодаря своему острому уму, они съ удивительнымъ искусствомъ разобрали каждое предложеніе и каждое понятіе на ихъ первоначальные элементы, разъединяя такимъ образомъ кажущееся близкимъ и соединяя кажущееся далекимъ. Едва-ли можно непосвященному коротко дать хоть приблизительное понятіе о критическо-остроумномъ методѣ тоссафистовъ. Самыя трудныя логическія операціи они исполняли съ легкостью, какъ будто это были простыя задачи, предназначенныя для дѣтскаго возраста. Неподатливый матеріалъ Талмуда дѣлался въ ихъ рукахъ мягкимъ, и они давали ему поражающія, законныя формы и сочетанія. Для современныхъ имъ обстоятельствъ, въ которыхъ поверхностный взглядъ не встрѣчалъ и намека, они находили массу аналогій.

Кругъ первыхъ тоссафистовъ состоялъ большею частію изъ родственниковъ Раши: двухъ его зятьевъ, Меира бенъ Самуила изъ Рамерю (городка близъ Труа) и Іегуды бенъ Натана (сокращено Riban), сидѣвшихъ еще у ногъ лотаринг-

скихъ мудрецовъ, но достигнувшихъ окончательнаго образованія при Раши; далѣе, изъ трехъ его внуковъ: Исаака, Самуила и Иакова Тамъ, сыновей Меира (Ribam, Raschbam и R. Tam) и наконецъ изъ вѣмца Р. Исаака бенъ Апера Галеви (Riba) изъ Шпейера, также родственника семейству Раши.

Благодаря трудамъ тоссафистической школы, изученіе Талмуда раздѣлилось на двѣ области: на теоретическое изложеніе, бывшее посредникомъ основнаго понятія талмудическихъ партій (Chidduschim), и на практическіе выводы для примѣненія полученныхъ результатовъ къ отправленію правосудія, къ брачному праву и религіозной обрядности (Pesakim, Responsa). Остроумныя комбинаціи произвели на свѣтъ новыя законодательныя правила.

На ряду съ изученіемъ Талмуда, занявшимъ всю умственную силу сѣверо-французскихъ и рейнскихъ евреевъ, никакой другой предметъ не находилъ себѣ мѣста. Поэзія не преуспѣвала въ кругу, гдѣ господствовала логика, и фантазія допускалась лишь для придумыванія новыхъ случаевъ и запутанностей. Въ экзегетику былъ также внесень талмудическій способъ. Хотя большинство тоссафистовъ были экзегетами, однакожъ они обращали мало вниманія на истинный смыслъ Писанія, а смотрѣли на него глазами агадскаго изложенія. Выработался Тоссафотъ также для пятикнижія, какъ и для талмуда. Тобія бенъ Еліазаръ изъ Майнца написалъ комментарий къ Өоръ и пяти мегиллотамъ, собравъ болѣе древнія агады (около 1107; Lekach Tob также Pesikta sutra di R. Tobia). Только два мужа, Иосифъ Кара и Самуиль бенъ Меиръ (процвѣтавшіе около 1100—1160), были славнымъ исключеніемъ, сведя господствующее агадское толкованіе Писанія (Derusch) къ простому пониманію слова и смысла (Peschat). Оба они имѣли тѣмъ большее значеніе, что расходились во мнѣніяхъ со своими учителями, которые придерживались ложнаго способа толкованія. Иосифъ Кара былъ сыномъ собирателя агадъ Симона, автора Ялкута (см. стр. 65), а Самуиль бенъ Меиръ былъ воспитанъ своимъ дѣдомъ

Раши въ почитаніи агады. Однако оба, прельщенные, вѣроятно, здравымъ толкованіемъ Писанія Менагема бенъ Хелбо (см. стр. 64) и однимъ переселившимся испанцемъ Обадіею, покинули старую дорогу и предались экзегетикѣ, основанной на строгой грамматикѣ. Самуиль, дополнившій комментарий Раши къ Іову и нѣкоторымъ другимъ талмудическимъ трактатамъ, сумѣлъ настолько убѣдить своего дѣда въ правильности сообразнаго съ смысломъ толкованія Писанія, что тотъ вознамѣрился, если у него хватить силъ, передѣлать по другимъ экзегитическимъ правиламъ свой комментарий къ пятикнижю ¹⁾. Самуиль комментировалъ въ этомъ здоровомъ смыслѣ пятикнижіе и пять мегиллотовъ, Іосифъ же Кара большую часть пророческихъ и гагіографическихъ книгъ ²⁾.

Конечно, эти два французскіе экзегета не выдерживаютъ сравненія съ испанскими, особенно съ Ибнъ-Ганахомъ и Моисеемъ Гикатиллою; произведенія ихъ потому только имѣютъ значеніе, что они разорвали оковы агадскаго толкованія Писанія. Вообще они далеки отъ свободнаго взгляда на Священное Писаніе. Самуиль все еще смотрѣлъ на Пѣснь Пѣсней, какъ на бесѣду Бога съ израильскимъ народомъ, чтобы наглядно представить состояніе Израиля во времена блеска и бѣдствія. Если они возвышаются иногда до смѣлаго предположенія, то это остается изолированнымъ явленіемъ, которое не колеблетъ ихъ образа воззрѣнія и религіознаго убѣжденія. Хотя Самуиль бенъ Меиръ утверждалъ, что библейскій день начинается утромъ, а не вечеромъ, какъ принято обычаемъ ³⁾, однако это мнѣніе не имѣло дальнѣйшаго вліянія на его образъ мыслей и не привело его ни къ какимъ выводамъ. Еврейская Франція того времени не произвела другихъ достойныхъ упоминанія литературныхъ произведеній, и германскіе евреи, съ появленіемъ Раши уступившіе главенство Шампани, были еще бѣднѣе ими. Только

¹⁾ Смр. выше стр. 83.

²⁾ Изъ нихъ только комментарий къ Іову отпечатанъ у Франкеля въ Monatschrift, 1858—59.

³⁾ Его комментарий къ первой главѣ Бытія; смр. прим. 8.

два соименные еврейскіе писателя Германіи достойны упоминанія: Еліазаръ бенъ Натанъ изъ Майнца, авторъ одного талмудическаго сборника (Zofnat Paaneach, Eben-ha-Ezer) и Еліазаръ бенъ Натанъ Галеви изъ Кельна, который, въ качествѣ очевидца и страдальца, изобразилъ въ мрачныхъ краскахъ бѣдствія перваго крестоваго похода Konteros Tatnu¹). Описаніе его исполнено горя, но правдиво и, какъ вѣрнѣйшій источникъ, заслуживаетъ предпочтенія передъ свѣдѣніями христіанскихъ современниковъ. Слогъ его плавень, не лишень поэтическаго оттѣнка и мѣстами украшенъ элегическими стихами. Едва была окончена лѣтопись страданій вслѣдствіе перваго крестоваго похода, какъ возбужденный фанатизмъ опять далъ матеріаль для новыхъ мартирологовъ. Одновременное преслѣдованіе евреевъ крестоносцами во Франціи и Германіи и Алмогадами въ Африкѣ и Испаніи грозило стереть съ лица земли домъ Іакова.

Когда величайшій новоеврейскій поэтъ Іегуда Галеви жаловался: «имѣемъ ли мы хоть одно спокойное мѣсто на западѣ или востокѣ», онъ своимъ нѣжнымъ сердцемъ предчувствовалъ, вѣроятно, безнадежное положеніе своихъ единовѣрцевъ. Слишкомъ скоро еврейское племя должно было убѣдиться въ ужасной истинѣ, что оно не имѣетъ отчизны на землѣ, и что страданіями своими въ странахъ изгнанія обязано лишь своей непослѣдовательности. Пока нетерпящій иновѣрія церковный и магометанскій принципъ дремалъ въ равнодушій, привычѣ или своекорыстїи своихъ исповѣдниковъ, евреи могли радоваться своему существованію. Но едва онъ пробуждался, какъ для Израиля наставали бѣдствія и мученія; евреи должны были браться за посохъ и, съ облитымъ кровью сердцемъ, покидать дорогое для нихъ мѣсто. Хотя вообще евреи и особенно ихъ руководители, раввины и мудрецы, превосходили христіанскіе и магометанскіе народы искреннимъ богопочитаніемъ, глубокою нравственностью, положительными знаніями и образованіемъ, однако тѣ, которымъ

¹) Впервые издано Іеллинекомъ; смр. прим. 5.

принадлежала земля, воображали себя выше и съ гордостью властелиновъ смотрѣли на евреевъ, какъ на презрѣнныхъ рабовъ. Въ христіанскихъ земляхъ они были объявлены лишенными покровительства законовъ, потому что не хотѣли вѣровать въ Сына Божія и во многое другое, а въ одномъ магометанскомъ государствѣ ихъ преслѣдовали за то, что они не хотѣли признать Магомета пророкомъ. Здѣсь требовали отъ нихъ насиловать разсудокъ и признать дѣтскія сказки глубокой истиной, а тамъ хотѣли заставить ихъ отказаться отъ вѣры и принять сухія формулы съ философскимъ отгѣнкомъ. Съ обѣихъ сторонъ имъ былъ предоставленъ печальный выборъ между смертью и отреченіемъ отъ старой вѣры. Французы и германцы соперничали съ дикими варваріями въ ослабленіи и безъ того уже слабѣйшаго изъ народовъ. На Сенѣ, Рейнѣ, Дунаѣ и на побережьяхъ Африки и южной Испаніи произошла одновременно, какъ бы по уговору, во имя религіи, кровавая травля еврейскаго племени, не смотря на то, что все благое и божественное въ религіи преслѣдователей заимствовано именно отъ израильскаго племени. До сихъ поръ преслѣдованія евреевъ были изолированными, но съ 1146 г. сдѣлались чаще, постояннѣе, послѣдовательнѣе и упорнѣе, какъ будто періодъ времени, въ которомъ начиналъ мерцать свѣтъ познанія въ родѣ человѣческомъ, хотѣлъ превзойти безчеловѣчностью время мрачнаго варварства. Это время бѣдствій наложило на еврейское племя печать страдальчества, которую даже свободное настоящее не въ состояніи изгладить, ту мученическую черту, о которой одинъ проникательный писатель говоритъ: «описание пророка: «его бичуютъ и пытаются, и онъ не раскрываетъ рта», не требуетъ дальнѣйшаго объясненія, ибо каждый еврей въ изгнаніи служитъ тому доказательствомъ. Когда его мучаютъ, онъ не раскрываетъ рта, съ цѣлію доказать своему мучителю, что онъ справедливѣе его. Взглядъ его устремленъ лишь на Бога, и никто изъ князей или великихъ міра сего не поможетъ ему въ бѣдѣ¹⁾».

1) Комментарій Ибнъ-Езри къ Исаи, 53, 7.

Послѣдніе эпизоды одновременнаго преслѣдованія въ Европѣ и Африкѣ произошли въ Азіи и Африкѣ. Между тѣмъ какъ христіанскіе рыцари болѣе и болѣе ослабѣвали въ новомъ іерусалимскомъ царствѣ и граничившихъ съ нимъ княжествахъ, явился турецкій герой Нуреддинъ, пожелавшій изгнать христіанъ изъ Азіи. Важная по своему значенію Эдесса попала въ его руки, и неразумительные крестоносцы должны были умолять Европу о помощи. Тогда стали проповѣдывать во Франціи и Германіи второй крестовый походъ и вновь возбуждать противъ евреевъ кровожадный фанатизмъ.

Французскій король Людовикъ, мучимый угрызеніями совѣсти, самъ принялъ крестъ, и вмѣстѣ съ нимъ молодая, легкомысленная королева Элеонора со своими придворными дамами, такъ что лагерь божественныхъ борцовъ долженъ былъ сдѣлаться дворомъ любовныхъ наслажденій. Такъ какъ къ участию въ крестовомъ походѣ сталъ призывать и клервосскій аббатъ Бернгардъ, по истинѣ святой мужъ, исполненный апостольской простоты и увлекательнаго краснорѣчія, то отряды бродягъ росли невѣроятно со дня на день. На этотъ разъ папа Евгеній III обратилъ вниманіе крестоносцевъ на евреевъ. Онъ издалъ буллу, въ которой говорилъ, что всѣ участники въ святой войнѣ освобождаются отъ уплаты евреямъ процентовъ за долги. Это обстоятельство должно было побудить многочисленныхъ должниковъ евреевъ поступить въ крестовое войско, въ дѣйствительности же было только простою фразою, заключавшею дозволеніе отдѣлаться отъ долговъ евреямъ. Аббатъ Бернгардъ, презиравшій обыкновенно употребленіе незаконныхъ средствъ для святой цѣли, долженъ былъ, по требованію папы, проповѣдывать это облегченіе или прощеніе долговъ¹⁾. Другой аббатъ, Петръ Преподобный (Venerabilis) клюнійскій желалъ повести еще далѣе это дѣло. Онъ формально подстрекалъ короля Людовика и крестоносцевъ противъ евреевъ. Петръ взводилъ на

¹⁾ Epistolae St. Bernhardi № 363.

нихъ обвиненіе за обвиненіемъ, преувеличивая ихъ виновность, чтобы побудить предубѣжденнаго противъ нихъ короля къ преслѣдованію или по крайней мѣрѣ къ ограбленію евреевъ. Въ одномъ посланіи къ Людовику VII онъ повторялъ несправедливыя софистическія толкованія, придуманныя разбойничьими шайками перваго крестоваго похода, съ цѣлію извинить ограбленіе евреевъ во имя религіи.

«Что пользы», писалъ Петръ клюнійскій, «отыскивать въ далекихъ странахъ враговъ христіанства, когда богохульные евреи, хуже сарациновъ, въ нашей средѣ безнаказанно смѣютъ позорить Христа и св. таинства! Хотя сарацинъ, подобно намъ, вѣруеть, что Христосъ родился отъ дѣвы, однако достоинъ проклятія, ибо отвергаетъ его вочеловѣченіе; тѣмъ болѣе евреи, отвергающіе все и осмѣивающіе! Но, не смотря на то, я не требую преданія смерти достойныхъ проклятія, ибо написано: «не убивай ихъ». Богъ не требуетъ ихъ истребленія; напротивъ, они должны, подобно братоубійцѣ Каину, жить для великихъ мукъ, для позора, должны вести жизнь хуже смерти. Они въ зависимости, жалки, несчастны, трусливы и бѣглы и должны такими оставаться, пока не обратятся къ своему спасенію. Не убивать долженъ ты ихъ, а наказать достойнымъ образомъ за ихъ подлость». Вслѣдъ затѣмъ аббатъ клюнійскій высчиталъ преступленія евреевъ, между прочимъ, что они покупали святыню, похищенную изъ церкви. «Сосуды эти не только утаиваются, какъ это дѣлали халдеи съ храмовою утварью, но подвергаются различнымъ поношеніямъ. Самъ Христосъ чувствуетъ позоръ, наносимый евреями священной чашѣ и кресту. Притомъ ихъ охраняетъ законъ, позволяющій имъ даже не возвращать сосуды, между тѣмъ какъ подобный поступокъ повлекъ бы за собою строжайшее наказаніе для христіанина». Наконецъ благочестивый мужъ побуждаетъ короля отнять у евреевъ часть или все нажитое ими имущество; ибо христіанское войско, не жалѣющее на войну съ сарацинами своего собственнаго добра и земли, не обязано шадить безчестно нажитыя сокровища евреевъ. Пусть имъ оставятъ одну жизнь,

но отберуть деньги, дабы рукою христіанъ, подкрѣпленною достояніемъ богохульныхъ евреевъ, сломить рогъ высоко-мѣрія сарацинъ ¹⁾). Въ этомъ разсужденіи есть послѣдовательность; это логика среднихъ вѣковъ. Королю Людовику, хотя и покровительствовавшему евреямъ, оставалось только издать приказъ въ смыслѣ папской буллы, освобождавшій крестоносцевъ отъ уплаты долговъ евреямъ ²⁾). Слѣдовательно ограничили себя ограбленіемъ богатыхъ евреевъ, которые поэтому сдѣлались бѣдняками. Общее кровавое преслѣдованіе не было допущено благонамѣреннымъ королемъ, его умными министрами, аббатомъ Сугеріемъ и въ особенности благочестивымъ Бернгардомъ, умѣвшимъ управлять умами.

Иначе было въ Германіи, именно въ прирейнскихъ городахъ, гдѣ еврейскія общины едва только оправились отъ ранъ, нанесенныхъ имъ первымъ крестовымъ походомъ. Императоръ Конрадъ III былъ безсиленъ; граждане, которые въ первый крестовый походъ вообще держали сторону евреевъ и защищали ихъ при началѣ втораго похода, стали противъ нихъ. Французскій монахъ Рудольфъ, покинувшій монастырь безъ разрѣшенія начальства, человѣкъ, обладавшій жгучимъ краснорѣчіемъ, разжигалъ фанатизмъ нѣмцевъ противъ евреевъ; настаивая на обращеніи или истребленіи невѣрующихъ, онъ думалъ совершить благое дѣло. Рудольфъ ходилъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, проповѣдуя крестовый походъ, и вплеталъ въ свои проповѣди напоминаніе, что крестовый походъ должно начать съ евреевъ. Германскимъ евреямъ еще плоше пришлось бы на этотъ разъ, еслибъ императоръ Конрадъ, питавшій сначала глубокое отвращеніе къ мечтательности крестоваго похода, не позаботился о безопасности евреевъ. Въ своихъ наследственныхъ земляхъ онъ далъ имъ убѣжище въ городѣ Нюрнбергѣ и нѣкоторыхъ другихъ крѣпостяхъ ³⁾), гдѣ рука возбужденныхъ

¹⁾ У Bouquet recueil, XIV, 642; Du-Chesne scriptores Franc. IV, 460.

²⁾ Erhgaim изъ Бонна, мартирологій, напечатанный какъ приложение къ переводу Emek ha-Bacha стр. V.

³⁾ Отто фонъ-Фрейзингенъ de gestis Frederici I кн., I гл., 37.

крестоносцевъ не могла ихъ достать. Хотя Конрадъ не имѣлъ власти надъ владѣніями князей и прелатовъ, однако по видимому внушалъ послѣднимъ оберегать евреевъ. Впрочемъ слово императора не имѣло въ то время никакого преобладающаго вѣса. Въ августѣ 1146 года пали первыя жертвы пробужденной Рудольфомъ жажды преслѣдованія. Симонъ Благочестивый изъ Трира, находившійся по возвращеніи изъ Англіи нѣкоторое время въ Кельнѣ, былъ схваченъ бродягами въ тотъ моментъ, когда садился на корабль; его принуждали къ крещенію и, получивъ отказъ, убили и изувѣчили; далѣе, одна женщина Минна изъ Шпейера твердо перенесла ужаснѣйшія пытки и осталась вѣрною своей религіи. Эти происшествія принудили евреевъ рейнской области искать покровительства; они платили значительныя суммы князьямъ съ тѣмъ, чтобы тѣ предоставили имъ крѣпости и замки для ихъ безопасности. Кардиналъ-епископъ Арнольдъ кельнскій передалъ имъ укрѣпленный замокъ Волькенбургъ при Кёнигсвинтерѣ и разрѣшилъ имъ защищаться оружіемъ. Волькенбургъ сдѣлался убѣжищемъ для многихъ общинъ страны. Сталеке при Бахарахъ также было имъ предоставлено для пребыванія. Пока евреи оставались въ своемъ убѣжищѣ, до тѣхъ поръ они были въ безопасности, но едва удалялись изъ него по своимъ дѣламъ, какъ бродяги подстерегали ихъ, тащили крестить и, безчеловѣчно мучая, убивали сопротивлявшихся¹⁾. Но мятежныя крестовыя проповѣди монаха Рудольфа и избіеніе евреевъ были противны представителямъ прирейнской церкви, такъ какъ изъ-за этого всюду происходили раздоры и несогласія, и Рудольфъ прямо подстрекалъ народъ къ неповиновенію епископамъ. Архіепископъ майнцскій, Генрихъ I, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ имперскимъ канцлеромъ и намѣстникомъ императора, принялъ въ свой домъ евреевъ, преслѣдуемыхъ бродягами. Сбитая съ толку чернь ворвалась и избила евреевъ въ его глазахъ. Тогда

1) Ефраимъ боннскій, тамъ-же.

архієпископъ обратился къ самому вліятельному лицу христіанства, того времени, къ Бернгарду клервоскому, имѣвшему вліянія болѣе папы. Онъ описалъ ему злодѣянія, совершенныя въ прирейнскихъ областяхъ по иниціативѣ Рудольфа, и просилъ употребить въ дѣло свой авторитетъ. Бернгардъ, питавшій отвращеніе къ дѣяніямъ Рудольфа, немедленно согласился оказать помощь. Онъ отправилъ къ архієпископу майнцскому посланіе, назначенное для публичнаго прочтенія и сильно осуждавшее возмутителя. Онъ называлъ Рудольфа отверженцемъ церкви, покинувшимъ свой монастырь, нарушившимъ уставъ, презиравшимъ епископовъ и, вопреки намѣренію церкви, проповѣдывавшимъ простодушнымъ христіанамъ смерть и избіеніе евреевъ. Евреевъ же слѣдуетъ въ особенности щадить. Церковь надѣется, что они всѣ обратятся со временемъ, для чего и назначено ею особая молитва въ Страстную пятницу. «Исполнится ли упованіе церкви, если всѣ евреи будутъ избиты»¹⁾? Бернгардъ отправилъ также къ духовенству и народу франкскому и баварскому посланіе въ томъ же смыслѣ, убѣдительно увѣщавая ихъ щадить евреевъ.

Однако посланіе Бернгарда не произвело никакого впечатлѣнія на Рудольфа и на разъяренную толпу; они жаждали умерщвленія евреевъ и всюду ихъ подстерегали. Поэтому клервоскій аббатъ нашелъ необходимымъ лично отсовѣтовать рѣзню евреевъ и, предпринявъ поѣздку въ Германію, чтобы побудить императора Конрада къ участію въ крестовомъ походѣ, проживалъ по нѣсколько времени въ прирейнскихъ городахъ, съ цѣлью противодѣйствовать дьявольскому дѣлу Рудольфа. Онъ встрѣтилъ Рудольфа въ Майнцѣ, призвалъ къ себѣ, сильно порицалъ и принуждалъ прекратить проповѣди объ избіеніи евреевъ и возвратиться въ монастырь. Ослѣпленный народъ ропталъ на дѣйствія Бернгарда, и еслибъ послѣдняго не охраняла слава святой жизни, то на-

¹⁾ St. Bernhardi epistolae № 365.

родъ наложилъ бы на него руки ¹⁾). Рудольфъ сошелъ со сцены, но послѣднее имъ ядовитое сѣмя осталось на погибель евреямъ. Чѣмъ болѣе проповѣди Бернгарда за крестовый походъ воодушевляли народъ, тѣмъ болѣе свирѣпствовали послѣдній противъ евреевъ. Народъ былъ послѣдовательнѣе клервоскаго Святаго и епископовъ и остался при разѣ принятой имъ логикѣ: «если убіеніе невѣрующихъ турокъ богоугодное дѣло, то рѣзня невѣрующихъ евреевъ не можетъ быть грѣхомъ». Когда вслѣдъ за тѣмъ около Вюрцбурга были найдены изувѣченные члены христіанина, собравшіеся тамъ крестоносцы обвинили въ этомъ евреевъ и сочли себя въ правѣ напасть на вюрцбургскую общину. Она оставалась спокойно въ городѣ подъ защитою епископа Ембихо и не считала нужнымъ отыскивать себѣ убѣжища. Тѣмъ сильнѣе былъ ея испугъ, когда она вдругъ была встревожена шайкою крестоносцевъ (22 Адара = 24 Февр. 1147). Волѣе двадцати евреевъ потерпѣли мученическую смерть, и между ними уважаемый, добродушный и привѣтливый раввинъ Исаакъ бенъ Еліакимъ, убитый во время чтенія святой книги. Нѣкоторыхъ до того мучали, что шайка разбойниковъ считала ихъ мертвыми, и такимъ образомъ они потомъ были приведены въ чувство сострадательными христіанами, которые ухаживали за ними. Человѣколюбивый епископъ вюрцбургскій велѣлъ приготовить въ своемъ саду могилу для труповъ мучениковъ, а живыхъ отправилъ въ укрѣпленный замокъ близъ Вюрцбурга. Еще хуже было германскимъ евреямъ, когда императоръ Конрадъ съ рыцарями и главнымъ войскомъ принялъ участіе въ крестовомъ походѣ, и шайки мародеровъ, не боясь присутствія императора, безнаказанно совершали злодѣянія (начало мая 1147). При этомъ три бахаракскіе еврея, предполагая, что бродяги уже исчезли, покинули свой замокъ Сталеке; бродяги схватили ихъ, потащили крестить и убили за оказанное сопротивленіе (5 Сивана = 6 Мая) ²⁾.

¹⁾ Отто фонъ-Фрейзингенъ, тамъ-же глав. 39.

²⁾ Ефранма бонискаго, тамъ-же. Лѣтописи вюрцбургскія въ Pertz monumenta XVI стр. 3 и слѣд.

Когда весною собрались крестоносцы, ярый дух благочестиваго избіенія безпрепятственно перешель изъ Германіи во Францію. Въ Карантанѣ (депар. Ла-Маншь) произошло формальное сраженіе между бродягами и евреями. Послѣдніе, собравшись на одномъ дворѣ, защищались отъ нападенія. Два брата, отличавшіеся французскою храбростію, наносили раны и убили многихъ бродягъ, пока враги, ожесточенные еще болѣе потерею, не нашли входа во дворъ въ тылу евреевъ и перерѣзали ихъ всѣхъ. Въ это время во Франціи погибъ также мученическою смертію молодой ученый Петръ, ученикъ Самуила бенъ Меира и Р. Тама, который, не смотря на свою молодость, пріобрѣлъ уже славу между тоссафистами. Даже неподалеку отъ монастыря Клерво, на глазахъ аббата Бернгарда, неукротимая крестовая шайка безбоязненно занималась своимъ кровавымъ ремесломъ. Она напала на еврейскую общину Рамерю во второй недѣльный праздникъ, вторглась въ домъ извѣстнѣйшаго между европейскими евреями своею добродѣтелью и ученостію Р. Іакова Тама, разграбила все его имущество, разорвала свитокъ еоры и потащила Тама въ поле, гдѣ и умертвила его въ ужасныхъ мученіяхъ. Такъ какъ Р. Тамъ былъ самымъ знатнымъ евреемъ, то крестоносцы хотѣли выместить на немъ страданія и смерть Іисуса. Они успѣли нанести ему пять ранъ въ голову, отъ которыхъ онъ и умеръ бы, еслибъ на его счастье не проѣзжалъ въ это время знакомый ему рыцарь. Р. Тамъ имѣлъ еще столько силъ, что могъ умолять его о помощи; рыцарь обѣщаль помочь, но съ тѣмъ условіемъ, что Тамъ дастъ ему въ награду великолѣпнаго коня. Не отличавшійся особымъ благородствомъ рыцарь уговорилъ затѣмъ разбойничью шайку предоставить ему жертву, обѣщая или склонить ее къ крещенію, или отдать опять въ ихъ руки¹⁾. Такимъ образомъ спасся мужъ, бывшій руководителемъ и примѣромъ для германскихъ и французскихъ евреевъ (8 Мая 1147). По всей вѣроятности, вліянію Бернгарда слѣдуетъ приписать, что во

¹⁾ Тамъ-же смр. зам. 5. прим.

Франці, исключая Карантана, Рамерю и Сюлли, не было травли евреевъ. Въ Англи, гдѣ со временъ Вильгельма Завоевателя поселилось много евреевъ, находившихся въ сношеніи съ французскими общинами, не было преслѣдованія, такъ какъ король Вильгельмъ II энергически защищалъ евреевъ¹⁾. Богемскіе евреи сильно пострадали во время похода бродягъ и 150 изъ нихъ потерпѣли мученическую смерть. Лишь послѣ перехода французскихъ крестоносцевъ за границы Германіи, евреи рѣшились покинуть замки, служившіе имъ убѣжищемъ (15 Аба = 14 Іюля 1147), и не подвергались болѣе нападенію. Даже тѣ евреи, которые по своей слабости допустили окрестить себя, возвратились къ еврейству. Въ этомъ помогъ имъ одинъ благочестивый и человѣколюбивый священникъ, имя котораго къ сожалѣнію осталось неизвѣстнымъ; онъ привелъ насильно окрещенныхъ евреевъ во Францію и другія мѣста, гдѣ они оставались, пока не забылось, что они короткое время принадлежали къ церкви; тогда они возвратились на родину и къ своей вѣрѣ²⁾.

Вообще фанатизмъ втораго крестоваго похода менѣе перваго поглотилъ жертвъ, частію потому, что свѣтскія и духовныя власти защищали евреевъ, частію потому, что германскій императоръ и французскій король не принимали въ свое крестоносное войско разбойничьихъ шаекъ, подобныхъ шайкамъ Вильгельма Цимермана и Эмихо лейнингенскаго. Но евреи купили дорогой цѣной предоставленную имъ защиту и даже заплатились всею своею будущностью. Евреи считали съ тѣхъ поръ германскаго императора своимъ покровителемъ, и самъ онъ считалъ себя таковымъ, за что и требовалъ вознагражденія. Германскіе евреи, бывшіе передъ тѣмъ свободными, подобно германцамъ и римлянамъ, сдѣлались теперь камеръ-слугами (*servi camerae*) римско-нѣмецкой имперіи. Это ненавистное прозвище сначала обозначало только, что евреи неприкосновенны подобно цар-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

скимъ слугамъ, и что они должны платить царю и государству за оказанное имъ покровительство порядочныя подати, охраняныя деньги и чрезвычайныя налоги. Но мало-по-малу слово это стало употребляться въ своемъ первоначальномъ ненавистномъ значеніи, и на евреевъ стали смотрѣть почти какъ на крѣпостныхъ и несамостоятельныхъ рабовъ. Германскіе евреи, только что собиравшіеся выдти изъ мрака невѣжества, были повержены въ безпредѣльное уничтоженіе, изъ котораго могли хотя немного выдти только чрезъ шесть столѣтій. Потому-то и произведенія ихъ умственной дѣятельности того времени носятъ отпечатокъ неразвитости, ихъ стихотворенія были жалобными пѣснями, безвкусными и варварскими, какъ ихъ языкъ, и даже въ области талмуда они рѣдко производили что нибудь особенное. Германскіе евреи были до конца восемнадцатаго вѣка паріями въ исторіи. Во Франціи же, гдѣ господствовали другіе политическіе и общественные порядки, еврейское просвѣщеніе еще могло дать какой нибудь цвѣтъ.

Между тѣмъ какъ французскіе и нѣмецкіе евреи находились подъ вліяніемъ страха, наведеннаго на нихъ крестоносными шайками, евреи Сѣверной Африки подверглись болѣе продолжительному преслѣдованію, имѣвшему инныя послѣдствія. Оно было возбуждено человѣкомъ, который, будучи полу-философомъ, полу-реформаторомъ и полу-завоевателемъ, основалъ свою собственную политико-религіозную систему. Абдаллахъ Ибнъ-Тумартъ изъ сѣверо-западной Африки былъ превращенъ въ Багдадѣ мистическимъ философомъ Алгацали въ строго-нравственнаго мечтателя-фанатика. Возвратясь въ Африку, онъ проповѣдывалъ простодушнымъ варварійскимъ племенамъ простоту въ жизни и въ одеждѣ, ненависть къ поэзіи, музыкѣ и образовательнымъ искусствамъ и войну съ алморавидскими царями, предававшими утонченному образу жизни. Съ другой стороны, Ибнъ-Тумартъ отвергалъ суннитское ученіе магометанской вѣры и буквальное изложеніе стиховъ корана, что Богъ чувствуетъ какъ человѣкъ и дѣйствуетъ по душевному побужденію. Онъ имѣлъ много при-

верженцевъ между варварійцами и основаль секту, которая, по своему исповѣданію единого Бога безъ тѣлеснаго представленія (Tauchid), называлась Альмовахидами или Альмогадами. Секта признавала въ Ибнъ-Тумартъ Магди божественнаго посла, имама исламскаго. Путемъ возстанія и войны съ алморавидами Ибнъ-Тумартъ распространилъ въ сѣверо-западной Африкѣ свою религіозно-нравственную реформацію. По смерти его, ученикъ его Абдулмумень сдѣлался предводителемъ альмогадовъ и былъ признанъ княземъ правовѣрныхъ (Emir al-Mumetîn). Одерживая побѣду за побѣдою, онъ покорилъ царство алморавидовъ и овладѣлъ всею сѣвѣрною Африкою. Но Абдулмумень былъ фанатикомъ. Подобно тому какъ онъ истреблялъ алморавидовъ огнемъ и мечемъ, не только какъ политическихъ противниковъ, но и какъ иновѣрцевъ, такъ точно онъ не терпѣлъ въ своемъ царствѣ никакого другаго исповѣданія.

Овладѣвъ послѣ продолжительной и упорной осады главнымъ городомъ Марокко, Абдулмумень (1146), новый властелинъ, приказалъ созвать многочисленныхъ евреевъ этого города и сказалъ имъ слѣдующую рѣчь: «Вы отвергаете ниспосланіе пророка Магомета и вѣруете, что обѣщанный Мессія утвердитъ вашъ законъ и укрѣпитъ вашу религію. Но предки ваши говорили, что этотъ Мессія явится не позже какъ чрезъ полъ-столѣтіе послѣ явленія Магомета. Ну! эти пятьсотъ лѣтъ давно уже прошли, и никакой пророкъ не возсталъ между вами. Свобода, предоставленная вамъ лишь на этомъ условіи, должна прекратиться. Мы не можемъ оставлять васъ долѣе въ вашемъ невѣріи. Мы не хотимъ болѣе вашей дани. Вамъ остается выборъ между принятіемъ ислама и смертію. Отчаяніе евреевъ было велико: уже во второй разъ, подъ владычествомъ магометанъ, имъ предоставленъ былъ печальный выборъ между смертію и религіей. Абдулмумень, склоняся на увѣщанія, замѣнилъ этотъ указъ о преслѣдованіи разрѣшеніемъ евреямъ выселиться. Онъ назначилъ выходцамъ ерокъ для продажи ихъ земель и движимаго имущества, котораго они не могли взять съ собою. Желавшіе

же остаться въ африканскомъ государствѣ принуждались къ принятію ислама и, въ случаѣ сопротивленія, подвергались казни. Ревностные исповѣдники еврейства оставляли Африку и переселялись въ Испанію, Италію и другія страны. Поэтъ и раввинъ Іегуда Ибнъ-Аббасъ (см. стр. 133) покинулъ Фецъ и поселился въ Алеппо. Большая же часть покорилась на короткое время и приняла для виду исламъ, выжидая болѣе благоприятныхъ временъ (1146)¹⁾.

Не только мароккскіе, но и всѣ разсѣянные въ сѣверной Африкѣ евреи подверглись преслѣдованію, и всякій разъ, какъ только Альмогады овладѣвали какимъ либо новымъ городомъ, къ евреямъ примѣнялся тотъ же эдиктъ. И христіанъ постигло такое же преслѣдованіе, но такъ какъ для нихъ была открыта христіанская Испанія, гдѣ единовѣрцы встрѣчали ихъ съ распростертыми объятіями, то они были тверже въ религіи и выселились всѣ. Во всемъ альмогадскомъ государствѣ, распространившемъ мало по малу свои предѣлы отъ Атласскихъ горъ до египетской границы, были разрушены всѣ синагоги и церкви, и путешественники не находили и слѣдовъ пребыванія въ государствѣ евреевъ или христіанъ²⁾.

Правда, многіе изъ африканскихъ евреевъ перешли въ исламъ, но лишь нѣкоторые изъ нихъ искренно исповѣдывали его, большинство же принадлежало къ новой религіи только по наружности, такъ какъ отъ нихъ требовали только вѣры въ пророческое ниспосланіе Магомета и изрѣдка посѣщенія мечетей. Въ тайнѣ же они со всею строгостью исполняли предписанія еврейства, такъ какъ альмогады не имѣли полицейскихъ шпіоновъ для присмотра за дѣянiami

¹⁾ Джеби въ Мунка Notice sur Joseph b. Iehuda стр. 42 и слѣд. и Ибнъ-Алаэира II, стр. 88. Невѣрно обозначенное Авраамомъ Даудомъ время, „что Ибнъ-Тумартъ (т. е. альмогады) свирѣпствовалъ противъ Израиля уже въ 4902—1142“. Единственно вѣрною оказывается эпоха, обозначенная Ибнъ-Вергою (въ Schebet Iehuda № 30), что преслѣдованіе началось въ 4906—1146.

²⁾ Алкифти въ Casiri Bibliothecae arabico-hispana I, 294, и Джеби, тамъ-же.

новообращенных¹⁾. Не только народъ, но и благочестивые раввины принимали исламъ для виду, успокоивая свою совѣсть тѣмъ, что отъ нихъ не требовалось идолопоклонства или отреченія отъ еврейства, но лишь произношенія формулы вѣры, что Магометъ былъ пророкъ, что нисколько не походило на идолопоклонство. Нѣкоторые [утѣшали себя тѣмъ, что имъ не долго придется терпѣть это насиліе, ибо они надѣялись, что скоро явится Мессія и освободитъ ихъ отъ этого бѣдствія²⁾.

Будучи псевдо-мусульманами, западно-еврейскіе ученые усердно занимались даже изученіемъ талмуда и собирали въ училищахъ жаждающее познаній юношество³⁾, которое слушало также толкованіе корана. Однако истинно-благочестивые мужи не могли долго находиться въ этомъ двусмысленномъ положеніи. Они сбросили ненавистную маску, открыто исповѣдали еврейство и претерпѣли за это мученическую смерть. Іегуда Гакогенъ Ибнъ-Суссанъ изъ Феца, талмудическій авторитетъ, значится мученикомъ въ Магребѣ, и притомъ не единственнымъ⁴⁾.

Побѣдоносный Абдулмумень не удовольствовался однако обладаніемъ Магребской страны, а считалъ дополненіемъ къ ней прекрасную Андалузію, которую, по его мнѣнію, легко было отнять у алморавидскихъ намѣстниковъ и христіанскихъ государей. Завоеваніе магометанской южной Испаніи также было не трудно, такъ какъ различныя партіи ослабляли одна другую. Наконецъ и главный городъ Андалузій, Кордова, въ теченіи короткаго трехлѣтняго періода перемѣнившій государей восемь разъ, попалъ во власть фанатиковъ алмогадовъ (Іюня 1148), и спустя годъ большая часть Андалузій была въ ихъ рукахъ. Прекрасныя синагоги, воздвигнутыя благочестіемъ, любовью къ пышности и тон-

¹⁾ Маймуни Iggeret ha-Schemad, ed. Geiger, стр. 1—6; издан. Эдельмана въ Chemda Genusa стр. 6—12.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ На Іосифа бенъ Акуина ссылается Мункъ въ Archives Israëlites 1851 стр. 327.

⁴⁾ Саадія Ибнъ-Дананъ въ Chemda Genusa, стр. 30.

кимъ вкусомъ андалузскихъ евреевъ, сдѣлались добычею фанатической ярости. Старый раввинъ кордовскій, философски образованный Іосифъ Ибнъ-Цадикъ, былъ свидѣтелемъ гибели древнѣйшей и знатнѣйшей общины, и вскорѣ затѣмъ умеръ (конецъ 1148 или начало 1149)¹⁾. Властятія еврейскія высшія школы въ Севильѣ и Луценѣ были закрыты. Сынъ и наслѣдникъ Іосифа Ибнъ-Мигаша, Р. Меиръ, переселился изъ Луцены въ Толедо, и вмѣстѣ съ нимъ всѣ, имѣвшіе возможность избавиться отъ насилія. Остальные послѣдовали примѣру африканскихъ евреевъ, покорились на время необходимости, приняли исламъ и тайно исповѣдывали еврейство, пока не представлялся случай открыто исповѣдать свою вѣру. Женщины, дѣти и имущество переселенцевъ перешли во власть завоевателей, причемъ со слабыми обращались какъ съ невольниками²⁾.

Въ это печальное время, когда центръ еврейства утратилъ свою силу, возникъ, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, новый сборный пунктъ. Христіанская Испанія, достигнувшая въ царствованіе короля Альфонса Раймундеца (1126—1157) высшей степени могущества, сдѣлалась убѣжищемъ изгнанныхъ изъ Андалузій евреевъ, и Толедо, ставшій столицею государства, сдѣлался новымъ центромъ еврейской науки. Этимъ благопріятнымъ поворотомъ еврейство обязано человѣку, котораго еврейская нація ставитъ на ряду съ Ибнъ-Шапрутомъ и Ибнъ-Нагрелою. У мудраго человѣколюбиваго короля Альфонса Раймундеца былъ любимецъ, молодой Іегуда Ибнъ-Езра, сынъ того Іосифа Ибнъ-Езры, котораго вмѣстѣ съ его тремя братьями прославляетъ еврейская литература (см. стр. 136)³⁾.

1) Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

2) Донесеніе Ибнъ-Дауда дополняется и выясняется *Chronicon Alfonsis imperatoris* c. 101. p. 398. *Gentes vocant Muzmotos venerunt ex Africa et transierunt mare Mediterraneum—praeoccupaverunt Sibillam et alias civitates et oppida et acciderunt nobiles ejus et Christianos, quos vocabant Muzarabes — et Judaeos qui ibi erant ex antiquis temporibus et acceperunt sibi uxores eorum et domus et divitias.*

3) Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

король, овладѣвъ пограничною крѣпостью Калатравую, между Толедо и Кордовою (1146), назначилъ Іегуду Ибнъ-Езру, вѣроятно за оказанную храбрость ¹⁾, комендантомъ Калатравы и возвелъ его въ званіе князя (Nassi).

Іегуда Ибнъ-Езра сдѣлался ангеломъ-хранителемъ своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ, бѣжавшихъ отъ яростнаго преслѣдованія побѣдоносныхъ алмогадовъ. Онъ помогаль имъ находить убѣжища въ христіанской Испаніи, употреблялъ свои богатства на выкупъ заключенныхъ въ тюрьму, на одежду для нагихъ и пищу для голодныхъ. Община толедская была густо населена эмигрировавшими евреями. Меиръ Ибнъ-Мигашъ открылъ тамъ училище для изученія талмуда и вскорѣ собралъ вокругъ себя много учениковъ. Еврейская наука, изгнанная изъ магометанскаго царства, процвѣтала теперь въ Толедо подъ покровительствомъ христіанскихъ государей.

Іегуда Ибнъ-Езра приобрѣлъ еще большее значеніе въ глазахъ испанскаго короля, назначившаго его королевскимъ майордомомъ (около 1149). Этотъ еврейскій князь, ратуя за раввинство, увлекся до преслѣдованія, которое легло пятномъ на его славу. Караимы размножились опять со времени послѣдняго преслѣдованія ихъ въ Кастиліи (см. стр. 99) и старались возстановить свою поблекшую славу. Они выписали въ Кастилію многочисленныя литературныя произведенія своихъ учителей на востокъ и въ Египтъ, усилившія ихъ глубокое отвращеніе къ раввинскому еврейству. Въ это время константинопольскій караимъ, Іегуда бенъ Элія Гадасси, называвшій себя плачущимъ по Сіону (га-Абель), вновь поднялъ борьбу съ раввинистами и сочинилъ объемистую книгу подъ заглавіемъ Эшколь Гакоферъ или Гапелесь, въ которой рѣзко говоритъ о столь часто оспариваемой разницѣ между этими двумя еврейскими исповѣданіями (1149) ²⁾, чѣмъ вновь разжегъ вражду. Сочиненія Іегуды Гадасси от-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Сочиненіе его напечатано въ Гославѣ (Евпаторіи) 1836, но не вполнѣ. Издатель самъ обозначаетъ годъ составленія.

личались большимъ пыломъ, грубымъ языкомъ съ алфавитными акростихами и жалкою, однозвучною риемою. Эта враждебная книга, вѣроятно, была также послана въ Кастилію, гдѣ вновь разожгла пламя спора. Въмѣсто того, чтобы поручить искусному противнику опровергнуть это сочиненіе, Іегуда Ибнъ-Езра прибѣгнувъ къ свѣтской власти и испросилъ у короля Альфонса дозволеніе преслѣдовать караимовъ. Онъ забылъ, что нельзя раздувать тлѣющій огонь яростнаго преслѣдованія, не подвергаясь опасности сдѣлаться самому его жертвою. Съ разрѣшенія короля Іегуда Ибнъ-Езра такъ принизилъ караимовъ, что они не смѣли болѣе поднять своей головы¹⁾. Въ чемъ состояло это приниженіе, неизвѣстно; по всей вѣроятности, они были изгнаны изъ тѣхъ городовъ, гдѣ жили раввинисты (1150—57). Однако евреи не долго пользовались покровительствомъ въ Кастиліи. Времена, наступившія по смерти короля и его сына, короля кастильскаго (1158), и, вѣроятно, пережитыя Ибнъ-Езрой, были печальны. Во время несовершеннолѣтія инфанта Альфонса возгорѣлась ожесточенная междуусобная война между дворянскими домами де Кастро и де Лара, въ которой принимали участіе другіе христіанскіе цари; прекрасная страна была разорена, и главный городъ Толедо сдѣлался мѣстомъ кровавыхъ сценъ. Христіанскіе короли Испаніи не могли охранять свои границы отъ безпрестанныхъ нападений альмогадовъ и были принуждены предоставлять ихъ оборону фанатическимъ рыцарскимъ орденамъ, существовавшимъ въ прежнія времена и вновь основаннымъ ими. Это смутное, кровавое время не благопріятствовало культурѣ. Ибо испанскіе евреи не оставались, подобно германскимъ, равнодушными свидѣтелями политическихъ споровъ и войнъ, а принимали въ нихъ живѣйшее участіе. Евреи гранадскіе участвовали въ заговорѣ, затѣянномъ сообща и единодушно съ національными арабами, съ лишенными господства алморавидами, съ христіанами и вообще со всѣми недовольными, съ цѣлю низвергнуть вла-

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

дичество жаждавшихъ преслѣдованія алмогадовъ. Главною точкой былъ избранъ городъ Гранада, завоеванный алмогадскими варварійцами позже другихъ городовъ Андалузіи. Душею заговора были два недовольные предводителя, Ибнъ-Марданшъ и Ибнъ-Гумшугъ. Они двинулись съ многочисленнымъ отрядомъ къ Гранадѣ, и евреи этого города, подъ предводительствомъ нѣкоего Сахра Ибнъ-Руица Ибнъ-Дагри, облегчили имъ взятіе этого важнаго города (1162). Однако предпріятіе не удалось: алмогады вновь овладѣли Гранадой, и евреи, попавшіе въ ихъ руки, жестоко были наказаны¹⁾.

Однако еврейская наука не была подавлена неблагоприятными временами, наставшими во всѣхъ странахъ, по которымъ разсѣялся Израиль; напротивъ, она принесла нѣкоторый пвѣтъ и продолжала стоять въ уровень съ культурой. Два мужа, оба изъ Толедо, присовокупили къ старой славѣ новую. То были Авраамъ Ибнъ-Даудъ и Авраамъ Ибнъ-Езра, различные по характеру, стремленію и судьбѣ, но равные по любви къ еврейству и наукѣ. Авраамъ Ибнъ-Даудъ Галеви (род. около 1110, ум. мученическою смертію 1180)²⁾, происходилъ съ материнской стороны отъ князя Исаака Ибнъ-Албалии. О его юношескомъ образованіи и о его жизни ничего неизвѣстно. Однако онъ былъ вполне посвященъ не только въ знаніе талмуда, но и во всѣ отрасли науки того времени, и занимался также, весьма мало цѣнимымъ евреями, изученіемъ исторіи, еврейской и всеобщей, насколько она была ему доступна въ своемъ жалкомъ положеніи въ средніе вѣка. Онъ занимался медициною и углублялся въ науки вообще. Ибнъ-Даудъ не обладалъ глубокою и проницательною способностью создавать новыя идеи, но его разсудительный

¹⁾ Въ Gayongas History of the mahometan dynasties II, oppendia IV, p. 23.

²⁾ Годъ его рожденія слѣдуетъ изъ того, что онъ былъ ученикомъ умершаго въ 1125 г. Баруха Албалии. Образъ чтенія Ewen Daud имѣють рукописи и также Филиповскаго Iochasin; образъ чтенія — Dior—есть искаженіе. Что онъ былъ врачомъ, слѣдуетъ изъ его анатомическихъ познаній въ Етупаһ Рамаһ.

и свѣтлый умъ основательно изслѣдовалъ уже существующее и выяснялъ непонятное. Съ удивительною ясностью онъ излагалъ и рѣшалъ наитруднѣйшія задачи. Его занимали высшія проблемы человѣческаго ума и ему было не понятно, какъ можно весь свой вѣкъ заниматься пустяками, даже филологію, математикою, теоретическою медициною или законовѣдѣніемъ, предметами, имѣющими лишь относительное значеніе, вмѣсто того, чтобы обращать вниманіе на святѣйшую задачу жизни. Эта задача, по мнѣнію Ибнъ-Дауда, состоитъ въ философскомъ познаніи, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ познаніе о Богѣ. Лишь по этой причинѣ человѣкъ, какъ благороднѣйшее изъ созданій, пользуется преимуществами ¹⁾. Онъ особенно выставлялъ это на видъ тѣмъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые выказывали нѣкоторое недоувѣріе къ философіи. Ибнъ-Дауду хорошо была извѣстна причина этого недоувѣрія къ самостоятельному изслѣдованію. Существуютъ въ наше время, замѣчаетъ онъ, поверхностно ознакомившіеся съ науками, которые не въ состояніи держать два свѣта, свѣтъ вѣры въ правой рукѣ и свѣтъ познанія въ лѣвой. Такъ какъ у подобныхъ личностей свѣтъ изслѣдованія потушилъ свѣтъ вѣры, то толпа, вообразивъ, что изслѣдованіе вообще приноситъ вредъ, удаляется отъ него ²⁾. Въ еврействѣ же познаніе составляетъ обязанность, и потому не должно отъ него отказываться. Еврейство не должно страшиться философіи, такъ какъ основныя его правила согласуются съ нею. Богъ же удостоилъ безъ труда открыть евреямъ то, что народы, лишенные откровенія, познали лишь послѣ дву-тысячелѣтнихъ трудовъ ³⁾.

Ибнъ-Даудъ доказываетъ необходимость философскаго изслѣдованія. Вопросъ о томъ, свободенъ ли человѣкъ въ своихъ нравственныхъ дѣйствіяхъ, или принуждается къ нимъ предвидящимъ божествомъ, не можетъ быть рѣшенъ безъ

1) *Emanah Ramah*, ed. Weil. Frankf. a M. 1857; еврейскій текстъ стр. 44—46.

2) Тамъ-же стр. 2; 83.

3) Тамъ-же ст. 4; 103.

глубокаго метафизическаго изслѣдованія. Еврейство хотя и учитъ, что человѣку дана свобода воли, но и въ его источникахъ находятся изреченія, опровергающія повидимому это ученіе. Все это нуждается въ примиреніи путемъ философіи¹⁾. Серьезный трудъ Іегуды Галеви, отводившій второе-степенное мѣсто философіи въ сравненіи съ религіею, имѣлъ даже въ Толедо такъ мало вліянія на умы, что Ибнъ-Даудъ, двадцать лѣтъ спустя, призналъ первенство философіи и внсѣ старался согласовать ее съ еврействомъ. Но время было еще недостаточно зрѣло для полной оцѣнки истиннаго достоинства этихъ двухъ способовъ познанія.

Чтобы разсѣять сомнѣнія одного ученика, Ибнъ-Даудъ, «душа котораго нашла покой», написалъ религіозно-философское сочиненіе²⁾ подъ заглавіемъ «высшая вѣра» для одержимыхъ подобными же сомнѣніями. Въ введеніи скромный авторъ говоритъ, что сочиненіе это предназначено имъ не для зрѣлыхъ, проникнутыхъ философіею мужей и не для простыхъ, благочестивыхъ людей, а лишь для такихъ мыслителей, которые не могутъ справиться съ двумя господами, «изъ которыхъ одинъ великъ, другой не-малъ»³⁾. Въ изложеніи своей религіозно-философской системы Ибнъ-Даудъ называется послѣдователемъ современной философіи. Аристотель, неограниченно господствовавшій надъ умами въ синагогѣ, церкви и мечети, былъ для толедскаго философа также неопровержимымъ авторитетомъ. И Ибнъ-Даудъ присоединяется къ аристотельскому воззрѣнію на міръ, желая лишь доказать, что священное писаніе содержатъ, хотя и скрыто, философскія мысли о степеняхъ высшаго и низшаго міра; мѣстами онъ, подобно александрійско-еврейскимъ и христіанскимъ мыслителямъ, даетъ понять, что философія грековъ позаимствована у евреевъ⁴⁾. Видѣтъ съ Аристотелемъ онъ предполагаетъ, что небо и звѣздный міръ — существа оду-

1) Тамъ-же 4; 103.

2) Слѣдуетъ изъ стр. 63; 78. Арабское заглавіе „Akida Rafia“.

3) Тамъ-же стр. 82.

4) Тамъ-же стр. 63.

шевленные, тѣлесныя, но неизмѣняющіяся; надъ ними находится міръ духовъ, первоначальный (абсолютный) разумъ, отъ котораго исходитъ побужденіе къ мышленію въ человѣческомъ умѣ, одаренномъ для того способностію. Первоначальный разумъ или дѣятельный духъ называется въ еврействѣ «святымъ духомъ»¹⁾. Подобно арабскимъ философамъ, онъ въ этомъ мірѣ духовъ находитъ сонмъ ангеловъ, которые служатъ Богу послами. Это среднія существа между Богомъ и низшимъ міромъ (Schenijim). Посредствомъ этихъ среднихъ существъ божество дѣйствуетъ на міръ, который, какъ неизмѣняемое единство, самъ по себѣ не можетъ дѣйствовать и измѣняться. Благочестивый Ибнъ-Даудъ настолько подчинился вліянію современной философіи, что колебался признать, созданъ ли низшій міръ Богомъ или средними существами. Въ крайнемъ случаѣ, можно предполагать, что Богъ призвалъ къ бытію первобытное вещество съ первобытнымъ образомъ, но что существенное образованіе міра произошло, безъ сомнѣнія, отъ среднихъ существъ²⁾. Но во всякомъ случаѣ, сохраненіе вселенной и поддержаніе порядка, какъ и каждое вообще измѣненіе въ мірѣ подъ лунною сферою, исходитъ отъ среднихъ существъ.

Авраамъ Ибнъ-Даудъ исходитъ отъ этихъ предположеній современной философіи, съ цѣлію философски изобразить еврейство и свои религіозныя воззрѣнія. Духовность души, ея отдѣленіе отъ тѣла и безсмертіе стоятъ на такомъ твердомъ основаніи, что священное писаніе не нуждалось въ подтвержденіи безсмертія, такъ какъ уже его предполагало. Посредствомъ него возбуждается душа, состоящая въ тѣсной связи съ духовнымъ міромъ, и достигаетъ познаній и высшей степени философскаго воззрѣнія. На тѣсной связи человеческой души съ первоначальнымъ разумомъ основано откровеніе Вожіе людямъ путемъ пророчества. Такъ какъ для

1) Тамъ-же 70 внизу.

2) Тамъ-же стр. 43. Смр. о томъ Гуггенгеймера религіозную философію Авраама Ибнъ-Дауда, Аугсбургъ 1850, стр. 44 и слѣд.

всѣдѣнія Божія, міра духовъ (ангеловъ) и дѣйствующаго первоначальнаго разума не существуетъ времени, такъ что прошедшее и будущее, подобно настоящему, ясно предстоятъ предъ ними, то и душа, въ силу своей причастности къ этимъ существамъ, способна къ такому, не ограниченному временемъ, познанію. Низшая степень пророчества высказывается уже въ сновидѣніяхъ. Душа, не тревожимая во снѣ чувственными впечатлѣніями, безпрепятственно воспринимаетъ изліянія духовнаго міра и истинное познаніе. Но не всѣ сновидѣнія имѣютъ пророческую натуру, а только тѣ, которыя касаются цѣлыхъ народовъ и государствъ и исполнены важности, потому что въ этомъ высказывается независимость души отъ отдѣльныхъ существъ и ея стремленіе къ всеобщему. Въ этомъ-то и состоитъ разница между пустыми и пророческими снами. Первые исполнены дѣль и отдѣльныхъ предметовъ, касающихся видящаго сонъ существа. Пророческія же сновидѣнія составляютъ низшую степень пророчества, для чего не требуется особаго совершенства. Высшая степень пророчества состоитъ въ предвидѣніи будущей судьбы и въ удостоеніи божественнаго общенія въ бодрственномъ состояніи.

Этой высокой степени пророчества можетъ достигнуть только душа, отрѣшенная отъ чувственности съ самаго рожденія, такъ что болѣе и болѣе облагороживается подъ вліяніемъ нравственнаго усовершенствованія и теоретическаго глубокомыслія. Подобная душа, достигнувъ посредствомъ пророческихъ сновъ извѣстной прозорливости, можетъ мало по малу достигнуть высшей степени. Но для этой степени требуются, кромѣ способности и нравственной чистоты, еще нѣкоторыя другія условія. Не всякое время и не каждое климатическое условіе, не каждая среда народа пригодны для того. Нельзя впередъ опредѣлить надлежащее время; извѣстно только то, что даже лица, способныя къ пророчеству, не удостоились онаго, потому что время было къ тому непригодно. Святая Земля есть самая подходящая сфера для

пророческихъ откровеній; доказано, что болѣе всего пророковъ произошло изъ народа израильскаго ¹⁾).

Высшей степени пророчества достигъ Моисей, ибо онъ, какъ никто другой, обладалъ въ совершенствѣ двумя главными добродѣтелями, справедливостью и смиреніемъ ²⁾). Хотя этотъ фактъ основанъ лишь на историческомъ преданіи, однако въ немъ столько же достовѣрности, сколько въ логически-вѣрномъ заключеніи. Если отрицать вообще историческое преданіе, то каждому человѣку, отвергающему узнанное и познанное предками, пришлось бы начинать съ начала. Достовѣрность посланія Моисея основана на томъ, что 600,000 человѣкъ въ одно и тоже время видѣли и несомнѣнно испытали его. Если отрицать это, то пришлось бы сказать, что авторъ еоры самъ придумалъ то, что совершенно лишено историческаго основанія ³⁾).

Цѣль всей философской теоріи состоитъ въ практическомъ осуществленіи нравственныхъ цѣлей; такія цѣли предписываетъ еврейство. Никто изъ предшественниковъ его не высказалъ этихъ основныхъ мыслей такъ мѣтко и ясно, какъ Авраамъ Ибнъ-Даудъ ⁴⁾). Посредствомъ нравственности достигаются извѣстныя добродѣтели, здоровая семейная жизнь и хорошій, основанный на этой добродѣтели, государственный строй. Слѣдовательно, всѣ религіозныя обязанности еврейства можно раздѣлить на пять классовъ ⁵⁾). Первый классъ предписываетъ истинное богопознаніе, чистую вѣру въ Бога и любовь къ нему. Послѣдняя проявляется въ исполненіи извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, какъ-то: въ субботѣ, въ прообразовательныхъ обрядностяхъ, въ молитвахъ, въ символическихъ дѣйствіяхъ, т. е. филактеріяхъ (тефиллинъ) и дверныхъ ладонкахъ (mezuzes) съ именемъ Бога. Второй классъ требуемыхъ еврействомъ обязанностей предписываетъ нѣкото-

¹⁾ Etmunah Ramah стр. 70 и слѣд.

²⁾ Тамъ-же 75 вверху.

³⁾ Тамъ-же 69 и слѣд.

⁴⁾ Тамъ-же 4, 98.

⁵⁾ Тамъ-же 102.

рыя добродѣтели, именно, строгую спрєведливостъ и добросовѣстность, какъ главные добродѣтели; далѣе, миролюбіе, независтливость и любовь къ врагамъ, имѣющіе своимъ началомъ смиреніе. Въ третьемъ классѣ содержатся правила объ отношеніяхъ главы семейства къ женѣ, дѣтямъ и прислугѣ, согласно принципамъ права и любви. Четвертый, самый обширный классъ говоритъ объ отношеніяхъ гражданина къ государству и согражданамъ; онъ предписываетъ любовь къ ближнему, справедливость въ сношеніяхъ, заботу о слабыхъ и страждущихъ, достиженіе высшаго совершенства въ томъ, чему учитъ философская этика. Наконецъ, существуетъ еще пятый классъ законовъ, конечная причина которыхъ не легко объясняется; сюда относятся законы о жертвоприношеніяхъ и явствахъ (требникъ, Schamijot). Эти пять группъ обязанностей не равны по значенію, такъ что ученіе о вѣрѣ занимаетъ высшую, требники низшую ступень, почему послѣдніе часто ставились пророками на задній планъ¹⁾. Исходя изъ инаго основнаго принципа, Ибнъ-Даудъ пришелъ къ иному заключенію, чѣмъ родственныи ему по возрѣнію Іегуда Галеви. Между тѣмъ какъ обрядовыя правила составляютъ, по мнѣнію Галеви, сущность еврейства, необходимую для поддержанія пророческой природы (см. стр. 156), они, по мнѣнію Ибнъ-Дауда, имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Но если Ибнъ-Даудъ придавалъ второстепенное значеніе обрядамъ, которыхъ не сумѣлъ исключить изъ своей системы, то его благочестіе запрещало ему отказывать имъ въ должномъ почтеніи. Человѣкъ долженъ изслѣдовать, а не умствовать и не считать лишеннымъ значенія то, что недоступно его понятіямъ. Вѣрующій долженъ принять во вниманіе, что классъ религіозно-служебныхъ предписаній, исходя отъ того же самаго законодателя, который открылъ ихъ такимъ чудеснымъ образомъ, не могутъ быть поэтому лишены значенія²⁾.

1) Тамъ-же 99--102.

2) Тамъ-же 102, 3.

Еврейство, открытая Богомъ религія, назначаетъ награду за соблюденіе законовъ и наказаніе за ихъ нарушеніе; слѣдовательно, предполагаетъ въ человѣкѣ свободу воли. Но Авраамъ Ибнъ-Даудъ не довольствуется этими данными, онъ хочетъ привести доказательства этому важному для нравственности и религіозности ученію и опровергнуть противное мнѣніе, будто свободная воля человѣка умаляетъ божеское всевѣдѣніе. Онъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, что всевѣдѣніе божіе, будучи всесовершеннымъ, познаетъ также твореніе и его проявленія въ истомъ его значеніи. Но рядомъ съ относительною и кажущеюся возможностью, какъ напримѣръ, солнечное затмѣніе—которое для несвѣдущихъ составляетъ только возможность, а для астрономовъ непреложность—существуетъ еще истинная возможность. Такова именно нравственная свобода человѣка. Всевѣдѣніе Божіе признаетъ дѣйствія и свободу воли не за непреложность, а за возможность. Потому-то вмѣняемость человѣку не противорѣчитъ абсолютному всевѣдѣнію¹⁾. Такимъ образомъ Авраамъ Ибнъ-Даудъ создалъ философію еврейства и примирилъ его съ современною философіею.

Авраамъ Ибнъ-Даудъ былъ не только религіознымъ философомъ, но и добросовѣстнымъ историкомъ, и его историческія произведенія принесли еврейской литературѣ болѣе пользы, нежели его философскіе труды. Возгорѣвшаяся вновь борьба съ испанскими караимами побудила его ознакомиться съ ихъ исторіею. По смерти короля Альфонса и послѣдовавшаго затѣмъ паденія его любимца Іегуды Ибнъ-Езры, караимы оправились отъ преслѣдованія и стали издавать полемическія сочиненія. Ибнъ-Даудъ отвѣчалъ на нихъ и опровергалъ въ особенности сочиненія Абулфарага Іешуа (см. стр. 98). Затѣмъ онъ предпринялъ доказать исторіей, что раввинское еврейство основано на непрерывномъ рядѣ преданій, начинающихся съ Моисея и доходящихъ до Іосифа Ибнъ-Мигаши. Съ этою цѣлію онъ сопоставилъ въ хронологическомъ порядкѣ

1) Тамъ-же 96 и слѣд.

времена: библейское, послѣ изгнанія, талмудическое, сабурейское, гаонское и раввинское (1161)¹⁾. Это сочиненіе, написанное на еврейскомъ языкѣ, онъ назвалъ «порядокъ преданій». (Seder ha-Kabbalah). Весьма важны его извѣстія о цвѣтущемъ времени испанскихъ общинъ, для чего онъ пользовался источниками Самуила Ибнъ-Нагрелы или производилъ самостоятельныя историческія изслѣдованія. Показанія его кратки, но чрезвычайно точны и достовѣрны и заставляютъ о многомъ догадываться. Его еврейскій слогъ плавенъ и нелишенъ поэтической окраски. Въ дополненіе къ этому историческому очерку онъ написалъ, по арабскимъ и испанскимъ хроникамъ, краткую исторію Рима отъ основанія его Ромуломъ до вестготскаго короля Реккареда, и наконецъ еврейскую исторію, эпохи втораго храма, руководствуясь притомъ сочиненіемъ жеписателя Іозиппона (кн. V).

Еще богаче познаніями, всеобъемлюще и глубже былъ Авраамъ бенъ Меиръ Ибнъ-Езра изъ Толедо (род. 1088—89, ум. 1167)²⁾, обладавшій замѣчательными дарованіями, съ равнымъ искусствомъ обнимавшій какъ великое, такъ и малое въ области науки, живой, остроумный, полный остроты, но не обладавшій теплотою чувства. Начитанность его по всѣмъ отраслямъ божественныхъ и человѣческихъ наукъ была достойна удивленія; и въ литературѣ караимовъ онъ былъ какъ дома. Но онъ не представлялъ законченной самостоятельной личности, а былъ шатокъ, полонъ противорѣчій и одаренъ большою дозою легкомыслія: то ратовалъ противъ караимства, то дѣлалъ ему уступки. Полемика его безпощадна, и онъ болѣе старался уязвить противника, чѣмъ дознаться истины. Онъ обладалъ духомъ отрицанія и составлялъ полнѣйшій контрастъ съ Іегудою Галеви, съ которымъ состоялъ, кажется, въ близкомъ родствѣ. Ибнъ-Езра (такъ его называютъ по-просту) соединялъ въ себѣ непримиримыя противоположности. Ясный взглядъ, острый анализирующій умъ,

1) Число обозначаетъ самъ сочинитель въ исторіи сабуреевъ.

2) См. прим. 8.

смѣлое изслѣдованіе, доходящее до пантеизма, уживались въ немъ со строгою вѣрою въ авторитетъ, которая переходила у него въ такой сильный фанатизмъ, что онъ называлъ еретиками свободныхъ изслѣдователей. Его здравый умъ, умѣвшій подмѣтить причину каждаго явленія, не помѣшала ему составить тайное ученіе, покрывающее предметы полумракомъ. Исполненный упованія на Бога, которому спокойно ввѣрялъ свою судьбу, онъ всетаки предавался вѣрѣ во влияніе созвѣздій на человѣческую жизнь, котораго, по его мнѣнію, никто не можетъ избѣжать. Такимъ образомъ Ибнъ-Езра въ одно и то же время былъ безопазднымъ критикомъ и рабомъ буквы, умствователемъ и мистикомъ, истинно-религіознымъ и астрологомъ. Эти противорѣчія не соответствовали различнымъ ступенямъ жизни, но господствовали въ теченіе всей его жизни. Исторія его юности и образованія покрыта мракомъ, даже неизвѣстно, принадлежалъ ли онъ къ семейству Ибнъ-Езры въ Гранадѣ. Въ молодости своей онъ игралъ съ музою, сочинялъ хвалебныя пѣсни въ честь высокопоставленныхъ особъ и пировалъ съ Моисеемъ Ибнъ-Езрою¹⁾. Онъ былъ также знако́мъ съ Іегудою Галеви, съ которымъ часто вели остроумныя бесѣды о философіи, причемъ оказывалось, что они расходились въ образѣ мыслей²⁾. Различіе ихъ мнѣній Ибнъ-Езра самъ обрисовываетъ милою эпиграммою. Тѣмъ Іегуды предлагаетъ ему слѣдовать за нею на тотъ свѣтъ:

«Сладокъ мой сонъ, но любовь къ тебѣ, мой другъ,
Влечетъ меня вновь явиться тебѣ.
Пѣснь твоя нравится небеснымъ сонмамъ,
И потому соединишь ты съ ними!
Мы вмѣстѣ съ тобою будемъ тамъ пѣть.
Къ чему заботиться о бренномъ тѣлѣ?»

Ибнъ-Езра отвѣчаетъ на предложеніе тѣни:

«Вновь успокойся ты, Іуда мой, Богъ
Не желаетъ присоединить меня къ своимъ.»

¹⁾ Ginse Oxford XIV, зам. 1.

²⁾ См. Гейгера Диванъ 149 и слѣд.

Еще дѣтей производить я долженъ, и земную пищу
 Ъсть, а не небесную манну.
 Хоть и глубоко я огорченъ твоею смертію,
 Но не могу послѣдовать твоему совѣту ¹⁾.

Ибнъ-Езра, не смотря на свое умѣнье обращаться съ различными художественными формами арабскихъ и новоеврейскихъ правилъ поэзіи, не былъ однако поэтомъ. Его поэтическія произведенія искусственны, учены, сухи и безпрочувствованы. И литургическія его стихотворенія, которыя онъ сочинялъ въ продолженіе всей своей жизни, носятъ тотъ же отпечатокъ сухаго разсужденія. Это высказанныя въ стихахъ мысли, правила мудрости или строгія увѣщанія, но не изліянія религіозныхъ чувствъ, переполняющихъ душу и высказывающихся въ горячей молитвѣ. Религіозной поэзіи Ибнъ-Езры недостаетъ ликованія сильно возбужденной души, проявляющагося въ восторженномъ гимнѣ, высокаго величія поэзіи жаждущей и достигающей высшаго, всего того, чѣмъ отличались Ибнъ-Гебироль и Іегуда Галеви ²⁾. Только въ остроуміи, ѣдкихъ эпиграммахъ, загадкахъ и сатирахъ онъ былъ неподражаемъ. Слогъ его въ прозѣ также образцовый, можно даже утвердительно сказать, что онъ его создалъ. Онъ далекъ отъ напыщенности и пустословія.

Если Ибнъ-Езра не занимаетъ въ поэзіи высокой степени, то ему принадлежитъ первое мѣсто какъ положительному и тактичному толкователю священнаго писанія, которое онъ объяснялъ съ вѣрнымъ пониманіемъ грамматики и соображаясь съ содержаніемъ и связью. Онъ какъ бы созданъ былъ экзегетомъ. Къ стихамъ священнаго писанія онъ могъ примѣнять свои разнообразныя познанія и мысли, не будучи вынужденъ связывать ихъ логичнымъ образомъ, ибо безпокойный, пылкій умъ его не могъ создать ничего цѣлаго и систематическаго. Даже въ еврейской филологіи онъ не могъ создать метода и расположить данныхъ въ порядкѣ. Въ библей-

¹⁾ Тамъ-же 150.

²⁾ М. Сакса Религіозная поэзія испанскихъ евреевъ, 322 и слѣд.

ской же экзегетикѣ онъ былъ вполнѣ самобытнымъ и возвелъ ее даже на степень науки съ опредѣленными правилами, такъ что долго господствовалъ одинъ въ этой области. Странно, что онъ, обладая громадными способностями, не чувствовалъ на своей родинѣ побужденія толковать священное писаніе. Находясь въ Испаніи, онъ слылъ только за способнаго математика и астронома, но никоимъ образомъ за экзегета. Вообще, на родной почвѣ онъ не создалъ ни одного литературнаго произведенія, кромѣ еврейскихъ стиховъ религіознаго и сатирическаго содержанія. За все время пребыванія его на родинѣ извѣстенъ только отвѣтъ его на астрономическій запросъ Давида изъ Нарбонны (около 1138) ¹⁾. Тотъ, которому потомки дивились какъ выдающемуся уму, на пятидесятомъ году отъ рожденія не приобрѣлъ еще извѣстности въ своей отчизнѣ и вообще не обратилъ на себя вниманія. Чужбинѣ предстояло развить его умъ.

Стѣсненныя обстоятельства жизни въ Толедо, обѣднѣвшемъ вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, заставили Ибнъ-Езру выселиться. Говорятъ, онъ никогда не обладалъ большими средствами ²⁾. Въ эпиграммахъ онъ самъ смѣялся надъ своею несчастною судьбою, осуждавшею его на постоянную бѣдность: «Я стараюсь приобрести состояніе, но звѣзды не благопріятствуютъ мнѣ. Еслибъ я занялся торговлею саванами, то никто бы не умиралъ; вздумалось бы мнѣ продавать свѣчи, солнце не заходило бы до самой моей смерти» ³⁾. Такъ какъ на родинѣ онъ не нашелъ себѣ поддержки, то покинулъ ее и отправился странствовать (около 1138 — 39). Сынъ его Исаакъ, уже взрослый, былъ его спутникомъ. Онъ увидѣлъ Африку, Египеть, Палестину, познакомился въ Тиберіи съ мудрецами, хвалившимися обладаніемъ тщательно переписанныхъ экземпляровъ еоры. Не находя нигдѣ покоя, онъ отправился далѣе въ Вавилонъ и побывалъ также въ Багдадѣ,

¹⁾ См. примѣч. 8.

²⁾ Профіатъ Дуранъ, сообщено Дукесымъ, *Orient, Litbl.* 1843, col. 657, зам. 2.

³⁾ Тамъ-же *Elieser Tunensis Dibres chachnum*, стр. 85.

гдѣ опять экилархъ, съ согласія халифа, имѣлъ нѣкоторую власть надъ всѣми восточными общинами. Во время этихъ странствованій Ибнъ-Езра дѣлалъ много остроумныхъ наблюденій, обогащая тѣмъ свой умъ. Преданіе гласитъ, что онъ, въ качествѣ плѣннаго, побывалъ въ Индіи, гдѣ ему кромѣ прѣснаго хлѣба ничего не давали ѣсть¹⁾.

Непонятно, отчего онъ возвратился съ востока, не повидавъ родины. Только въ Римѣ нашелъ онъ давно желанный покой (1140). Появленіе его въ Италиі было эпохой въ развитіи просвѣщенія итальянскихъ евреевъ. Пользуясь нѣкоторою свободою, дававшей право римской общинѣ не платить никакихъ податей, итальянскіе евреи оставались однако на низкой степени образованія. Талмудъ понимался ими только обыденнымъ, бессмысленнымъ образомъ. О вѣрномъ пониманіи священнаго писанія они не имѣли и понятія, новоеврейская поэзія состояла у нихъ въ коверканіи еврейскаго языка до жалкаго римоплетства. Одинъ изъ такъ называемыхъ итальянскихъ поэтовъ позволилъ себѣ склеить нѣсколько еврейскихъ словъ вопреки обычая и обыкновенія. Примѣромъ для нихъ были шероховатые стихи Эліезера, которые они считали однако за нѣчто недосягаемое²⁾. Темный ихъ умъ былъ доступенъ каждому средневѣковому суевѣрью. Какъ рѣзко отдѣлялся онъ нихъ испанскій путешественникъ, отличавшійся изящнымъ вкусомъ, здравымъ умомъ и философскимъ образованіемъ! И время его прибытія въ Римъ благоприятствовало пробужденію высшей культуры. Именно въ эту эпоху смѣлый монахъ, Арнольдъ Бресчанскій, сталъ открыто утверждать, что папы управляютъ не въ духѣ евангельскомъ, что имъ не присуще свѣтское господство и что они должны быть истинными смиренными слугами. Въ мѣстопребываніи папы пробудился духъ изслѣдованія, соединенный съ стремленіемъ къ свободѣ. Народъ внималъ восторженнымъ рѣчамъ молодаго реформатора. Отлученный отъ церкви латеранскимъ

1) Иосифъ Эдоби въ Abudirham къ Hagadah.

2) Ибнъ-Езры комментарий къ Kohelet, 5, 1.

соборамъ, Арнольдъ былъ принужденъ бѣжать, но вскорѣ возвратился въ Римъ съ триумфомъ. Римскій народъ отказался отъ повиновенія папѣ и провозгласилъ республику (1139—1143). Съ этимъ временемъ совпадаетъ пребываніе Ибнъ-Езры въ Римѣ. Понятно, что юноши и мужи собирались вокругъ него послушать совершившаго далекія путешествія, богатаго познаніями испанскаго мудреца, и онъ умѣлъ плѣнять ихъ своею краткою, живою, мѣткою и остроумною рѣчью.

Въ Римѣ появились первыя произведенія уже пятидесятилѣтняго Ибнъ-Езры. Сперва онъ объяснилъ пять мегиллотовъ. Свои вѣрныя экзегетическія правила онъ доказалъ въ первыхъ трудахъ. Куда проникаетъ его свѣтлый взоръ, тамъ исчезаетъ всякій мракъ, и необходимо, чтобы онъ самъ себя завязалъ глаза, дабы не видѣть истины, или чтобы притворился ничего невидящимъ. Было ли то сомнѣніемъ, раздравшимъ его душу, или слабостью характера, боявшагося противорѣчить заблужденію толпы? Несомнѣнно то, что Ибнъ-Езра часто оспаривалъ или такъ скрывалъ истину, что она доступна была только единомыслящимъ. Объясненію Пѣсни пѣсней онъ предпосылаетъ краткое введеніе, въ которомъ осмѣиваетъ мнѣніе, будто въ этомъ великомъ художественномъ произведеніи аллегорически представлено мистическое отношеніе міра къ Богу и души къ земному тѣлу. По его мнѣнію, она вся проникнута тоскою любви, но объяснялъ онъ это, согласно мнѣнію предковъ, какъ бесѣду Израиля съ Богомъ на жгучемъ языкѣ вѣрнаго союза любви.

Но, не смотря на свой большой экзегетическій талантъ, Ибнъ-Езра немогъ составить изъ темнаго библейскаго писанія органическое цѣлое, понять и проникнуть его, какъ прекрасно изложенное художественное произведеніе. Умъ его былъ скорѣе направленъ на отдѣльное, несвязное, точно такъ, какъ вообще безпокойный духъ его никогда не оставался на одномъ предметѣ, а переходилъ на другіе, едва состоящіе съ нимъ въ связи. Философская книга «Когелетъ», связь, составъ и историческая основа которой по настоящее

время еще не изслѣдованы, была недоступна понятію Ибнъ-Езры онъ не могъ объяснить себѣ ея смысла. Жалкая философія нео-платонической школы, которую онъ почиталъ и которою пользовался для своихъ объясненій, оказалась недостаточною для уразумѣнія «Когелета», продукта инаго круга жизни. Не лучше вышло у него объясненіе великой философской драмы «Ювъ», которую онъ также комментировалъ во время своего пребыванія въ Римѣ. Ибнъ-Езра первый научилъ римскихъ евреевъ еврейской грамматикѣ, о которой они не имѣли никакого понятія. Онъ перевелъ грамматическія произведенія Хаюга съ арабскаго языка на еврейскій и создалъ самостоятельное произведеніе подъ заглавіемъ «Равновѣсіе» (Moznaim), въ которомъ интересно только прекрасно написанное историческое введеніе о произведеніяхъ предшественниковъ въ области еврейской филологіи, отъ Саадіи до Ибнъ-Алтаббена. Не смотря на то, что Ибнъ-Езра строго придерживается грамматики, онъ мало сдѣлалъ для уразумѣнія настоящаго строя священнаго языка; онъ пользовался большею частію изслѣдованіями великихъ предшественниковъ, критически взвѣсивая результаты ихъ произведеній, чтобы рѣшиться на то, или на другое. Но самъ онъ не создалъ ни одного важнаго грамматическаго правила¹⁾.

Онъ, вѣроятно, провелъ въ Римѣ нѣсколько лѣтъ. Что побудило его покинуть вѣчный городъ и отправиться странствовать? Сперва, конечно, безпокойство или желаніе ознакомиться съ новымъ обществомъ. Кажется, онъ остановился сперва въ Салерно, въ самой большой итальянской общинѣ. По своей богатой торговлѣ и всемірному сообщенію, городъ этотъ былъ сборищемъ массы чужестранцевъ. Хотя въ Салерно существовала уже тогда медицинская академія съ извѣстною степенью образованія, однако евреи этого города стояли на весьма низкой степени культуры. Здѣсь Ибнъ-Езра, кажется, былъ встрѣченъ не очень ласково и удостоился почести лишь отъ одного мецената Р. Еліакима, испанца по

¹⁾ См. Профіатъ, Дуранъ, (Efodi) Maasze Efod. с. 7.
«ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ».

происхожденію. Напротивъ, Р. Исаакъ бенъ Малки-Цедекъ, талмудистъ, переселившійся изъ греко-апульскаго города Сипонте (Манфредонія), пользовался общимъ почетомъ. Онъ былъ потомъ авторомъ комментарія ко всемъ трактатамъ Мишны. Познанія, которыми обладалъ Ибнъ-Езра и которымъ хотѣлъ обучать, а именно: еврейская филологія, толкованіе библіи, новоеврейская поэзія, ставились ни во что салернскою общиною. «Въ христіанской землѣ мудрецъ съ востока презирается и осмѣивается», замѣтилъ Ибнъ-Езра. На него и на пришельцевъ изъ арабской Испаніи смотрѣли почти какъ на еретиковъ. Между Ибнъ-Езрою и Р. Исаакомъ изъ Сипонте произошелъ раздоръ, и первый изъ нихъ далъ волю своему гнѣву въ ѣдкой сатирѣ, полной остроумія и личнаго поношенія противника. Онъ называлъ Р. Исаака «греческою саранчею», осмѣивалъ его походку, обращеніе, хриплый, крикливый голосъ, упрекая его въ томъ, что онъ меньше ребенка смыслить по-еврейски. Здѣсь впервые рѣзко высказывается контрастъ между просвѣщеніемъ и невѣжествомъ. Ибнъ-Езра не долго, кажется, оставался въ Салерно; по крайней мѣрѣ, ни одно изъ его литературныхъ произведеній не увѣковѣчило салернской общины.

Лѣтомъ 1145 г. онъ былъ въ Мантуѣ, гдѣ сочинилъ новое грамматическое произведеніе о тонкостяхъ еврейскаго слога (*Zachot*). Это сочиненіе служитъ полнѣйшимъ образцомъ неметодическаго, неправильнаго образа изложенія Ибнъ-Езры. Онъ разбираетъ въ немъ всѣ части еврейской филологіи и даже прибѣгаетъ къ систематикѣ, но постоянно впадаетъ въ уклоненія, не останавливается ни на одномъ предметѣ, говорить, смотря по обстоятельствамъ, то объ одномъ, то о другомъ пунктѣ, и безпрестанно возвращается къ темъ, такъ что буквально сбиваетъ читателя съ толку. Въ этомъ сочиненіи онъ впервые обнаруживаетъ свою страсть называть еретиками уклоняющихся отъ массоретскаго авторитета, страсть, которая въ немъ кажется тѣмъ непростительнѣе, что онъ прежде, хотя и тайно, позволялъ себѣ еще болѣе выходокъ противъ библіи. Грамматическія произведенія Ибнъ-

Ганаха онъ признавалъ достойными сожженія, такъ какъ авторъ утверждаетъ, что болѣе ста библейскихъ словъ должно читать и понимать иначе¹⁾. Его порицаніе много способствовало тому, что важныя произведенія Ибнъ-Ганаха остались неизвѣстны потомству, и изслѣдователи должны были довольствоваться отрывками. Съ Саадіей Ибнъ-Езра полемизировалъ по поводу того, что не признавалъ многихъ массоретскихъ подраздѣленій стиховъ. Даже преданіе талмудической эпохи, будто не менѣе восемнадцати библейскихъ стиховъ измѣнены Соферимомъ по разнымъ причинамъ, было противно вѣрующему въ массору Ибнъ-Езрѣ, и онъ софистически обращался съ этими стихами, чтобъ удержать писанный способъ чтенія²⁾. Открывая съ одной стороны путь экзегетикѣ, основанной на грамматикѣ, Ибнъ-Езра, съ другой стороны, своимъ упрямымъ поклоненіемъ массорѣ мѣшалъ свободному изслѣдованію.

Въ Мантуѣ онъ, кажется, пробылъ не долго и отправился оттуда въ Лукку, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ и собралъ около себя кругъ учениковъ. Здѣсь онъ много занимался астрономіею, составлялъ астрономическія таблицы, писалъ о правильномъ употребленіи астролябіи, но предавался также астрологіи, которою занимались магометане и христіане, и написалъ нѣсколько астрологическихъ сочиненій подъ различными заглавіями (1148). По мнѣнію Ибнъ-Езры, власть созвѣздіи надъ человѣческою судьбою неотъемлема, и вліяніе это впервые высказывается при рожденіи. Но человѣческой душѣ онъ предоставляетъ столько силы воли, что она въ состояніи если не совсѣмъ отвратить, то по крайней мѣрѣ уменьшить злое вліяніе звѣздъ. По выздоровленіи отъ тяжелой болѣзни, во время которой ему помогалъ покровитель его, Моисей бенъ Меиръ, онъ обѣщалъ заняться объясненіемъ еоры, къ которому, по трудности задачи, приступилъ съ большою

¹⁾ См. примѣч. Кирхгейма къ Rikmah, стр. 149 и слѣд.

²⁾ Zachot, въ концѣ.

робостию. Ему было тогда уже шестьдесятъ четыре года (1152—53). Но въ сочиненіи не проглядываетъ старческій возрастъ; оно, напротивъ, носитъ отпечатокъ свѣжести и молодости. Объясненіе пятикнижія Ибнъ-Езры представляетъ по содержанію и формѣ родъ художественнаго произведенія. Слогъ въ немъ живой, плавный, остроумный, объясненіе убѣдительно, здраво и вообще выработано съ большимъ усердіемъ. По своимъ богатымъ знаніямъ, начитанности и опытности, онъ былъ способенъ объяснять книгу книгъ и разсѣять мракъ, которымъ покрыли его полужнаніе и предразсудокъ. Во введеніи онъ очень жѣтко и остроумно характеризуетъ четыре обычных, несообразныхъ способа объясненія, которыхъ желалъ избѣгнуть. Философски-образованные толкователи временъ гаонства — Саадія, Самуиль бенъ Хофни и Исаакъ Израели, — включили чужіе матеріалы въ свои комментаріи, которые потому сдѣлались пространными и непонятными. Караимамъ приходилось, во избѣжаніе преданія, прибѣгать къ плохому толкованію и колебаніямъ; мистики отыскивали въ каждомъ словѣ высшія отношенія, а агадскіе толкователи смѣялись надъ буквальнымъ значеніемъ. Такимъ образомъ, онъ съ полнымъ сознаніемъ побѣды возвышается надъ своими предшественниками, исполняя поставленную себѣ задачу озарить свѣтомъ истинный смыслъ текста. Ибнъ-Езра съ своими комментаріями къ пятикнижію былъ представителемъ здраваго, яснаго, научнаго пониманія библіи и служить представителемъ меньшинства просвѣщенныхъ умовъ, которые ратовали противъ темнаго агадскаго толкованія, представителемъ котораго былъ Раши. Ибо хотя онъ старался поддержать своею экзегетикой талмудическое преданіе и опровергнуть злою насмѣшкой караимскій самостоятельный способъ толкованія; хотя онъ обзывалъ еретическимъ каждое свободное, уклонявшееся отъ массоры пониманіе, однако объясненіе библіи держалось его, какъ своего авторитета, и само невѣріе ссылалось на него, какъ на своего поборника¹⁾. Въ

1) См. Спинозы Tractatus theologico-politicus, с. 8.

дѣйствительности Ибнъ-Езра далъ поводъ причислить его къ Хиви Албалхи, Иицхаки и другимъ, сомнѣвавшимся въ авторитетъ пятикнижія. Темными, загадочными оборотами онъ давалъ знать, что нѣкоторые стихи еоры были присовокуплены впоследствии, или что вся эта книга возникла въ позднѣйшее время ¹⁾. Неизвѣстно только, чего онъ придерживался на самомъ дѣлѣ: скептицизма или вѣры. — Въ Луккѣ Ибнъ-Езра составилъ свой прекрасный комментарий къ Исаи (1154—55), въ которомъ высказалъ сомнѣніе относительно того, кому слѣдуетъ приписать послѣднія двадцать три главы: этому или позднѣйшему пророку. Здѣсь же онъ написалъ два грамматическія сочиненія, одно самостоятельное (S. Iesod) и одно опроверженіе нападокъ Дунаша бенъ Лабрата на Саадію (кн. V), котораго полуизуродованное полемическое сочиненіе попало ему въ руки въ Египтѣ (Sephath Jeter). Это сочиненіе онъ выработалъ для одного изъ своихъ учениковъ, Хаима. Хотя слушатели его научались отъ него многому, однако онъ не научилъ ихъ справедливости и добросовѣстности въ обращеніи съ научными вопросами. Именно въ полемикѣ съ Дунашемъ Ибнъ-Езра оказался въ высшей степени несправедливымъ. Съ горечью онъ осуждалъ въ Дунашѣ то, что самъ заимствовалъ у него и включилъ въ свои комментарии, съ другой же стороны, защищалъ упорно нѣкоторые взгляды Саадіи, которыхъ въ иномъ мѣстѣ не признавалъ.

Окончивъ комментарий къ пятикнижію (1155), Ибнъ-Езра покинулъ Италію и отправился на новое мѣсто дѣйствія, въ южную Францію, которая по своему сообщенію съ Каталоніей принимала болѣе участія въ испанско-еврейской культурѣ, чѣмъ сѣверная Франція, Италія и Германія. Провансъ составляетъ въ еврейской исторіи границу между двумя направленіями: строго талмудическимъ и приверженнымъ къ наукамъ и искусствамъ. Провансальскіе евреи принимали живѣйшее участіе въ обоихъ направленіяхъ, но не достигли

¹⁾ Сравни комментарий къ Второзаконію, нач., и странную апологетику Иосифа Тобъ-Элема Сефарди въ Zorhnat Raaneach.

совершенства въ нихъ и оставались только поклонниками и подражателями. Ибнъ-Езра внесъ въ этотъ кружокъ новый, побуждающій элементъ. Онъ поселился сначала въ старой общинѣ Безье (Бедерастъ), въ средѣ которой было много ученыхъ. Они, — какъ благочестивые, такъ и образованные, безъ различія, — оказывали большой почетъ всемірному страннику. Исаакъ бенъ Іегуда, прозванный «княземъ евреевъ», и Авраамъ бенъ Хаимъ, оба благочестивые талмудиста, оказывали ему такое вниманія, что онъ написалъ въ честь ихъ математически-каббалистическое сочиненіе объ именахъ Бога. Оно содержитъ въ себѣ остроумное сочетаніе буквъ и цифръ, которыя, будучи соединены различнымъ образомъ, обозначаютъ тайныя свойства божества. Числовая каббала ввела въ моду эти, употребленныя въ первый разъ Ибнъ-Езрою, комбинаціи буквъ и цифръ и питала суевѣріе, надѣлавшее много бѣдъ. — Въ томъ же году онъ переселился въ городъ Родець, гдѣ ему, вѣроятно, очень понравилось, ибо онъ прожилъ въ этомъ городѣ нѣсколько лѣтъ (1155—57). Здѣсь онъ комментировалъ книгу Давиила, псалтырь и двѣнадцать пророковъ. Слава его распространилась и приобрѣла ему много поклонниковъ. Величайшій раввинскій авторитетъ того времени, Р. Іаковъ Тамъ, прислалъ ему хвалебные стихи съ метрическою формою, чѣмъ до такой степени удивилъ Ибнъ-Езру, что послѣдній отвѣтилъ ему полу-льстивою, полу-оскорбительною эпиграммою:

«Кто ввелъ француза во храмъ пѣсни?
Смѣетъ ли непосвященный посѣщать его?
Пѣснь Іакова сладка, какъ манна, но
Я, какъ солнце, превращу ее въ ничто».

Въ другой разъ Р. Тамъ прислалъ ему столь вѣжливое, покорное стихотвореніе, что Ибнъ-Езра, тронутый этимъ, отвѣчалъ въ томъ же тонѣ:

«Годится ли представителю народа склонять главу передъ низшимъ?
Непригодно ангелу Божію смиряться передъ недостойнымъ»¹⁾.

¹⁾ Гавизона Omer ha-Schikheha, передано Kerem Chemed, VII. 35.

Страсть его къ странствованію привела его уже на семидесятомъ году отъ рожденія въ туманный Лондонъ, гдѣ онъ отыскалъ щедрого мецената, который принялъ его съ любовью. Здѣсь онъ сочинилъ родъ религіозной философіи¹⁾, которая однако же носитъ такой отпечатокъ разрозненности и вѣтренности, что невозможно услѣдить за порядкомъ его мыслей. Въ этой области, какъ вообще въ философіи, Ибнъ-Езра сдѣлалъ немного. Нео-платоническую философію, признающую Бога единымъ существомъ, несвязаннымъ съ міромъ, но дѣйствующимъ чрезъ посредство первоначальнаго духа; признающую божественное провидѣніе въ отношеніи только рода, а не единичныхъ существъ; допускающую исхожденіе души отъ первоначальнаго духа, и жизнь ея въ тѣлѣ какъ въ темницѣ, гдѣ она тоскуетъ по небесной отчизнѣ, — эту простую философію Ибнъ-Езра выражалъ то яснымъ, то мистическимъ языкомъ, часто числовыми сочетаніями, говоря о ней отрывочно въ своихъ сочиненіяхъ и не соединяя въ одно цѣлое основныя, философскія мысли. Откровеніе, еврейство, пророчество онъ принималъ за неопровержимые факты, никогда не намекая на то, какъ онъ примиряетъ ихъ съ понятіемъ о Богѣ. Лишь вскользь онъ замѣчаетъ, что пророчество есть своеобразный процессъ видѣній и что пророческій даръ бываетъ прирожденнымъ, или достигается упражненіемъ. Пророкъ Іона никоимъ образомъ не бѣжалъ отъ Бога — безумно было бы желаніе избѣгнуть вездѣсущности Божіей — но онъ внутренно боролся съ пророческимъ стремленіемъ²⁾. Вслѣдствіе направленія своего ума, Ибнъ-Езра не могъ буквально понимать чудесныя библейскія сказанія, а долженъ былъ объяснять ихъ рационально, что и дѣлалъ скрытно подъ строжайшею тайною.

Вслѣдъ за религіозно-философскимъ произведеніемъ онъ сочинилъ въ Лондонѣ еще другое, нѣчто въ родѣ защитительной рѣчи о субботѣ, интересной по своему введенію.

1) Jesod Mora; см. примѣч. 8.

2) Въ комментарий къ началу Іоны.

Онъ придавъ вступленію форму сна, будто бы видѣннаго имъ ночью. Видѣніе передало ему посланіе отъ олицетворенной субботы, въ которомъ она жалуется на него за то, что ученики принесли въ его домъ сочиненія, утверждающія, что библейскій день начинается утромъ, и что, слѣдовательно, ночь съ пятницы на субботу не священна. Вслѣдъ затѣмъ видѣніе просило его защитить субботу. Пробудившись ночью, онъ при лунномъ свѣтѣ прочиталъ принесенные ему подозрительные библейскіе комментаріи и, дѣйствительно, нашелъ въ нихъ утвержденіе, что библейскій день начинается не вечеромъ, а утромъ, слѣдовательно, канунъ не освященъ. Это еретическое ученіе, творцомъ котораго былъ впрочемъ внукъ Раши, благочестивый Самуиль бенъ Меиръ (см. стр. 177), привело Ибнъ-Езру въ негодованіе; онъ почиталъ себя обязаннымъ опровергнуть его всеми средствами, «чтобы Израиль не вступилъ на ложный путь». Въ благочестивомъ изступленіи онъ пишетъ: «рука написавшаго это должна высохнуть и зрѣніе помрачиться». Защита, состоящая въ разъясненіи библейскихъ стиховъ и астрономическихъ толкованій, называется «субботнее посланіе».

Хотя въ Лондонѣ онъ ни въ чемъ не нуждался, и около него собрались многочисленные ученики, однако онъ вскорѣ покинулъ этотъ городъ. Осенью 1160 г. онъ былъ въ Нарбоннѣ, а позже (1165 или 66) опять въ Роденцѣ, гдѣ уже въ глубокой старости передѣлалъ свой комментарій къ пятикнижью, изложивъ его болѣе кратко, но оставя сущность, и гдѣ наконецъ, по настоянію одного изъ своихъ учениковъ, Соломона, сочинилъ свое послѣднее грамматическое произведеніе (Safa Berurah). Въ этомъ авторѣ достойна удивленія свѣжесть ума, сохранившаяся до глубокой старости; послѣднія его произведенія подобно первымъ носятъ отпечатокъ живости, увѣренности и юношеской силы. Кромѣ вышеозначенныхъ экзегетическихъ, грамматическихъ, астрономическихъ и астрологическихъ сочиненій, онъ написалъ еще другія объ астрономіи и математикѣ. Изобрѣлъ ли онъ по части послѣдней нѣчто новое, нельзя утверждать съ достовѣрностью.

Ему приписываютъ остроумный способъ ариѳметики, который онъ употребилъ, находясь въ опасномъ положеніи. Ему случилось ѣхать съ пятнадцатью учениками на парходѣ, переполненномъ пассажирами; сильный вѣтеръ грозилъ судну гибелью, и послѣднимъ средствомъ спасенія было уменьшеніе экипажа на половину. Капитанъ судна рѣшилъ съ Ибнъ-Езрою бросать въ море девятаго человѣка. Но Ибнъ-Езра такъ счумѣлъ поставить своихъ учениковъ, что ихъ не постигла очередь (Tashbulah). Кажется, Ибнъ-Езра на старости лѣтъ началъ тосковать по Испаніи, куда и собрался ѣхать изъ южной Франціи. Но, прибывъ въ Калагорру, на границѣ Наварры и Аррагоніи, онъ умеръ, примѣняя къ себѣ на смертномъ одрѣ библейскій стихъ «Аврааму было 78 лѣтъ, когда онъ избѣгнулъ проклятія міра» (ум. въ понедѣльникъ 1-го Адара = 23 Января 1167). Онъ оставилъ много учениковъ и даровитаго сына, несдѣлавшаго однако чести его имени.

Еврейская Франція также обладала богато одаренною личностью, которая не только была представительницею главнаго направленія французской школы и сдѣлалась такимъ образомъ законодательницею на многіе вѣка, но и была причастна духу еврейско-испанской школы. Р. Іаковъ Тамъ изъ Рамерю (род. около 1100, ум. 1171) былъ самою замѣчательною личностью, вышедшею изъ школы Раши. Будучи младшимъ изъ трехъ ученыхъ внуковъ великаго труасскаго учителя, Р. Тамъ ничему не могъ научиться отъ своего дѣда, котораго зналъ лишь въ дѣтствѣ, и былъ ученикомъ его учениковъ, отца своего Меира и Іосифа Бонфиса (Тоб-Елем II¹). Въ изученіе талмуда онъ достигъ такого совершенства, что превзошелъ не только современниковъ, но даже своихъ старшихъ братьевъ, Исаака и Самуила (Raschbam). Безконечная путаница талмудскихъ измышлений была ясна ему, и онъ съ рѣдкимъ умѣньемъ господствовалъ надъ этою областью. Онъ соединялъ въ себѣ яс-

¹) Sefer ha Jaschar стр. 74 а. См. о томъ Бенъ Іакова Additamenta къ Азулаю Schem ha-Gedolim II. стр. 165, № 29.

ность ума съ точностью понятій и былъ главнымъ основателемъ школы тоссафистовъ (см. стр. 175¹). Ни одинъ изъ его предшественниковъ не отличался такою основательностью и удивительно остроумною діалектикой въ области талмуда. Будучи частнымъ человѣкомъ и занимаясь торговлею, онъ считался однако самымъ уважаемымъ раввиномъ своего времени, слава котораго проникла даже въ Испанію и въ Италію. Самая многочисленная и богатая, изобиловавшая талмудскими учеными парижская община обращалась къ нему за бракоразводными предписаніями и формулами²). Къ нему исключительно обращались за рѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ, не только съ родины, но также изъ южной Франціи и Германіи, и современные раввинскіе авторитеты съ величайшимъ почтеніемъ подчинились ему³). Уже въ молодости окружало его множество учениковъ⁴), чтившихъ его, какъ идеаль. Онъ такъ занятъ былъ отвѣтами на запросы, что изнемогалъ отъ обременявшихъ его трудовъ⁵). Фанатики втораго крестоваго похода, едва не лишившіе его жизни, разграбили все его имущество, оставя ему одну лишь жизнь и библіотеку⁶). И однако именно въ это ужасное время онъ сочинилъ свой комментарий къ талмуду⁷). Онъ обладалъ твердымъ характеромъ, проникнутымъ набожностью и нравственностью; недостойно же было въ немъ лишь то, что онъ бралъ ростовщическіе проценты съ христіанъ⁸), а также то, что онъ вообще отмѣнилъ отчасти строгіе законы талмуда о ростовщичествѣ и дозволилъ давать деньги изъ процен-

¹) См. Jochasin ed. Filipowsky, стр. 217.

²) Sefer ha Jaschar № 81.

³) См. Responsa Temim Deim № 214, 24, Schibole Leket 3 а; Ibn-Jarchi Manhig № 608, 615 и стр. 86 с. и слѣд.

⁴) Еще до 1147, такъ какъ въ этомъ году ученикъ его Р. Петръ претерпѣлъ мученическую смерть, см. стр. 186.

⁵) Sefer ha-Jaschar № 595.

⁶) Тамъ-же, ed. Wien, стр. 81 с.

⁷) Тамъ-же, № 492.

⁸) Responsa P. Меира изъ Ротенбурга № 495, 96; Mardochai къ Baba Mezia V, № 338.

товъ еврейамъ чрезъ посредничество христіанина, а крещенымъ еврейамъ даже непосредственно ¹⁾, — уклоняясь въ этомъ отъ строгости своего дѣда. Не смотря на воздаваемый ему великій почетъ; Р. Тамъ былъ далеко не гордъ, но не уважалъ личности, когда опасался за религію. Выказалъ онъ это во взглядѣ на ученаго Мешуллама бенъ Натана изъ Мелюна, который высказывалъ отзывавшіяся новизною мнѣнія, хотя и ссылаясь на способы чтенія талмуда и на авторитеты. Р. Тамъ сначала довольно рѣзко сдѣлалъ ему наставленіе, сказавъ между прочимъ: «Я слышу, что ты стараешься быть народнымъ, но совѣтую тебѣ сначала поучиться у знающихъ.» Но когда Мешулламъ настаивалъ на своемъ мнѣніи, Р. Тамъ предложилъ ему сойтись на обоюдныхъ уступкахъ, пригрозивъ отлученіемъ, если онъ не отступится отъ своихъ заблужденій ²⁾. Личность Р. Тама имѣла столь великое значеніе, что Р. Мешулламъ покорно просилъ прощенія.

Р. Тамъ почти единственное лицо сѣверо-французской школы, поборовшее односторонность талмудическаго направленія и принявшее участіе въ другихъ ученыхъ занятіяхъ испанскихъ евреевъ. Онъ заимствовалъ отъ нихъ еврейскій размѣръ стиха и писалъ литургическія молитвы и свѣтскія стихотворенія съ художественною метрическою формою ³⁾. Уже выше упомянуто, что онъ имѣлъ сношенія съ представителемъ еврейско-испанской культуры и вольнодумцемъ Ибнъ-Езрою, съ которымъ обмѣнивался стихотвореніями (см. стр. 214). Поэзія повела Р. Тама, не дѣлавшаго ничего поверхностно, къ основательному изученію еврейскаго языка, и въ области грамматики онъ дошелъ до того, что могъ быть судьей въ грамматическомъ диспутѣ Менагема бенъ

¹⁾ Sefer ha-Jaschar № 536, 798; Тоссафотъ къ В. Mezia стр. 76. Исаакъ изъ Вѣны въ Ascheri V. Mezia V, № 47.

²⁾ Тамъ-же № 619—622. Интересная перениска Р. Тама съ Мешулламомъ, къ сожалѣнію, весьма искажена. Недостаётъ перваго посланія Р. Тама, къ которому относится № 619. Начало № 620 принадлежитъ къ предъидущему №; вслѣдъ затѣмъ начинается ѣдкое возраженіе Р. Тама.

³⁾ Профессоръ Луцато сдѣлалъ этотъ пунктъ неопровержимою истиной въ Kerem Chemed VII, стр. 35.

Сарука съ его противникомъ Дунашемъ. Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Примиреніе» (Nachtgaah)¹⁾ онъ защищалъ перваго противъ послѣдняго.

Множество ученыхъ съверо-французскихъ и нѣмецкихъ раввиновъ и признанный всѣми авторитетъ Р. Тама были причиною событія, которое послѣ талмуда впервые замѣчается въ еврейской исторіи. Подъ предсѣдательствомъ рамерюскаго ученаго собрался первый раввинскій синодъ для опредѣленія основательныхъ, сообразныхъ со временемъ постановленій. По всей вѣроятности, примѣромъ для раввиновъ послужили соборы, созванные во Франціи бѣглыми папами Пасхалемъ, Иннокентіемъ II, Каликстомъ и Александромъ III. Разумѣется, раввинскіе синоды не были обставлены съ тою пышностью, которая превращала ихъ въ арену тщеславія и честолюбія. Участники собирались на какой нибудь значительной, посѣщавшейся множествомъ евреевъ ярмаркѣ, какъ напр. въ Труа и Реймсѣ, безъ роскоши и церемоній, но и безъ заднихъ мыслей и политическихъ интригъ. Раввинскія синодальныя рѣшенія касались не только религіозныхъ и общественныхъ вопросовъ, но и частныхъ дѣлъ, такъ какъ евреи имѣли въ то время еще свой судъ.

По всей вѣроятности, подобнымъ раввинскимъ синодомъ, помнившимъ еще преслѣдованіе во время втораго крестоваго похода, былъ изданъ приказъ, въ силу котораго ни одинъ еврей не смѣлъ покупать распятія, церковную утварь, церковное облаченіе и молитвенники, такъ какъ это могло повлечь за собою несчастіе для всѣхъ евреевъ²⁾. На многочис-

¹⁾ Издано Филипповскимъ совмѣстно съ Teschubot Дунаша.

²⁾ Это синодальное постановленіе помѣщено въ Responsa Р. Меира изъ Ротенбурга ed. Prag. стр. 113 а. и въ Kol-Bo № 116 въ концѣ длиннаго ряда постановленій. Въ первомъ источникѣ они не имѣютъ заглавія, а во второмъ значатся: «отъ Гершона и старшинъ (Kadmonim)». Семь постановленій въ томъ же родѣ, исключая постановленія о покупкѣ распятій и пр., встрѣчается также въ вышесказанныхъ Responsa № 153, подъ заглавіемъ: «отъ Тама совокупно съ французскими раввинами». Но всѣ Tekanot не могутъ происходить отъ Р. Тама, такъ какъ именно въ среднѣхъ сказано: «Р. Тамъ присовокупилъ то и то». Я предполагаю, что это постановленіе введено вслѣдствіе жалобы Петра Клервоскаго.

ленномъ синодѣ, въ которомъ принимали участіе 150 раввиновъ изъ Труа, Оксерра, Реймса, Парижа, Санса, Дрома, Ліона, Карпантраса, Нормандіи, Аквитаніи, Анжу, Пуату и Лотарингіи. и во главѣ котораго находились братья Р. Самуиль и Р. Тамъ, Менагемъ бенъ Перець изъ Жуаньи, Р. Еліазаръ бенъ Натанъ изъ Майнца, и Р. Еліазаръ бенъ Симсонъ изъ Кёльна, были постановлены слѣдующія рѣшенія: 1) Чтобы ни одинъ еврей не требовалъ своего единовѣрца въ мѣстный судъ, если обѣ стороны не изъявили на это согласія, или если виновная сторона отказалась явиться на еврейскій судъ. 2) Всякій убытокъ, причиненный одной стороной веденіемъ процесса внѣ еврейскаго суда, возместить долженъ истецъ по оцѣнкѣ семи старшинъ общины. 3) Никто не долженъ искать или получать происками свѣтскихъ властей мѣсто старшины или прево; выборъ старшины, завѣдующаго религіозными и общинными дѣлами, долженъ производиться свободно по большинству голосовъ. Нарушители этихъ и другихъ синодальныхъ постановленій подвергались строгому отлученію, въ силу котораго ни одинъ еврей не смѣлъ вести съ ними знакомства, ѣсть ихъ пищу, пользоваться ихъ книгами и утварью, и даже не смѣлъ принимать отъ нихъ милостыню. На этомъ же собраніи возобновлено было отлученіе доносчиковъ и измѣнниковъ¹⁾.

Третій синодъ, собравшійся въ Труа или Реймсѣ, подъ предсѣдательствомъ Р. Тама, Исаака бенъ Варуха и Менагема бенъ Переца изъ Жуаньи, обратилъ въ законъ для общинъ Франціи, Нормандіи, Анжу и Пуату слѣдующее постановленіе нарбоннскаго раввинства: Если жена въ теченіе полугода по выходѣ замужъ умретъ бездѣтною, то мужъ обязанъ возвратить ея отцу или родственникамъ приданое

¹⁾ Это синодальное постановленіе въ полномъ видѣ помѣщено въ Kol-Bo № 117, въ сокращенномъ въ Responsa Р. Меира изъ Ротенбурга въ Текапот. Въ одной изъ рукописей доктора Кармоли имѣются подписи, кромѣ Р. Тама и Рашбама, еще подписи Исаака бенъ Соломона изъ Санса, Самуила бенъ Іакова изъ Оксерра, Исаака бенъ Негемии изъ Дрома и Перець бенъ Менагема (въ ролято Менагема б. П.) изъ Жуаньи; прочія имена встрѣчаются въ цитатахъ Resp.

или все принесенное ею съ собою и не употребленное въ ея пользу. Члены синода руководились чувствомъ, что родственникамъ усопшей больно знать, что имущество ихъ находится въ рукахъ чужаго человѣка, жившаго лишь короткое время съ ихъ дочерью или сестрою. Возвращеніе приданаго должно быть совершено въ теченіе мѣсяца. На обѣщанное, но не выданное приданое мужъ, пережившій жену, вовсе не имѣеть права. Предсѣдатели синода объявили это постановленіе общинамъ на разстояніи двухъ дней пути отъ Труа до Реймса¹⁾.

Синодъ въ Труа, на которомъ опять дѣйствовали Р. Тамъ и ученикъ его Р. Моисей бенъ Авраамъ изъ Понтуаза, постановилъ отлучать тѣхъ, которымъ вздумалось бы придираться къ выданному уже женѣ бракоразводному свидѣтельству²⁾. Мелочные или злые люди любили находить недостатки въ подобномъ свидѣтельствѣ, что возбуждало подозрѣніе въ его правильности и тѣмъ подвергало разведенныхъ неприятностямъ; этимъ-то неприятностямъ и желалъ противодѣйствовать синодъ. — Еще другія постановленія были введены путемъ синодальныхъ собраній и получили силу закона для француэскаго и германскаго еврейства. Между прочимъ рѣшено было, что предписаніе Р. Гершомъ объ уменьшеніи многоженства можетъ быть отмѣнено лишь по важнымъ причинамъ ста раввинами изъ трехъ различныхъ земель, какъ-то: Франціи, Нормандіи и Анжу³⁾. Раввины употребляли эту синодальную власть не по примѣру князей католической церкви, противъ народа, а для пользы послѣдняго и общинъ. Потому ихъ постановленія не нуждались подобно соборнымъ въ возобновленіи.

¹⁾ Это синодальное постановленіе находится въ S. ha-Jaschor въ Responsa Р. Меира изъ Ротенбурга № 934 и въ извлеченіи тамъ-же. Въ послѣднемъ упоминается также Рамбамъ; въ одной рукописи Кармоли вмѣсто него говорится объ Исаакъ бенъ Барухъ.

²⁾ Конецъ Madochai Gittin, а также въ другихъ источникахъ.

³⁾ Responsa Р. Меира изъ Ротенбурга № 153 и конецъ, Kol-Bo № 116; вмѣсто искаженія Nurnandio, или Numbardio, или Lumbardio, слѣдуетъ читать Nurnandio=Нормандія, что не должно было ускользнуть отъ вниманія многоученаго д-ра Бера.

Въ глубокой старости Р. Тамъ пережилъ кровавое преслѣдованіе евреевъ недалеко отъ своего мѣстожителства, въ Блуа, памятное не только по жестокому обращенію съ мучениками, но и по возникшему тогда впервые живому утвержденію, будто евреи употребляли въ праздникъ пасхи христіанскую кровь. Это было низкою клеветой, уготовавшею костеръ для невинныхъ.

Въ Блуа, гдѣ жило около сорока евреевъ, одинъ изъ нихъ ѣхалъ въ сумерки къ Луарѣ, съ цѣлію выкупать лошадь, и встрѣтился съ христіанскимъ конюхомъ, лошадь котораго, при видѣ бѣлаго руна подъ верхнею одеждою еврея, испугалась, встала на дыбы и не дала вести себя къ водѣ. Слуга, знавшій ненависть своего господина, градоначальника, къ евреямъ, придумалъ сказку, подавшую поводъ къ ихъ обвиненію. Онъ утверждалъ, что видѣлъ, какъ еврей бросилъ въ воду трупъ христіанскаго мальчика, и что онъ самъ, опасаясь быть убитымъ, бѣжалъ, а лошадь по инстинкту не хотѣла прикоснуться къ водѣ. Градоначальникъ, ненавидѣвшій еврейку Пульцелину, имѣвшую большое вліяніе на его сюзерена, графа Шартрскаго, воспользовался случаемъ отмстить своей непріятельницѣ. Онъ пересказалъ графу Теобальду, которому принадлежалъ Блуа, вымыселъ объ убіеніи мальчика и формулировалъ это обвиненіе слѣдующимъ образомъ: будто евреи къ празднику пасхи распяли мальчика и потомъ бросили его въ Луару. Вслѣдъ затѣмъ графъ Теобальдъ издалъ повелѣніе сковать всѣхъ евреевъ и заключить ихъ въ темницу. Только Пульцелина, къ которой графъ питалъ особенную привязанность, осталась на свободѣ. Надѣясь на свое вліяніе, она говорила своимъ страждущимъ единовѣрцамъ, что настoitъ у графа въ ихъ пользу и поможетъ имъ. Но вскорѣ заточенные евреи убѣдились, что не слѣдуетъ полагаться на человѣческую помощь.

Пульцелина вслѣдствіе этой привязанности имѣла жестокаго врага въ лицѣ графини Изабеллы (?), старавшейся погубить евреевъ. Изабелла велѣла слѣдить за Пульцелиною, чтобъ не допускать ее къ графу, такъ какъ сильно опасалась

лась вліянiя на него еврейки. Другой лучъ надежды блеснулъ для евреевъ въ жадности графа. Онъ отправилъ къ нимъ одного еврея изъ Шартра, съ запросомъ, какую сумму они готовы ему дать за оправданіе ихъ въ этомъ кровавомъ обвиненіи. Евреи посовѣтовались съ расположенными къ нимъ христіанами, по мнѣнію которыхъ достаточно было 100 фунт. наличными деньгами и 180 долгами, что составляло можетъ-быть все богатство маленькой общины. Тогда въ процессъ вмѣшался одинъ священникъ, уговаривая графа не смотрѣть такъ легко на это дѣло, а строго наказать евреевъ, если обвиненіе ихъ окажется справедливымъ. Но какъ добратся до истины, когда все обвиненіе основывалось на показаніи конюха, который могъ видѣть только паденіе какого-то тѣла въ воду? Средніе вѣка умѣли находить исходъ въ такихъ сомнительныхъ случаяхъ. Было пущено въ ходъ испытаніе водою. Конюхъ въ лодкѣ, наполненной водою, былъ спущенъ по рѣкѣ, и такъ какъ онъ не потонулъ, то графъ и все христіанское населеніе убѣдились въ истинности его показанія. Графъ Теобальдъ приказалъ сжечь всѣхъ евреевъ блуаской общины. Когда ихъ отвели въ деревянную башню, вокругъ которой предполагали развести костры, тогда священникъ началъ уговаривать ихъ обратиться для спасенія жизни въ христіанство. Но такъ какъ они оставались непоколебимы въ вѣрѣ, то сперва ихъ пытали, а затѣмъ потащили на костеръ. Первыми на очереди были двое учениковъ рамерюйскихъ учителей, Іехіель бенъ Давидъ и Іекутіель б. Іуда, оба арониды, и вмѣстѣ съ ними Іегуда б. Аронъ. Они были привязаны къ столбу посреди костра, но огонь уничтожилъ только ихъ узы, такъ что они могли невредимыми покинуть костеръ; слуги палача во второй и третій разъ втолкнули ихъ туда. Наконецъ они потащили съ собою одного служителя палача, котораго едва отняли у нихъ стоящіе вокругъ христіане. Эти трое и остальные 31 мужчина и 17 женщинъ погибли въ огнѣ, при пѣнiи молитвы, содержащей въ себѣ исповѣданіе единого Бога (Алелу; среда 20 Сивана = 26 Мая 1171). И Пульцелина подверглась смерти при этомъ случаѣ.

Только немногіе евреи, изъ страха смерти, перешли въ христіанство. Христіане же, полагавшіеся на испытаніе водою, были твердо убѣждены, что евреи вполне были достойны сожженія, и хроника повѣствуетъ въ сухомъ тонѣ: Теобальдъ, графъ Шартрскій, велѣлъ сжечь многихъ евреевъ, потому что они на праздникъ своей пасхи распяли христіанскаго мальчика и затѣмъ бросили его въ мѣшкѣ въ Луару¹⁾. Графъ Теобальдъ хотѣлъ распространить преслѣдованіе на всѣхъ евреевъ своего графства, но еврей Барухъ бенъ Давидъ далъ ему окупъ въ тысячу фунтовъ и спасъ свитокъ закона и прочія писанія блуаской общины. Два литургическіе поэта, Ефраимъ бенъ Іаковъ изъ Бонна и Гиллель бенъ Іаковъ, увѣковѣчили это преслѣдованіе въ трогательныхъ, хотя и не поэтическихъ стихахъ. Когда вѣсть о мученической смерти евреевъ дошла до Р. Тама, онъ обратилъ этотъ день въ день поста и скорби, что охотно признали общины Франціи, Анжу и прирейнскихъ земель, увѣдомленные о томъ посланіемъ великаго учителя. Тѣ было послѣднимъ общественнымъ дѣяніемъ Р. Тама. Спустя нѣсколько дней, онъ скончался (среда 4 Тамуза=9 Іюня²⁾), оплакиваемый многочисленными учениками и почитателями. Одинъ изъ его учениковъ, Р. Хаимъ Когенъ, замѣтилъ, что еслибъ онъ присутствовалъ при погребеніи, то, несмотря на священное

¹⁾ Главные источники о блуаскнхъ преслѣдованіяхъ находятся въ мартирологии Ефраима бенъ Іакова (въ нѣмецкомъ переводѣ Etek ha-Bacha, стр. VII) и въ его Selicha (начинаются въ рукописяхъ германскаго церковнаго устава Machsor: Lmi oi lmi awoi), далѣе въ Selicha поэта Гиллеля бенъ Іакова начинаются: Emunei schlomei Israël) въ польскомъ и литовскомъ уставѣ) и наконецъ въ одностороннемъ описаніи Robertus de Monte въ Bouquet recueil T. XIII стр. 315. Въ пармской бібліотекѣ де-Росси находится посланіе Обади бенъ Махира объ этой исторіи: epistola synagogae urbis Belleys (Blois) in Gallia, quam nomine synagogae scripsit Ob. f. M. Narrat plures in ea urbe Judaeos, viros ac feminas fuisse ob religionem combustos feria IV die 20 Sivan an. 2931 a. c. orbis (de Rossi Mss. codices № 563, 9). Книга мемуаровъ Майнца также вычитываетъ имена мучениковъ Блуа, упоминая между сгорѣвшими о Пульцелинѣ: *Ilu hen hanisrofin al kidusch haschem. Chof besiwon bezorfat b'Blois — Hana-schim nachsidos moras Pulzolino — umoras Chano hagweres w'haialdo scheioldo.*

²⁾ Іехиля Гейльшерина Seder ha-Dorot sub voce R. Tam.

свое происхожденіе отъ Аарона, воспрещавшее ему прикасаться къ трупамъ, онъ дотронулся бы до праха Р. Тама, такъ какъ воспрещеніе это должно утратить силу въ отношеніи столь святаго мужа¹⁾). Преданіе ставить рамерійскаго учителя выше величайшаго пророка. Оно допускаетъ встрѣчу Моисея съ Р. Тамомъ на небѣ или на землѣ, причемъ между ними происходитъ диспутъ, и Моисей объявляетъ себя побѣжденнымъ²⁾). — Р. Тамомъ заканчивается рядъ творческой дѣятельности французской школы, какъ съ Ибнъ-Езрою прекращается оригинальность испанской школы. Явилась личность, въ полномъ смыслѣ примирившая эти два направленія; она произвела переворотъ въ еврейской исторіи, которая въ наружномъ и внутреннемъ движеніи приняла совершенно другой характеръ.

¹⁾ Tossafot къ Tractat Ketubot стр. 103 b.

²⁾ Гедяхъ Іахъ въ Schalschelet ed. Amst., стр. 40 и слѣд.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Четвертый раввинскій вѣкъ.

Эпоха Маймонидовъ.

ОБЗОРЪ.

Испанскіе евреи; Толедо; Иосифъ Ибнъ-Шошанъ; Авраамъ Ибнъ-Алфахаръ; поэтъ Харизи. — Мученическая смерть Авраама Ибнъ-Дауда и еврейка Формоза Рахиль. — Шестъ Бенвенисти, поэтъ Авраамъ бенъ Хаздан. — Путешественникъ Веніаминъ тудельскій. — Серахья Галеви Гиронди, Провансъ; Нарбонна; Авраамъ бенъ Исаакъ и Кимхиды. — Общины Безье, Монпелье и Лионея; Мешуламъ бенъ Іаковъ и его сыновья. — Іонафанъ Когенъ и Тяббониды. — Общины въ Покьерѣ и Авраамъ бенъ Давидъ. — Покровительствовавшій евреямъ графъ Раймундъ С.-Жильскій и Тулузскій и Исаакъ бенъ Абба-Мари. — Община марсельская. — Филиппъ-Августъ и первое изгнаніе евреевъ изъ сѣверной Франціи. — Тоссафистъ Исаакъ старшій (Ри). — Мученики брайскіе. — Унадокъ сѣверо-французскихъ евреевъ. — Симсонъ Санскій и Іегуда Сиръ Леонъ Благочестивый. — Книга благочестивыхъ. — Евреи Англіи; Іаковъ Орлеанскій. — Избіеніе евреевъ въ Лондонѣ. — Ричардъ Львиное Сердце. — Избіеніе евреевъ въ Англіи. — Осада іорскихъ евреевъ. — Іоаннъ Безземельный и евреи.

1171—1205.

Прежде чѣмъ мрачныя тучи ядовитой ненависти собрались со всѣхъ сторонъ надъ домомъ Іакова и омрачили его горизонтъ, не оставя ему клочка голубаго неба; прежде чѣмъ гибельныя стихіи разразились надъ главою израильской общины; прежде чѣмъ злой принципъ возбудилъ во имя Бога государей и народы, господъ и слугъ, великихъ и ничтожныхъ, противъ слабыхъ сыновъ Іуды, вооружая cadaго изъ нихъ убійствомъ и ненавистью противъ евреевъ, съ цѣлію уничтожить и втоптать ихъ въ грязь; прежде чѣмъ высокомерные

папы, возсѣдая на престолѣ Петра, какъ суди живыхъ и мертвыхъ, наложили клеймо на одежду еврейскихъ мужей и женъ, предавая ихъ тѣмъ общему презрѣнію и посмѣянію; прежде чѣмъ безуміе приготовило орудія пытки, орудія для выхиванія членовъ и изувѣченія тѣлъ невиннѣйшихъ изъ людей, дабы заставить ихъ сознаться въ преступленіяхъ, отъ которыхъ обвиняемые содрогались болѣе самихъ обвинителей; прежде чѣмъ лживые рассказы о дѣтоубійствѣ, объ отравленіи колодцевъ, о колдовствѣ евреевъ распространялись все болѣе и болѣе, внушая отвращеніе къ нимъ даже въ самыхъ добродушныхъ; прежде чѣмъ всѣ народы христіанской Европы превзошли въ варварскомъ обращеніи съ евреями дикихъ Монголовъ; прежде чѣмъ безконечныя муки изгнали кровь изъ ихъ сердець, мозгъ изъ костей, умъ изъ головы, превративъ ихъ въ слабыя существа и превративъ ихъ высокій полетъ въ низкое ползанье; однимъ словомъ, прежде чѣмъ настала для евреевъ адская жизнь, начавшаяся при папѣ Иннокентіи III и достигшая высшей степени при Фердинандѣ Католикѣ испанскомъ, не мѣшаетъ бросить взглядъ на разсѣянные по извѣстному въ то время земному шару еврейскія общины, обратить вниманіе на ихъ положеніе въ различныхъ странахъ, чтобы знать, чѣмъ они въ то время владѣли и чего ихъ лишилъ дьявольскій фанатизмъ. Ненависть, проповѣдываемая противъ евреевъ во имя двухъ религій, не могла еще въ то время наложить на нихъ печать отверженія. Правда, въ одномъ мѣстѣ ихъ уже презирали и ненавидѣли, какъ достойный проклятія народъ, зато въ другомъ они считались еще гражданами и достойными уваженія людьми. Въ одной странѣ они были уже слугами, въ другой же государи и города вѣряли имъ важныя должности; въ одномъ мѣстѣ ихъ унизили до состоянія рабства, въ другомъ они владѣли мечемъ и боролись за свою независимость. Краткое обозрѣніе положенія и стремленій евреевъ въ главныхъ странахъ трехъ частей стараго свѣта, во второй половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, представляетъ много интереснаго и даетъ вѣрное понятіе для оцѣнки послѣдующей исторіи.

Въ Азїи еврей было многочисленнѣе, чѣмъ въ Европѣ, но европейскіе обладали большимъ просвѣщеніемъ, и потому Европа должна считаться главнымъ мѣстопребываніемъ еврейства. Здѣсь пробудилось самосознаніе, здѣсь еврейскіе мыслители старались объяснить значеніе еврейства среди другихъ религій и народовъ, а также задачу, выпадавшую въ общемъ на долю каждаго. Въ Африкѣ у евреевъ мышленіе было такъ же мало развито, какъ и у магометанъ; въ религій шли по слѣдамъ предковъ. Центръ еврейства находился все еще на Пиренейскомъ полуостровѣ. Еврейская Испанія все еще пользовалась преимуществомъ; такъ какъ въ ней сильнѣе всего проявлялось самосознаніе. Евреи жили во всѣхъ пяти государствахъ, образовавшихся на этомъ благодатномъ, политически-раздробленномъ полуостровѣ: въ Кастили, Леонѣ, Арагоніи, Португаліи и Наваррѣ. Лишь въ южной Испаніи, въ магометанской Андалузїи, со времени завоеванія ея Алмогадами, нетерпѣвшими иновѣрія, не появлялись еврей, по крайней мѣрѣ, открыто. Древнїя мѣстопребыванія еврейской учености: Кордова, Севилья, Гранада, Луцена опустѣли; ихъ замѣнилъ Толедо, главный городъ Кастили и всей страны. Толедская община сдѣлалась съ того времени передовою; въ ней было болѣе 12,000 членовъ ¹⁾. Городъ этотъ, изобиловавшій роскошными зданіями, обладалъ двѣнадцатью великолѣпными синагогами, «съ прелестью которыхъ никакія другія не могли сравниться» ²⁾. Въ средѣ толедскихъ евреевъ находилось много не только богатыхъ и образованныхъ, но и храбрыхъ мужей, умѣвшихъ владѣть оружіемъ ³⁾. Еврейскіе юноши обучались фехтованію, съ цѣлю быть рыцарями ⁴⁾. Въ царствованіе Альфонса VIII, прозваннаго Благороднымъ (1166—1214), способные евреи занимали высокое положеніе, состояли въ государственной службѣ и,

¹⁾ Натанъ Ибнъ-Іархи въ Zakuto.

²⁾ Харизи Tackemoni Pforte 46; сравн. зам. 1, прим. 1.

³⁾ Тамъ-же зам. 1, IV.

⁴⁾ Ибнъ-Берга Schebet Iehuda № 9.

съ своей стороны, много способствовали величію полюбившагося имъ отечества. Высокое мѣсто при дворѣ Альфонса занималъ Иосифъ бенъ Соломонъ Ибнъ-Шошанъ (Альяхидъ Ибнъ-Омаръ), прозванный «княземъ» (род. около 1135, ум. 1204—5) ¹⁾. Ученый, благочестивый, богатый и благотѣтельный Ибнъ-Шошанъ пользовался милостью короля и, вѣроятно, занимался государственными дѣлами. «Онъ пользовался милостью и любовью короля и высокопоставленныхъ особъ» ²⁾. Своею щедростью онъ поощрялъ изученіе талмуда и построилъ съ царскимъ великолѣпіемъ тринадцатую синагогу въ Толедо. Сынъ его, Соломонъ, наследовалъ многія его добродѣтели.

Высокаго уваженія при дворѣ Альфонса удостоился Авраамъ Ибнъ-Алфахаръ (Hajozeg, род. около 1160, ум. послѣ 1223) ³⁾, «увѣнчанный благородными качествами и великодушными дѣяніями». Онъ славился словомъ и дѣломъ, былъ украшеніемъ государя, славою князей. Отлично владѣя арабскимъ языкомъ, Ибнъ-Алфахаръ изысканно писалъ въ прозѣ и сочинялъ прекрасные стихи, высокое достоинство которыхъ заставило одного арабскаго писателя собрать ихъ; между ними находилось хвалебное стихотвореніе королю Альфонсу. Этотъ благородный король отправилъ однажды Ибнъ-Алфахара посломъ къ мароккескому двору князя правовѣрныхъ Абу-Якуба Юсуффа Алмостанзира. Не смотря на то, что этотъ властелинъ Алмогадовъ, придерживаясь политики своихъ пред-

¹⁾ Тамъ-же зам. 1. прим. 1.

²⁾ Эпитафія Ибнъ-Шошана, тоже зам.

³⁾ Объ этомъ Алфахарѣ см. эпитафія толедской общины (Abne Zikkaron) стр. 68 и къ тому же замѣтки Рапапорта въ Kerem Chemed VII, стр. 248; да-лѣе, Almakari въ Gayangos history of the mohammedan dynasties in Spain и къ тому же замѣтки Лебрехта въ Literatur des Auslandes Jahrg. 1841. № 36, Orient 1841, стр. 250. Годъ смерти слѣдуетъ приблизительно изъ того обстоятельства, что поэтъ Иегуда б. Исаакъ посвятилъ свою, враждебную женскому полу, сатиру (Minhat Iehuda) 1218 Авр. га-Юцеру—Алфахару (Таам Zekenim 12). Такъ какъ Алф., судя по его эпитафіи, умеръ въ среду 25 Тебета, то формула года его кончины **בשנ**, **בשנ**, **בשנ** или **בשנ**. Эти формулы являются послѣ 1218 лишь въ 1224, 1228, 1231. Въ послѣднемъ году онъ уже, навѣрное, не былъ въ живыхъ.

ковъ, которая не терпѣла иновѣрія и потому воспрещала евреямъ жить въ его государствѣ, а предписывала принявшимъ исламъ евреямъ носить, въ отличіе отъ природныхъ магометанъ, отвратительную одежду, — любезно принялъ еврейскаго посла Альфонса. Когда Ибнъ-Алфахаръ отправился на аудіенцію къ визирю Алмостанзира, для передачи своей вѣрительной грамоты, его повели чрезъ волшебные дворцовые сады, гдѣ роскошь и аромат прельщали чувства. Но садовникъ былъ настолько же безобразенъ, насколько былъ прелестенъ садъ. На вопросъ визиря, какъ ему понравился садъ, Ибнъ-Алфахаръ отвѣтилъ: «Я непремѣнно счелъ бы его за рай, еслибъ не зналъ, что рай охраняется прекраснымъ ангеломъ (редванъ), тогда какъ въ этомъ саду сторожемъ противный дьяволъ (малекъ), ведущій въ адъ». Визирь улыбнулся этому остроумному сравненію и счелъ нужнымъ сообщить его Алмостанзирю. Послѣдній замѣтилъ еврейскому послу: «Безобразный привратникъ выбранъ именно съ тою цѣлью, чтобъ облегчить евреямъ входъ въ этотъ рай, ибо редванъ никоимъ образомъ не впустилъ бы туда невѣрующаго». — Родственникъ его, Гуда бенъ Іосифъ Ибнъ-Алфахаръ, также имѣлъ титулъ «князя»¹⁾.

Хотя оба толедскіе мецената того времени, Ибнъ-Шошанъ и Ибнъ-Алфахаръ, сами знали талмудъ и покровительствовали его изученію, однако толкованіе талмуда въ высокомъ смыслѣ не процвѣтало въ столицѣ Испаніи такъ, какъ во времена Алфасси, его учениковъ и школы Раши. Въ Толедо не появилось ни одного значительнаго талмудиста. Община въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій должна была выписывать себѣ раввиновъ извнѣ. Хотя сынъ и племянникъ Іосифа Ибнъ-Мигаши (см. стр. 131), оба по имени Меиръ²⁾, переселившись изъ Луцены вслѣдствіе преслѣдованія Алмогадами, основали значительное училище въ Толедо, но имъ не удалось укоренить здѣсь болѣе глубокое знаніе талмуда. То-

¹⁾ Маймонидскій сборникъ писемъ ed. Amst. стр. 23.

²⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ и Харизи, тамъ-же Pforte 46.

ледскіе евреи обнаруживали болѣе склонности къ наукамъ и поэзіи. Они съ большимъ удовольствіемъ занимались философіею, размышляли о религіи, и вѣра ихъ боролась съ сомнѣніемъ. Они были самыми просвѣщенными изъ испанскихъ евреевъ¹⁾.

Въ то время находился въ Толедо молодой поэтъ Іегуда бенъ Соломонъ Алхаризи (или Харизи, род. около 1170, ум. около 1230²⁾), послѣдній представитель ново-еврейской поэзіи въ Испаніи, начавшейся Дунашемъ бенъ Лабратомъ, процвѣтавшей при Ибнъ-Гебиролѣ и Іегудѣ Галеви и упавшей при вышеозначенномъ поэтѣ. Харизи, остроумный какъ Авраамъ Ибнъ-Езра, пѣвецъ подобный лучшимъ пѣвцамъ цвѣтушихъ временъ, писалъ стихи съ легкостью, не знавшею препятствій. Его можно назвать Овидіемъ ново-еврейской поэзіи, которому онъ уподобляется своею вѣтренностью и несдержанностью. Его жизнь и характеръ напоминаютъ Ибнъ-Езру. Подобно ему, Харизи жалуется на превратность судьбы:

«Когда-бъ потоки слезъ равнялись съ моимъ горемъ, то на землѣ не было-бъ сухаго мѣста! Но не однимъ потокамъ быстрыхъ, бурныхъ волнъ, а и слезамъ моимъ дарованъ отблескъ радуги!»³⁾

Ему также пришлось бѣдствовать и много лѣтъ провести въ странствованіяхъ; онъ былъ въ южной Франціи, проѣхалъ черезъ Египетъ въ Палестину и Сирію и проникъ въ Персію. Все видѣнное и пережитое имъ, мудрость и глупость,

¹⁾ Такъ ихъ описываетъ Менрь Галеви Абулафія въ своемъ посланіи къ Нахману въ маймонидскомъ сборникѣ писемъ.

²⁾ Изъ того, что Харизи перевелъ часть маймонидоваго комментарія къ Мишаѣ еще при жизни автора и писалъ къ нему стихи, слѣдуетъ, что онъ въ концѣ 12-го столѣтія былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, и такъ какъ онъ говоритъ объ Іосифѣ бенъ Авниѣ въ Галейбѣ, какъ о бывшемъ въ живыхъ, но не пержившемъ спора за и противъ Маймонида, то годъ смерти его падаетъ на 1226—1232. О годѣ его первыхъ странствованій, см. зам. 1., прим. 1.

³⁾ Это стихотвореніе, приписываемое прежде Ибнъ-Езрѣ, принадлежитъ Харизи, какъ то доказалъ Дукесъ. Переводъ Кемпфа, «erste Makamen des Charisi» (Berlin 1848) и «Nichtandalusische Poesie andalusischer Dichter» (Prag 1859), на котораго я ссылаюсь во всемъ, что касается Харизи.

нравственность и безнравственность, излагалъ онъ въ пѣсняхъ. Муза Харизи одинаково воспѣвала прежнее величіе и современную вдовью печаль Сіона, вино и его веселье; онъ въ стихахъ описывалъ бесѣду души съ умомъ и тѣломъ, разницу вѣроисповѣданій раввинистовъ и караймовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ муки, причиняемыя блохою. Харизи не воодушевлялся ничѣмъ серьезно, исключая еврейскаго языка. И видя, что языкъ этотъ ставился даже евреями ниже арабскаго, онъ взялся доказать переводомъ чудснаго романа арабскаго поэта Гарири, что и еврейскій языкъ, не смотря на свою скромность, богатъ и звученъ. Затѣмъ Харизи измѣнилъ планъ и, по примѣру Гарири и Ибнъ-Сакбела (см. с. 137), сочинилъ самостоятельный романъ. Поэтъ, скрываясь подъ именемъ Гемана Эрагита, ведетъ интересные, забавные и остроумные разговоры съ искателемъ приключеній, кенитомъ Геберомъ. Такимъ образомъ онъ составилъ родъ драматическаго романа подъ заглавіемъ Тахкемони. Онъ подвергаетъ въ немъ строгой критикѣ произведенія древнихъ и современныхъ поэтовъ, выказывая себя эстетическимъ критикомъ, хорошо знающимъ, каковы должны быть стихи, чтобы нравиться. Но стихи самого Харизи скорѣе остроумны, нежели легки, и потому проза его пріятнѣе строго-размѣренныхъ стиховъ. Они показываютъ уже упадокъ новоеврейской поэзіи. Послѣдняя старается болѣе занять читателя неожиданностями и остроумными намеками, чѣмъ нравится эстетическому чувству. Харизи отлично умѣлъ характеризовать лирической полетъ и прелесть поэзіи Ибнъ-Гебиры и Іегуда Галеви, но не умѣлъ подражать имъ. Поэзія не была для него, какъ для Ибнъ-Гебиры и Іегуды Галеви, возлюбленною или сестрою, но кокетливою подругою. Его игривый способъ писать стихи высказывается въ томъ, что въ каждомъ длинномъ стихотвореніи первый стихъ всегда еврейскій, второй арабскій, третій халдейскій. Харизи имѣлъ также нѣкоторое понятіе о талмудѣ и философіи; но главный его талантъ состоялъ въ способности къ стихотворству. Съ нимъ

еврейская поэзія перестала быть искусствомъ и сдѣлалась навывкомъ.

Въ то время былъ еще живъ престарѣлый историкъ и религиозный философъ Авраамъ Ибнъ-Даудъ (см. стр. 195) и служилъ украшеніемъ толедской общинѣ. Лишь въ 1180¹⁾ году онъ палъ мученикомъ въ народномъ возстаніи противъ евреевъ, начало и обширность котораго не опредѣлены точно, но которое было мимолетнымъ. Возможно и то, что черезъ-чуръ великая снисходительность Альфонса къ евреямъ возбуждала противъ нихъ возстаніе. Этотъ государь, женатый на англійской принцессѣ, имѣлъ открытую любовную связь съ прелестною еврейскою дѣвицею Рахилью, которая за красоту получила прозваніе Формозы. Связь эта не была легкаго свойства, а длилась семь лѣтъ. Одинъ поэтъ воспѣвалъ эту любовь:

«Забылъ король свою супругу, а удалился съ нею; король такъ страстно любилъ ее, что позабылъ и царство и народъ»²⁾.

Однажды на прекрасную еврейку, сидѣвшую на своемъ блестящемъ балконѣ, неожиданно напали заговорщики, убили ее въ присутствіи короля и вмѣстѣ съ нею ея друзей, вѣроятно, по повелѣнію королевы и духовенства. При этомъ случаѣ произошло быть-можетъ нападеніе на евреевъ, жертвою котораго сдѣлался Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

Но это не помѣшало толедскимъ евреямъ усердно помогать Альфонсу въ войнѣ съ Маврами. Когда онъ собралъ многочисленное войско для уничтоженія могущества Алмогадовъ, желавшихъ вновь проникнуть подъ начальствомъ Іакова Алмансура внутрь Испаніи, тогда евреи снабдили обѣдѣвшаго короля своими богатствами для вооруженія

¹⁾ Пакуто дважды. Въ Schebet Iehuda Ибнъ-Верги № 5 эта мученическая смерть относится не къ Авр. Ибнъ-Дауду, но къ Іосифу Ибнъ-Нагрелѣ, по способу чтенія амстерд. изданія.

²⁾ Derring romanero castellano I, № 206. И другіе источники повѣствуютъ о любви Альфонса къ еврейкѣ, фактъ, отвергаемый лишь новѣйшими испанскими историками; сравн. Ашбаха, Geschichte Spaniens unter den Almoraviden und Almohaden II. стр. 332. St. Hillaire histoire d'Espagne V, стр. 181, 527.

войска. Когда же битва при Аларкосѣ (19 Юля 1195) имѣла для него неблагоприятный исходъ, цвѣтъ христіанскаго рыцарства остался на полѣ брани, Алмогады опустошили повсемѣстно прекрасную Кастилію и Альфонсъ былъ принужденъ отступить въ свою столицу, чтобы спасти ее отъ гибели, тогда евреи сражались наравнѣ съ прочими жителями, чтобы отбить наступленіе врага¹⁾, и много способствовали его отступленію. Для кастильскихъ евреевъ было очень важно не допустить Алмогадовъ овладѣть столицею, чтобы не подвергнуться фанатизму мусульманъ. Великою радостью было для нихъ отступленіе Алмогадовъ, послѣ того какъ короли аррагонскій и кастильскій заключили союзъ для изгнанія этого племени. Союзъ этотъ причинилъ много бѣдъ евреямъ королевства Леона, когда соединенныя войска проходили чрезъ эту область, опустошая все на пути. При этомъ походѣ древнѣйшій еврейскій экземпляръ библіи въ Испаніи, бывшій доселѣ подъ названіемъ Гиллали (см. стр. 132) образцомъ для переписчиковъ (написанный будто въ 600 году), сдѣлался добычею врага (9 Аб. 1197)²⁾.

Въ Аррагоніи, къ которой со времени Рамона Беренгера IV принадлежала и Каталонія, евреи жили также счастливо, имѣя возможность развивать свои душевныя и умственныя способности. Альфонсъ II (1162—1196), поощрявшій и покровительствовавшій провансальской поэзіи, былъ благоклоненъ къ мужамъ слова и мысли, а таковыми считались тогда большею частью евреи. Хотя Сарагосса была столицею Аррагоніи и издревле имѣла еврейскую общину, но Барселона, благодаря своему благоприятному приморскому положенію и процвѣтавшей торговлѣ, считалась центромъ сѣверной Испаніи. Барселона напыщенно прославляется поэтому

¹⁾ См. зам. 1. IV.

²⁾ Цакуто изд. Филиповскаго, стр. 221, вѣрнѣе, нежели въ ed. Amst. 99 b. Въ обоихъ впрочемъ должно быть исправлено число, ибо «опустошеніе страны двумя королями» (какъ Цакуто яснѣе обозначаетъ фактъ въ ed. F.) произошло лишь въ 1197 г.; см. Шмидта, *Geschichte Arragoniens im Mittelalter*, стр. 192 и слѣд.

Харизи, какъ «община князей и высокопоставленныхъ особъ»¹⁾. Во главѣ ея стоялъ философски-образованный врачъ, дипломатъ, знатокъ талмуда, и поэтъ Шеметь Бенвенисти (р. 1131, ум. около 1210)²⁾. Такъ какъ онъ отлично владѣлъ арабскимъ языкомъ, то король аррагонскій давалъ ему дипломатическія порученія, и Бенвенисти достигнулъ почестей и богатства; но, подобно Самуилу Ибнъ-Нагрелѣ, своимъ блестящимъ положеніемъ былъ вначалѣ обязанъ своему перу. Подобно этому еврейскому князю, Шеметь Бенвенисти покровительствовалъ мужамъ науки и изученію талмуда. Поэты чрезмѣрно прославляли его благородныя стремленія и щедрость. Поэтъ Харизи называетъ его «княземъ князей, имени котораго повѣствуетъ востокъ и западъ».

«Вы спрашиваете меня, кто благородный Шеметь? Онъ высшая краса времени; жизнь его можетъ сократиться, но благодетству его нѣтъ конца».

Другой поэтъ въ Барселонѣ, Іосифъ Ибнъ-Сабара, посвятилъ ему свое поэтическое произведеніе, а также родъ нравственнаго романа, въ которомъ говорится о различныхъ приключеніяхъ, но только съ большою напыщенностью и меньшимъ вкусомъ, чѣмъ у Харизи. Шеметь Бенвенисти сочинилъ на 72 году отъ рожденія длинную хвалебную пѣснь въ честь Іосифа Ибнъ-Шошана въ Толедо, состоящую изъ 142 стиховъ (см. стр. 230). Самымъ значительнымъ послѣ него лицомъ въ Барселонѣ былъ Самуиль бенъ Авраамъ Ибнъ-Хаздаи Галеви (процвѣталъ 1165—1216³⁾), «источникъ мудрости и океанъ мыслей», какъ о немъ преувеличенно говоритъ поэтъ Харизи. У него было пять ученыхъ сыновей, изъ которыхъ Авраамъ Ибнъ-Хаздаи приобрѣлъ себѣ имя въ лите-

¹⁾ Харизи Tachkemoni Pf. 46.

²⁾ См. зам. 1, прим. 1.

³⁾ У Веніамина должно читать Самуиль б. Авр. б. Хаздаи вмѣсто Соломона, такъ что тотъ тождественъ съ Самуиломъ барселонскимъ у Харизи (46). Это былъ вѣроятно отецъ Авраама б. С. б. Хаздая, автора Ben hamelech w'hanasir и переводчика этики Аллгадали, псевдоэпиграфич. Sefer Hataruach и другихъ сочиненій. Этическое сочиненіе Ben hamelech переведено на нѣмецкій языкъ Мейзелемъ.

ратурѣ сочиненіемъ нравственнаго романа «Принцъ и дервишъ» и переводомъ философскихъ сочиненій.

Община въ Туделѣ, маленькомъ городѣ при Эбро, бывшая предметомъ раздора между королями аррагонскимъ и наваррскимъ, своею храбростью дважды завоевала себѣ равноправность съ христіанами и магометанами этого мѣстечка и владѣла укрѣпленнымъ замкомъ для своей безопасности¹⁾. Изъ среды ея вышелъ ученый путешественникъ Веніаминъ бенъ Иона Тудельскій, которому не только еврейская, но и всеобщая исторія обязана интересными и правдивыми свѣдѣніями. Онъ проѣхалъ (1165—1173)²⁾ чрезъ большую часть южной Европы, Азии и Африки, неизвѣстно только, купцомъ ли или любознательнымъ благочестивымъ путникомъ, отыскивающимъ слѣды мессіанскаго избавленія; онъ наблюдалъ особенности каждой страны, cadaго города, интересовался всѣмъ и перedal свои наблюденія въ описаніи путешествія (*Maseot Benjamin, Itinerarium*), которое было переведено почти на всѣ новѣйшіе языки. — Маленькая община Героны при рѣкѣ Теръ въ Каталоніи была мѣстомъ рожденія многихъ ученыхъ мужей, прозывавшихся Геронди и прославившихъ свой городъ. Это была строго религіозная община, удалявшаяся отъ вліянія философіи и чтившая выше всего талмудъ. Здѣсь жилъ Исаакъ Галеви, важный талмудистъ и авторъ сочиненія о гражданскихъ правахъ. Знаменитѣе его былъ второй сынъ его Серахъ Галеви Геронди (р. около 1125, ум. 1186). Воспитанный въ нарбоннской школѣ, онъ усвоилъ глубокое знаніе талмуда, занимался также грамматикою, зналъ арабскія произведенія Ибнъ-Ганаха, придавалъ большое значеніе изящному еврейскому стилю и потому давалъ свои письма исправлять Іегудѣ Ибнъ-Тиббону, глубокому знатоку изящества еврейскаго и арабскаго языковъ, дабы онѣ были безукоризненной формы³⁾.

1) См. Кайзерлинга, еврей въ Наваррѣ, стр. 11, 15.

2) См. зам. 10. Большая часть данныхъ въ этой главѣ почерпнута изъ *Itinerarium* Веніамина Тудельскаго; поэтому я упоминаю только другіе источники.

3) Объ Р. Серахѣ см. монографію Рейфмана, *La France israelite*; Кармоли

Онъ написалъ нѣсколько литургическихъ молитвъ и свѣтскихъ стихотвореній серьезнаго и сатирическаго содержанія, имѣющихъ лишь небольшое поэтическое достоинство. Р. Серахья Галеви обладалъ также частицею философскаго образованія и можетъ-быть первый въ своей странѣ занимался ею. Главная его сила состояла въ талмудѣ. Такъ какъ ему извѣстны были произведенія испанской и французской школы, то онъ соединялъ въ себѣ Алфасси и Раши, Иосифа Ибнъ-Мигаша и Р. Тама, отличался вмѣстѣ съ тѣмъ глубиною и основательностью, критикой и сообразительностью и обладалъ вообще аналитическимъ и синтетическимъ умомъ. Будучи еще юношею, именно девятнадцати лѣтъ, онъ писалъ талмудическія сочиненія и глоссы къ талмудическимъ произведеніямъ Алфасси, но ему самому показалось столь великою дерзостью осуждать изслѣдованія представителя талмудической учености, что онъ не осмѣлился предать ихъ гласности. Въ общинѣ смѣялись надъ его скороспѣлою ученостью и говорили о немъ: «Вино твое молодо, потому что молодъ соудъ». Р. Серахья подвергся, кажется, преслѣдованіямъ въ Геронской общинѣ и принужденъ былъ выселиться. Но за то онъ отомстилъ ей сатирою, говоря въ ободреніе себя:

„Молодъ ты годами, но старъ умомъ, приобрѣтешь себѣ полеть орлиный, совьешь свое гнѣздо въ небесахъ въ насмѣшку твоимъ сограждаамъ, бѣднымъ мудростью“¹⁾.

Оттуда онъ отправился въ Люнель, гдѣ имѣлъ много друзей и гдѣ его охотно принялъ подъ свою защиту одинъ покровитель науки. Здѣсь онъ написалъ нѣсколько талмудическихъ диссертаций противъ южно-французскаго талмудическаго авторитета (Авраама б. Давида) и, будучи уже въ лѣтахъ (около 1172—80)²⁾, выработалъ свои глоссы къ со-

и завѣщаніе Іегуды Ибнъ-Тиббона, Берлинъ 1852, стр. 9. О годѣ его смерти зам. 1, IV.

1) У Рейфмана, стр. 30.

2) Что Маоръ написалъ не въ 1140—47 годахъ, а позднѣе, безспорно доказывается тѣмъ, что объ Р. Тамѣ упоминается, какъ объ умершемъ; см. Chulin III, стр. 14 в. Число субботняго года не противорѣчитъ этому.

чиненіямъ Алфасси о большей части талмуда, предавъ ихъ гласности подъ заглавіемъ Маоръ. Въ этомъ критическомъ произведеніи Серахья Геронди обнаруживаетъ смѣлую самостоятельность, настаиваетъ всюду на точномъ пониманіи талмуда и не отступаетъ ни передъ какими выводами. Проникнутый смиреніемъ и любовью къ истинѣ, авторъ извиняется въ томъ, что, не смотря на почитаніе великаго учителя луценскаго, осмѣливается критиковать его выводы. Истина же есть жестокая повелительница, которая не успокоивается и не уважаетъ ни чьей личности. Онъ закликаетъ переписчиковъ своего сочиненія не пропускать предисловія къ нему, дабы читатели — потомки знали, что онъ былъ преисполненъ почтенія къ Алфасси. Въ видѣ прибавленія къ своему сочиненію, Р. Серахья издалъ 13 правилъ, посредствомъ которыхъ все темное и опущенное въ талмудѣ можетъ быть разъяснено и дополнено. Въ этихъ правилахъ онъ также обнаружилъ много критической смѣлости. Но именно самостоятельность и не нравилась его современникамъ, привыкшимъ держаться авторитетовъ. Р. Серахья въ пониманіи талмуда опередилъ современные взгляды, почему его произведенія и подверглись сильнымъ нападкамъ. О жизни его и положеніи въ свѣтѣ ничего болѣе неизвѣстно.

По ту сторону Пиренейскихъ горъ, въ Лангедокъ или Провансѣ, настали для евреевъ въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія самые счастливые дни. Не смотря на то, что южная Франція относительно просвѣщенія и нравовъ имѣла сѣверо-испанскій характеръ, она, будучи раздѣлена между нѣсколькими властелинами, представляла разнообразіе, которое породило такую цвѣтущую культуру, какой она послѣ того болѣе не видѣла. Южная Франція принадлежала частью французской коронѣ и частью германскому государству въ качествѣ вассальной, затѣмъ королю арагонскому, какъ графу провансальскому, далѣе графу Тулузскому и С.-Жильскому; и наконецъ разнымъ вассальнымъ владѣльцамъ, графамъ, вице-графамъ и баронамъ, которые почти всѣ предпочитали болѣе свободный образъ жизни, любили процвѣтавшую тогда провансальскую

поэзію, покровительствовали наукамъ и не были лицемѣрными служителями церкви. Рядомъ съ дворянствомъ возникло свободное, зажиточное мѣщанство, охранявшее свою самостоятельность, какъ зѣницу ока. Внутреннія отношенія жителей къ мусульманамъ и къ евреямъ значительно ослабили предрассудки запада противъ жителей востока¹⁾. Таже свобода духа провансальцевъ, которая враждебно относилась къ католической церкви, презирала папскія буллы, осмѣивала высокомѣрное духовенство, бичевала пороки римскаго двора и создала секту альбигойцевъ, открыла свое сердце еврейству и его представителямъ. Между провансальскими вольнодумцами, которыхъ упорная католическая церковь обзывала еретиками, были личности, признававшія тайно и открыто, что «законъ еврейскій лучше христіанскаго²⁾». Многіе изъ великихъ и малыхъ владѣтелей южной Франціи, безъ предрассудковъ, принимали на службу еврейскихъ чиновниковъ, ввѣряя имъ высшую должность областного начальника (Vajulus, Bailli), съ которою во время отсутствія государя были связаны полицейская и судебная власти. Евреи этой страны, благословенной природою и исторіею, чувствовали себя свободно, поднимали высоко голову, принимали живое участіе въ интересахъ страны и съ неутомимымъ рвеніемъ покровительствовали умственнымъ стремленіямъ. По мѣрѣ того какъ христіане принимали каждое нововведеніе, южно-французскіе евреи не оставались при старомъ, а старались вникнуть въ него и провѣрить его разсудкомъ. Но, не смотря на великое рвеніе провансальскихъ евреевъ къ наукѣ, они не были самостоятельными мыслителями, могущими проложить путь собственному направленію въ границахъ еврейства. Еврейскій Провансъ не произвелъ ни одной личности, создавшей какое-либо оригинальное произведеніе, ни одного глубокаго

¹⁾ См. о томъ Христіана Ульриха Гана *Geschichte der Ketzler im Mittelalter* 149 и слѣд.

²⁾ *Isti sunt articuli, in quibus errant moderni haeretici — 10 dicunt quod lex Judaeorum melior est quam lex Christianorum*, въ Vaisatte *histoire générale de Languedoc III, preuves*, стр. 372.

мыслителя или славнаго поэта и вообще ни одной личности, проложившей путь въ какой либо отрасли науки. Провансальскіе евреи были вѣрными послѣдователями иностранныхъ учителей, усвоивали ихъ произведенія, охраняли ихъ съ большою стойкостью, будучи при этомъ часто лишь чернорабочими въ наукѣ, переводчиками и распространителями произведеній чужаго ума. Но, отдаваясь свободнымъ изслѣдованіямъ, они всею душою любили еврейство. Еврейскія добродѣтели были въ высшей степени присущи имъ, и дома ихъ были гостепріимно открыты каждому чужому; они тайно помогали нуждающимся и ежечасно творили благодѣанія. Богачи отдавали въ ученіе дѣтей бѣдныхъ родителей, дая имъ книги, стоившія въ то время громаднхъ денегъ¹⁾. Болѣе всего къ ихъ чести относится то, что общины держались другъ друга и принимали участіе въ общихъ дѣлахъ. Угрожала ли одной общинѣ опасность, другая тотчасъ была готова помочь ей и отвратить отъ нея бѣду. Своимъ богатствомъ они обязаны были отчасти земледѣлію, отчасти всемірной торговлѣ, которая процвѣтала тогда между французскими портами и Испанією, Италією, Англиєю, Египтомъ и Востокомъ.

Главною общиною южной Франціи была Нарбонна; она состояла въ то время изъ трехъ-сотъ членовъ. Во главѣ ея, въ царствованіе умной, мужественной княгини Эрменгарды, стоялъ Калонимъ б. Тодросъ, изъ древняго рода, предокъ котораго Р. Махиръ поселился тамъ при Карлѣ Великому (кн. V). Калонимъ владѣлъ многими землями, которыя такъ были за нимъ укрѣплены, что никто не могъ отнять ихъ у него. Во главѣ стараго училища находился признанный авторитетомъ Авраамъ б. Исаакъ, носившій титулъ высшаго судьи (Ab-Bet-din, ум. осенью 1178²⁾). То былъ мужъ строго тал-

1) Наравнѣ въ Веніаминомъ Тудельскимъ Д. Кимхи во второмъ посланіи къ Алфахару, маймонидскій сборникъ писемъ стр. 25.

2) Годъ смерти 4919=1159 въ Меири (введеніе къ Bet ha-Bechirah 18 b), на которое ссылается Кармоли, не можетъ быть вѣрнымъ, такъ какъ Авраамъ б. I. говоритъ объ Р. Тамѣ, какъ объ умершемъ, какъ замѣчаетъ Цунцъ въ Geigers Zeitschrift II. 309.

мудическаго направленія, котораго чуть коснулось образованіе. Но его талмудическая ученость была болѣе обширною, нежели глубокою; его ученики, Р. Серахья и Авраамъ б. Давидъ, опередили его еще при жизни. Авраамъ б. Исаакъ написалъ талмудическое произведеніе (Eschcol), которое высоко чтилось потомками ¹⁾. — Въ Нарбоннѣ въ это время жили Кимхиды, произведенія которыхъ хотя не равнялись ихъ славѣ, но повліяли болѣе великихъ учителей непосредственно на Провансъ, и косвенно на потомство. Родоначальникъ Іосифъ бенъ Исаакъ Кимхи (процвѣталъ 1150—70) выселился изъ южной Испаніи въ Нарбонну, должно быть вслѣдствіе преслѣдованія Алмогадами за вѣру. Онъ зналъ по арабски и перевелъ нравственно-философское сочиненіе Бахьи и еще нѣкоторыя другія правильнымъ плавнымъ еврейскимъ языкомъ, написалъ еврейское грамматическое произведеніе и объясненіе къ священному писанію, отрывки котораго заставляютъ не сожалѣть о потерѣ цѣлаго, и наконецъ сочинилъ много литургическихъ молитвъ, удовлетворяющихъ по своему наружному виду всѣмъ условіямъ доведенной въ Испаніи до совершенства художественной формы новоеврейской поэзіи, но имѣющихъ мало поэтическаго достоинства. Заслуга Іосифа Кимхи состоитъ исключительно въ томъ, что онъ ввелъ въ южной Франціи еврейскую культуру Испаніи и значительно дополнилъ кратковременную дѣятельность Ибнъ-Езры. Ему приписываютъ также полемическое сочиненіе противъ христіанства, состоящее въ разговорахъ вѣрующаго (Maamin) съ отступникомъ (Min). Будь это сочиненіе поддѣльнымъ или неподдѣльнымъ, оно во всякомъ случаѣ принадлежитъ тому времени и той странѣ и бросаетъ благоприятный свѣтъ на нравственность евреевъ въ противоположность христіанскому населенію. Вѣрующій утверждаетъ, что истинная религія евреевъ выражается въ ихъ нравственномъ поведеніи. Они соблюдаютъ по крайней мѣрѣ десять заповѣдей съ чрезвычайною добросовѣстностію. Они не только

¹⁾ Азулай sub voce.

не почитали ни одного существа наравнѣ съ Богомъ, но и страшились ложныхъ клятвъ. Между ними не находится ни убійць, ни нарушителей супружеской вѣрности, ни разбойниковъ, между тѣмъ какъ христіанскіе разбойники нерѣдко грабятъ, вѣшаютъ и обманываютъ слабыхъ. Дѣти евреевъ воспитываются въ строгости и страхѣ божіемъ, изъ устъ ихъ не должно вылетать ни одного нескромнаго слова. Еврейскія дѣвушки скромно сидятъ дома, между тѣмъ какъ христіанскія пренебрегаютъ скромностью. Еврей оказываетъ братское гостепріимство другому, выкупаетъ заключенныхъ, одѣваетъ нагихъ и питаетъ голодныхъ. Всѣ эти добродѣтели евреевъ христіанскій противникъ признаетъ за общезвѣстныя и осуждаетъ въ евреяхъ лишь то, что они берутъ большія проценты съ христіанъ. Этотъ упрекъ еврейскій ораторъ смягчаетъ тѣмъ, что и христіане берутъ лихоимные проценты даже со своихъ единовѣрцевъ, между тѣмъ какъ еврейскіе богачи даютъ деньги безъ процентовъ своимъ единоплеменникамъ¹⁾.

По слѣдамъ отца пошли два его сына Моисей и Давидъ Кимхи. Первый (процвѣталъ 1170 — 90) былъ еще посредственнѣе своего отца, и этотъ характеръ незначительности отразился на его грамматическихъ и экзегетическихъ трудахъ. Младшій братъ, Давидъ Кимхи (род. 1160, ум. около 1235)²⁾, хотя и сдѣлался учителемъ еврейскаго языка для евреевъ и христіанъ Европы, но если придавать какое-либо значеніе его грамматическимъ, лексикальнымъ и экзегетическимъ произведеніямъ, то должно забыть, что до него жили великіе учителя Ибнъ-Ганахъ, Моисей Ибнъ-Гикатилла и Ибнъ-Езра, съ которыми онъ не выдерживаетъ сравненія. Давидъ Кимхи не произвелъ вообще ничего новаго. Во введе-

1) Milchamot Chobah ed. Const. стр. 20 b и слѣд., объ Иосифѣ Кимхи см. Orient, 1850 № 1 и слѣд., Ozar Nechmad 1. стр. 96 и слѣд., и Ландсгута Amude Aboda стр. 40 и слѣд.

2) Свой комментарий къ притчамъ онъ окончилъ въ 1178 г., см. Дукеса въ Orient 1847 col. 26 примѣч. Комментарій къ притчамъ, носящій имя Ибнъ-Езры, принадлежитъ М. Кимхи, какъ подтверждается многими.

ни къ своему грамматическому сочиненію (Michlol) онъ довольно открыто сознается, что хотѣлъ лишь уяснить разнообразныя и пространныя труды предшественниковъ. Въ заслугу ему можетъ быть развѣ поставлено только то, что онъ въ еврейскомъ языкѣ (по европейскому воззрѣнію) отыскалъ разницу между долгими и краткими гласными и тѣмъ облегчилъ пониманіе перехода гласныхъ, и наконецъ, что онъ сохранилъ между евреями хотя слабую память о простой, здравой, осмысленной экзегетикѣ въ сравненіи съ напыщеннымъ агадскимъ, каббалистическимъ и ложно-философскимъ способомъ толкованія.

Старая община въ Безье, которая съ такимъ почетомъ приняла Ибнъ - Езру (о. стр. 214), пользовалась еще болѣе Нарбонны счастливымъ положеніемъ подъ господствомъ вице-графа Раймондъ - Тренсеваля и сына его Рожера. Евреи и христіане этого города предпочитали свободу ума. Многіе изъ гражданъ были альбигойцами и отказались отъ повиновенія папѣ и католической церкви. Не смотря на то, сохранился древній обычай, въ силу котораго епископъ въ вербное воскресенье возбуждалъ прихожанъ противъ евреевъ, какъ богоубійцъ, и прихожане, вооружась камнями, нападали на еврейскія жилища. Но такъ какъ евреи, жившіе въ собственныхъ домахъ, обнесенныхъ стѣною, были каждый разъ наготовѣ и оборонялись, то въ каждомъ году происходило кровопролитіе. Старшины общины старались искоренить этотъ обычай, позорящій болѣе христіанскую религію, нежели еврейство, и имъ удалось склонить къ этому вице-графа. И тогдашній епископъ Вильгельмъ, какъ будто стыдясь столь дикаго поступка, также согласился не повторять его болѣе. 2-го Мая 1160 г. былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго каждый священникъ, возбуждающій народъ противъ евреевъ, будетъ отлученъ отъ церкви. Евреи обязались вносить ежегодно въ вербное воскресенье четыре фунта серебра¹⁾.

¹⁾ Источники въ Bezetta histoire de Languedoc II, 486.

Покровительствовавшій евреямъ вице - графъ Раймондъ Тренсеваль былъ неожиданно коварнымъ образомъ убитъ въ церкви нѣсколькими заговорщиками въ воскресенье (15 октября 1167 г.), изъ мести за то, что не далъ полного удовлетворенія гражданамъ относительно одного дворянина изъ своей свиты. Евреи Безье были запутаны въ эту ссору, вѣроятно, въ качествѣ приверженцевъ вице - графа. Нѣсколько гражданъ стали обвинять ихъ, и старшины общины были арестованы. Вскорѣ затѣмъ жестокое наказаніе постигло убійць графа и обвинителей евреевъ. Рожеръ добылъ себѣ вспомогательныя войска у короля Алонзо и осадилъ городъ Безье. Однако сначала онъ принужденъ былъ заключить миръ съ гражданами и даровать имъ прощеніе (1168), но не забылъ коварнаго убійства своего отца и ухитрился ввести въ городъ аррагонскія войска. Послѣднія неожиданно напали на гражданъ, убили мужчинъ, повѣсили главныхъ участниковъ и пощадили только евреевъ, какъ вѣрныхъ приверженцевъ его отца, а кромѣ нихъ только женъ и дѣтей (февраля 1170)¹⁾. У вице - графа Рожера, покровительствовавшаго альбигойцамъ, были также областными начальниками евреи Моисей де Каваритъ и Натанъ. Покровительствуя еретикамъ и евреямъ, онъ навлекъ на себя гнѣвъ духовенства и папы и тѣмъ уготовалъ себѣ трагическую кончину. Подъ его вѣдѣніемъ находились также общины Каркассоны, Разеца, Алета и Лиму, которымъ онъ далъ письменное обѣщаніе не обременять ихъ податями²⁾.

Въ цвѣтущемъ торговомъ городѣ Монпелье находилась значительная прованская община, имѣвшая богатыхъ членовъ, славившихся благотворительностью. Подобно общинѣ Безье, она отличалась любовью къ наукѣ, распространенію которой много способствовала медицинская академія съ царствовавшею въ ней свободою ученія. Владѣтели этого города не были такъ добры къ евреямъ, какъ сосѣди ихъ въ Безье.

1) Тамъ-же III, 24, см. зам. 1. IV.

2) То-же замѣчаніе.

Вильгельм VIII и сынъ его постановили въ своемъ завѣщаніи не назначать евреевъ на должность областного начальника (1178—1201), хотя послѣдній состоялъ должнымъ значительную сумму еврею Боне¹⁾. Кто находился въ то время во главѣ общины Монпелье, неизвѣстно. Изъ нея не вышло ни одной знаменитости, хотя она изобиловала учеными талмудистами²⁾, такъ что резиденція ея раввината сравнивалась съ санхидриномъ на Храмовой горѣ (Наг).

Ничтожный нынѣ городъ Люнель, недалеко отъ Монпелье, былъ подъ владычествомъ де-Госселиновъ значительнымъ городомъ, и еврейская община, состоявшая почти изъ трехсотъ членовъ, считалась наравнѣ съ Нарбонною передовымъ мѣстомъ еврейскаго Прованса. Въ ея талмудическое училище, соперничавшее съ нарбонскимъ, стекалось много учениковъ изъ чужихъ земель, и, когда между ними оказывались бѣдные, община снабжала ихъ всею необходимыми. Во главѣ общины находился мужъ, котораго современники прославляли какъ идеаль. Мешулламъ б. Іаковъ (ум. 1170), талмудически образованный и богатый, считался послѣднею инстанціею по всею вопросамъ науки и правъ. Заслужить его похвалу было счастьемъ писателей. «Душа его предавалась ученію его Бога, мудрость была его наслѣдствомъ; онъ освѣщалъ нашъ мракъ и указывалъ намъ вѣрный путь». Такъ и еще высокопарнѣе писалъ о немъ свободный современникъ³⁾. Р. Мешулламъ побуждалъ ученыхъ разработать то и то, въ особенности-же переводить на еврейскій языкъ произведенія еврейскихъ авторовъ, написанныя по арабски. Онъ первый возбудилъ въ провансальскихъ евреяхъ жажду познаній; для южной Франціи онъ имѣлъ то-же значеніе, какое имѣлъ Хаадаи Ибнъ-Шапрутъ для Испаніи. У Мешуллама былъ ученый зять Моисей б. Іегуда и пять ученыхъ сыновей, которые въ маломъ изображали два направленія, долженствовавшія всту-

¹⁾ Везетта тамъ-же 119 и preuves 127.

²⁾ См. Kerem Chemed V, стр. 3 внизу.

³⁾ Ибнъ-Тиббона, введеніе къ Бахьи Chobat ha-Lebabot.

леть въ скоромъ времени въ жестокую борьбу между собою. Одинъ изъ сыновей, Р. Ааронъ (процвѣталъ съ 1170 до 1210¹⁾) хотя и былъ посвященъ въ знаніе талмуда, но отдавалъ особое предпочтеніе философскому воззрѣнію на еврейство: двое другихъ, Іаковъ и Ашеръ, напротивъ того, поклонялись ученію, избѣгающему свѣта разсудка. Р. Іаковъ, не смотря на свое богатство, велъ аскетическую жизнь, не пилъ вина, за что и былъ прозванъ Назареемъ. Его считаютъ творцомъ новой каббалы и говорятъ, будто пророкъ Илія передалъ ему это таинственное ученіе²⁾. Еще болѣе строгій образъ жизни велъ братъ его, Ашеръ Люнельскій, бывшій также человѣкомъ съ состояніемъ. Онъ много постился, никогда не ѣлъ мяса и въ гомилетическомъ сочиненіи о десяти зановѣдяхъ воскресилъ старое полузабытое таинственное ученіе³⁾.

Однакоже въ люнельской общинѣ вообще преобладало научное направленіе. Представителями его были два мужа, имѣющіе славное имя въ еврейской словесности, именно: родоначальникъ Тиббонидовъ и Іонафанъ изъ Люнеля. Последній (Давидъ б. Когенъ) былъ значительнымъ талмудическимъ авторитетомъ и написалъ комментарий къ талмудическому сочиненію Алфасси. Тѣмъ не менѣе онъ любилъ науку и былъ однимъ изъ первыхъ, ратовавшихъ о томъ, чтобы утвердить за нею право гражданства въ еврействѣ. — Іегуда б. Саулъ Ибнъ-Тиббонъ (род. около 1120, ум. около 1190) происходилъ изъ Гранады и выселился въ Провансъ по случаю преслѣдованія евреевъ Алмогадами. Въ Люнелѣ онъ занимался медициною и былъ столь любимымъ врачомъ, что услугами его пользовались князья, рыцари, епископы, и даже выписывали его за море⁴⁾. Онъ основательно зналъ арабскій

¹⁾ Зам. 1. IV.

²⁾ Исаакъ изъ Акко въ *Meirat Enajim Ms.*

³⁾ См. о немъ Азулан *sub voce* № 237 и слѣд., и примѣчанія б. Іакова; дагге Рейфмана *Biographie des R. Sarachja* стр. 48, прим. 18.

⁴⁾ Его завѣщаніе, стр. 7, и введеніе къ нему.

языкъ и съ любовью занимался еврейскимъ. Но ученость довела его до такого педантизма, что прежде чѣмъ рѣшиться на какой либо шагъ, онъ нѣсколько разъ глубокомысленно взвѣшивалъ его. Время отъ времени онъ пересматривалъ значительное собраніе книгъ, содержащееся въ отличномъ порядкѣ, и былъ несчастливъ, если встрѣчалъ въ немъ какой либо беспорядокъ. Онъ обращалъ большое вниманіе на хорошій почеркъ и тому подобныя внѣшнія качества. Поэтому Ибнъ-Тиббонъ, можно сказать, родился переводчикомъ. По совѣту Р. Мешуллама, — съ которымъ онъ находился въ такихъ же дружественныхъ отношеніяхъ, какъ и съ Р. Серахьею изъ Героны и Авраамомъ бенъ Давидомъ, — и по убѣжденію другихъ друзей онъ послѣдовательно перевелъ съ арабскаго языка на еврейскій «обязанности души» Бахьи, «ученіе о нравственности» и «ожерелья» Ибнъ-Гебиры, религиозно-философское произведеніе Іегуды-Галеви, значительное грамматическое и лексикальное сочиненіе Ибнъ-Ганоха и наконецъ религиозную философію Саадіи (1161—1186). Въ его переводахъ отразился весь его педантической характеръ; они переданы буквально, но тяжелымъ слогомъ, рабски придерживаются арабскаго подлинника и насилуютъ еврейскій языкъ, придавая словамъ неслыханное значеніе. Іегуда Ибнъ-Тиббонъ вполнѣ сознавалъ обязанности добросовѣстнаго переводчика, которому необходимо знать основательно оба языка и содержаніе сочиненія; натянутость своего перевода онъ приписываетъ бѣдности еврейскаго языка ¹⁾. Всѣ прочія произведенія Ибнъ-Тиббона едва достойны упоминанія. Онъ сочинилъ еврейскую стилистику (Sod-Zachot ha-Laschon), болѣе уже не существующую, и оставилъ увѣщаніе сыну, свидѣтельствующее о нѣжной его привязанности къ своимъ, о преданности наукѣ, но также о его педантизмѣ. Тиббониды имѣютъ значеніе только какъ переводчики, подобно тому, какъ Кимхиды изъ Нарбонны важны лишь какъ грамматика.

¹⁾ Введеніе I. Ибнъ-Тиббона къ Chobat ha-Lebabot и къ Rikmah Ибнъ-Ганоха.

²⁾ Введеніе къ завѣщанію I. Ибнъ-Тиббона.

Второй ихъ Тиббонидовъ, Самуиль, сынъ перваго (р. около 1160, ум. около 1230), былъ по характеру совершенно противоположенъ отцу, даровитѣе послѣдняго, но легкомысленъ, расточителенъ и лѣнивъ. Отецъ его обращалъ тщательное вниманіе на воспитаніе сына, обучалъ его самъ и нанималъ для него дорогихъ учителей. Такимъ образомъ Самуиль Ибнъ-Тиббонъ изучилъ медицину, арабскій языкъ, талмудъ и относящіяся къ нему другія отрасли науки. Заботливый отецъ, даже женилъ его въ ранней молодости; но именно потому, что отецъ постоянно держалъ его подъ опекою и навязывалъ ему свою педантическую натуру, сынъ не обращалъ вниманія на его увѣщанія и нравоученія, сдѣлался самостоятельнымъ и чуждымъ ему, занимался рискованными дѣлами, вмѣсто медицины, лишился своего состоянія и принужденъ былъ содержать себя и семейство на отцовскія деньги. Между тѣмъ какъ отецъ смотрѣлъ на него почти какъ на блуднаго сына, онъ незамѣтнымъ образомъ развился и превзошелъ отца въ переводахъ и въ пониманіи философскихъ сочиненій. Онъ переводилъ не только произведенія еврейскихъ писателей, но и кое-что изъ Аристотеля и Алфараби, написалъ философское объясненіе къ проповѣднику (Kohelet) и разсужденіе объ одной физической главѣ въ книгѣ бытія.

Не далеко отъ Люнеля, въ Покьерѣ, существовала въ то время маленькая община, состоявшая только изъ сорока членовъ. Въ ней родился одинъ изъ самыхъ значительныхъ ученыхъ талмуда, Авраамъ бенъ Давидъ (около 1125, ум. 1198¹⁾). Обучавшись у великихъ учителей, будучи зятемъ Авраама бенъ Исаака изъ Нарбонны (см. стр. 241) и владѣя большимъ состояніемъ, Авраамъ (Рабедъ II) содержалъ на свои средства училище, въ которое отовсюду стекалось много учениковъ. Онъ заботился не только о преподаваніи талмуда своимъ ученикамъ, но и объ ихъ жизненныхъ потребностяхъ. Побуждаемый Р. Мешулламомъ бенъ Яаковомъ, Авраамъ бенъ Давидъ написалъ еще въ юности талмудическія произведенія, имѣ-

1) Цунцъ въ Гейгера Zeitschrift II. 309, Carmoly la France israélite.

ющія большое значеніе, и разъяснилъ часть Мишны и тому подобныя сочиненія. Невоздержный отъ природы и пренебрегая правилами вѣжливости, онъ свысока обращался съ тѣми, сочиненія которыхъ оснаривалъ. Особенно безпощадно поступалъ онъ съ Р. Серахъею изъ Героны, защищая Алфасси противъ него. Авраамъ нерѣдко обвинялъ его въ литературномъ воровствѣ. Онъ былъ опаснымъ противникомъ. Онъ не имѣлъ никакого понятія ни о наукахъ, ни о высшемъ пониманіи еврейства, и даже хвастался своимъ невѣжествомъ въ подобныхъ предметахъ; его вполне удовлетворяла область талмуда. Авраамъ бенъ Давидъ и Серахъя Галеви, по смерти Р. Тама, была самыми глубокими знатоками талмуда. Въ 1172 г. Авраамъ бенъ Давидъ подвергся преслѣдованію владѣльца той страны, по имени Эльзеара ¹⁾, вѣроятно желавшаго выманить у него денегъ, и былъ арестованъ. Кажется, Рожеръ графъ Безьерскій и Каркасонскій принялъ въ немъ участіе. Съ того времени Авраамъ покинулъ Покьеръ и поселился въ Нимъ или Каркасоннѣ.

Городокъ С.-Жиль, вторая столица герцога Раймонда V Тулузскаго, имѣлъ общину изъ 100 членовъ. Эта община, какъ и другія общины во владѣніяхъ графа Раймонда, котораго трубадуры называли добрымъ герцогомъ, жила въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и члены ея назначались на государственныя должности. Абба-Мари бенъ Исаакъ-С.-Жильскій, извѣстный благодаря учености своего сына, былъ ея областнымъ начальникомъ. Его сынъ, Исаакъ бенъ Абба-Мари, вѣроятно ученикъ Р. Тама, заимствовалъ отъ знаменитыхъ учителей Рамерю болѣе точное, нежели остроумное толкованіе талмуда, и написалъ уже на семнадцатомъ году, по порученію отца своего, руководство къ извѣстнымъ законамъ объ обрядахъ. Затѣмъ онъ выехалъ въ Барселону и объяснилъ, по настоянію Шешета Бенвенисти (см. стр. 286) одинъ трудный трактатъ талмуда. Наконецъ, Исаакъ бенъ Абба-Мари (1179—1189) собралъ результаты своихъ изслѣдованій

¹⁾ Зам. 1, IV.

талмуда въ сочиненіи, дошедшемъ до насъ въ отрывкахъ; оно называется Иттуръ ¹⁾ и трактуеть о раввинскомъ гражданскомъ правѣ и объ обрядахъ.

Раймондъ VI Тулузскій болѣе, чѣмъ его отецъ, покровительствовалъ евреямъ и назначалъ ихъ на должности (1195—1222). За это и за нѣкоторыя другія преступленія подобнаго рода онъ подвергся жестокому преслѣдованію со стороны папы Иннокентія VII и духовенства, и наконецъ долженъ былъ дать торжественную клятву, отстранить еврейскихъ чиновниковъ отъ должностей, не назначать на службу ни одного еврея и вообще не покровительствовать имъ ²⁾. — Въ Бокерѣ (Belcaire), принадлежавшемъ къ графству тулузскому, также была значительная община, во главѣ которой находился Калонимосъ «князь» ³⁾. Въ Марсели, цвѣтущемъ торговомъ городѣ, бывшемъ въ то время вольнымъ городомъ, жило 300 еврейскихъ семействъ, раздѣленныхъ на двѣ общины. Нижняя община, жившая близъ гавани и занимавшаяся, вѣроятно, мореплаваніемъ или по крайней мѣрѣ заморскою торговлею, имѣла своимъ представителемъ благороднаго Іакова Перпиньяно (ум. 1170). ⁴⁾ Верхняя община имѣла талмудское училище, которымъ завѣдывалъ Симонъ бенъ Анатолио. Въ Марсели евреи также допускались къ должностямъ ⁵⁾.

Начало двухъ послѣднихъ десятилѣтій XII вѣка составляетъ для сѣверо-французскихъ евреевъ, бывшихъ въ подданствѣ частію короля, частію болѣе или менѣе зависимыхъ бароновъ, границу между счастіемъ и несчастіемъ. Пока жилъ покровительствовавшій евреямъ король Людовикъ VII (см. стр. 172), до тѣхъ поръ они находились въ цвѣтущемъ состояніи и ни разу не подвергались преслѣдованію со стороны духовенства. Людовикъ не хотѣлъ исполнить даже постановленіе латеранскаго собора, въ силу котораго евреи не смѣ-

¹⁾ Собственно Ittur Sopherim.

²⁾ Зам. 1, IV.

³⁾ Харизи Tachkemoni, Pforte 46.

⁴⁾ Та-же замѣтка.

⁵⁾ Харизи, тамъ-же.

ли держать христіанскую прислугу и кормилицъ¹⁾. По просьбѣ евреевъ, онъ спрашивалъ папу, нельзя-ли обойти это постановленіе и позволить евреямъ выстроить новую синагогу²⁾. Не смотря на папское рѣшеніе, онъ такъ мало обращалъ вниманія на этотъ каноническій законъ, что даже его сынъ Филиппъ-Августъ, которому онъ по причинѣ болѣзни передалъ корону (1179), не могъ сдѣлать сказанный законъ обязательнымъ. Когда санскій архіепископъ началъ настаивать на исполненіи соборнаго постановленія и другихъ притязаній церкви, тогда молодой король изгналъ его. Но мало по малу другія обстоятельства повліяли на двадцати-пяти-лѣтняго Филиппа-Августа, настроили его противъ евреевъ и сдѣлали однимъ изъ яростныхъ преслѣдователей израильскаго племени. Въ исторіи еврейства онъ занимаетъ мѣсто рядомъ съ Титомъ, Адрианомъ, Константиномъ, Фирруцомъ, Юстиніаномъ, Иракліемъ, Сизебутомъ, Гакимомъ и другими.

Въ то время французскій король, хотя и былъ сюзереномъ всей Франціи и даже могущественнаго англійскаго короля, однакожь обладалъ весьма небольшими собственными землями. Вся наслѣдственная его область состояла изъ маленькой провинціи Иль-де-Франсъ и нѣсколькихъ разсѣянныхъ тамъ и сямъ участковъ. Вся остальная земля была во власти могущественныхъ бароновъ. Поэтому Филиппъ-Августъ стремился преимущественно къ обогащенію французской короны землями и къ утвержденію своей власти надъ независимыми почти вассалами. Для достиженія этой цѣли требовались деньги, на которыя можно-бъ было нанимать и содержать войско. Неистощимымъ источникомъ денежныхъ средствъ казалось ему богатство французскихъ евреевъ, и потому онъ

¹⁾ Epistola Alexandri III ad Guarinum Bituricensis archiepiscopum в Bouquet recueil XV, стр. 986.

²⁾ Робертъ Оксерскій в Bouquet XVIII, 248: Anno 1180 Philippo rege Natale Domini Senonis celebrante orta est inter Guidonem archiepiscopum regemque dissensio, eo quod archiepiscopus quaedam decreta concilii nullatenus pate-retur infringi. — Volebat itaque rex his nequaquam teneri etc.

началъ придумывать средства овладѣть этимъ богатствомъ. Долго придумывать ему не пришлось: стоило только внять предрасудкамъ, чтобы имѣть право грабить и угнетать евреевъ. Хотя не одни французскіе евреи занимались ростовщичествомъ,—христіане, вопреки церковному запрещенію, брали большіе проценты,—и хотя только богатые евреи были ростовщиками, однако Филиппъ-Августъ возложилъ на всѣхъ ихъ отвѣтственность за обѣдненіе легкомысленныхъ должниковъ. И хотя онъ самъ не вполне вѣрилъ взявшейся откуда-то въ XII вѣкѣ сказкѣ, будто евреи убиваютъ христіанскихъ дѣтей для праздника пасхи и пьютъ ихъ кровь, однако какъ-будто признавалъ евреевъ отъявленными убійцами, дабы имѣть поводъ къ вымогательству и ограбленію. Еще не успѣлъ умереть старый король, какъ Филиппъ-Августъ велѣлъ схватить всѣхъ евреевъ въ своей землѣ, во время субботняго богослуженія въ синагогѣ, и заключить ихъ въ тюрьму (19 Января 1180). Онъ рассчитывалъ, что евреи предложатъ знатное количество денегъ за свое освобожденіе. Ихъ выпустили изъ тюрьмы по внесеніи пятнадцати тысячъ марокъ серебра¹⁾. Этотъ случай былъ однако только прелюдией. Еще не окончился 1180 годъ, какъ Филиппъ-Августъ объявилъ ничтожными и недѣйствительными денежныя обязательства, выданныя христіанами евреямъ, но въ то-же время потребовалъ отъ христіанъ-должниковъ уплаты въ казну пятой части ихъ

¹⁾ Вѣрныя свѣдѣнія относительно фактовъ и чиселъ приведены Радульфомъ de Duremo (imagines historiarum, въ Twysden's historiae anglicanae scriptores decem, стр. 609): Mandato Phippi regis Francorum Judaei quocunque loco per Franciam domicilium dum sabbatizarent, et in nullo regem offenderent, XV cal. Februarii sunt artae mancipati custodiae; sed tandem XV millia marcarum fisco solventes in integrum respiraverunt. Ригордъ неясно излагаетъ фактъ (въ Duchesne historiae Francorum scriptores V. 6 и Bouquet recueil XVII стр. 6). Eodem anno, quo sacra suscepit (Phil. Aug.) gubernacula XVI Cal. Martii in sabbato capti sunt Judaei per totam Franciam in Synagogis et tunc expoliati sunt auro et argento et vestibus. Везеттъ принимаетъ XIV Cal. вмѣсто XVI, и точно также нужно поправить у Duremo и поставить Cal. Febr. вмѣсто Martii. Что это событіе случилось въ 1180 году, а не въ слѣдующемъ, видно изъ словъ Ригорда, а также изъ того обстоятельства, что тогда еще былъ живъ отецъ Филиппа.

долга. Къ этому побудилъ его одинъ изъ венсенскихъ анахоретовъ ¹⁾, говоря, что отнятіе богатства у евреевъ есть богоугодное дѣло. Но Филиппъ-Августъ не удовольствовался тѣмъ, что превратилъ богатыхъ евреевъ въ нищихъ; онъ издалъ вскорѣ затѣмъ эдиктъ, повелѣвавшій всеѣмъ евреямъ оставить страну въ промежутокъ времени отъ Апрѣля до Иванова дня (1181). Имъ дозволялось взять съ собою лишь движимое имущество, недвижимое-же, поля, виноградники, житницы, виноградныя давальни поступили въ собственность короля. Оставленныя синагоги обращены были въ церкви ²⁾).

Неосновательность мнѣнія, будто населеніе Франціи ненавидѣло евреевъ за ихъ ростовщичество, убіеніе дѣтей и за другія преступленія, доказывается преимущественно тѣмъ обстоятельствомъ, что графы, бароны и даже епископы старались побудить короля къ отмиѣнѣ эдикта объ изгнаніи евреевъ. Старанія ихъ были тщетны: молодой Филиппъ-Августъ, имѣвшій частицу качествъ Людовика XIV, былъ, не смотря на свою молодость, до такой степени упрямъ, что (какъ выразился его біографъ) легче было сдвинуть утесъ, чѣмъ поколебать его намѣреніе. Такимъ образомъ евреямъ, жившимъ въ теченіе многихъ столѣтій въ Парижѣ и его окрестностяхъ, не оставалось ничего болѣе, какъ взяться за посохъ. Они отвергли предложеніе креститься и тѣмъ сохранить свои имущества и родину. Только немногіе приняли христіанство ³⁾).

Къ счастью евреевъ, собственная область короля была, какъ выше сказано, очень незначительна (Иль-де-Франсъ), а вассалы пользовались такою независимостью, что могли не повиноваться приказанію объ изгнаніи евреевъ изъ ихъ земель. Поэтому евреи имѣли возможность проживать въ большей части Франціи, а изгнанные Филиппомъ-Августомъ — поселиться среди нихъ. Въ Парижѣ закрылось талмудиче-

¹⁾ Ригордъ, тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

свое училище, но въ Шампани продолжало существовать, и въ немъ процвѣтала школа Тоссафистовъ. Центромъ оставался городокъ Рамерю, гдѣ училъ Исаакъ бенъ-Самуиль изъ Дампьерра (Ри), правнукъ Раши¹⁾. По смерти своего дяди Р. Тама, онъ былъ главнымъ авторитетомъ. Ученый и остроумный, подобно своимъ предкамъ, Исаакъ занимался пополненіемъ комментарія Раши, собираніемъ и приведеніемъ въ порядокъ толкованій цѣлаго талмуда или рѣшеніемъ тоссафистическихъ вопросовъ и объясненіемъ трудныхъ мѣстъ талмуда. Какое глубокое знаніе талмуда была необходимо для того, чтобы предпринять этотъ трудъ, свести самыя противоположныя мнѣнія, найти противорѣчіе здѣсь, объяснить его тамъ! Впослѣдствіи говорили, что въ училищѣ Исаака старшаго было шестнадцать ученыхъ членовъ, изъ которыхъ каждый не только былъ знакомъ со всѣмъ талмудомъ, но зналъ наизусть одинъ изъ шестнадцати его отдѣловъ²⁾. Первое собраніе глоссовъ, сдѣланное Исаакомъ, называется старый Тоссафотъ (Tossafot Jeschanim); но глоссы не остались безъ измѣненія: они были переработаны и расширены. Вслѣдствіе непріязненнаго духа, начавшаго господствовать въ сѣверной Франціи при Филиппѣ-Августѣ, сынѣ Исаака, Элханаль, уже пріобрѣтшій, не смотря на свою молодость, славу въ кружкѣ тоссафистовъ, потерпѣлъ еще при жизни отца мученическую смерть за вѣру³⁾.

Черезъ нѣсколько лѣтъ (1191) Филиппъ-Августъ снова началъ преслѣдовать евреевъ. Въ городкѣ Бре (на Сенѣ, къ сѣверу отъ Санса), принадлежавшемъ къ графству Шампань, одинъ изъ христіанскихъ подданныхъ короля убилъ еврея. Родственники убитаго принесли жалобу графинѣ и, посредствомъ богатыхъ подарковъ, получили отъ нея дозволеніе повѣсить убійцу. Случайно или умыленно казнь эта была совершена въ день Пурима, и евреи при этомъ вспомнили

1) Примѣч. 1, III.

2) Менагеиъ бенъ Серахъ, введеніе въ его Zedah la-Derech.

3) Примѣч. 1, III.

объ амановой вислицѣ и быть-можетъ еще о чемъ нибудь другомъ. Король, получивъ извѣстіе о казни своего подданнаго и повѣривъ молвѣ, будто евреи связали руки убійцѣ, надѣли ему на голову терновый вѣнецъ и тащили по улицамъ, послѣшилъ съ войскомъ къ Бре, приказалъ окружить еврейскіе дома и схватить всѣхъ евреевъ, которымъ и представилъ выборъ между смертью и крещеніемъ. Община ни минуты не колебалась въ выборѣ. Члены увѣщавали другъ друга предпочесть смерть отъ руки единовѣрца. Филиппъ-Августъ сжегъ около ста евреевъ живыми и пощадилъ только дѣтей моложе тринадцати лѣтъ (14—20 Марта ¹). Спустя нѣсколько дней, король съ обгавленными кровью руками отправился въ крестовый походъ. Священная война нисколько его не улучшила.

Всѣ усилія отнять у Саладина Іерусалимъ съ принадлежащею къ нему областью были до сего времени безуспѣшны. Даже Ричардъ Львиное Сердце былъ принужденъ заключить позорный для христіанъ миръ и могъ только добиться для христіанскихъ паломниковъ позволенія, посѣщать безпрепятственно Іерусалимъ и гробъ Господень. Приходилось снова проповѣдывать крестовый походъ и раздуть тлѣющія искры фанатизма, отъ котораго опять пострадали евреи. Папа Иннокентій III, самый беспощадный и настойчивый изъ всѣхъ князей церкви, принялся за дѣло съ пылкостью. Одному проповѣднику, Фулько нельисскому, легковѣрному и погрязшему въ грѣхахъ человѣку, папа поручилъ ходить изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и проповѣдывать крестовый походъ, и Фулько, подобно Рудольфу (см. стр. 182), прибѣгнувъ къ ненависти и ограбленію евреевъ, какъ удобнымъ средствамъ на вербовать крестоносцевъ. Онъ проповѣдывалъ, что всѣ христіанскіе должники, вступая въ крестоносное войско, освобождаются отъ своихъ долговъ евреямъ. Многіе бароны сѣверной Франціи, дѣйствительно или мнимо воодушевленные фанатическими рѣчами Фулько, напихали крестъ

¹) Сравни примѣч. 9.

и подъ вліяніемъ возбужденной ненависти къ евреямъ изгнали ихъ изъ своихъ областей, такъ какъ евреи, лишившись права требовать долги, обѣдняли и не могли болѣе служить источникомъ обогащенія ¹⁾. Вопреки всякому ожиданію, Филиппъ-Августъ, заклятый врагъ евреевъ, принялъ изгнанниковъ въ свои города и даже позволилъ изгнаннымъ имъ самимъ возвратиться на родину (Іюль 1198 ²⁾). Этотъ непослѣдовательный и кроткій поступокъ послѣдовательнаго и строгаго короля произвелъ въ свое время сильное впечатлѣніе. Кажется, Филиппъ-Августъ хотѣлъ этимъ досадить духовенству и папѣ, которые въ то время находились съ нимъ въ ссорѣ. Подъ предлогомъ кровнаго родства онъ развелся съ своею женою, датскою принцессою Ингебургой, и женился на другой. Папа Иннокентій, считавшій себя опекуномъ князей и королей, безъ согласія коего не могло быть совершено ни одного акта, потребовалъ, чтобы Филиппъ-Августъ изгналъ вторую супругу изъ дворца и области и принялъ опять Ингебургу, грозя въ противномъ случаѣ интердиктомъ и отлученіемъ отъ церкви. Филиппъ-Августъ сперва смѣялся надъ угрозами папы и, въ гнѣвѣ на притязанія церкви, могъ оказать евреямъ снисхожденіе.

Слѣдую его примѣру, нѣкоторые бароны смягчились относительно евреевъ и не издавали эдиктовъ объ ихъ изгнаніи. На первый взглядъ кажется даже, что, когда сердце французскаго короля и бароновъ исполнилось какимъ-то нѣжнымъ чувствомъ къ евреямъ, послѣдніе сдѣлались для нихъ столь дороги, что они не могли обойтись безъ нихъ. — Король и бароны ревниво слѣдили другъ за другомъ и, когда евреи переселялись изъ одной области въ другую, они требовали ихъ возвращенія, заключали договоры о выдачѣ переселенцевъ первоначальному ихъ господину и даже

¹⁾ Робертъ Оксерскій въ Bouquet recueil XVIII, 274; Ville-Hardouin chronique de la prise de Constantinople I, начало.

²⁾ Рихардъ у Du Chesne V, 42, у Bouquet, въ привед. соч. 71. Roger de Hoveden у Bouquet, тамъ же, 605: Contra omnium opinionem Judaeos Parisiis reduxit et ecclesias Dei graviter persecutus.

требовали отъ евреевъ клятвеннаго обѣщанія не покидать родной страны ¹⁾. Но подъ этою наружною нѣжностью таилось грязнѣйшее корыстолюбіе. Король и бароны считали сѣверо-французскихъ евреевъ своими денежными мѣшками и радовались, когда евреи снова обогащались потомъ ихъ христіанскихъ подданныхъ. Уже въ 1198 г. Филиппъ-Августъ заключилъ съ Тибальдомъ, графомъ Шампани, договоръ о взаимной выдачѣ евреевъ, которые будутъ выселяться изъ области одного во владѣнія другаго ²⁾. Но Филиппъ-Августъ не соблюдалъ договора и не выдавалъ евреевъ, которые вслѣдствіе невыносимаго угнетенія переселялись изъ Шампани въ Иль-де-Франсъ. Поэтому отношенія между королемъ и вдовою графа Тибальда сдѣлались натянутыми. Споръ опять возгорѣлся, когда очень богатый еврей, Кресселенъ, переселился изъ Шампани въ Парижъ. Кресселенъ, уступивъ отчасти убѣжденіямъ, отчасти принужденію, возвратился въ области графини, и договоръ о взаимной выдачѣ евреевъ былъ возобновленъ ³⁾.

Такимъ образомъ со времени Филиппа-Августа сѣверо-французскіе евреи утратили драгоцѣннѣйшее право чловѣка, право свободнаго переселенія. Прежде они могли селиться въ мѣстахъ по своему выбору, теперь жѣ были, подобно крѣпостнымъ, прикрѣплены къ мѣсту рожденія. Въ случаѣ ихъ переселенія, господинъ земли бралъ въ собственность ихъ недвижимое имѣніе. Сперва евреи не знали, что дѣлать, и раввинскій авторитетъ того времени, Р. Исаакъ старшій, опредѣлилъ, чтобы ни одинъ еврей не смѣлъ покупать насильно отнятыя имѣнія, а въ случаѣ покупки, возвращалъ имѣніе прежнему владѣльцу ⁴⁾. Мало по малу это насиліе обратилось въ законъ. Но не одно право свободнаго переселенія было отнято у евреевъ: они лишились также права

¹⁾ Sefer Chasidim № 421. Моисей изъ Куси Semag Заповѣди № 73.

²⁾ Ordonances des rois de France I, 44. Brussel usage général des fiefs en France I, 1, 2, стр. 39.

³⁾ Brussel, привед. сочин.

⁴⁾ Тоссафотъ къ Ваба Ката стр. 58 а.

собственности. «Имущество евреевъ принадлежитъ барону» ¹⁾ составляло основную мысль сѣверо-французскаго законодательства въ отношеніи къ евреямъ. Король и бароны дозволили евреямъ даже брать высокіе проценты (два денье съ ливра въ недѣлю), потому что это было полезно имъ самимъ. Въ ограниченіи, установленномъ для еврейскихъ капиталистовъ Филиппомъ-Августомъ сообща съ Гвидо Дампьерскимъ и труаскою герцогиней, имѣлась въ виду больше ихъ собственная польза, нежели выгода христіанскихъ должниковъ. Долговныя обязательства должны были предъявляться нота-рису и снабжаться общественною печатью, которая находилась въ рукахъ двухъ нотаблей. Вслѣдствіе этого господинъ земли зналъ о размѣрѣ денежныхъ дѣлъ и получалъ съ каждой составившейся сдѣлки высокую пошлину (сепс). Если было постановлено, чтобы евреи не принимали въ залогъ церковной утвари, то не было упущено изъ виду и того, что самъ король или бароны могли ее закладывать. Теперь евреи цѣнились только по количеству имущества; они болѣе и болѣе превращались въ доходную статью, которую можно было отчуждать за болѣе или менѣе высокую цѣну, смотря по количеству приносимаго ею дохода. Одинъ дворянинъ продалъ герцогинѣ Шампани все свое имущество «въ вещахъ и жидахъ» ²⁾. Такъ какъ не хотѣли обходиться безъ евреевъ, то послѣдніе были поэтому болѣе ограждены отъ изгнанія и преслѣдованія, но за то подвергались безчисленнымъ мученіямъ и дѣлались хуже въ нравственномъ отношеніи. Они были осуждены на добываніе денегъ и старались приобрѣтать ихъ возможно большее количество, дабы удовлетворять своихъ мучителей. Духовенство болѣе и болѣе разжигало ненависть къ евреямъ и исключило ихъ, какъ прокаженныхъ, изъ христіанскаго міра. Парижскій епископъ Одо, издавшій каноническія постановленія (1197), запретилъ христіанамъ покупать мясо у евреевъ, спорить съ ними и во-

¹⁾ Les meubles aux juifs sont au Baron.

²⁾ Brussel, прѣвед. сочин.

обще имѣть сношенія¹⁾. Нарушители отлучались отъ церкви. Если-бъ изученіе талмуда не было глубокою страстью сѣверо-французскихъ евреевъ, то положеніе ихъ сдѣлалось бы такимъ отчаяннымъ, какого хотѣли и какое изображали ихъ враги; одинъ только талмудъ спасалъ евреевъ отъ скотскаго эгоизма и нравственной гнилости.

По смерти Исаака, собирателя Тоссафотовъ (около 1200), представителями талмудическаго ученія въ сѣверной Франціи были три ученика Исаака, именно: Іегуда Сиръ Леонъ бенъ Исаакъ благочестивый (ha-Chasid) въ Парижѣ (род. 1166, ум. 1224)²⁾, Симеонъ бенъ Авраамъ въ Сансѣ (ум. ранѣе 1226)³⁾, и его братъ Исаакъ младшій (Rizba) въ Дампьеррѣ. Всѣ трое преподавали въ училищахъ талмудъ по прежней системѣ, рѣшали предлагаемые имъ вопросы и выработали собственные свои Тоссафоты, изъ которыхъ принадлежащій Симсону сохранился подъ именемъ санскаго Тоссафота. Упомянутые три сѣверо-французскіе раввина не проложили своего пути, не имѣли ни малѣйшей склонности къ наукѣ и поэзії и понимали священное писаніе согласно агадскому толкованію. На нихъ не повліяли стремленія Менагема бенъ Хелбо, Іосифа Кара, Самуила бенъ Меира, его брата Р. Тама и Іосифа Вехоръ-Хора, который, будучи ученикомъ Р. Тама, отдалялся отъ агадскаго способа толковать священное писаніе и имѣлъ здравое понятіе объ экзегетикѣ. Единственнымъ источникомъ ихъ мудрости былъ талмудъ; что находилось внѣ предѣловъ послѣдняго, то было для нихъ или неизвѣстно или достойно презрѣнія. Симсонъ санскій, переселившись въ Палестину (послѣ 1211), объяснилъ нѣкоторыя части Мишны⁴⁾, нуждавшіяся въ талмудическомъ дополненіи; но

1) *Manei concilia* T. XXII, стр. 683, 85.

2) См. примѣч. 1, III.

3) Онъ умеръ прежде Іосифа бенъ Акуина, какъ это видно изъ Мильхамота Авраама Маймонида, стр. 16. О немъ и объ его братѣ см. Цунца *Zur Litteratur*, стр. 34 и слѣд.

4) Сравн. Франкеля *Darcho ha-Mischnah* 329 и слѣд. Упомянутое въ Peah I, 6 письмо быть можетъ то самое письмо Симсона къ Р. Менру, о которомъ упоминается въ *Codices de Rossi* (№ 772, 7).

его объясненія были не самостоятельны, а въ духѣ тоссафистовъ. Этимъ и другимъ современнымъ талмудистамъ не доставало не остроумія, а свободнаго взгляда. Симсонъ такъ смутно понималъ сущность религіи караймовъ, что не только считалъ незаконнымъ брачный союзъ съ ними, но и признавалъ ихъ самихъ идолопоклонниками, вина которыхъ не долженъ пить раввинистъ¹⁾.

Іегуда Сиръ Леонъ написалъ руководство къ высоко-религіозной жизни (*Sefer ha-Kabod*)²⁾, къ коей должны стремиться истинно благочестивые. Хотя это сочиненіе исполнено

¹⁾ Responsa Давида Ибнъ-Аби-Сира II, № 796.

²⁾ Цакуто опредѣлительно говоритъ, что Іегуда Хаазидъ бенъ Исаакъ, ученикъ тоссафиста Ри, т. е., Сира Леона Парижскаго, былъ авторомъ *S. ha-Kabod*. Ибнъ Іахья говоритъ въ началѣ тоже: Іегуда Парижскій, авторъ завѣщанія, былъ ученикомъ Ри, т. е., авт. *S. Chassidim*, которому приписывается завѣщаніе. Этому противорѣчитъ другое извѣстіе, что Самуилъ, отецъ другаго Іегуды Хазида, былъ авторомъ *S. Chassidim*. Азулаи sub voce разсматриваетъ вопросъ, кто авторъ *S. Chassidim*: Іегуда Благочестивый изъ Парижа или Іегуда Благочестивый изъ Регенсбурга? и не приходитъ ни къ какому рѣшенію, потому что отправляется отъ ложной точки. Вопросъ легко рѣшается, если допустимъ, что *S. Chassidim* и *S. ha-Kabod* одно и то же, такъ какъ первая книга (что видно изъ № 696) есть ничто иное, какъ послѣднее сочиненіе, нѣсколько переработанное, съ новымъ заглавіемъ и со многими замѣнами у другихъ писателей (Саадіи, Р. Ниссима, Маймонида и проч.). Въ трехъ мѣстахъ замѣчается, что подробности объ извѣстныхъ пунктахъ надобно смотрѣть въ *S. ha-Kabod* (№ 197, 321, 461). Цитаты Еліеазара Парижскаго и Моисея Таку (*Ozar Nechmad* III, 65, 67) изъ *S. ha-Kabod* находятся въ *S. Chassidim*. Слѣдовательно, *S. ha-Kabod* вошло въ *S. Chassidim*. Въ *S. Ch.* (ed. Bologna 1538 ed. princeps) встрѣчается много французскихъ словъ и оборотовъ рѣчи. Въ самомъ началѣ: провозносима имя Бога, надобно прибавлять на еврейскомъ или на иномъ языкѣ формулу благословенія: soit bénédit ou soit louéz; даже: bon jour tel ait (avia) по(s)tra sir(a) le commande (a); № 463: Rubéoles; № 898: tendeur ליען называется въ этой книгѣ именно французскимъ, въ отличіе отъ לישון אשכנז. Поэтому, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что авторомъ *S. ha-Kabod* или *S. Chassidim* былъ французъ, а не нѣмецъ, т. е. Іегуда Хассидъ Парижскій (Сиръ Леонъ), а не Регенсбургскій. Кромѣ того, при внимательномъ разсмотрѣніи можно замѣтить, что въ книгѣ отражается скорѣе современная эпоха Франціи, чѣмъ Германіи. — *S. Chassidim* называется также ההכמה והחסידות □ короче ההכמה □. Я счелъ необходимымъ подробно разсмотрѣть этотъ пунктъ, потому что всѣ, приводимыя Цунцомъ, данныя (*Zur Litteratur*, стр. 123 и слѣд.) не вѣрны. Разумѣется, что «Завѣщаніе» צואת ר יהודה החסיד прибавленное къ новѣйшимъ изданіямъ, имѣетъ позднѣйшее происхожденіе.

глубокой вѣры и чистѣйшей нравственности, однако изобилуетъ неправильными воззрѣніями на міръ и глупымъ суевѣріемъ. Въ немъ вѣрно отражается духъ того времени, та религіозная мнительность, которая при каждомъ шагѣ опасается впасть въ грѣхъ, то мрачное настроеніе духа, которое въ каждомъ естественномъ побужденіи видитъ дьявольское прельщеніе, ту мелочность души, которая считаетъ важнымъ всякое, даже самое пустое дѣйствіе. Рядомъ съ правилами, которымъ послѣдовать не устыдился бы мудрецъ, встрѣчаются въ этомъ руководствѣ такія нелѣпости, какія могли быть порождены только тѣми ужасными условіями жизни, въ которыя были поставлены евреи во Франціи со временъ Филиппа-Августа. Здѣсь встрѣчается мысль: «Чувство стыда и вѣрность — неразлучная пара близнецовъ; умереть одинъ, умираетъ и другой»¹⁾. — Предписывается не заходить слишкомъ далеко въ аскетизмъ: «Благочестивый не долженъ говорить: такъ какъ зависть, похоть и славолюбіе ведутъ ко грѣху, то я буду ихъ удаляться, не стану употреблять ни мяса, ни вина, буду избѣгать хорошаго жилища и приличной одежды и стану носить грубое платье. И это также дурной путь, и кто ходитъ по немъ, тотъ грѣшникъ»²⁾. — «Если незнающій еврейскаго языка или женщина спросятъ тебя, какъ имъ молиться, то скажи, что они могутъ молиться на извѣстномъ имъ языкѣ; ибо молитва тогда только имѣетъ силу, когда возносится изъ глубины души; какая польза тому, чье сердце не знаетъ о томъ, что говорятъ уста?»³⁾ — «Ты долженъ поступать такъ же честно съ христіанами, какъ съ своими единовѣрцами; если христіанинъ заблуждается, то ты обязанъ обратить на это его вниманіе, дабы святое имя Бога не было тобой осквернено»⁴⁾. — Если еврей состоитъ

1) S. Chassidim, № 120.

2) Тамъ-же, № 52.

3) Тамъ-же, № 588 и 788.

4) Тамъ-же, 395.

сборщикомъ пошлинъ и требуетъ большаго отъ христіанъ, то бѣдность будетъ его удѣломъ ¹⁾). — Благочестивый не долженъ прибѣгать къ обману ни въ отношеніи къ евреямъ, ни въ отношеніи къ христіанамъ, и не долженъ говорить невѣрному заемщику, что не имѣетъ денегъ ²⁾). — Богъ помогаетъ угнетеннымъ, будутъ ли они евреи или христіане; потому нельзя похищать, какъ у евреевъ, такъ и у христіанъ ³⁾). — Если еврей угрожаетъ христіанину отнятіемъ жизни, то видящій это еврей долженъ помочь угрожаемому и во всякомъ случаѣ умертвить еврея-убійцу ⁴⁾). — Лихоимцы, обрѣзываютели монетъ и обманывающіе въ вѣсѣ, мѣрѣ и товарѣ, теряютъ имущество, доходятъ до нищеты, а дѣти ихъ разсыиваются по чужимъ странамъ ⁵⁾).

И рядомъ съ этимъ говорится: юноши и дѣвицы не должны сходиться въ обществѣ, потому что посредствомъ пляски могутъ возбудить похоть. Въ доказательство приводится разсказъ о привидѣніи: Одинъ рыцарь увидѣлъ какъ-то разъ при лунномъ свѣтѣ телѣгу, наполненную людьми, которую люди же везли до изнеможенія. Рыцарь, узнавши въ числѣ ихъ нѣкоторыхъ изъ знакомцевъ, уже умершихъ, обратился къ нимъ съ вопросомъ и узналъ, что везущіе и везомые играли при жизни съ женщинами и дѣвицами и за это осуждены возить до утомленія другъ друга ⁶⁾). — Книга Благочестивыхъ вообще богата вѣрою въ привидѣнія. Въ ней помѣщенъ страшный разсказъ о томъ, что трупы собираются въ полночь въ молитвенномъ домѣ, закутавшись въ молитвенныя покрывала, и всякій живой человѣкъ, увидѣвъ ихъ, умираетъ ⁷⁾). Въ ночь на великій день Осанны жертвенцы выходятъ изъ могилъ и молятся ⁸⁾). — Нѣтъ также недостатка

¹⁾ Тамъ-же, 425.

²⁾ Тамъ-же, 426, 9. 9.

³⁾ Тамъ-же, 6, 61.

⁴⁾ Тамъ-же, 1022.

⁵⁾ Тамъ-же, 1078—1081.

⁶⁾ Тамъ-же, 168, 169.

⁷⁾ Тамъ-же, 711.

⁸⁾ Тамъ-же, 452.

въ разказахъ о вѣдмахъ и волшебствѣхъ ¹⁾. — Далѣе, предписывается не класть священныя книги въ обертки отъ романцеровъ ²⁾. Не должно смѣшивать различныя модуляціи при чтеніи изъ пятикнижія, пророковъ и гагіографовъ, не употреблять одной модуляціи вмѣсто другой, ибо онѣ даны на Синаѣ, «и ты не долженъ преступать границъ, положенныхъ предками» ³⁾. Точно также нельзя замѣнять литургическія произведенія древнѣйшихъ изъ ново-еврейскихъ стихотворцевъ, какъ Калирисъ, такими же другими ⁴⁾. Не слѣдуетъ читать молитвы въ стихахъ, написанныя великими еврейско-испанскими поэтами, потому что образцами для нихъ служили нееврейскія произведенія ⁵⁾.

Многія предписанія въ книгѣ Благочестивыхъ увѣковѣчиваютъ печальное время жестокостей, совершенныхъ крестноносцами. Когда проходили крестноносцы, тогда евреи не смѣли нашивать себѣ на платье крестъ, прикрѣплять его къ домамъ и выстригать такъ называемое попово гуменце, дабы сдѣлаться неузнаваемыми и тѣмъ избѣжать опасности ⁶⁾. Стѣны дома, обогранныя кровью невинныхъ жертвъ, должны оставаться безъ окраски, дабы кровь могла вопіять къ Богу ⁷⁾. Общины не должны налагать вѣчнаго проклятія на городъ, владѣлецъ котораго преслѣдовалъ и принуждалъ евреевъ къ крещенію, ибо проклятіе останется и тогда, когда городъ будетъ принадлежать другому лицу ⁸⁾. — Впрочемъ, еслибъ евреи наложили проклятіе на все тѣ города, въ которыхъ вѣра ихъ подвергалась преслѣдованію, то имъ пришлось бы выселиться изъ всей Европы. — Книга Благочестивыхъ сдѣлалась для многихъ навидательнымъ чтеніемъ и прививала мрачный духъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

1) Тамъ-же, 460—68, 477 и еще другія мѣста.

2) Тамъ-же, 142.

3) Тамъ-же, 301.

4) Тамъ-же, 114.

5) Тамъ-же, 784.

6) Тамъ-же, 221.

7) Тамъ-же, 449.

8) Тамъ-же, 424.

Р. Іегуда Сиръ Леонъ Благочестивый былъ наставникомъ многихъ учениковъ, которые впослѣдствіи пріобрѣли славное имя; таковы: Нахмани, Соломонъ изъ Монпелье, Моисей изъ Куся, Исаакъ изъ Вѣны и другіе, бывшіе раввинами и ревнителями изученія Талмуда въ Испаніи, Франціи и Германіи. Всѣ, кромѣ двухъ, получили образованіе въ его духѣ, смотрѣли на юдаизмъ сквозь густой туманъ и были противниками свободнаго изслѣдованія. Приверженцы его школы относились потомъ враждебно къ болѣе высокому взгляду испанскихъ школъ на еврейство.

Въ Англіи и во французскихъ областяхъ, принадлежавшихъ тогда Англіи (въ Нормандіи, Бретани, Анжу, Турени, Мэнѣ, Гіени, Пуату и Гаскони), евреи жили нѣсколько времени въ счастливомъ спокойствіи, подѣ скипетромъ Генриха II, враждовавшаго съ духовенствомъ¹⁾. Они селились въ большихъ городахъ, и многіе изъ нихъ нажили въ Лондонѣ такія богатства, что дома ихъ были не хуже королевскихъ дворцовъ²⁾. Воззваніе къ первому и второму крестовому походу осталось безъ отклика со стороны здравомыслящихъ островитянъ, и потому не было въ это время еврейскихъ мучениковъ въ Англіи. Свою общинную и культурную жизнь они заимствовали изъ Франціи, которая находилась тогда въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Англіей. Въ Лондонѣ училъ Р. Іаковъ изъ Орлеана, ученикъ Р. Тама, пріобрѣтшій между тоссафистами славное имя. Р. Веніаминъ Кентербюрійскій³⁾ былъ также ученикомъ того же раме-рюйскаго учителя. Благородный сынъ Генриха, Ричардъ

¹⁾ Radulph de Diceto (въ Twysden's *Historiae anglicanae scriptores decem*, 647): *pax Judaeorum, quam ab antiquis temporibus semper obtinuerunt (in Anglia). Вильгельмъ Нейбюрійскій (Rerum anglicarum l. IV, 1): Judaei ne forta habita sub rege priore (Генриха II) felicitas minus eis arridet sub novo (Ричарда); тамъ-же IV, 10: Judaei in Anglia sub rege Henrico secundo consistentes ordine praepostero super Christianos felices et incliti fuerant.*

²⁾ Рудольфъ Копенгалльскій въ *Bouquet recueil XVIII*, стр. 63: *domus eorum (Judaeorum) quae quasi palatia regum erectae fuerant.*

³⁾ См. примѣч. 1, III. Сравни. Вильг. Нейбюрійск. (IV, 10). *Legis doctor qui ad docendos Judaeos anglicanos ex partibus venerat transmarinis.*

Львиное Сердце, былъ также далеко отъ страсти къ преслѣдованію, и еврейскія общины въ Англіи могли бы спокойно развиваться въ его царствованіе, еслибъ пробужденный Фомою Бекетомъ фанатизмъ не воздвигъ гоненія на нихъ. Въ день коронаванія Ричарда (3 Сентября 1189) разразилась первая гроза, окончившаяся тѣмъ, что евреи, спустя столѣтіе, были изгнаны изъ Англіи. Торжественный день коронаванія Ричарда былъ для евреевъ первою сценою кровавой драмы ¹⁾. Когда Ричардъ возвращался изъ церкви во дворецъ, тогда въ числѣ прочихъ поздравителей явилась въ залѣ и еврейская депутація, состоявшая изъ самыхъ бога-

¹⁾ Хотя источники о преслѣдованіи евреевъ, начавшемся въ день коронаванія Ричарда, очень многочисленны, ибо всѣ англійскіе лѣтописцы говорятъ объ этомъ событіи, однако въ новѣйшее время даже основательный Лашенбергъ относится къ этому извѣстію критически. Вообще принимается, что первымъ поводомъ къ преслѣдованію служило вступленіе евреевъ въ церковь, въ качествѣ любопытныхъ, вопреки королевскому эдикту. Это невѣрно. Въ трехъ современныхъ источникахъ говорится, что евреи вошли во дворецъ съ подарками, и одинъ источникъ называетъ виновника преслѣдованія. — Анонимный хроникеръ Лаонскій (у Bouquet, 707) сообщаетъ: *Balduinus -- archiepiscopus Contuariensis -- cum videret Judaeos interesse consecrationi, novo regi (Richardo) dona sua praesentare volentes, suggessit regi, ut amoverunt, qui hanc gratiam percassit suis perdiderant.* Радульфъ де-Дичето, который находился при коронаваніи въ качествѣ декана Лондонскаго Капитула, сообщаетъ: *solempnibus expletis in plenitudine magna -- rex Judaeorum, quam (см. стр. 265, примѣч. 1) ab alienigenis interrumpitur.* Слѣдовательно, во время пиршества, а не въ церкви. Точно также и Ефрамъ Боннскій въ своемъ Мартирологіи (прив. сочин. 9): *רקצנים והעשירים אשר בהם (באנגלמרא) להביא למלך מנהגים היהורים גם היהורים.* Самъ Вильгельмъ Нейбюрійскій опредѣляетъ точно мѣстность: *contigit autem rege discumbente (in convivio) Judaei fores sic regias introibant.* О подаркѣ не говорится, но за то приводится сага о недопущеніи евреевъ: *verum ille (rex) minus jam eos (Judaeos) acceptans quam pater, vel nescio qui praecavens, superstitiosa quadam de consilio quorundam cautela, edicto -- ut dicitur -- interdixit eis ingressum vel ecclesiae, dum coronaretur, vel palatii, dum convivaretur.* Иоаннъ Бромтонъ почерпнулъ эту неопредѣленную сагу отчасти изъ исторіи: *Et licet ipse rex edicto publico, ut dicitur, Judaeis et mulieribus ingressum ecclesiae dum coronaretur et etiam palatii dum epularetur interdixerat, prandentibus tamen illis principes Judaeorum -- fores regias introibant.* Слѣдовательно, вошли во дворецъ (у Twysden, стр. 1159). Матвій Парижскій, компиляторъ, впервые упоминаетъ о томъ, что евреи были исключены *propter magicas artes* и *ab ecclesia eos (Judaeos) ejicientes* (ed. London, 154). Большинство историковъ повѣрило этимъ неточнымъ лѣтописцамъ и потому представило фактъ безъ всякой критики. Правильнъ виновникомъ избиенія евреевъ былъ Балдуинъ, епископъ Кентербюрійскій.

тыкъ и уважаемыхъ членовъ всѣхъ еврейскихъ общинъ въ Англии, и хотѣла поднести королю подарки. Увидѣвъ ее, Балдуинъ, архіепископъ кентербюрійскій, мрачный фанатикъ, замѣтилъ угрюмо, что не слѣдуетъ принимать отъ евреевъ никакихъ подарковъ, и что надобно удалить ихъ самихъ изъ зала, такъ какъ они по своей вѣрѣ недостойны милости находиться среди другихъ народовъ. Ричардъ, не предчувствуя дурныхъ послѣдствій изгнанія евреевъ изъ зала, исполнилъ совѣтъ архіепископа. Но служители, которымъ было поручено удалить евреевъ, сочли себя въ правѣ обращаться съ ними дурно; стоявшая около дворца толпа присоединилась къ служителямъ и преслѣдовала еврейскихъ депутатовъ кулаками, камнями и пинками. Вскорѣ распространился во всѣхъ частяхъ Лондона ложный слухъ, будто король хочетъ изгнать евреевъ, и немедленно собрались чернь и крестные бродяги, чтобы обогатиться имуществомъ евреевъ. Но такъ какъ послѣдніе заперлись въ своихъ крѣпкихъ домахъ, то разбойничьи шайки зажгли еврейскія жилища. Между тѣмъ наступила ночь и покрыла своимъ мракомъ ужасную травлю евреевъ. Тщетно новый король послалъ одного изъ своихъ придворныхъ, Ранульфа Гренвилля, освѣдомиться о безпорядкахъ и прекратить ихъ. Гренвиллю не дали говорить и, кромѣ того, нанесли оскорбленіе. Такъ погибло много евреевъ; другіе же убили сами себя, боясь быть окрещенными; въ числѣ ихъ былъ Іаковъ Орлеанскій. Большая часть еврейскихъ домовъ сдѣлалась добычею пламени; синагоги были разрушены. Пожаръ усилился и истребилъ часть города. Въ христіанство перешли только немногіе евреи; богатый Бенедиктъ Йоркскій, изгнанный изъ дворца вмѣстѣ съ другимъ депутатомъ Іосіей, допустилъ притащить себя въ церковь и окрестить.— Ричардъ, узнавши на другой день истину, приказалъ казнить большую часть замѣшанныхъ въ дѣло лицъ¹⁾. Онъ такъ заботился о безопасности евреевъ въ своемъ государствѣ, что, для предупреж-

¹⁾ Тѣ-же псточники.

денія безпорядковъ, могущихъ произойти по примѣру Лондона и въ остальной Англїи и вассальныхъ французскихъ областяхъ, объявилъ евреевъ неприкосновенными и даже отправилъ пословъ въ Нормандію и Пуату, съ цѣлью немедленно прекратить могущее возникнуть тамъ преслѣдованіе евреевъ¹⁾. Ричардъ дозволилъ Бенедикту Йоркскому возвратиться въ іудейство, когда узналъ объ его насильственномъ крещеніи и услышалъ отъ него самого, что тотъ остался въ душѣ евреемъ и желаетъ умереть такимъ. Епископъ кентербурійскій, присутствовавшій при разговорѣ и вызванный на отвѣтъ, сказалъ: «Если онъ не хочетъ быть сыномъ Божиимъ, то пусть будетъ сыномъ дьявола»²⁾.

Пока Ричардъ жилъ въ Лондонѣ, до тѣхъ поръ евреи пользовались спокойствіемъ; но едва онъ переѣхалъ Ламаншъ, чтобы вмѣстѣ съ Филиппомъ-Августомъ принять участіе въ крестовомъ походѣ, какъ во всей странѣ повторились лондонскія сцены. Не одна только религіозная ревность пробудила ярость христіанъ противъ англійскихъ евреевъ, но и зависть къ ихъ благосостоянію и преимущественно желаніе легко приобрести имѣніе³⁾. Сперва наступила очередь богатой и значительной общины въ цвѣтущемъ торговомъ городѣ Линнѣ. Если вѣрять христіанскимъ писателямъ, то линнскіе евреи сами возбудили христіанъ противъ себя, на-

¹⁾ Вильгельмъ Нейбурійскій, вышепривед. сочин.: *Princeps autem post cladem Judaeis pacem sancivit. Laonensis chronikerъ въ Bouquet recueil: Rex vero ne simili vesania in Normannia et Pictavia necarentur Judaei, nuncios illos direxit, qui impedirent.*

²⁾ Позднѣйшій Іоаннъ Бромтонъ достантъ большей вѣри относительно этого пункта, чѣмъ Вильгельмъ Нейбурійскій. Первый говоритъ: *rex — interrogavit illum (Benedictum Eboracensem), si esset Christianus effectus. Ipse vero respondit, quod non. — Tunc rex interrogavit archiepiscopum Cantuariensem — quid esset de illo faciendum, qui respondit minus discrete: si ipse non vult esse homo Dei, sit homo Diaboli.* Позднѣйшій, напротивъ: *Ejectus ergo (Benedictus) a facie regis, Judaeis est redditus apostata Christianus, factusque filius Gehennae duplo quam prius.*

³⁾ Вильгельмъ Нейбурійскій, IV, 7: *Christianorum adversus Judaeos in Anglia zelus—vehementer excanduit, non quidem sincere et causa fidei tantum, sed eorum vel aemulando felicitatem, vel inhiando fortunis.*

павши съ оружіемъ въ рукахъ на крещеннаго еврея и взявши приступомъ церковь, куда тотъ скрылся. Тогда христіане вались за оружіе; крестоносцы также находились въ городѣ. Будучи разбиты послѣдними, еврей скрылся въ своихъ домахъ, гдѣ и погибли отъ огня и меча; опаслись только немногіе. Еврей никакъ не могли быть первыми зачинщиками, ибо граждане, привлеченные королевскими чиновниками къ ответственности за беспорядки, сложили всю вину на крестоносцевъ, которые между тѣмъ ушли съ награбленною добычею. Одинъ еврейскій врачъ, любимый и христіанами за его искусство и скромность, былъ убитъ варварами за то, что оплакивалъ своихъ единовѣрцевъ и взывалъ къ небу объ отмщеніи убійцамъ ¹⁾).

Затѣмъ норвичскіе евреи подверглись нападенію въ ихъ собственныхъ домахъ и были избиты (6 Февраля 1190) ²⁾). Мѣсяцъ спустя, станфордскіе евреи потерпѣли нападеніе, потому что въ базарный день находилось въ городѣ много крестоносцевъ и простыхъ людей, которые были увѣрены, что по своему численному превосходству возьмутъ верхъ въ случаѣ, если еврей, соединясь съ горожанами, окажутъ имъ сопротивленіе. Поступая съ евреями, какъ съ врагами, и жаждая ихъ имущества, они были увѣрены, что совершатъ богоугодное дѣло; сверхъ того, они рассчитывали вымочь у евреевъ деньги на покрытіе своихъ путевыхъ издержекъ. Они безъ малѣйшаго повода напали на евреевъ, убили однихъ, принудили другихъ скрыться въ королевскомъ замкѣ, вторгнулись въ еврейскія жилища и похитили все драгоцѣнное. Чтобы не попасть въ руки королевскихъ судей, разбойничья шайка крестоносцевъ ушла съ своею добычею изъ города. Одинъ изъ такихъ грабителей, скрывшій добычу у одного изъ своихъ знакомыхъ и убитый симъ послѣднимъ изъ корыстолюбія, едва не былъ канонизированъ ³⁾). — Линкольнская

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Радульфъ де-Дисето *Imagines historiarum*, у Twysden, 651.

³⁾ Вильг. Нейбурійскій, IV, 8.

община, конечно, раздѣлила бы участь Линвской, Норвичской и Станфордской общинъ, если-бъ она, свѣдавъ объ угрожающей опасности, не скрылась со всѣмъ своимъ имуществомъ въ королевскомъ замкѣ ¹⁾).

Судьба іоркскихъ евреевъ была особенно трагическою, потому что въ числѣ ихъ находились два мужа, обладавшіе княжескимъ богатствомъ, построившіе себѣ великолѣпные дворцы и потому возбудившіе зависть къ себѣ. Это были Іосія и Венедиктъ столь жестоко оскорбленные въ день коронаванія Ричарда (см. стр. 267). Венедиктъ, насильно окрещенный и потомъ возвратившійся въ іудейство, умеръ отъ ранъ, нанесенныхъ ему въ Лондонѣ. Крестоносцы, желавшіе обогатиться, горожане, завидовавшіе богатству евреевъ, дворяне, бывшіе должниками послѣднихъ, духовенство, свѣдаемое мрачнымъ фанатизмомъ, — всѣ эти элементы соединились на пагубу іоркскихъ евреевъ. Въ темную ночь во время пожара, случайнаго или нарочнаго, разбойничья шайка напала на домъ Венедикта, обитаемый только женою и дочерью послѣдняго, унесла драгоценности и зажгла жилище. Предвидя опасность, Іосія съ своимъ семействомъ и съ большинствомъ членовъ общины искали защиты въ крѣпости; только немногіе евреи остались въ городѣ. Послѣдніе, спустя день, подверглись нападению шайки, которая послѣ перваго успѣха стала нападать открыто; евреямъ оставался только выборъ между крещеніемъ и смертью. Евреи-же въ крѣпости были осаждены толпою, предлагавшею имъ обратиться къ христіанству. Однажды начальникъ крѣпости вышелъ изъ нея, и евреи, опасаясь, чтобы онъ не измѣнилъ имъ и не предалъ ихъ врагу, заперли крѣпостныя ворота и не впустили начальника. Послѣдній пожаловался губернатору провинціи на самоуправство евреевъ, будто бы изгнавшихъ его изъ ввѣренной ему крѣпости; губернаторъ, раздраженный до крайности этимъ мнимымъ самоуправствомъ, самъ побуждалъ толпу

¹⁾ Тамъ-же, IV, 9.

взять крѣпость и отмстить евреямъ. Онъ даже призвалъ новыя толпы изъ провинціи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе овладѣть крѣпостью. Осада продолжалась шесть дней, и евреи храбро отражали приступы. Губернаторъ уже жалѣлъ о своемъ приказаніи взять крѣпость; многіе дворяне и предусмотрительные горожане уклонились отъ предпріятія, которое могло бы имѣть для нихъ дурныя послѣдствія, еслибъ о немъ узналъ король. Тогда одинъ монахъ въ бѣломъ одѣяніи подстрекнулъ толпу словомъ и дѣломъ продолжать начатое ею дѣяніе; камень, брошенный однимъ изъ осажденныхъ евреевъ, убилъ его.

Евреи между тѣмъ терпѣли голодь и ждали вѣрной смерти. На совѣтѣ, разсуждавшемъ о томъ, что предпринять, одинъ прибывшій изъ Франціи законоискусникъ, Р. Іомъ-Тобъ изъ Жуаньи, предложилъ умертвить другъ друга: «Вогъ, котораго судьбы неисповѣдны, заповѣдалъ умирать за наше святое ученіе. Смерть у дверей, если мы, ради нѣсколькихъ краткихъ минутъ, не предпочтемъ измѣнить ей. Такъ какъ мы обязаны предпочитать славную смерть позорной жизни, то необходимо избрать самый славный и легкій способъ умереть. Жизнь, данную намъ Творцомъ, мы возвратимъ ему нашими собственными руками. Примѣръ тому намъ данъ многими благочестивыми мужами и общинами въ древнее и новое время». Многіе одобрили предложеніе, но трусы не хотѣли отнять у себя возможность спасенія. Между тѣмъ геройскіе раввины приступили къ исполненію рѣшенія. Всѣ драгоцѣнности были сожжены, огонь разложенъ у дверей, и мужчины съ самоотверженіемъ приставили ножъ къ горлу дорогихъ сердцу особъ. Іосія, какъ общинный предстоятель, первый умертвилъ свою любимую жену Анну; ему же на долю выпала честь умереть отъ руки раввина. Такимъ образомъ большая часть евреевъ погибли отъ руки своихъ единовѣрцевъ, наканунѣ великой субботы, предшествующей празднику въ память освобожденія отъ египетскаго рабства¹⁾, именно

¹⁾ Тамъ-же, IV, 9, 10. Относительно времени сравн. примѣч. 9.

въ то самое время, когда, по разрушеніи храма, послѣдніе ревнителѣ умертвили сами себя такимъ же образомъ въ крѣпости Мазадѣ, чтобы не попасть въ руки римлянъ. Немногіе оставшіеся въ живыхъ должны были бороться ночью съ распространившимся пожаромъ, дабы найти себѣ безопасный уголокъ. На другой день субботы (17 Марта 1190), когда врагъ двинулся на приступъ, евреи изъявили готовность отворить ворота и принять крещеніе, и сбросили со стѣнъ трупы, чтобы убѣдить осаждающихъ въ ужасномъ самопожертвованіи своихъ единовѣрцевъ. Но едва отворились ворота, какъ предводитель осаждавшихъ и его драбанты бросились на тѣхъ, которые со слезами требовали крещенія. Такимъ образомъ не осталась въ живыхъ ни одного еврея изъ іоркской общины; всего погибло около 500 человекъ¹⁾.

Спустя день, въ Вербное воскресенье, крестоносцы умертвили въ С. Эдмундѣ пятьдесятъ семь евреевъ²⁾. И во всей Англіи евреи погибали мученическою смертью, если ихъ не защищали горожане³⁾. Одна община, состоявшая изъ двадцати семействъ еврейскихъ прозелитовъ, также подверглась мученической смерти⁴⁾. Король Ричардъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ отъ всѣхъ жестокостей, совершенныхъ надъ евреями, и поручилъ своему канцлеру произвести слѣдствіе и наказать виновныхъ. Но крестоносцы уже ушли, виновные горожане и дворяне бѣжали въ Шотландію, прочіе же оправдались. Только іоркскій губернаторъ былъ отрѣшенъ отъ должности⁵⁾.

Но и помощи благородныхъ горожанъ лишились евреи, когда на англійскій престолъ взошелъ братъ Ричарда, тотъ же король Іоаннъ Безземельный, который по своей безсовѣстности довелъ Англію до униженія быть вассальною землею папы. Если онъ поступалъ со всѣми безсовѣстно, то евреи,

1) Р. де-Дицето.

2) Тамъ-же.

3) Тамъ-же.

4) Ефраима Бонискаго Мартирологій, стр. 10.

5) Вильг. Нейбурійскій, IV, 11.

разумѣется, не могли ждать отъ него ничего хорошаго для себя. Онъ часто заключалъ ихъ въ тюрьму и, посредствомъ ужасныхъ пытокъ, вымогалъ у нихъ богатства. Извѣстенъ его поступокъ съ Бристольскимъ евреемъ, отъ котораго онъ требовалъ 10000 марокъ серебра и которому вырывалъ одинъ зубъ за другимъ, пока несчастный не далъ требуемыхъ денегъ¹⁾. Такимъ образомъ англійскіе евреи мало по малу обратились въ презрѣнный классъ людей, отъ котораго можно было требовать всего и къ которому обращались только со словами: «давай, давай!» Поэтому не могла у нихъ развиться собственная культура.

¹⁾ Матвѣя Парижскаго *Historia major*, ed. London 1680, стр. 229, подъ годомъ 1210.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ОБЗОРЪ.

(Продолженіе).

Евреи въ Германіи и отношенія ихъ къ императору. — Рабство. — Золотой жертвенный пфеннигъ. — Последніе слѣды самостоятельности евреевъ. — Преслѣдованія. — Раввинско-нѣмецкая школа; Елеазаръ Мецскій. — Іегуда Благочестивый Регенсбургскій. — Мартирологій Ефраима Боннскаго. — Миннезенгеръ Зюскиндъ Тримбергскій. — Петахья, путешественникъ. — Итальянскіе евреи. — Папа Александръ II. — Евреи въ Византійской имперіи. — Общины въ Сиріи и Палестинѣ. — Багдадская община. — Возобновленный экзилархатъ. — Князь изгнанія Самуилъ Хаздаи. — Мосульская община. — Воинственные евреи въ Азербейджанѣ. — Лже-Мессія Давидъ Алрун. — Воинственные еврейскія племена около Нишабура. — Сузская община и могила Даніила. — Евреи въ Индіи. — Свободныя еврейскія племена въ Аравіи. — Князь изгнанія Даніилъ и глава школы Самуилъ бенъ Али. — Татары, какъ еврейскіе прозелиты. — Могила пророка Іезекиеля, какъ цѣль паломничества. — Могила Езры. — Еврейскіе вѣроотступники, принявшіе исламъ: Нааананиль Гибать-Аллахъ Абулбаркатъ, Исаакъ Ибнъ-Езра и Самуилъ Ибнъ-Аббасъ. — Караимы; Іафетъ бенъ Саидъ. — Египетскія общины и глава ихъ (Nagid); Нааананиль Гибать-Аллахъ Алгами. — Каранискія общины въ Египтѣ. — Моисеева синагога въ Димугъ.

1171—1205.

Евреи обширной въ то время Германской имперіи находились нѣсколько въ лучшемъ положеніи, чѣмъ ихъ единовѣрцы во Франціи и Англии. Правда, германскіе народы, по природѣ болѣе религіозные и, слѣдовательно, болѣе фанатическіе, нежели французы и другіе романскіе народы, отравляли евреямъ жизнь, но такъ какъ императоръ и князья защищали послѣднихъ, то ненависть къ нимъ не могла побуждать къ яростнымъ дѣйствіямъ. Благодаря покровительству, оказанному евреямъ Генрихомъ IV въ первый кресто-

вый походъ и Конрадомъ III во второй, сложилось мнѣніе, что нѣмецкій императоръ есть охранитель евреевъ, что обижаяющій ихъ наноситъ въ нѣкоторомъ смыслѣ оскорбленіе величеству, и что евреи за это признаютъ себя рабами императора и казны. Безъ сомнѣнія, Фридрихъ Барбаросса, могущественный нѣмецкій императоръ, взявшій себѣ за образецъ Карла Великаго, первый началъ обращать свободныхъ евреевъ въ подвластныхъ казнѣ людей. Онъ предоставилъ герцогу Леопольду Австрійскому право держать евреевъ въ своей области и подарилъ мѣстному епископу доходы отъ еврейской общины въ Регенсбургѣ¹⁾.

Интересна сага, которая связываетъ съ исторіей отношенія нѣмецкаго императора къ евреямъ. При разрушеніи Иерусалима Титомъ, одна часть евреевъ погибла отъ голода, другая отъ меча, третья же часть была продана какъ рабы, по дрянному пфеннигу за тридцать человѣкъ. Эти, разсыянные по Римской имперіи, евреи сдѣлались собственностью римскаго императора и должны были въ вѣдѣніи дворцоваго управленія. Но въ то-же время императоръ принялъ на себя обязанность защищать ихъ, въ награду за то, что Иосифъ, приверженецъ римлянъ, вылечилъ Тита отъ отравленія. Права и обязанности римскихъ императоровъ относительно евреевъ перешли чрезъ Карла Великаго къ нѣмецкимъ императорамъ, которые поэтому обязаны защищать евреевъ, а сіи послѣдніе состоятъ въ подчиненіи имъ²⁾. Во Франціи и Англии евреи, въ сущности, сдѣлались дворцовыми рабами, т. е. принадлежали на половину королю или баронамъ и были обязаны наполнять подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ опустѣвшія кассы своихъ господъ. Но въ Германіи они пользовались за то, правда, существовавшимъ только въ воображеніи, покровительствомъ нѣмецко-римскаго императора. Нельзя

¹⁾ Сравни. (I. Вертгеймера) *Juden in Oesterreich*, стр. 34; *Aretin, Geschichte der Juden in Baiern*, стр. 15.

²⁾ Эта сага встрѣчается уже въ Саксонскомъ Зеркалѣ (собр. около 1215, изд. Гомайера, стр. 125), подробнѣе изложена въ Швабскомъ Зеркалѣ, № 214, изд. Ваккернагеля, стр. 206 и слѣд.

также было требовать и тому, чтобы преемники Веспасіана, происходившіе изъ дома Тевта, оказывали совершенно безкорыстно свое покровительство евреямъ. Напротивъ, эти преемники вѣзали болѣе высокія подати, нежели другіе князья, ибо не имѣли наслѣдственныхъ областей и получали отъ своихъ вассаловъ весьма скудное содержаніе. Слѣдовательно, представляется достовѣрнымъ только то, что евреи должны были доставлять императору карманныя деньги за оказываемое послѣднимъ покровительство. Но и въ отношеніи податей нѣмецкіе евреи находились въ лучшихъ условіяхъ, нежели въ сосѣднихъ странахъ. Нѣмецкій педантизмъ привелъ въ порядокъ также подати евреевъ и положилъ предѣлъ произволу. Императоръ получалъ съ евреевъ ежегодно, на святкахъ, поголовную подать, такъ называемый золотой жертвенный пфеннигъ (около рейнскаго гульдена) съ каждого челоуѣка, за исключеніемъ дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ¹⁾. Нѣмецкая основательность, охотно основывающая даже несправедливость на почвѣ права, относить начало этой подати ко временамъ Веспасіана. Этотъ императоръ установилъ, чтобы деньги, ежегодно присылаемыя евреями всѣхъ странъ на покрытіе издержекъ по жертвоприношеніямъ, поступали въ видѣ подати въ императорскую казну (Кн. IV), и нѣмцы признали полезнымъ и справедливымъ, чтобы право взимать эту подать перешло и на преемниковъ Веспасіана въ священно-римской имперіи. Кроме того, императоры получали неопредѣленный, полуеврейскій налогъ, т. е., половину той суммы, которую уплачивали евреи ленному господину. Наконецъ, императоръ требовалъ отъ нихъ еще коронаціонную подать, т. е., при своемъ вступленіи на престолъ третью часть ихъ имущества, третій пфеннигъ или такъ называемую опѣнку.

Хотя нѣмецкіе евреи составляли собственность казны, однакожъ въ XII вѣкѣ не были лишены всѣхъ личныхъ

¹⁾ Сравни. объ этомъ Эрша и Грубера Allg. Encyclopädie, S. II, кн. 27, стр. 86 и слѣд.

правъ. Они могли носить оружіе и даже выходить на поединокъ. Во время осады Вормса евреи сражались рядомъ съ христіанами, и раввины разрѣшили носить оружіе для защиты даже въ субботу¹⁾. Евреи имѣли свой судъ и могли являться къ иному суду²⁾. Тамъ и сямъ нѣкоторые изъ нихъ занимали высокое положеніе. У храбраго австрійскаго герцога Леопольда, исторически извѣстнаго тѣмъ, что держалъ въ темницѣ Ричарда Львиное Сердце, былъ еврейскій министръ финансовъ Соломонъ, который, не смотря на запрещеніе латеранскаго собора, держалъ слугъ христіанъ³⁾. Въ Силезіи евреи владѣли еще нѣкоторыми селами близъ Бреславля съ приписанными къ нимъ крѣпостными⁴⁾. Но чѣмъ болѣе распространялось запрещеніе держать слугъ-христіанъ, тѣмъ болѣе должны были евреи продавать постепенно свои земельныя владѣнія, скопляться въ городахъ и заводить торговлю и денежныя дѣла. Несмотря на императорское покровительство, они часто подвергались нападеніямъ. Нелѣпая выдумка, будто евреямъ нужна христіанская кровь, нашла въ Германіи гораздо большую вѣру, чѣмъ гдѣ либо, и всюду, гдѣ только оказывался трупъ христіанина, народъ и князья обвиняли евреевъ въ этомъ убійствѣ. Изъ Кельна въ Боппардъ плылъ корабль съ евреями, а позади него другой корабль съ христіанскими пассажирами. Последніе нашли около Боппарда убитую христіанку и тотчасъ пришли къ убѣжденію, что она убита евреями, плывшими на первомъ кораблѣ; схвативши многихъ изъ этихъ евреевъ, потребовали отъ нихъ креститься и, получивъ отказъ, побросали въ Рейвъ. Одного изъ нихъ, Іуду бенъ Менагема, таскали изъ города въ городъ (осень 1179). Но не одни только бывшіе на кораблѣ евреи, а всѣ окрестные, должны были поплатиться и спасли свою жизнь не иначе, какъ взнеся значительный окупъ. Общины этого округа заплатили императору Фридриху Барбароссѣ 500 марокъ серебра, а

1) Саксонское Зеркало; Елеазаръ Вормскій. *Rokeych* № 196.

2) Аретина выпенрив. сочин.

3) Мартирологій Ефраима Боннскаго, стр. 12.

4) L. Oelsner, *Geschichte der Juden im Mittelalter*, 1855, стр. 6.

архієпискону Филиппу, графу Геймсбергокому, 42000. Богатая Боннская община должна была одна дать 400 марок¹⁾. Архієпископъ Филиппъ вообще былъ нерасположенъ къ евреямъ и поступалъ съ ними безъ всякаго милосердія. Поэтому императоръ Фридрихъ, отправляясь въ крестовый походъ, позвалъ его къ суду на сеймъ въ Майнцъ, и архієпископъ Филиппъ долженъ былъ дать очистительную присягу въ томъ, что не обращался жестоко съ евреями и купцами (1188)²⁾. Въ уставъ объ общественной безопасности, изданный императоромъ предъ отправленіемъ на Востокъ, были включены также евреи. Онъ внушалъ духовенству не подстрекать народъ противъ евреевъ; послѣдніе однако должны были дать денегъ для крестоваго похода³⁾.

Несмотря на это, при Генрихъ IV, наслѣдникъ Фридриха, повторилась въ реинской области отвратительная сцена. Одинъ помѣщенный еврей отрубалъ, въ припадкѣ бѣшенства, голову христіанской дѣвочки въ глазахъ многихъ присутствующихъ (Февраля 1194)⁴⁾. Въмѣсто того, чтобы отнять

1) Мартирологій Ефраима Баннского, стр. 9.

2) Раумеръ, Гогенштауфены, II, 412.

3) Ефраимъ Боннский, стр. 12.

4) Въ нижеприведенномъ текстѣ Ефраима Боннского число, очевидно, показано невѣрно. Этотъ фактъ случился באדר ב' בשבת תתקמ"ז בו' באדר כב' תתקמ"ז, но сказанный годъ (1187) не былъ високоснымъ. У Иосифа Когена (въ Ешек ha - Vasha) стоитъ вмѣсто этого תתקנ"ז но и это невѣрно, ибо приводимые дни значительно разнятся отъ формы года. Сверхъ того, Ефраимъ въ своихъ разсказахъ соблюдаетъ хронологическій порядокъ, и потому не могъ поставить событіе 1197 года ранѣе событія 1196 г. При согласованіи дней мѣсяца и недѣли оказывается удовлетворительною только слѣдующая форма года תתקנ"ד = 1194. Но такъ какъ 9 Адара никогда не можетъ быть въ понедѣльникъ, то слѣдуетъ поправить באדר בה' вмѣсто בו'. Для втораго числа въ томъ же разсказѣ существуетъ два чтенія (въ текстѣ ביום מנוה ליהודש (בי"א לחודש). Вмѣсто этого слѣдуетъ читать: בי"ג. Цуцъ не обратилъ вниманія на всѣ эти календарныя ошибки и, согласно копіи, относитъ фактъ къ 1197 г. (Синагогальная поэзія, стр. 26). — Иосифъ Когенъ въ Ешек ha - Vasha, а за нимъ и новѣйшіе лѣтописцы относятъ къ эпохѣ Фидриха Барбароссы случай съ тремя христіанскими мальчиками въ Вѣнѣ, погибшими подо льдомъ, и въ смерти которыхъ судьи обвинили евреевъ, такъ что императоръ заключилъ евреевъ въ тюрьму и приказалъ сжечь тридцать человѣкъ изъ нихъ, пока не открылась истина. Манассія бенъ

у помѣшаннаго возможность вредить, присутствовавшіе христіане убили не только его, но и шесть самыхъ уважаемыхъ членовъ общины, въ томъ числѣ тоссафиста Самуила бенъ Натронаи, привязали ихъ трупы къ колесу и выставили за городомъ. Неудовольствовавшись этимъ, судьи арестовали, спустя пять дней, въ субботу, мать, сестру и дядю помѣшаннаго и предложили имъ для спасенія жизни перейти въ христіанство. Одна только сестра, молодая дѣвушка, окрестилась, но мать перенесла ради вѣры всѣ возможныя пытки и даже была погребена живою; ея братья были колесованы и выставлены на позоръ. Все это произошло съ вѣдома леннаго господина, архіепископа Адольфа альтенаускаго. Онъ даже наложилъ на остальныхъ евреевъ Нейса денежную пеню во 150 марокъ серебра; при этомъ случаѣ, всѣ евреи его области должны были внести большія денежные суммы. Затѣмъ архіепископъ потребовалъ еще денегъ за милостивое дозволеніе похоронить казненныхъ евреевъ. Дозволеніе это дано лишь чрезъ пять недѣль.

Спустя два года случилось нѣчто подобное въ Шпейерѣ (Февраль 1196)¹⁾. Вблизи этого города нашли трупъ христіанина, и подозрѣніе въ убійствѣ пало, по обыкновенію, на евреевъ. Сбѣжавшаяся чернь принялась сперва за еврейскую покойницу, умершую незадолго предъ тѣмъ дочь раввина Исаака бенъ Ашера Галеви II²⁾; внука соименнаго

Израиль въ «Спасеніи евреевъ» и Cardoso las excellencias de los Hebreos, стр. 410, говорятъ объ этомъ случаѣ, но упоминаютъ только имя императора Фридриха безъ означенія года. Изъ того обстоятельства, что Ефраимъ Бонскій умалчиваетъ объ этомъ событіи, и что Фридрихъ Барбаросса не имѣлъ въ Вѣнѣ права суда, можно заключить, что сказанный случай относится ко времени царствованія Фридриха III изъ Австрійскаго дома. Докторъ Эжъ изъ Ингольштадта въ своемъ анти-еврейскомъ сочиненіи Aus Juden Büchlein's Verlegung (1541) сообщаетъ тотъ же фактъ, относя его къ царствованію Альбрехта Австрійскаго, 1420, и говоря, что Альбрехтъ велѣлъ казнить 300 евреевъ за то, что будто они убили христіанское дитя.

¹⁾ Ефраимъ Бонскій, стр. 14.

²⁾ См. объ этомъ Margochai къ Moed Katan, № 504. Не знаю, откуда Цунцъ взялъ извѣстіе, что Исаакъ бенъ Ашеръ II потерпѣлъ мученическую смерть въ Вюрцбургѣ.

тоссафиста (см. стр. 176). Вырывъ трупъ изъ могилы и раздѣвъ до-нага, повѣсили его на рынкѣ и безчестили самымъ грубымъ образомъ. Посредствомъ денежнаго подарка удалось несчастному отцу получить дозволеніе на вторичное погребеніе умершей. Но спустя день, разъяренная толпа ворвалась въ домъ раввина, убила послѣдняго и еще восемь евреевъ и подожгла общинные дома. Шпейерскій епископъ былъ соумышленникомъ убійцъ. Члены общины, собравшись на чердакѣ синагоги, защищались до полученія помощи извнѣ. Одинъ уважаемый и богатый боппардскій еврей, Хискія бенъ Рѣубенъ, съ товарищемъ позаботились спасти своихъ погибающихъ единовѣрцевъ. Они ушли ночью съ чердака и скрылись; христіане отомстили за это, сжегши синагогу, бросивъ свитокъ еоры въ рѣку и разграбивъ еврейскіе дома. Оттонъ, братъ императора Генриха VI, бургундскій пфальцъ-графъ, получивъ извѣстіе о совершенномъ въ Шпейерѣ злодѣяніи, подошелъ къ городу и опустошилъ принадлежащія епископу и горожанамъ села, поля и лѣса. Схваченные затѣмъ зачинщики и убійцы должны были уплатить евреямъ за убытки и построить на свой счетъ синагогу, а также починить поврежденные дома.— Чрезъ семь дней послѣ шпейерскаго событія, нѣсколько христіанъ напали на боппардскую общину и умертвили восемь человекъ. Герцогъ Оттонъ опять заступился за евреевъ и ослѣпилъ двухъ убійцъ. Когда же прибылъ въ Боппардъ императоръ Генрихъ VI (въ началѣ Іюля 1196), то заставилъ горожанъ уплатить Хискіи за убытки 300 марокъ серебра¹⁾.

Въ то-же время (Іюль 1196) совершились въ Вѣнѣ подобныя злодѣянія²⁾. По заключеніи Ричардомъ Львинымъ Сердцемъ постыднаго мира съ Саладиномъ, папа и кардиналы начали проповѣдывать новый крестовый походъ, и во всей Германіи дворяне и горожане, въ томъ числѣ австрійскій герцогъ Фридрихъ и его подданные, изъявили желаніе уча-

¹⁾ Ефраимъ Бонскій, стр. 14.

²⁾ Тамъ-же стр. 12, 13.

ствовать въ этомъ походѣ. Одинъ изъ слугъ Соломона, министра финансовъ австрійскаго герцога (см. стр. 277), также напиль себѣ крестъ и счель себя въ правѣ обокрасть своего господина. Послѣдній заключилъ его за это въ тюрьму. Находившіеся въ Вѣнѣ крестоносцы, узнавъ о заключеніи евреевъ ихъ собрата въ тюрьму, позабыли, что онъ воръ, бросились на домъ Соломона, убили послѣдняго и еще пятнадцать евреевъ и освободили заключеннаго. Но герцогъ оказалъ правосудіе и казнилъ двухъ зачинщиковъ смертоубійства. — Спустя нѣсколько мѣсяцевъ (Ноябрь 1196)¹⁾, необузданные крестоносцы совершили въ Вормсѣ еще менѣе извинительное дѣяніе. Они ворвались въ домъ миролюбиваго талмудиста, Елеазара бенъ Іегуды²⁾, убили звѣрокимъ образомъ его жену, Дольце, кормившую супругу и семейство, умертвили двухъ дочерей, сына и учениковъ, разграбили имущество и оставили несчастному супругу и отцу только одну жизнь. Впослѣдствіи одинъ изъ злодѣевъ былъ казненъ.

Живя въ такихъ угнетающихъ условіяхъ и ежеминутно опасаясь за свою жизнь, нѣмецкіе евреи не могли достигнуть высшей степени культуры. Они были глубоко религіозны, благотворительны, помогали чѣмъ могли другъ другу и прибывшимъ изъ чужихъ краевъ единовѣрцамъ³⁾, религія и единоплеменныя члены общины были столпами, которые служили опорой для слабыхъ; но германскіе евреи не имѣли ни стремленія, ни дарованія къ какой либо отрасли наукъ. Изученіе талмуда составляло единственное занятіе евреевъ, обладавшихъ жаждою знанія; но и въ этой области они шли по дорогѣ, указанной Раши и тоссафистами, не уклоняясь отъ нея ни на одинъ шагъ. Кто же хотѣлъ, кромѣ образованія ума, имѣть еще духовную пищу, тотъ углублялся

¹⁾ Извѣстіе заимствовано изъ одной рукописи; сравн. Ландсгута *Amude Avoda I*, 26. Число совершенно вѣрно: כסלו תתקנ"ו — Нояб. 1196. Ибо только къ концу 1195 г. Генрихъ VI рѣшилъ новый крестовый походъ; въ 1193, ан противъ, не было въ Германіи ни одного крестоносца.

²⁾ Авторъ *Roqueach* и другихъ сочиненій.

³⁾ Веніамина Тудельскаго *Itinerarium*, въ концѣ.

въ родъ тайнаго ученія, сущность и значеніе котораго остались для насъ неизвѣстными. Выдающимися нѣмецкими талмудистами того времени были: Р. Еліезеръ бенъ Самуиль Мецскій изъ школы тоссафиста Р. Тама, чувствовавшій потребность обработать еврейскую этику и снова связать съ библіей талмудическія постановленія. Въ этомъ духѣ онъ написалъ свое сочиненіе (*Sefer Jereim*), напечатанное не вполне¹⁾; Р. Варухъ бенъ Исаакъ Вормскій, ученикъ тоссафиста Р. Исаака старшаго (см. стр. 258), написавшій основательное и ясное практическое сочиненіе о талмудическихъ обрядовыхъ законахъ (1196—1200)²⁾. Наконецъ Р. Іегуда бенъ Самуиль Благочестивый (*ha Chassid*), изъ Вормса (ум. 1226)³⁾, занимавшійся подобно отцу мистикой и написавшій о ней сочиненіе. Онъ по неизвѣстной причинѣ оставилъ родину и переселился въ Регенсбургъ. Іегуда Благочестивый былъ литургическимъ поэтомъ, но его произведенія не имѣютъ никакой особенной важности.— Довольно славное имя въ то время приобрѣлъ Ефраимъ бенъ Іаковъ Боннскій (род. 1132, ум. около 1200), который хотя не былъ раввиномъ по профессіи, но отлично зналъ талмудъ и прекрасно владѣлъ языкомъ. Будучи тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ во время преслѣдованій втораго крестоваго похода заперся вмѣстѣ съ родственниками въ Волькенбургъ (см. стр. 183), видѣлъ собственными глазами страданія единовѣрцевъ

1) См. Азулан *sub voce*.

2) *Sefer ha-Terumah*, сравн. *Hilchot Aboda Sara* № 135, изъ чего выводится время сочиненія этой книги.

3) Сравн. Ландсгута *Amude Aboda I*, 776. Неправильно приписываютъ ему сочиненіе *Sefer Chassidim* (см. стр. 266). Также гимны *Schir ha-Jichud* не принадлежатъ ни ему, ни его отцу, ибо предполагаютъ знаніе *Emunot Saadin*, сочиненія, переведеннаго на еврейскій языкъ Іегудой Ибнъ-Тиббономъ и даже позже Берехъей Навданомъ и непрошедшаго еще тогда въ Германію. Современникъ Нахмани, Монсей бенъ Хаздан Таку (котораго *Ketab Tanim* изданъ тешеръ, *Ozar Neshmad III*, 58—99), старѣйшій тому свидѣтель, замѣчаетъ, что часть *Schir ha-Jichud* написана неизвѣстнымъ впрочемъ Р. Бецацелемъ по *Emunat Saadin*, а часть нѣкимъ Р. Самуиломъ (81). Онъ же считаетъ многіе стихи въ этомъ сочиненіи испорченными. Невозможно, чтобы нѣмецкіе мистики въ Вормсѣ и Регенсбургѣ достигали такой высоты.

и описать их впоследствии, по примѣру Елизера бенъ Натана (см. стр. 178), въ горячемъ и чрезвычайно безпристрастномъ мартирологѣ. Онъ погибъ бы во время кровавыхъ сценъ въ Нейсѣ (см. стр. 279), еслибы не уѣхалъ за три дня предъ тѣмъ въ Кельнъ; однако онъ лишился почти всего своего имущества. Въ старости онъ довелъ свой мартирологъ до 1296—1197 года. Ефраимъ былъ также стихотворцемъ и написалъ много литургическихъ произведеній, въ томъ числѣ жалобную пѣснь о страданіяхъ его времени. Эти произведенія не обладаютъ поэтической прелестью, но большею частью отличаются остроумными намеками на библейскіе стихи и на мѣста изъ талмуда. Такова въ особенности его халдейская покаянная молитва (Та Schemá), которая въ смѣлыхъ оборотахъ излагаетъ сухія положенія талмуда. Онъ питалъ такую любовь къ стихотворной литературѣ, что составилъ комментарий къ болѣе древнимъ произведеніямъ¹⁾.

Едва вѣроятнымъ кажется, что въ неблагоклонной къ евреямъ Германіи явился въ то время еврейскій поэтъ, миннезенгеръ, который писалъ отличные стихи на нѣмецкомъ языкѣ и приобрѣлъ такую славу, что былъ принятъ, какъ равный, въ кружокъ поэтовъ. Зюскиндъ (Suezkint) изъ Тримберга (городка на франконскомъ Саалѣ) перенялъ у Фогельвейде и Вольфрама Эшенбахскаго методъ Вальтера. Въ близкомъ Вюрцбургѣ, гдѣ бургграфы Геннебергъ любили нѣмецкую поэзію и покровительствовали ей, Зюскиндъ получилъ свое поэтическое образованіе (около 1200²⁾). Быть

¹⁾ Ландсгута Amude Aboda, 476.

²⁾ Гагенъ, ученый издатель нѣмецкихъ Миннезенгеровъ (Leipzig 1838, Süs-kinds sechs Gedichte, кн. II стр. 258 и слѣд., а ученныя замѣтки къ этому въ кн. IV, стр. 536 и слѣд.), полагаетъ, что еврейскій миннезенгеръ жилъ около 1218—25. Но доказательства тому очень слабы. Они основываются на двухъ извѣстіяхъ, изъ которыхъ въ одномъ говорится о продажѣ земельного участка еврею Зюскинду въ Вюрцбургѣ, а въ другомъ упоминается о спорѣ по поводу этого участка. Но доказывается ли этимъ тождественность Зюскинда Тримбергскаго съ Вюрцбургскимъ? Фамилія Зюскинда встрѣчалась у евреевъ такъ часто, что нельзя, основываясь на ней одной, заключать о тождественности лицъ. Кромѣ того, миннезенгеръ изображаетъ себя бѣднякомъ (V, 1, 2), тогда какъ Зюскиндъ, упоминаемый въ документахъ, представляется зажиточнымъ,

можетъ онъ былъ врачомъ по профессіи, но вообще ничего неизвѣстно объ обстоятельствахъ его жизни. Въ бургѣ своей родины, на увѣнчанной виноградниками горѣ, отражающей въ извилистомъ Саалѣ, въ резиденціи владѣльцевъ Тримберга, или въ ближайшемъ бургѣ Воденлаубе, въ кругу благородныхъ рыцарей и красивыхъ женщинъ, Зюскиндъ съ лютнею въ рукахъ слагалъ свои искусные стихи и жилъ подарками.

Онъ пѣлъ о высокомъ достоинствѣ безукоризненной жены:

„Безукоризненная жена есть вѣнецъ своего мужа; чѣмъ болѣе онъ ее чтить и любить, блаженный человекъ, тѣмъ болѣе она расточаетъ его имущество“¹⁾.

Онъ внушалъ рыцарямъ, какой долженъ быть истинный дворянинъ:

„Кто поступаетъ благородно, того я считаю дворяниномъ“.

покупающимъ землю и устраивающимъ водопроводъ. Время процвѣтанія Зюскинда опредѣляется хронологически тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, вѣроятно, жилъ до изданія Иннокентіемъ III каноническаго правила (объ особенной одеждѣ евреевъ), ибо уже въ 1221 г. Фридрихъ II называетъ это правило непреложнымъ. Еврейскій миннезенгеръ представляется еще въ употребительномъ туземномъ нарядѣ безъ всякаго отличительнаго знака, и только въ печальномъ настроеніи духа говоритъ, что хочетъ сбросить нарядную одежду пѣвца, отросить длинную бороду, носить по примѣру евреевъ длинный плащъ и шляпу. О желтой нашивкѣ въ видѣ колеса онъ ничего не говоритъ. Если въ сборникѣ пѣсней миннезенгеровъ, составл. Манесси, Зюскиндъ изображенъ въ богатомъ платьѣ съ длинною бородой и въ воронкообразной, остроконечной, желтой шляпѣ (IV, 517), то жившіе позже собиратели (около 1280—1325) взяли за образецъ современнаго имъ еврея, и изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы таковъ былъ дѣйствительно нарядъ Зюскинда. Если, съ одной стороны, онъ жилъ ранѣе 1215, то, съ другой, нельзя допустить время ранѣе 1200 года, ибо искусная рима, размѣръ и строфы предполагаютъ классическое время поэзіи миннезенгеровъ. — Кохъ, основываясь на стихотвореніи «Die Tugend-Latwerge» (I, 2), предполагаетъ, что Зюскиндъ занимался медициною (тамъ-же, IV, 538, примѣч. 1). — Гагенъ замѣчаетъ, что ни языкъ, ни выраженія въ стихотвореніяхъ Зюскинда не изобличаютъ въ немъ еврея (стр. 538 в.). Однако нѣкоторые стихи напоминаютъ объ его еврейскомъ происхожденіи. Въ III, 1: «Du lütest mit dem Tage und vincerst mit der Nacht» заключается, конечно, воспоминаніе объ еврейской молитвѣ и о Маагивъ аговимъ. Въ III, 2, въ похвалѣ жены, Зюскиндъ сильно пользовался послѣднею главою Притчей; стихи: «ir liecht vurleschet nicht in nacht, ihr hohez Lop mit der meisten menge vert» взяты оттуда слово въ слово.

¹⁾ Irs mannes kron' ist daz vil reine wip,
ie mer in wol eret ir wohlwerder lip:
er sälik man, dem diu guete sie beschert.

Онъ говоритъ о свободѣ и непринуждаемости мысли:

„Никто не можетъ запретить мыслить.... Мысли пробиваются сквозь камень, сталь и желѣзо“¹⁾.

Зюскиндъ написалъ также нѣмецкій псаломъ:

„Господи Царю, Боже, что невозможно Твоему всемогуществу? Ты даешь свѣтъ днемъ и мракъ ночью, дабы мѣръ радовался и отдыхалъ“²⁾.

Онъ излагаетъ скорбную мысль о смерти и тлѣннѣи, смѣется надъ своею бѣдностію и предписываетъ «слабительную кашку добродѣтели». Кажется, дворяне однажды дали ему горько почувствовать, что онъ, какъ еврей, не принадлежитъ къ ихъ избранному кругу. Свое негодованіе по этому поводу онъ выразилъ въ стихахъ, въ которыхъ прощается съ поэзіей:

„Я съ своимъ искусствомъ былъ на стезѣ глупцовъ; знатные не хотятъ меня знать, и я бѣгу ихъ двора, отпущу себѣ длинную сѣдую бороду, буду отнынѣ вести жизнь стараго еврея, надѣну длинный плащъ, спрячусь подъ широкую шляпою; моя походка сдѣлается робкою, и рѣдко буду пѣть съ того времени, какъ знатные изгнали меня“³⁾.

При всемъ своемъ желаніи евреи не могли предаваться нѣмецкой поэзіи, потому что еврейскіе стихотворцы получали вмѣсто лавровъ пинки. Вращаясь въ тѣсномъ кругѣ, они утратили чуткость слуха къ звучности языка, и кто знаетъ, сколько потеряла отъ того нѣмецкая поэзія.

1) Gedanke nie man kann erwern den torn, noch den wisen.
Gedanke slüffen dur den stein, dur stahel unt durch isen.

2) Künik herre, hochgelopter Got, waz Du vemaht,
Du liutest mit dem Tage unt vinsterst mit der naht.
Da von diu welt vil vröude unt ruowe hat.

3) Ich war uf der toren vart
mit miner künste zwore,
Daz mir die Herren nicht wollent geben,
daz ich ir hof will vliehn,
und wil mir einen langen bart
lan wachsen griiser hare,
ich wil in alter Juden leben
mich hinnan vürwert ziehen,
Min mantel der soll wesen lang
tief unter einem huete,
demueteklich sol sin min gank,
unt selten me gesingen hovelichen sank
sit mich die herren scheident von ihr guote.

Въ то же время и Богемія вступила въ кругъ талмудической учености и произвела нѣсколько мужей еврейской науки. Исаакъ бенъ Яковъ га-Лабанъ Пражскій занимаетъ мѣсто въ ряду важнѣйшихъ тоссафистовъ; онъ написалъ замѣчательный комментарий къ нѣкоторымъ талмудическимъ трактатамъ¹⁾. Его братъ Петахья путешествовалъ (около 1175—90) въ Польшу, Россію, Хазарское царство, Арменію, Мидію, Персію, Вавилонію, Палестину. Краткое описаніе его путешествія Sibub R. Petachia²⁾ представляетъ интересныя свѣдѣнія о восточныхъ евреяхъ. Наконецъ, къ числу раввинскихъ авторитетовъ надобно отнести еще Р. Еліезера Богемскаго³⁾. И въ славянскихъ земляхъ евреи начали усваивать талмудическую ученость, которою они впоследствии пользовались въ теченіи долгаго времени, какъ монополіей. Изъ современныхъ дѣятелей замѣчательны Р. Мардохай Польскій и Р. Исаакъ Русскій⁴⁾.

Непонятно, почему итальянскіе евреи того времени были еще бѣднѣе произведеніями ума, чѣмъ богемскіе и польскіе. Даже въ талмудической области они не имѣли ни одного авторитета. Если во времена Р. Тама говорили: «изъ Вавилона исходитъ ученіе, а изъ Отранто воля Божія»⁵⁾, то это было ничто иное, какъ комплиментъ, ибо въ сущности итальянскіе евреи нисколько не содѣйствовали изученію Талмуда. Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали имъ, почти столько же, сколько южнофранцузскимъ евреямъ. О преслѣдованіяхъ нѣтъ и поминъ въ исторіи того времени; исключеніе составляетъ лишь единственный случай изгнанія евреевъ изъ Болоньи (1171)⁶⁾. Умный папа Александръ III былъ къ нимъ благосклоненъ⁷⁾ и имѣлъ искуснаго министра

1) Еще существуетъ въ рукописи въ Мюнхенской бібліотекѣ.

2) Сравни примѣч. 10.

3) Tossafot Aboda Sara, 76.

4) S. D. Luzzato въ Kerem Chemed VII, стр. 69.

5) Sefer ha-Jaschar, изд. въ Вѣнѣ, стр. 74 а.

6) Ghiradacci istoria di Bologna, I, стр. 91.

7) Примѣч. 1, IV.

финансовъ въ лицѣ Р. Іехіеля бенъ Авраама изъ фамиліи деи Манси ('Anawim), племянника того Натана, который славится, какъ авторъ Аруха. При торжественномъ вѣздѣ папы въ Римъ послѣ многолѣтняго изгнанія антипапою, евреи также встрѣтили его со свиткомъ еоры и знаменами, и лѣтописи не преминули занести на свои страницы такую честь, оказанную папѣ евреями¹⁾. Они пользовались почетомъ и не платили никакихъ податей, еврейскихъ налоговъ, золотыхъ жертвенныхъ пфенниговъ²⁾. Благосклонность Александра къ евреямъ выразилась преимущественно въ постановленіяхъ латеранскаго собора (1179), въ которомъ участвовало болѣе 300 духовныхъ лицъ. Нѣкоторые прелаты, ненавидѣвшіе евреевъ, рассчитывали провести при этомъ случаѣ самые строгіе законы противъ дома Іаковля. Евреи, узнавши о непріязненномъ настроеніи, пребывали въ томительномъ ожиданіи, и во многихъ общинахъ установили трехдневный постъ и моленіе, дабы Господь содѣлалъ тщетною злобу людей. Исторія не вѣдаетъ о томъ, что говорилось въ этомъ многочисленномъ собраніи духовенства. Но окончательныя постановленія свидѣтельствуютъ о побѣдѣ духа кротости надъ страстью къ преслѣдованію. Правда, было воспрещено, или, правильнѣе сказать, возобновлено древнее церковное воспрещеніе евреямъ держать слугъ-христіанъ; но зато постановлено не принуждать ихъ силой къ крещенію, не арестовывать ихъ безъ судебнаго приговора, не грабить ихъ и не нарушать ихъ религіозныхъ торжествъ. Ограниченіе права евреевъ, состоявшее въ томъ, чтобы на будущее время христіане допускались въ свидѣтели противъ евреевъ, основывается на слѣдующемъ: неумѣстно, чтобы евреи, въ сущности подвластные христіанамъ и терпимые лишь по челоуѣколюбію, имѣли въ этомъ отношеніи преимущество надъ христіанами, такъ какъ ихъ свидѣтельство противъ послѣднихъ имѣетъ силу³⁾. Какая разница между этимъ

1) Muratori Antiquit. dissertatio XVI, стр. 896.

2) Веніаминъ Тудельскій.

3) Примѣч. 1, IV.

разсужденіемъ и тѣмъ византійскимъ закономъ и правиломъ вестготскаго кодекса, въ силу которыхъ евреи не могли свидѣтельствовать противъ христіанъ! Причина тому заключается не въ болѣе кроткомъ духѣ церкви, а въ пріобрѣтеніи евреями уваженія, почему представители христіанства не могли повторить: «тотъ не можетъ быть правдивымъ относительно людей, кто не вѣритъ въ Бога, т. е., въ христіанскаго Бога».

Еще менѣе были ограничены евреи въ южной Италіи, Неаполѣ и на островѣ Сициліи подъ норманскимъ владычествомъ. Рожеръ II и Вильгельмъ II позволили имъ, подобно грекамъ и сарацинамъ, имѣть собственный судъ¹⁾. Въ Мессинѣ они пользовались равноправностью съ христіанами и занимали должности. Любимецъ, министръ и адмиралъ короля Рожера Сицилійскаго, Филиппъ, питалъ чувство пріязни къ евреямъ и часто посѣщалъ синагоги, дарилъ масло для освѣщенія ихъ и вообще давалъ деньги на удовлетвореніе потребностей общины²⁾. Вслѣдствіе тѣсныхъ сношеній съ Востокомъ во время крестовыхъ походовъ и вслѣдствіе переселенія грековъ и арабовъ въ Неаполитанское королевство, были посѣяны въ Италіи сѣмена высшей культуры. Евреи, обладавшіе особенною способностью усваивать иноземные языки, говорили не только на туземномъ и на еврейскомъ языкахъ, но также по арабски и по гречески³⁾. Геніальный Ибнъ-Езра, проживая въ Римѣ, Луккѣ, Мантуѣ и въ иныхъ городахъ, научился лучше понимать священное писаніе и еврейство. Его ученикъ, Соломонъ бенъ Авраамъ Пархонъ изъ Калатаюда, пребылъ нѣкоторое время въ университет-

¹⁾ Сравн. Эрша и Грубера *allgem. Encyclopädie*, sectio II, кн. 27, стр. 142. Раумера, *Исторія Гогенштауфеновъ*, III, 486.

²⁾ *Romualdus Salernitanus Chronicon* въ *Muratori rerum italicum scriptores*, T. VII, стр. 194: *synagogas malignantium frequentius visitabat (Philippus Rogeri Eunuchus) et eis oleum ad concinnanda luminaria et quae erat necessaria ministrabat.*

³⁾ Видно изъ соч. Цидкійи *Schibole Zeket Ms*, сообщен. въ *Zion* I, стр. 110, примѣч. 21.

скомъ городѣ Салерно и постарался ознакомитъ итальянцевъ съ результатами еврейской филологіи и библейской экзегетики, «ибо они были невѣждами въ этихъ знаніяхъ», и составилъ съ этою цѣлю еврейскій словарь (1160)¹⁾. Но все это не имѣло никакого вліянія на итальянскихъ евреевъ. Они коснѣли въ своемъ невѣжествѣ, и исторія еврейской литературы не можетъ до второй половины XIII вѣка указать на какое либо сочиненіе итальянскихъ евреевъ. Страна, бывшая потомъ колыбелью ново-еврейской поэзіи, не имѣла въ то время ни одного еврейскаго поэта, если только Іоабъ бенъ Соломонъ Римскій не тождественъ съ поэтомъ Іоабомъ, отъ котораго осталось нѣсколько литургическихъ произведеній, не лишенныхъ красоты²⁾.

Тому обстоятельству, что города сѣверной и средней Италіи большею частью вели торговлю, надобно приписать малочисленность жившихъ тамъ евреевъ; значительные торговые дома христіанъ, имѣвшихъ вѣсь въ городскомъ совѣтѣ, могли не допускать еврейской конкуренціи. Въ Генуѣ жили только два еврейскія семейства, переселившіяся сюда изъ Цеуты во время преслѣдованія евреевъ въ Африкѣ Алмогадами. Въ Пизѣ, Луккѣ, Мантуѣ существовали лишь маленькія общины. Болѣе значительныя были въ Римѣ—200 семействъ, и въ Венеціи, 1300 душъ, какъ это видно изъ списка за 1152 годъ³⁾. Напротивъ въ Неаполѣ жило 500, въ Капуѣ 300 семействъ; они пользовались уваженіемъ и почетомъ. Неопалитанская община имѣла старшину, Р. Давида, носившаго титулъ князика (principe). Въ Венеціи существовала община изъ 200, въ Салерно изъ 600, въ Трани изъ 200, въ Тарентѣ изъ 300, въ Отранто изъ 500. Въ портовомъ городѣ Брундузіумѣ жило, напротивъ, только 10 еврей-

1) Machberet ha-Aguch (издан. С. Г. Штерномъ, въ Пресбургѣ, 1844), сравн. введеніе и заключеніе сочиненія.

2) Сравн. объ этомъ Цунца Analecta въ Geiger's Zeitschrift III, Сакса Религіозная поэзія евреевъ въ Испаніи, 320, и Ландсгута Amude Aboda, I, 81.

3) Gallicioni memorie venete, II, № 874. Остальное по Веніамину Тудельскому.

скихъ семействъ, занимавшихся красильнымъ искусствомъ. Еще многочисленнѣе были еврейскія общины на островѣ Сициліи. Въ Мессинѣ жило 200, а въ столицѣ Палермо 1500 семействъ, въ числѣ которыхъ, правда, находились греческіе евреи, переселенные сюда королемъ Рожеромъ, съ цѣлю, водворить въ своемъ государствѣ шелководство¹⁾.

Отправившись въ то время изъ Брундузіума чрезъ Адриатическое море, вступали въ Византійскую имперію. Здѣсь встрѣчались многочисленныя и многолюдныя еврейскія общины, преимущественно въ собственной Греціи, Фессаліи, Македоніи и Фракіи. Въ Артѣ (или Лартѣ) жило 100 семействъ, старшина которыхъ назывался Иракліемъ (Геркулесомъ), въ Лепанто столько же, въ Криссѣ у подошвы ПарнаССкой горы 200 семействъ, занимавшихся земледѣліемъ. Въ Коринѣ жило 300 семействъ, на Негропонтѣ 200, въ Ябустриссѣ 100, Ровинакѣ столько же, въ Армиросѣ 400, Виссенѣ 100, Салоникахъ 500, имѣвшихъ собственнаго еврейскаго бургомистра (Ephoros), котораго назначалъ императоръ. Въ Родосто жило 400 еврейскихъ семействъ, въ Галлиполи 200, на островѣ Метиленѣ существовало десять общинъ, на Хиосѣ 400 семействъ, на Самосѣ 300, на Родосѣ столько же, на Кипрѣ нѣсколько общинъ, изъ которыхъ одна начинала праздновать субботу не съ вечера, но съ утра и до утра воскресенья. Самыми значительными общинами въ Греческо-Византійской имперіи были Фивская и Константинопольская, въ обѣихъ почти 2000 семействъ; въ послѣдней жило еще 500 караимовъ. Фивскіе евреи были самыми искусными во всей Греціи фабрикантами шелковыхъ тканей и пурпура. Многіе изъ нихъ отлично знали талмудъ и равными себѣ въ этомъ отношеніи считали однихъ только столичныхъ ученыхъ. Константинопольскіе евреи жили въ предмѣстьѣ Пера, въ огороженномъ кварталѣ, который назывался Стенонъ или Станоръ; въ числѣ ихъ были богатые купцы, шелковые фа-

¹⁾ Въ Monumenta Germaniae Perptca, V, стр. 192.

бриканты и знатоки талмуда. Стѣна отдѣляла раввинистовъ отъ караимской общины въ Константинополѣ.

Если Византійская имперія въ свое цвѣтущее время при Юстиніанѣ и Алексѣѣ унижала и презирала евреевъ, то и въ эпоху слабости и упадка нисколько не смягчилась въ отношеніи къ нимъ. Принятое законодательствомъ правило: евреи и еретики не должны быть принимаемы въ военную службу и допускаемы къ какимъ либо должностямъ, но подлежатъ величайшему презрѣнію (кн. V), проводится съ удивительною строгостью и послѣдовательностью среди всѣхъ измѣнчивыхъ законовъ этого самаго капризнѣйшаго государства. Греки равно и глубоко презирали богатыхъ и бѣдныхъ, хорошихъ и дурныхъ евреевъ. Ызда верхомъ была воспрещена евреямъ, ибо она составляла привилегію свободнаго человѣка, и только въ видѣ исключенія была разрѣшена императоромъ Эммануиломъ его лейбъ-медику, Соломону Египетскому. Любой грекъ могъ публично обидѣть еврея или поступить съ нимъ, какъ съ невольникомъ; законъ не защищалъ евреевъ. Переносъ съ покорностью эту участь, они тѣмъ не менѣе были сострадательны къ бѣднымъ и богаты добродѣтелями¹⁾. Но умственное развитіе осталось для греческихъ евреевъ недоступнымъ. Ни одинъ изъ ихъ знатоковъ талмуда не увѣковѣчилъ своего имени какимъ либо сочиненіемъ. Правда, между ними были стихотворцы, но произведенія послѣднихъ не хороши, «тверды, какъ балласть, безъ вкуса и запаха». «Они не умѣли выбирать слова, смѣшивали цвѣты съ терніемъ, жемчужины съ простыми камнями, пшеницу съ плевелами». Таково сужденіе умнаго и безпристрастнаго эстетическаго критика Харизи о современныхъ ему еврейско-греческихъ стихотропателяхъ. Только въ произведеніяхъ единственнаго еврейскаго поэта Михаила бенъ Калеба Фивскаго онъ находитъ нѣкоторую прелесть и объясняетъ это тѣмъ, что послѣдній учился стихотворному искусству въ Испаніи²⁾.

¹⁾ Веніаминъ Тудельскій и Харизи Tachkemoni, Pforte 18.

²⁾ Tachkemoni, Pforte 18.

Въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ, евреи были распределены неравномерно: въ меньшемъ числѣ въ христіанскихъ мѣстностяхъ и въ большемъ въ мусульманскихъ. Въ Антіохіи, принадлежавшей христіанскому государю, жило только 10 семействъ, почти всѣ занимавшіяся стекляннымъ производствомъ; въ Легѣ (Лаодикеи) 200, въ Гебиле, владѣніи генуезцевъ, 150, въ Байрутѣ (Беритусѣ) 50, въ Саидѣ (Сидонѣ) 20; только въ Тирѣ была община изъ 400 членовъ, и евреи владѣли тамъ полями и могли даже заниматься кораблеплаваніемъ. Во главѣ ихъ стоялъ Ефраимъ (изъ Кагиры). Напротивъ, въ Галевѣ (Алеппо), который великимъ магометанскимъ государемъ Нуррединоу былъ сдѣланъ второю столицею послѣ Багдада, жило 1500 еврейскихъ семействъ, и многіе евреи обладали богатствомъ и пользовались уваженіемъ при дворѣ. Здѣсь жилъ еврейскій поэтъ Іегуда бенъ Аббасъ, другъ царя поэтовъ Іегуды Галеви, переселившійся сюда изъ Феца вслѣдствіе религіознаго преслѣдованія¹⁾. Существовала также большая община въ Гамѣ (Гаматѣ), но во второй половинѣ этого столѣтія лишившаяся отъ землетрясенія большей части своихъ членовъ. Въ области древней Пальмиры жило почти 2000 еврейскихъ семействъ, отличавшихся воинственностью и часто приходившихъ въ столкновеніе съ христіанами и мусульманами. Въ Дамаскѣ была община изъ 3000 членовъ²⁾, въ числѣ которыхъ находилось много ученыхъ талмудистовъ и извѣстный Іосифъ бенъ Пилать³⁾, родившійся во Франціи, и ведшій ученую переписку съ Авраамомъ бенъ Давидомъ Покьерскимъ. Въ Дамаскѣ существовала также караимская община изъ 200 и самарянская изъ 400 семействъ, которыя хотя не вступали въ брач-

1) Мунка Notice sur Joseph b. Jehudah, стр. 8, примѣч.

2) По Веніамину Тудельскому, по Петахья 10000.

3) Историки литературы переносятъ его въ южную Францію и даже называютъ его учителемъ Авраама бенъ Давида Покьерскаго. Однако Веніаминъ Тудельскій встрѣтилъ его около 1170 въ Дамаскѣ (стр. 48), въ качествѣ главы школы. Іосифъ бенъ Пилать находился ранѣе 117 въ перепискѣ съ Маймонидомъ (Responza Peer ha-Dor, № 16), конечно, изъ Дамаска, а не изъ южной Франціи.—Произношеніе Pilat основывается на Resp. Temim Deim, № 40.

ные союзы между собою, но жили въ ладу съ раввинистами.— Во всей Палестинѣ, принадлежавшей христіанамъ, жило едва ли больше 1000 семействъ. Наибольшія общины изъ 300 членовъ находились тогда въ Торонъ-де-досъ-Кабаллеросъ, въ Іерусалимѣ и Аскалонѣ, въ важнѣйшихъ же городахъ Іудеи жило, напротивъ, не болѣе какъ по 200 евреевъ. Жившіе въ Іерусалимѣ евреи занимались большею частью красивымъ искусствомъ, за право производить которое платили христіанскимъ королямъ арендные деньги; они жили въ концѣ города, на западѣ отъ Сіонской горы. Между 1169 и 1175 всѣ они были выгнаны оттуда, за исключеніемъ одного (вѣроятно, въ царствованіе неспособнаго и прокаженнаго короля Балдуина IV), и этотъ одинъ долженъ былъ платить высокую пошлину за право заниматься крашеніемъ¹⁾. Погрязшіе въ порокахъ іерусалимскіе христіане думали, что цѣломудренныя евреи оскверняютъ святой градъ. Въ Аскалонѣ жило тогда 300 самарянскихъ и 40 караимскихъ семействъ. Въ Цезареѣ, обитаемой прежде нѣсколькими тысячами евреевъ, жило тогда лишь 10 семействъ, самарянъ же 200. Послѣдніе жили также въ Самаріи и Наплусѣ (Сихемѣ), но среди нихъ не находилось ни одного еврея раввиниста. Мелкія общины въ 50 существовали въ Тиверіи и Уламѣ, въ 20 въ Гискалѣ, въ 22 въ Виелеемѣ; въ прочихъ городахъ по три и по одной семьѣ. Такимъ образомъ наслѣдіе Израиля перешло въ руки иноземцевъ. Пребывавшіе во Іудеѣ евреи скорѣе прозябали, чѣмъ жили; они даже не предавались изученію талмуда. Только въ Акко было нѣсколько ученыхъ, Р. Цадокъ и Р. Іафетъ бенъ Эліа, безъ сомнѣнія, переселенцы. Вообще въ то время многіе переселялись въ Палестину изъ Европы, преимущественно изъ Южной Франціи, и, благодаря своему умственному превосходству надъ туземными евреями, пользовались такимъ авторитетомъ, что принудили послѣднихъ усвоить

¹⁾ Видно изъ сравненія данныхъ, приводимыхъ Веніаминномъ Тудельскимъ и Петахья; сравн. Харизи Tachkemoni, Pforte 28.

обычай праздновать новый годъ два дня, который до того времени, какъ и всѣ прочіе праздники, былъ однодневнымъ¹⁾.

Если брать въ расчетъ количество и наружныя качества, а не умственное развитіе, то надобно считать Месопотамію главнымъ гнѣздомъ еврейства. Здѣсь еще существовали общины изъ нѣсколькихъ тысячъ членовъ. Хотя исчезли прежніе академическіе города: Нагардеа, Сура, Пумбадита, однако мѣста ихъ заняли багдадская и моссульская общины, задававшія тонъ всей Азіи, Въ багдадской общинѣ было 1000 еврейскихъ семействъ²⁾ и четыре синагоги; она жила въ ненарушимомъ спокойствіи, какъ въ лучшія времена калифата. Евреи той страны имѣли тогда такую свободу, что осмѣлились запретить исполненіе должности муэдзину въ Мадайнѣ, близъ Багдада, который своимъ крикомъ мѣшалъ имъ молиться въ сосѣдней синагогѣ³⁾. Калифъ Магометъ Алмуктафи (1136—1160), болѣе самостоятельный, нежели его предшественники, полюбилъ одного уважаемаго и богатаго еврея Соломона (Хазданъ⁴⁾), и такъ какъ послѣдній происходилъ изъ дома Давидова, то калифъ пожаловалъ ему санъ экиларха и назначилъ его главою всѣхъ евреевъ въ калифатѣ. Экилархъ имѣлъ право окружать себя княжескою пышностью, ѣздить верхомъ, носить золотое шитье и почетный тюрбанъ, держать почетную стражу и прикладывать свою печать. Если онъ являлся публично или отправлялся на аудіенцію, то всякій, еврей или магометанинъ, долженъ былъ вставать подъ страхомъ наказанія палочными ударами; ему предшествовалъ герольдъ и возвѣщалъ: «Мѣсто нашему господину, сыну Давидову!» Экилархъ назначалъ и утверждалъ раввиновъ, судей и синагогальныхъ чтецовъ въ предѣлахъ калифата отъ Персіи до Харазана, Кавказа, Іемена, Индіи и Тибета. Онъ выдавалъ дипломы на сказанныя должности и получалъ за то подарки. Каждый еврей въ этихъ

1) Серахья Галеви въ Маог къ Jom Tob. I.

2) Оба современные путешественника приводятъ одно и то же число.

3) Ибнъ-Алаэиръ, шведскій переводъ, II, стр. 352.

4) Сравн. примѣч. 10.

странахъ былъ обязанъ платить ему подать; кромѣ того, онъ взималъ пошлину съ рынковъ и товаровъ. Однако часть этихъ пошлинъ отдавалась экзилархомъ калифу. Такимъ образомъ экзилархатъ снова достигнулъ блеска бостанаическихъ временъ. — Въ Багдадѣ опять возникла школа для изученія талмуда, и глава этой школы снова носилъ титулъ гаона. Исаакъ Ибнъ Сакни, переселившійся въ концѣ XI вѣка изъ Испаніи на Востокъ (см. стр. 78), кажется, опять пробудилъ въ этихъ кружкахъ интересъ къ талмудической учености. Экзилархъ Самуиль Хаздаи былъ самъ знатокомъ талмуда. Главою школы, которую посѣщали многочисленные ученики, былъ въ то время Р. Али. — Въ городѣ Акбарѣ, принадлежавшемъ къ багдадскому округу, жило 10000 евреевъ, но община эта не имѣла никакого особеннаго значенія.

Мосульская община была еще многочисленнѣе багдадской и состояла почти изъ семи тысячъ семействъ¹⁾. Герой Ценки, отецъ великаго Нурредина, сдѣлалъ этотъ городъ столицею, и такъ какъ Ценки не былъ врагомъ евреевъ, то послѣдніе пользовались въ его царствованіе обширными льготами. Арабскіе историки рассказываютъ о немъ слѣдующее. Пришедши однажды съ войскомъ въ городъ Гезиратъ-ул-Амаръ (на верхнемъ Тигрѣ), въ которомъ жило 4000 еврейскихъ семействъ и находилась будто-бы построенная Езрою синагога, Ценки остановился въ домѣ одного еврея. Послѣдній жаловался ему на обѣдненіе города вслѣдствіе частыхъ стоянокъ войска. Тогда Ценки вышелъ изъ города и расположилъ свое войско лагеремъ предъ городскими воротами²⁾. Не менѣе благосклонны къ евреямъ были его преемники, сыновья Саифъ-Эдинъ Гази (1146—1149) и Котбединъ (1149—70). Во главѣ мосульской общины стоялъ человекъ, также считавшій себя потомкомъ Давидова дома и потому также носившій титулъ «князя»; его звали Саккаи. Впрочемъ, онъ дѣлился

¹⁾ Давния, приводимыя обоими путешественниками, согласуются между собою.

²⁾ Ибнъ-Алаиръ, вышеприв. сочин., стр. 147.

своими правами съ Иосифомъ, который, будучи отличнымъ астрономомъ, имѣлъ почетный титулъ «глубокій знатокъ небеснаго круга»¹⁾ и состоялъ на службѣ у мосульскаго государя.

Евреи, обитавшіе Новую Ниневію (Ашуръ), считались самыми невѣжественными²⁾; они плохо знали даже талмудъ.— На сѣверъ отъ Мосула, въ горахъ Кардукинскихъ или Гафтанъ, было много населенныхъ густо общинъ, отчасти состоявшихъ въ подданствѣ персидскаго султана, отчасти жившихъ свободно и бывшихъ столь же дикими, какъ и лѣсистыя горы, служившія имъ мѣстомъ жительства. Эти свободные евреи въ странѣ Азербейджанъ (Азербейдзанъ) носили оружіе, находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ пребывавшими тамъ фанатическими ассасинами, были врагами каждому, кто не исповѣдывалъ ихъ вѣры или не принадлежалъ къ ихъ союзу, часто спускались съ горъ за добычею, но сами были ограждены неприступными горами отъ всякаго нападенія и вели первобытный образъ жизни, не зная источниковъ своей религіи. Они принимали раввиновъ, присылаемыхъ къ нимъ экилархомъ, и слѣдовали его совѣтамъ. Вдругъ между ними явился честолюбивый и ловкій человѣкъ (около 1160), который хотѣлъ для неизвѣстныхъ намъ цѣлей воспользоваться воинственностью, мужествомъ и невѣжественностью этихъ евреевъ. Этотъ человѣкъ, по имени Алруи (Alrou) или Ибнъ-Алрухи³⁾, возбудилъ тогда много толковъ о себѣ, а въ новѣйшее время — выведенъ героемъ прелестнаго романа.

Этотъ молодой человѣкъ, красивый собою, съ яснымъ умомъ

1) Barihan al-Falach, дважды у Веніамина Тудельскаго.

2) Харизи Tachketoni, Pf. 46.

3) Сравн. примѣч. 10. Умный предводитель партіи торіи въ Англии, Бенъ-минъ д'Израели, избралъ его героемъ романа «Alrou». Въ этомъ романѣ авторъ влагаетъ въ уста сестры Алруи слѣдующія слова: «быть можетъ когда нибудь поэтъ, въ жилахъ котораго течетъ кровь нашего народа, и котораго воодушевляетъ наша судьба, коснется струны своей арфы и воспоетъ твое давно забытое имя». Хотя романъ д'Израели не отличается историческою точностью, но вѣрно передаетъ настроеніе умовъ того времени.

и чудеснымъ мужествомъ, былъ родомъ изъ Амадіи и, подъ руководствомъ экиларха и Али, приобрѣлъ въ Багдадѣ глубокія познанія въ библіи и талмудѣ, а также въ арабской литературѣ. Когда онъ возвратился въ Амадію, то возбудилъ своими знаніями удивленіе не только евреевъ, но и градоначальника, Цайнъ-Эдина, который полюбилъ его до такой степени, что часто бесѣдовалъ съ нимъ. Частыя волненія въ Азіи, которыя, благодаря крестовымъ походамъ и слабости калифата, были причиною того, что на полосу земли до Малой Азіи собирались различные народы; раздѣленіе правительственной власти между слабымъ калифомъ, его визирями и полководцами, между сельджукскимъ султаномъ, атабекомъ (военнымъ воспитателемъ принца) и эмирами, изъ которыхъ каждый игралъ свою особенную роль и стремился къ завоеваніямъ и усиленію своей власти; легкость, съ какою подчиненныя лица, какъ напр. Нуррединъ и Салладинъ, дѣлали обширныя завоеванія, — все это побуждало Давида Алруи сыграть политическую роль. Но сперва онъ хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, изъ которыхъ многіе отличались военными способностями. Для достиженія этой цѣли стоило только пробудить національное чувство. Поэтому Давидъ или Менагемъ бенъ Соломонъ (какъ его называютъ иногда) обратился съ пламеннымъ воззваніемъ къ азіятскимъ евреямъ, говоря, что Богъ посылаетъ его освободить ихъ отъ магометанскаго ига и отвезти въ Іерусалимъ. Для этого они должны помочь ему въ войнѣ съ народами. Онъ обращалъ вниманіе на извѣстныя знаменія времени, обѣщавшія успѣхъ въ предпріятіи; однако не выставлялъ себя Мессіей. Прежде всего Давидъ Алруи хотѣлъ овладѣть крѣпостью Амадіи, чтобы имѣть въ ней точку опоры для своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ азербейджанскимъ, мосульскимъ и багдадскимъ евреямъ, чтобы они во множествѣ пришли въ Амадію и принесли мечи или другое оружіе, скрывши ихъ подъ одеждой. Вслѣдствіе этого множество евреевъ, принимавшихъ его за обѣщаннаго Мессію, собралось въ городѣ въ назначенное

время, принеся скрытно оружіе; градоначальникъ не возъмѣлъ никакого подозрѣнія, полагая, что причиною стеченія народа была слава Алруи, какъ ученаго.

Здѣсь оставляетъ насъ исторія, и мы должны удовольствоваться сагой, которая гласитъ слѣдующее: Давидъ Алруи, по приглашенію персидскаго султана, явился къ нему одинъ безъ свиты и смѣло высказалъ, что онъ царь евреевъ; за это заключили его въ Табериставъ. Пока султанъ совѣщался о томъ, какъ наказать его и его приверженцевъ, Алруи внезапно предсталъ предъ совѣтомъ и объявилъ, что онъ силою тайнаго искусства освободился изъ тюрьмы, и что не боится ни султана, ни его слугъ. Когда же султанъ велѣлъ схватить его, Алруи сдѣлался невидимъ, переправился чрезъ рѣку и въ одинъ день достигъ Амадіи, лежавшей на разстояніи десяти дней пути. Явившись внезапно евреямъ, которые считали его погибшимъ, онъ рассказалъ имъ свои приключенія и привелъ въ ужасъ начальниковъ; султанъ же приказалъ калифамъ объявить представителямъ еврейства въ Багдадѣ, что если они не отклонятъ Давида Алруи отъ его намѣренія, то онъ посѣчетъ мечемъ всѣхъ евреевъ въ своемъ государствѣ.

Приверженность къ Давиду сильно распространилась между багдадскими евреями и дала двумъ обманщикамъ возможность отнять имущество у невѣжественной толпы. Они, вѣроятно, показали письмо амадійскаго героя, возвѣщавшее объ освобожденіи Израиля въ извѣстную ночь. Обманщики объявили, что въ эту ночь всѣ приверженцы Давида перелетятъ изъ Багдада въ Іерусалимъ, для чего они должны взойти на крыши, надѣть зеленую одежду и ожидать часа. Въ полномъ ожиданіи минуты освобожденія, обманутые вручили свое имущество обманщикамъ для раздачи бѣднымъ. Наступила ночь, собралась толпа въ напряженномъ состояніи на крышахъ, женщины плакали, дѣти кричали, всѣ кривлялись, пробуя летѣть; наставшее утро сняло повязку съ ихъ глазъ. Между тѣмъ обманщики скрылись со ввѣреннымъ имуществомъ.

Багдадцы назвали это время «годоу летанія (Aom-el Ta-jagan)» и впоследствии опредѣляли время по этому событію.

Экзилархъ и глава школы въ Багдадѣ, отчасти по причинѣ усиливающагося сумасбродства, отчасти изъ боязни наказанія, сочли своею обязанностью обратиться къ Давиду и угрозою отлученія побудить его отказаться отъ своего плана. Представители мосульскихъ общинъ, Саккаи и Иосифъ Бариганъ Алфалахъ, писали къ нему въ томъ же смыслѣ, пока наконецъ магометанскій градоначальникъ Амади, забоботившійся больше всѣхъ о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ Давида, не уговорилъ тестя Алруи умертвить послѣдняго. Алруи былъ убитъ во время сна, и народное движеніе окончилось. Однако султанъ воздвигъ гоненіе на евреевъ странъ, приверженныхъ къ Алруи, и экзиларху стоило большаго труда утишить султанскій гнѣвъ сотнею талантовъ золота. По смерти Алруи, многіе евреи изъ Койи, Салмаса, Тавриза и Марага въ Азербейджанѣ, сдѣлались яростными его сторонниками, приняли названіе менагемистовъ и клялись именемъ убитаго Алруи.

На востокъ отъ Таберистана, въ Хоразанскомъ округѣ, на плоскогоріи близъ Нишабура, жило тогда независимое воинственное племя евреевъ. Оно состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ семействъ и управлялось еврейскимъ княземъ, по имени Иосифъ Амаркала Галеви. Эти евреи считали себя потомками Дана, Завулона, Ассира и Нефеалима. Они занимались скотоводствомъ въ долинахъ и на горныхъ склонахъ, были хорошими стрѣлками изъ лука, имѣли въ своей средѣ знатоковъ талмуда и находились въ союзѣ и дружбѣ съ турецкими ордами гузовъ, которыя жили на берегахъ Оксуса между Балхомъ и Бухарой, часто совершали походы и были ужасомъ цивилизованныхъ народовъ. Послѣ одного изъ произведенныхъ гузами опустошенія, сельджукскій султанъ Сингаръ Шагинъ-Шахъ предпринялъ противъ нихъ походъ (1153). Но его войско заблудилось въ пустыняхъ и съ каждымъ днемъ уменьшалось вслѣдствіе голода и утомленія. Наконецъ Сингаръ пришелъ въ область свободныхъ евреевъ и потребовалъ отъ

нихъ съѣстныхъ припасовъ и безпрепятственнаго прохода въ страну гузовъ. На это евреи отвѣчали, что повинуются только одному своему князю и союзникамъ гузамъ и что съ врагами послѣднихъ поступать, какъ съ своимъ непріателемъ. Они уже стали готовиться къ битвѣ, когда Сингарь объявилъ имъ, что если они не исполняютъ его требованія, то онъ по возвращеніи домой велитъ казнить всѣхъ евреевъ своего царства. Эта угроза произвела надлежащее дѣйствіе, Предводители евреевъ собрались на совѣтъ и рѣшили не подвергать далекихъ братьевъ опасности и увѣдомить ихъ о томъ, дабы они приготовились, между тѣмъ дать съѣстные припасы сельджукскому султану. Вслѣдствіе этого войско Сингара потерпѣло пораженіе отъ турецкихъ ордъ, самъ предводитель былъ взятъ и проведъ въ плѣну три года. Во время этой войны одинъ персъ уговорилъ нѣкоего независимаго еврея Моисея оставить отечество и отправиться въ Персію. По прибытіи въ столицу Исфаганъ, хитрый персъ объявилъ Моисея своимъ невольникомъ. Но Моисей такъ отличился на одномъ состязаніи въ стрѣльбѣ изъ лука, что былъ позванъ къ султану. Здѣсь онъ нашелъ случай разсказать султану о поступкѣ съ нимъ перса, получилъ свободу и богатые подарки. Султанъ обѣщаль дать ему важную должность, если онъ приметъ исламъ. Однако Моисей остался вѣренъ своей религіи и женился на дочери самаго уважаемаго въ Исфагани еврея¹⁾.— Въ то время исфаганская община состояла изъ 15000 евреевъ и во главѣ своей имѣла Р. Саръ-Шалома, котораго экзилархъ назначилъ раввиномъ всѣхъ персидскихъ общинъ. Во второмъ персидскомъ городѣ, Гамаданѣ, жило 50000 евреевъ, а въ Ширазѣ 10000. Въ прежнемъ городѣ Сузѣ, называвшемся тогда Тустерь было около 1170 года еще 7000 евреевъ, жившихъ на обоихъ берегахъ рѣки. Въ общинѣ было 14 синагогъ, и при одной изъ нихъ показывали могилу Давиила. Такъ какъ на одномъ берегу находились рынки, то здѣшніе евреи были

¹⁾ Венеміанъ Тудельскій, стр. 84—88.

зажиточнѣ своихъ единовѣрцевъ, жившихъ на другомъ берегу; послѣдніе же приписывали свою бѣдность тому обстоятельству, что не обладаютъ могилой Даниила и потребовали его гробъ. Противная сторона не соглашалась на это; начались раздоры и кровопролитныя схватки; наконецъ уговорились, чтобы гробъ находился въ теченіе года на одномъ берегу, а въ теченіе другаго года на другомъ. Перенесеніе гроба совершалось всякій разъ съ особенною торжественностью, при громадномъ стеченіи евреевъ и магометанъ. Но султанъ Сягаръ, прибывши однажды въ Сузу и увидѣвъ процессію, нашелъ неумѣстнымъ тревожить кости благочестиваго человѣка и приказалъ помѣстить гробъ въ равномъ разстояніи отъ обѣихъ частей города. Такъ какъ именно въ этомъ мѣстѣ протекала рѣка, то подвѣсили гробъ на цѣпяхъ и воспретили ловить подъ нимъ рыбу¹⁾. Однако гробъ Даниила не могъ охранить общину. Во время пребыванія тамъ Петахья Регенбургскаго (около 1180), въ Сузѣ было только два еврея; они занимались красильнымъ искусствомъ. Неизвѣстно, по какой причинѣ уменьшилось еврейское населеніе.

Между тѣмъ какъ на сѣверѣ Чернаго моря и въ Крыму существовали только караимы, коснѣвшіе въ жестокой невѣжественности, ничего невѣдавшіе о противоположномъ караимствѣ ученіи раввинистовъ, рѣзавшіе предъ субботою хлѣбъ на мелкіе куски и не зажигавшіе огня въ субботній вечеръ, — раввинисты проникли въ Хиву, гдѣ была община изъ 8000 семействъ, и даже въ Самаркандъ, гдѣ жило 50000 евреевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Р. Обадіа. Объ общинахъ въ Индіи сообщаетъ путешественникъ только то, что тамъ живутъ чернокожіе евреи, и хотя они ведутъ строго-религіозную жизнь, однако ничего не знаютъ о талмудѣ. Многія индійскія общины знали изъ еврейства лишь праздникъ субботы и обрѣзаніе, которое они соблюдали по привычкѣ²⁾.

¹⁾ Веніаминъ Тудельскій и Петахья.

²⁾ Посланіе Маймонида къ Люнельской общинѣ, въ Ozar Nechmad, II, стр. 4.

На островъ Канди (Цейлонъ) жило, говорятъ, 23000 евреевъ. Они были равноправны со веѣми прочими жителями. Король этого острова имѣлъ шестнадцать визирей, изъ которыхъ четыре были изъ туземцевъ, остальные же изъ евреевъ, магометанъ и христіанъ, каждаго по четыре ¹⁾. Въ Аденѣ, этомъ ключѣ Аравійскаго и Индійскаго морей, существовала многочисленная еврейская община, которая была независима, имѣла собственные бурги, вела войны съ нубійскими христіанами и сносилась съ Египтомъ и Персіей.

Въ Аравіи были также еврейскія общины, хотя первые калифы изгнали ихъ оттуда (Кн. V). Конечно, они не смѣли жить въ священныхъ для магометанъ городахъ, Меккѣ и Мединѣ, куда впрочемъ ничто не могло ихъ привлечь, ибо эти города въ теченіе пятисотъ лѣтъ со времени Магомета сдѣлались совершенно незначительными. Напротивъ, еврейскія общины поселились въ плодородномъ и торговомъ Іеменѣ и въ пустынныхъ мѣстностяхъ сѣверной Аравіи. Въ Іеменѣ жило около 3000 евреевъ, которые, благодаря оживленнымъ сношеніямъ съ соседними странами, не были необразованными и имѣли въ своей средѣ знатоковъ талмуда. Самымъ ученымъ изъ нихъ былъ Р. Іаковъ бенъ Натанаель Ибнъ-Алфаюми. Іеменскіе евреи слыли благотворительными; «ихъ рука простерта къ каждому путнику, ихъ домъ открытъ для чужеземца, у нихъ каждый утомленный находитъ покой» ²⁾. Напротивъ, въ сѣверной Аравіи евреи были многочисленнѣе; они, какъ и до Магомета, составляли независимыя, воинственные племена, имѣли крѣпости, отчасти занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, отчасти ходили съ товарами въ караванахъ, или, послѣдую примѣру бедуиновъ, нападали на путниковъ и грабили ихъ. Число ихъ, говорятъ, простиралось до 300000, но цифра эта, очевидно, преувеличена. Первая главная группа жила въ Таимѣ и управлялась собственнымъ еврейскимъ княземъ, по имени, Хананомъ, который хвалился своимъ происхож-

¹⁾ Эдриз, подитованный въ Вен. Тудельск., изд. Апера, II.

²⁾ Посланіе Маймонида въ Іеменъ (Iggeret Teman), начало.

деніемъ изъ дома Давидова. Между ними были аскеты, занимававшіе отъ караимовъ угрюмый образъ жизни; они не употребляли вина и мяса, постились всю недѣлю, кромѣ субботы и праздниковъ, жили въ пещерахъ или дрянныхъ домахъ, одѣвались въ черное и называли себя «печалящими о Сіонѣ» (кн. V). Земледѣльцы и скотоводы отдавали этимъ аскетамъ и предавшимся изученію талмуда десятую долю своего ежегоднаго дохода. Вторая группа аравійскихъ евреевъ жила въ области Талмаса и также имѣла князя Соломона, брата Ханана Таимскаго. Этотъ князь жилъ въ старой столицѣ Санаа (Тана¹⁾), гдѣ имѣлъ собственный укрѣпленный замокъ. И между ними были аскеты, которые постились сорокъ дней въ году, дабы прекратилось разсѣяніе Израиля по лицу земли. Третья группа, состоявшая изъ 50000, жила въ округѣ Хаибарѣ, отличалась воинственностью, но имѣла также знатоковъ талмуда. Въ то время была распространена сага о томъ, что хаибарскіе евреи суть остатки прежнихъ израильскихъ племень Гада, Рувима и полуколѣна Манасіина. Въ полу-аравійскихъ городахъ: Вазитѣ, Бассорѣ и Куфѣ, также были многочисленныя еврейскія общины. Въ первомъ изъ сказанныхъ городовъ жило 10000 евреевъ, во второмъ 2000, въ третьемъ 7000.

Какъ большая часть Азіи отъ Средиземнаго моря до Инда и Аравіи находилась подъ властью аббасидскихъ калифовъ Багдада, такъ точно и евреи этихъ странъ были подчинены багдадскому экзиларху. Второй экзилархъ, снова окружившій себя блескомъ, назывался Даниломъ; онъ былъ сыномъ Самуила Хаздаи (дѣйствовалъ около 1165 — 75), и калифы Алмустангидъ и Алмустадги питали къ нему такое же уваженіе, какое оказывалъ Алмуктафи его отцу. При Данилѣ талмудическая школа въ Багдадѣ достигла такой высоты,

¹⁾ У Веніамина Тудельскаго (стр. 71): *Tanaï gosch hamdina*, конечно, ничто иное, какъ извѣстный, южно-аравійскій городъ Санаа. Поразительно, что Риттеръ просмотрѣлъ это и отождествилъ сказанный городъ съ Хауланомъ (*Erdkunde* XII, 829 и слѣд.).

что напоминала древнія времена Амореевъ и Гаоновъ. Своимъ возвышеніемъ она обязана человѣку, которому было суждено играть роль въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія. Самуиль, былъ сыномъ того раввина Али Галеви Вагдадекаго (см. стр. 295), который доводилъ свою родословную до пророка Самуила; онъ обладалъ такимъ глубокимъ знаніемъ талмуда, какого не имѣлъ никто въ Азіи. Но, будучи незнакомъ съ успѣхами, сдѣланными въ изученіи талмуда испанскою и французскою школами, онъ остался привязаннымъ къ буквѣ и не могъ идти далѣе, не могъ составить собственнаго сужденія. Хотя Самуиль обладалъ нѣкоторымъ философскимъ образованіемъ, но отсталъ въ этомъ отношеніи на три вѣка, стоялъ еще на начальной точкѣ мутацилитовъ, не зналъ ничего объ успѣхахъ Ибнъ-Сины, Алгацали, о высокой философіи своихъ испанскихъ единовѣрцевъ, объ Ибнъ-Гебиролѣ, Іегудѣ Галеви и Авраамѣ Ибнъ-Даудѣ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, при ограниченности своего кругозора, онъ очень гордился своимъ знаніемъ, былъ вообще высокоумренъ и честолюбивъ. Кажется, Самуиль бенъ Али для того только принялъ громкій титулъ Гаона, чтобы такимъ образомъ доставить своей школѣ главенство надъ всѣмъ юдаизмомъ. Его талмудическимъ урокамъ внимали 2000 учениковъ, но прежде чѣмъ допустить ихъ на свои лекціи, онъ заставлялъ ихъ приобрести предварительныя свѣдѣнія отъ какого либо другаго талмудиста. Онъ преподавалъ, сидя на тронѣ, въ вышитомъ узорами и золотомъ платьѣ, и снова ввелъ старый способъ бесѣдовать съ слушателями чрезъ толмача (метургемана), который и передавалъ его рѣчи²⁾. Возлѣ него сидѣло еще девять человѣкъ, которые одновременно читали лекціи и произносили рѣшенія. Но Самуиль бенъ Али считался апелляціоннымъ судьей и засѣдалъ каждый понедѣльникъ въ судѣ, окруженный девятью мужами, которые въ его присутствіи занимали второстепенное мѣсто.

¹⁾ Маймонида Tractat de resurrectione, изд. въ Амстерд., стр. 129 а.

²⁾ Петахья, Sibub.

По смерти экиларха Даниїла, Самуиль счелъ время благопріятнымъ для присвоенія высшаго сана и власти надъ азійскими общинами. Послѣ Даниїла не осталось наслѣдниковъ мужескаго пола, и объ экилархатѣ спорили два его племянника, Давидъ и Самуиль, жившіе оба въ Мосулѣ. Между тѣмъ какъ сіи послѣдніе старались склонить на свою сторону политическія власти и общины, Самуиль бенъ Али вступилъ въ фактическое обладаніе религіозною и судебною властью. Онъ по собственному усмотрѣнію назначалъ раввиновъ, судей и другихъ чиновниковъ, взималъ подати съ общинъ и отдавалъ половину изъ нихъ въ государственную кассу. Его печать уважалась болѣе, нежели печать претендентовъ на экилархатъ. Путешественники получали его именемъ защиту и позволеніе видѣть достопримѣчательности. Политическія и общинныя власти знали только Самуила бенъ Али, главу школы, багдадскаго Гаона. Для поддержанія своего достоинства онъ прибѣгалъ также къ сильнымъ мѣрамъ. Шестнадцать невольниковъ всегда были готовы угостить палками того, на кого укажетъ ихъ господинъ. Въ Багдадѣ онъ владѣлъ подобнымъ дворцу домомъ, а въ окрестностяхъ столицы великолѣпнымъ увеселительнымъ садомъ. Итакъ, Самуиль бенъ Али владычествовалъ тогда надъ еврейскими общинами отъ Дамаска до Индіи и отъ Каспійскаго моря до Аравіи. Его дочь считалась чудомъ учености; она имѣла такія познанія въ библіи и талмудѣ, что преподавала молодымъ людямъ, которые однако при этомъ не могли ее видѣть ¹⁾).

При этомъ главѣ школы пришли отъ языческаго народа, съ Мускусныхъ горъ ²⁾ въ Арменіи (отъ Татаръ?) послы

¹⁾ Петахья, тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же. При этомъ онъ говоритъ, что пришли вѣстники отъ семи מלכי מצרי по ту сторону мрачныхъ горъ (ed. Altona, лист. 6 а.). Страна быть можетъ есть *Moschici* ḥari, montes moschici (ср. Риттера *Erdkunde* X, 75). Что касается самого дѣла, то, конечно, надобно прибавить слова Матвѣя Парижскаго о томъ, что въ первой половинѣ XIII вѣка часть татаръ и кумановъ считалась евреями. Во время ихъ впаденій въ Германію, нѣмецкіе евреи хотѣли снабдить ихъ оружіемъ: credentes quod plebs Tartarorum et Cumanorum

съ просьбой, дать для ихъ народа учителей еврейской религіи, такъ какъ семь князей рѣшили принять іудейское вѣроисповѣданіе (около 1180—85). Путешественникъ Р. Петахья Регенсбургскій, достовѣрный свидѣтель, видѣлъ этихъ пословъ собственными глазами. Вѣдныя законоискусники изъ Вавилоніи и Египта рѣшились отправиться къ упомянутымъ язычникамъ и обучать ихъ библіи и талмуду.

Уровень, на которомъ стояло еврейство въ Азіи, былъ тогда очень и очень низокъ. Азіятскіе евреи, ученые и неученые, исполняли религиозныя предписанія и обязанности совершенно механически, безъ всякаго сознанія, одушевленія и внутренняго чувства¹⁾. Сами знатоки талмуда представляли себѣ божество не иначе, какъ въ тѣлесной формѣ, съ членами, глазами и движеніемъ. Агады и книга «Опредѣленія божества» (Schiur Komah) до такой степени извратили здравый смыслъ, что онъ не могъ понимать чисто-духовнаго, и эти люди до того были проникнуты своимъ извращеннымъ воззрѣніемъ, что обзывали еретиками и атеистами всякаго, кто представлялъ себѣ Бога духомъ.— Отъ иновѣрцевъ азіятскіе евреи заимствовали обычай ходить на поклоненіе могиламъ благочестивыхъ мужей. Важнѣйшимъ мѣстомъ такого поклоненія была могила пророка Іезекиеля въ южной Вавилоніи, недалеко отъ Евфрата, въ области города Куфы.

Ежегодно осенью отъ новаго года до дня прощенія грѣховъ или даже до праздника Кушей, 70000—80000 евреевъ приходили сюда, чтобы помолиться на мнимой могилѣ пророка изгнанія; въ числѣ паломниковъ находились также экилархъ и глава багдадской школы. Говорили, что могила

esset de genere eorum (Judaeorum), quos deus in montibus Caspiis — quondam inclusit (Historia major подъ 1241 г., изд. Лонд., стр. 564). Нахмани также говоритъ о новомъ народѣ, который ближе другихъ народовъ стоитъ къ еврейству и явился въ началѣ шестаго тысячелѣтія = 1240: ki bitchilat elef haschischi titehadesch malchut Umo tkifo umitkarewet el Hoemet ioser min horischohet (коммент. къ книгѣ Бытія 1, конецъ). Нахмани могъ говорить только о Татарлахъ.

¹⁾ Сравни. Сужденіе Маймонида объ азіатскихъ общинахъ его времени, Посланіе къ Люнельской общинѣ въ Ozar Neschmad II, стр. 8 и слѣд. и введеніе къ Tractat de resurrectione.

лежить на югъ отъ Гиллы близъ Евфрата. Надъ могилой былъ устроенъ куполь изъ позолоченнаго кедроваго дерева, украшенный великолѣпными коврами. День и ночь горѣло здѣсь тридцать лампъ. Рядомъ съ могилой стояла красивая синагога, почитавшаяся маленькимъ храмомъ, и вѣроятно, построенная царемъ Іоакимомъ и пророкомъ. Въ этой синагогѣ показывали огромный свитокъ еоры, который, какъ предполагали въ то время, написанъ собственноручно пророкомъ; изъ него прочитывали отрывки въ день прощенія грѣховъ. Отдѣльное помѣщеніе (Sinze) было назначено для книгъ. Вокругъ могилы и синагоги шла стѣна съ башнями и съ низенькими, узкими воротами, которыя, какъ утверждала народная вѣра, дѣлались выше и шире во время стеченія паломниковъ. Внутри стѣнъ паломники срѣзывали вѣтви для устройства себѣ кушей. Настроеніе духа паломниковъ было не только созерцательнымъ, но и веселымъ. Послѣ дня прощенія наступали дни праздничнаго веселья и праздничныхъ пирушекъ. Магометане также питали уваженіе къ гробу, и даже дикіе карматы, жившіе въ той странѣ, клялись Богомъ Хескеля; поэтому страна представляла мирное убѣжище, и мало по малу возникла тамъ ярмарка (Цера) съ лавками для мелочныхъ товаровъ и городъ (Кабуръ Кефиль)¹⁾. Самуиль бенъ Али рассказывалъ путешественнику Петахъ, что въ прежнія времена огненный столпъ покрывалъ могилу Іезекиеля и внезапно угасъ по причинѣ дурнаго поведенія нѣкоторыхъ паломниковъ. Пожертвованія на содержаніе этого мавзолея были столь значительны, что излишекъ ихъ назначался на содержаніе обучающихся талмуду и на приданое взрослымъ сиротамъ.

Другимъ мѣстомъ поклоненія былъ мавзолей знатока священнаго писанія, Езры. Хотя этотъ великій реставраторъ еврейства дѣйствовалъ только въ Іудеѣ, однакожь сага утвер-

¹⁾ Объ этой могилѣ сравн. путешествія Веніамина и Петахья, путешествіе Нибура, II, стр. 264, Веніамина младшаго «Восемь лѣтъ въ Азіи», 2 изд., стр. 120 и слѣд. Кагні у Петахья, конечно, ничто иное, какъ Карматы.

ждала, что его могила находится близъ Тигра, около Нагарь-Самары (нынѣшняя Корна), и что онъ умеръ на пути къ царю Артаксерксу. И надъ этой могилой существовалъ куполь, съ одной стороны котораго была синагога, а съ другой мечеть, ибо и эту могилу магометане чтили не менѣе, чѣмъ евреи, приносили пожертвованія на ея содержаніе и ходили на поклоненіе ей. Исторія происхожденія этой могилы полна чудесъ: одному магометанскому пастуху, заснувшему на холмѣ, явился Езра и сказалъ: «Возвѣсти султану, чтобы онъ велѣлъ евреямъ перенести мои кости на такое-то мѣсто, иначе многихъ постигнетъ смерть». Пастухъ, лишившійся зрѣнія, снова прозрѣлъ, какъ было ему обѣщано въ видѣніи. Такъ какъ началась моровая язва, то султанъ (около 1060) велѣлъ разрыть холмъ; при этомъ былъ найденъ желѣзный гробъ съ мраморною плитой, на коей замѣчалась надпись «Езра»; гробъ перенесенъ въ Нагарь-Самару, а мѣсто получило съ того времени названіе Ал-Ацеръ. Здѣсь возникъ городъ, въ которомъ жило 1500 еврейскихъ семействъ. На гробѣ замѣчалось по временамъ красноватое пламя, распространявшее такой свѣтъ, что ночью было свѣтло какъ день. Невѣрующіе и караимы объясняли это явленіе естественными причинами, говоря, что испаренія смолообразнаго вещества, выходящія изъ земли, возгорались отъ соприкосновенія съ воздухомъ ¹⁾).

Кромѣ того, у азіятскихъ евреевъ были и другіе священные предметы: дерево, въ которому прислонялись ангелы у Авраама и которое раздѣлилось на трое, и камень, на коемъ Авраамъ совершилъ надъ собою обрѣзаніе. Всѣ эти чудесныя рассказы сложились вслѣдствіе застоя юдаизма по паденіи гаоната. Возможно, что этотъ упадокъ содѣйствоваль въ то время переходу образованныхъ евреевъ въ исламъ.

Такимъ отступникомъ былъ знаменитый багдадскій врачъ

¹⁾ Тѣже источники и Харизи Tachkemoni Pf. 34, сравн. Риттера Erdkunde X, 268; Кемпфъ сообщилъ въ Франкелевомъ Monatschrift 1860, стр. 217 и слѣд., найденное недавно стихотвореніе Харизи въ рукописи объ этой могилѣ.

Наанаиль, носившій также арабское имя Абуль-Баркачь Гибать-Аллахъ бенъ Малка ¹⁾, одинъ изъ трехъ медицинскихъ корифеевъ въ магометанскомъ государствѣ, которые имѣли одно и то-же имя, но исповѣдывали различную религію. Еврейскій Гибать-Аллахъ получилъ за свои необыкновенныя дѣянія прозваніе «единственный своего времени» (Wachid-al-Zeman). Онъ, кромѣ медицины, зналъ философію и еврейскую филологію, и, въ качествѣ еврея, составилъ комментарий къ проповѣднику (Kohelet). Сынъ любителя путешествій Ибнъ-Езры, Исаакъ, сопровождавшій своего отца въ путешествіи и оставшійся въ Багдадѣ, получилъ помощь отъ Гиббатъ-Аллаха и сложилъ высокопарное стихотвореніе въ похвалу своему благодѣтелю и сочиненному симъ послѣднимъ комментариею, воскурилъ ему өиміамъ и между прочимъ сказалъ: Соломонова книга будетъ отнынѣ называться по имени того, кто раскрылъ ея смыслъ (1143). Въ заключеніе онъ желаетъ Исааку Ибнъ-Езрѣ дожить до времени освобожденія Мессіей и увидѣть величіе новаго Іерусалима ²⁾. Но оба не стали дожидаться этого времени, простились съ еврействомъ и приняли исламъ (1160—70).

Причиною, побуждавшею Гибать-Аллаха принять исламъ, было высокомеріе. Однажды онъ исцѣлилъ сельджукскаго султана отъ тяжелой болѣзни, получилъ отъ него щедрую награду залотомъ, драгоценными тканями и лошадьми, возвратился съ торжествомъ въ Багдадъ и думалъ, что всѣ будутъ ему дивиться. Въмѣсто этого, одинъ арабскій стихотворецъ написалъ сатиру на него и бичевалъ его чрезмѣрную гордость. Теперь Гибать-Аллахъ подумалъ, что ему, какъ иновѣрцу, не воздають почестей, и потому рѣшился на старости лѣтъ принять исламъ. Но зная, что его наслѣдники (дочери) не послѣдуютъ его примѣру, и опасаясь, чтобы по

¹⁾ Abulfarag' Bar-Hebraeus historia dynastiarum, ed. Pococke, 259 и слѣд. О несомнѣнномъ тождествѣ Наанаила съ Гибать-Аллахомъ сравн. Zeitschrift der deutsch-morgenländischen Gesellschaft, Jahrgang 1859, стр. 711 и слѣд.

²⁾ Стихотвореніе сообщено Дукесомъ въ Kochbe Jizchak, 1848, стр. 21 и слѣд. Комментарій Гибать-Аллаха къ Кохелету находится также въ Bodlejana.

смерти его не ушло отъ нихъ значительное имущество, онъ выпросилъ у калифа письменное удостовѣреніе въ томъ, что имущество перейдетъ къ наслѣдникамъ. Тогда только онъ сталъ открыто исповѣдывать исламъ. Исаакъ Ибнъ-Езра, приверженный болѣе къ своему благодѣтелю, чѣмъ къ религіи, оставилъ вмѣстѣ съ нимъ еврейство. Поэтъ Харизи насмѣшливо выразился о немъ

«Сынъ Авраама черпалъ изъ источника пѣсней, блескъ отцевъ окружалъ также его; но, переселившись на Востокъ, онъ сбросилъ одежду религіи и надѣлъ чужое платье»¹⁾.

Третьимъ отступникомъ въ то время былъ Самуиль Ибнъ-Аббасъ, сынъ поэта Іегуды Фецанскаго (см. стр. 136). Любимый еврейскій стихотворецъ, основательный математикъ и философъ, Самуиль переселился на Востокъ вслѣдствіе религіознаго гоненія, воздвигнутаго Алмогадами. Между тѣмъ какъ отецъ его поселился въ Галебѣ, Самуиль избралъ мѣстомъ своего пребыванія городъ Мараггу въ Азербейджанѣ, вступилъ на службу къ тамошнему государю и наконецъ принялъ исламъ (1163), Престарѣлый Ибнъ-Аббасъ, узнавъ о религіозномъ отступничествѣ сына, съ горестью поспѣшилъ къ нему, чтобы возвратить его къ вѣрѣ отцевъ, но внезапно заболѣлъ и умеръ въ Мосулѣ. Самуиль сдѣлался заклятымъ врагомъ еврейства и своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Онъ издалъ анти-еврейское сочиненіе «Устыженіе евреевъ» («Ifcham al-Jehud, около 1165—75), въ которомъ изобразилъ въ преувеличенномъ видѣ недостатки евреевъ и утверждалъ, что послѣдніе исключили изъ священнаго писанія намеки на Магомета²⁾.

Если азіятскіе раввинисты застыли и окаменѣли въ своемъ ученіи, то караимы еще тѣмъ болѣе. По смерти обоихъ посредственныхъ учителей, Таббіи Константинопольскаго и Іегуды Гадасси (см. стр. 193), осталась у караимовъ одна только личность, пользовавшаяся нѣкоторою извѣстностью,

¹⁾ Tachkemoni, Pf. 3.

²⁾ Алкифти 'bibliotheca - philosophorum у Casiri I, 440, Abulfarag' Bar-Hebraeus, 268, Мунка Notice sur Joseph b. Jehuda, стр. 8, примѣч.

именно, Иафетъ II бенъ Саидъ, быть-можетъ изъ Бассоры и притомъ потомокъ Иафета I (процвѣталъ около 1160—1200)¹⁾. Онъ только потому имѣетъ значеніе, что приставилъ хроному караимству деревянную ногу, на которой оно и ковыляло кое-какъ до нашихъ временъ. Караимство, не смотря на четырехъ-сотъ-лѣтнее существованіе, не могло свести юдаизмъ къ чисто библейской нормѣ; напротивъ, караимы, при всемъ своемъ стараніи устранить талмудическое преданіе, заимствовали изъ него многое, что оказывалось безусловно необходимымъ. Поэтому караимскихъ мыслителей мучилъ вопросъ: откуда взялись въ караимствѣ традиціонные элементы, не имѣющіе для себя основанія въ библіи? Иафетъ Бенъ Саидъ далъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, т. е. измыслилъ искусную увертку. Въ сочиненіи «Преданіе ученія» (на Атакат на-Торах, напис. 1167) онъ высказываетъ слѣдующее положеніе: Еврейство сохранилось въ чистотѣ до временъ Гиллеля и Шаммаи; въ ихъ уже школахъ возникло различіе мнѣній объ истолкованіи закона и его пространствѣ. Гиллелиты высказались вообще въ утвердительномъ смыслѣ, шаммаиты-же въ отрицательномъ. Между тѣмъ какъ раввинисты послѣдовали Гиллелю и его школѣ, караимы держались Шаммаи и сдѣлались поэтому хранителями чистаго еврейства. Иафетъ измыслилъ основанную на чистѣйшихъ вымыслахъ

¹⁾ Объ Иафетѣ бенъ Саидѣ и о различіи его съ Иафетомъ бенъ Саггиромъ сравн.: Dod Margochai с. 9 и Пинскера Likute Kadmonijot текстъ 222 и примѣч. 185 и слѣд. Время, когда написано его сочиненіе, и, слѣдовательно, время его процвѣтанія, легко опредѣлить изъ приведеннаго Пинскеромъ извлеченія. Сочиненіе написано въ 413 г. отъ эпохи отдѣленія караимской секты, послѣдовавшаго, по мнѣнію самого Иафета, въ 136 г. геджиръ = 754. Слѣдовательно, сочиненіе написано въ 1167. Этотъ же годъ получится, если исправить другую приведенную имъ цифру года отъ разрушенія храма. Число אלף וע"ה לחובן совершенно невѣрно; слѣдуетъ читать: ת"ץ = 1098 отъ разрушенія храма; послѣднее случилось въ 69 году отъ Р. Х., слѣдовательно, опять получится 1167. Въ этомъ году писалъ Иафетъ бенъ Саггиръ. Такимъ образомъ разрѣшается встрѣченное Пинскеромъ затрудненіе. Что Иафетъ написалъ свое сочиненіе не 1145, какъ утверждаетъ Пинскеръ, видно уже изъ того, что онъ зналъ книгу כ"ד ק"ר , написанную лишь въ 1140—1141 (стр. 149). Невозможно, чтобы эта книга въ столь короткое время перешла изъ Испаніи на Востокъ и распространилась между Караимами.

послѣдовательность преданій, начиная отъ Шаммаи и оканчивая Ананомъ. Но такимъ образомъ онъ рѣшилъ, что талмудическіе элементы въ караимствѣ происходятъ отъ Шаммаи и его школы. Это, вообще ложное и неискusstvenное, положеніе утвердилось въ караимскомъ кружкѣ. Зданіе караимства было такъ слабо, что для поддержанія его было достаточно гнилыхъ подпоръ.

Какъ египетскіе магометане были въ царствованіе Фатимидовъ отлучены отъ своихъ азіятскихъ единовѣрцевъ въ аббасидскомъ калифатѣ, такъ точно еврейско-египетскія общины не имѣли общенія съ азіятскими. У нихъ былъ свой, признаваемый калифомъ, верховный глава, соединявшій въ себѣ религіозную и судебную власть, носившій титулъ Нагида (по-арабски Рейсъ) и бывшій, такъ сказать, египетскимъ экилархомъ. Нагидъ имѣлъ власть назначать или утверждать раввиновъ и запѣвалъ, опредѣлять за проступки и преступленія денежную пеню, бичеваніе или тюремное заключеніе. За отправленіе своихъ обязанностей онъ получалъ содержаніе отъ общинъ, а также пошрины за выдачу судебныхъ документовъ ¹⁾. Въ то время Нагидомъ былъ Р. Нааанаиль ²⁾, имѣвшій арабское имя Гибать-Аллахъ Ибнъ-Алгами и бывшій лейбъ-медикомъ послѣдняго египетскаго калифа изъ династїи Фатимидовъ, Аладгида, а потомъ Саладина. Ибнъ-Алгами обладалъ высокимъ образованіемъ и обширными познаніями. Онъ отлично говорилъ по-арабски и написалъ много медицинскихъ сочиненій, между прочимъ наставленіе на пользу душѣ и тѣлу и о климатѣ Александріи. Рассказываютъ, что онъ остроумнымъ способомъ доказалъ мнимую смерть одного человѣка, котораго уже хотѣли похоронить. Этотъ много-

¹⁾ Видно изъ данныхъ, приводимыхъ Давидомъ Ибнъ-Аби-Симра (Radbas) *Responsa*, ed. Venet., № 622, II, стр. 5.

²⁾ Тожественность упоминаемаго Веіаминномъ Нааанаила изъ Мисры, «князя» и слуги калифа, съ Ибнъ-Алгами, котораго арабскіе писатели называютъ Гибать-Аллахомъ (Sacy *Abdellatif*, стр. 42, примѣч. 13), доказывается тождествомъ имени и мѣстности (срав. выше на стр. 309). Цуацъ уже предполагалъ это въ В. Туд., изд. Апера, II, стр. 254.

ученый мужъ руководилъ также школою въ египетской столицѣ, но не прославился какъ знатокъ талмуда.

Главная община, состоявшая изъ 2000 еврейскихъ семействъ, между коими были очень зажиточныя, находилась, конечно, въ Каирѣ (Новый Мисръ), гдѣ имѣла двѣ синагоги, въ которыхъ соблюдался различный чинъ обрядовъ: въ одной палестинскій, въ другой вавилонскій (иранскій). Согласно первому, кругъ субботнихъ чтеній изъ пятикнижя былъ трехлѣтній; согласно второму — годовый. Только въ недѣльные праздники и въ день дарованія еоры, обѣ общины совершали вмѣстѣ богослуженіе. Въ Каирѣ существовала также караимская община, болѣе многочисленная, чѣмъ раввинистская. Она также имѣла своего верховнаго главу, который совмѣщаль судебную и религіозную власть и имѣлъ титулъ князя (Насси, рейсъ). Въ то время такими главами были послѣдовательно Хискія и Соломонъ I (около 1160—1200), которые своимъ родоначальникомъ считали Анана ¹⁾. Нѣкоторые караимы въ Египтѣ пользовались уваженіемъ при дворѣ и вообще преобладали надъ раввинистами ²⁾.

Въ Фостадѣ (Старомъ Каирѣ) изстари существовала значительная община. Но когда визирь Шаверъ, боясь нападенія христіанскаго короля Амальриха Іерусалимскаго, сжегъ городъ ³⁾, тогда, конечно, евреи переселились вмѣстѣ съ прочими жителями въ лежавшую близко столицу. Вторая главная община, состоявшая изъ 3000 семействъ, жила въ Александріи; раввиномъ у нея былъ Пинегасъ бенъ Мешуламъ ⁴⁾ изъ Прованса, — до такой степени египетское еврейство было тогда бѣдно талмудическими авторитетами. Въ Александріи была также и караимская община ⁵⁾. Большая община су-

1) Сравни. *Dod Margochai* с. 6 и Пинскера примѣчанія стр. 52 и слѣд.

2) Видно изъ данныхъ, приводимыхъ Нахмани въ его большемъ посланіи къ французскимъ раввинамъ, а также изъ свѣдѣній Іакова Пражскаго у *Asulaf sub voce Maimuni*.

3) Вейля *Chalifen*, III, 329.

4) Сборникъ писемъ Маймонида, изд. Амстерд., стр. 18 и слѣд.

5) Видно изъ данныхъ Харизи, *Tschkemoni*, Pf. 46.

ществовала еще въ Вилбеисѣ (на востокъ отъ Нила); она состояла изъ 3000 членовъ и также сильно пострадала отъ вторженія Амальриха ¹⁾. Меньшія общины находились въ Дамирѣ 700, Махале 500, Манифитѣ 200, и столь же малочисленныя въ Бубаигѣ и портовомъ городѣ Даміеттѣ. Въ Фаюмѣ, мѣстѣ рожденія Саадіи, жило тогда не болѣе 20 еврейскихъ семействъ.

Уровень культуры египетскихъ евреевъ былъ въ то время не выше, чѣмъ у ихъ азіатскихъ братьевъ. Они ничѣмъ не обогатили еврейской литературы. Низшій классъ народа до такой степени былъ невѣжественъ относительно источниковъ своей религіи, что принялъ многіе караимскіе обычаи, даже такіе, которые прямо противорѣчили талмудическому еврейству ²⁾. И въ египетскихъ общинахъ были мѣста, привлекавшія много паломниковъ. Въ Димугѣ, близъ Фостада, недалеко отъ пирамидъ, показывали Моисееву синагогу, будто бы построенную великимъ пророкомъ и возобновленную по разрушеніи Титомъ Іерусалима. Около этой синагоги росло чрезвычайно высокое, вѣчно зеленое дерево съ стройнымъ стволомъ. По мнѣнію египетскихъ евреевъ, это дерево выросло изъ Моисеева жезла. Въ недѣльные праздники египетскіе евреи отправлялись въ Димугъ, дабы помолиться въ знаменитой синагогѣ ³⁾. И именно изъ этой страны незнанія вышелъ для еврейскаго племени второй Моисей, который былъ призванъ возвѣститъ очищенный юдаизмъ, объявить лжевѣрію безошадную войну и разсѣять мракъ невѣдѣнія. Благодаря Моисею Маймониду, Египетъ сдѣлался центромъ еврейства.

¹⁾ Вейля, вышеприв. сочин.

²⁾ Маймонида Responsa Peer ha-Dor, № 152.

³⁾ В. Тудельскій, Макриси въ Sacy Abdellatif, стр. 245 и слѣд.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Отъ издателя.....	III
Введеніе.....	V

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Паденіе Гаоната и первый раввинскій вѣкъ, эпоха Ибнъ-Нагрелы и Ибнъ-Гебирылы.

Гаонъ Р. Гай, его характеръ и образованіе. — Самуилъ бенъ Хофни. — Хискія, послѣдній гаонъ. — Африканская община, Р. Хананель и Р. Ниссинъ, ихъ дѣятельность и произведеніе. — Государственный мужъ, поэтъ и раввинъ Самуилъ Ибнъ-Нагрела. — Грамматикъ Иона Ибнъ-Ганахъ и его значеніе..... 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эпоха Ибнъ-Нагрелы и Ибнъ Гебирылы.

Ибнъ-Гебирыла, его жизнь, характеръ, пѣсни и философія. — Государственный дѣятель Іекутиель Ибнъ-Гассанъ. — Бахья (Бехая) и его философія нравственности. — Виблейскій критикъ Ицхаки Ибнъ-Язусъ. — Поэтъ Іосифъ бенъ-Хазданъ. — Смерть Самуила Ибнъ-Нагрелы. — Его сынъ Іосифъ, характеръ его и трагическій конецъ. — Еврейскій государственный дѣятель и поэтъ Абуфадль бенъ-Хазданъ. — Смерть Ибнъ-Гебирылы. — Французскія и нѣмецкія общины; Іосифъ Тобъ Элемъ, братья Менагеиъ бенъ-Хелбо и Симоиъ Кара. — Р. Моисей изъ Нар-

бонны. — Лотарингскіе ученые. — Вормская синагога. — Яковъ бень-Якаръ, Исаакъ Галеви и Исаакъ бень-Иегуда.—Книга Зоровавеля.— Евреи въ Богеміи и Польшѣ. — Караймы..... 30

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Второй раввинскій вѣкъ. Эпоха Исааковъ и эпоха Ицзаки.

Исаакъ Ибнъ-Албалія, его положеніе и дѣятельность. — Исаакъ Ибнъ-Гіатъ, Исаакъ Алфасси. — Раши, жизнь его, дѣятельность и школа. — Евреи въ Италіи; Р. Натанъ изъ Рима. — Евреи въ христіанской Испаніи. — Еврейскіе совѣтники, Исаакъ Ибнъ-Шалбибъ и Циделлій. — Императоръ Генрихъ IV и папа Григорій VII въ отношеніи къ евреямъ. — Альфонсъ Кастильскій и его еврейскіе совѣтники. — Смерть Ибнъ-Шалбиба, Ибнъ-Гіата и Ибнъ-Албаліи. — Алфасси въ Испаніи. — Караймы въ Испаніи. — Ибнъ-Атарасъ; Іезуа Абу-Алфарагъ. — Преслѣдованіе караймовъ Іосифомъ Алкабри. — Циделлій въ немилости..... 72

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первый крестовый походъ и его бѣдствія.

Положеніе Евреевъ въ Германіи до крестоваго похода. — Община въ Шпейерѣ и Генрихъ IV. — Трирскіе и шпейерскіе мученики. — Эммерихъ лейнингенскій и майнцскіе мученики. — Кровавое преслѣдованіе общины Кельна въ окрестностяхъ этого города. — Страданія богемскихъ евреевъ. — Жалкая смерть іерусалимскихъ евреевъ. — Справедливость императора Генриха въ отношеніи къ евреямъ. — Возвращеніе крещенныхъ насильно. — Уладокъ германскихъ евреевъ. — Смерть Алфасси и Раши..... 101

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Третій раввинскій вѣкъ. Эпоха Иосифа Ибнъ-Минаша и Иегуды Галеви, Ибнъ-Эзры и Р. Тамса. Наивысшій пунктъ еврейско-испанской культуры.

Положеніе евреевъ въ правленіе Алморавидовъ. — Еврейскіе визири, Ибнъ-Алмуаллемъ, Ибнъ-Камніаль, Ибнъ-Магагаръ. — Полицеймейтеръ и астрономъ Авраамъ бенъ-Хія. — Раввины Иосифъ Ибнъ-Сагалъ, Барухъ Ибнъ-Албалія, Иосифъ Ибнъ-Цадикъ, Иосифъ Ибнъ-Мигашъ. — Поэты: Ибнъ-Тоббенъ, Ибнъ-Цаклебъ и Ибнъ-Эзра. 121

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Абулгассанъ Иегуда Галеви.

Его біографія, юношескія произведенія и общественное положеніе. — Его значеніе, какъ поэта; его Сіониды. — Его философская система въ книгѣ Хоцари. — Его стремленіе къ Святой Землѣ. — Его путешествіе. — Его пребываніе въ Египтѣ. — Князь Самуиль Алмансуръ. — Пребываніе Иегуды въ Іерусалимѣ. — Его жалобы на тѣлность и его послѣдніе Сіониды. — Его смерть и сага о ней. 143

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Третій раввинскій вѣкъ (продолженіе). Преслѣдованія втораго крестоваго похода и Алмогадовъ.

Состояніе сѣверо-французскихъ общинъ. — Еврейскіе право. — Натанъ Оффиціальъ и диспуты его съ прелатами. — Школа Тоссафистовъ. — Иосифъ Кара. — Мартирологій Еліазара бенъ-Натана. — Второй крестовый походъ. — Петръ Венерабилисъ и монахъ Рудольфъ. — Бернгардъ де - Клерво и императоръ Конрадъ, покровитель евреевъ. — Воздѣйствіе преслѣдованія на духъ германскихъ евреевъ. — Преслѣдованіе Алмогадовъ. — Абдулмумень и его здиктъ. — Князь Иегуда Ибнъ-Эзра. — Караймы въ Испаніи. — Иегуда Гадасси. — Историкъ Авраамъ Ибнъ-Даудъ и его религіозная философія. — Авраамъ Ибнъ-Эзра и его произведенія. — Р. Тамъ и синадально-раввинскія предписанія 172

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

*Четвертый раввинскій вѣкъ. Эпоха Маймонидавъ.
Обзоръ.*

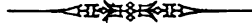
Испанскіе евреи; Толедо; Иосифъ Ибнъ-Шошанъ; Авраамъ Ибнъ-Ал-фахаръ; поэтъ Харизи. — Мученическая смерть Авраама Ибнъ-Дауда и еврейка Формоза Рахиль. — Шешеть Бенвенисти, поэтъ Авраамъ бенъ-Хаздаи. — Путешественникъ Веніаминъ Тудельскій. — Серахья Галеви Гиронди, Провансъ; Нарбонна; Авраамъ бенъ-Исаакъ и Кимхиды. — Общины Безье, Монпелье и Люнеля; Мешулламъ бенъ-Іаковъ и его сыновья. — Іонасанъ Когенъ и Тиббониды. — Общины въ Покьерѣ и Авраамъ бенъ-Давидъ. — Покровительствовавшій евреямъ графъ Раймундъ С.-Жильскій и Тулузскій и Исаакъ бенъ Абба Марри. — Община Марсельская. — Филиппъ-Августъ и первое изгнаніе евреевъ изъ сѣверной Франціи. — Тоссафистъ Исаакъ старшій (Ри). — Мученики брайскіе. — Упадокъ сѣверо-французскихъ евреевъ. — Симсонъ Савскій и Іегуда Сиръ Леонъ Благочестивый. — Книга благочестивыхъ. — Евреи въ Англіи; Іаковъ Орлеанскій. — Избѣненіе евреевъ въ Лондонѣ. — Ричардъ Львиное Сердце. — Избѣненіе евреевъ въ Англіи. — Осада іоркскихъ евреевъ. — Іоаннъ Безземельный и еврей 227

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Обзоръ (продолженіе).

Евреи въ Германіи и отношенія ихъ къ императору. — Рабство. — Золотой жертвенный пфеннигъ. — Послѣдніе слѣды самостоятельности евреевъ. — Преслѣдованія. — Раввинско-нѣмецкая школа; Елеазаръ Мецскій. — Іегуда Благочестивый Регенбургскій. — Мартирологія Ефраима Боннскаго. — Миннезенгеръ Зюскиндъ Тримбергскій. — Петахья, путешественникъ. — Итальянскіе евреи. — Папа Александръ II. — Евреи въ Византійской имперіи. — Общины въ Сиріи и Палестинѣ. — Багдадская община. — Возобновленный экзилархатъ. — Князь изгнанія Самуиль Хаздаи. — Мосульская община. — Воинственные евреи въ Азербейджанѣ. — Лже-Мессія Давидъ Алрун. — Воинственный еврей-

скія племена около Нишабура. — Сузская община и могила Дани-
ла. — Евреи въ Индіи. — Свободныя еврейскія племена въ Аравіи. —
Князь изгнанія Даниль и глава школы Самуиль бей-Али. — Та-
тары, какъ еврейскіе прозелиты. — Могила пророка Іезекиеля, какъ
цѣль паломничества. — Могила Езры. — Еврейскіе вѣроотступники,
принявшіе исламъ: Наоанаиль Гибать-Аллахъ Абулбаркатъ, Исаакъ
Ибнъ-Езра и Самуиль Ибнъ-Аббасъ. — Караимы; Іафетъ бей Са-
идъ. — Египетскія общины и глава ихъ (Nagid); Наоанаиль Ги-
бать-Аллахъ Алгати. — Каранскія общины въ Египтѣ. — Моисеева
синагога въ Димутѣ..... 274

893.19
G75712

893.19
G75712

893.19
G75712

